Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (67)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2022

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 3 (67). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 262 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 3 (67)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2022

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 3 (67). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2022. – 262 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Васильева Е.В., Коршунов А.В., Останина Е.В. Проблемы проектирования модели развития креативных индустрий в России 9
Камскова И.Д. Моделирование сегментирования целевой аудитории онлайн-школы 15
Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика 22
Мизиковский И.Е. Разработка контрольно-оценочных инструментов системы бухгалтерского управленческого учета промышленного предприятия 31
Салмин П.С., Салмина Н.А. Унификация показателей ликвидности коммерческой организации 38
Трофимов О.В., Саакян А.Г. Политика импортозамещения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса России 44
Цветкова И.Ю., Копасовская Н.Г., Большакова И.В., Кундина Л.Ю. Исследование поведения потребителей в цифровой среде для оценки влияния цифровизации на качество жизни населения 50
Шор И.М. Государственно-частное партнерство как драйвер развития дорожной сети 63

Социологические науки

Иудин А.А., Шпилев Д.А., Кутявина Е.Е. Отношение населения Нижегородской области к проблемам наркотизации общества 69
Блинова Т.В., Былина С.Г. Современные тенденции демографического развития Саратовской области 82
Гараева Э.И., Гилева И.С., Калугина Д.А. Отношение обучающихся старших классов к предпринимательству и перспективам открытия собственного дела: материалы социологического исследования 91
Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Социокультурные аспекты приверженности россиян моделям коллективистского и индивидуалистического поведения: медиагеографические подходы в социологии 101
Софронова Ю.Л., Теодорович М.Л. Муниципальная система школьного питания в Нижнем Новгороде: оценка качества управления по критериям концепции good governance (правовой и партисипаторный подходы) 114
Галкин К.А. Практики здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности после COVID-19 126
Шалютина Н.В., Кавлис Я.В. Сообщества в социальных сетях как фактор формирования ценностно-мотивационных и поведенческих компонентов экокультуры (на примере нижегородского экоактивизма) 135
Криворотова Т.А. Правовое просвещение как инструмент вовлечения населения в решение задач нацпроектов на территории муниципальных образований Нижегородской области 143
Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт 154
Колосова Г.В. Трансформация социального обслуживания пожилых в Санкт-Петербурге в направлении организации долговременного ухода на дому 159
Терешонок Т.А. Институциональное регулирование формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности 168
Широкалова Г.С., Пронина Е.И. Образование как социальный лифт 177

Педагогические науки

Акутина С.П., Беганцова И.С., Щелина Т.Т. Организация воспитательной деятельности кафедры в современном вузе: проблемы, поиски новых форм взаимодействия 182
Зеркина Н.Н., Савинова Ю.А. Проект EXTEND как один из способов повышения качества инженерного образования и его интернационализации 188

Кручинина Г.А., Седов Д.С. Содержание управленческих компетенций и оценка их значимости студентами направления подготовки «Физическая культура» в условиях цифровой информационно-образовательной среды 196
Цзинцзюань Лю Путь трансформации роли преподавателя в дистанционном обучении в период пандемии 202
Митрофанов В.В. Оценки деятельности видного педагога-теоретика Н.Х. Весселя и его увлечение искусством 208
Провоторова Н.В. Концепция формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности: теоретический аспект 216
Тавед И.А., Емельянова И.Е. Развитие социального интеллекта детей дошкольного возраста в ДОО 223
Шадрина Е.В. Использование метода интеллектуального анализа данных для прогнозирования академически рискованных студентов в зависимости от их темперамента (на примере факультета ИМиКН в НИУ ВШЭ–Нижний Новгород) 229
Видревич М.Б., Первухина И.В. Проблемы подготовки специалистов для государственного управления России 238
Тащёва А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р., Киценко Н.В. Особенности адаптивности студентов с ограниченными возможностями здоровья 246

Из жизни университета

Кузьмин В.Г., Орлова Е.А., Летягина Е.Н., Гутко А.В., Андрющенко Л.Б. 20-летие факультета физической культуры и спорта ННГУ: история и стратегия развития 258

CONTENTS

Economic sciences

Vasilieva E.V., Korshunov A.V., Ostanina E.V. Problems of design model for creative industries development in Russia 9
Kamskova I.D. Modeling segmentation of the target group of online school 15
Kamarova T.A., Tonkikh N.V. Digital employment: classification and gender specificity 22
Mizikovsky I.E. Development of control and evaluation tools for the management accounting system of an industrial enterprise 31
Salmin P.S., Salmina N.A. Unification of liquidity indicators of a commercial organization 38
Trofimov O.V., Saakyan A.G. Import substitution policy at the enterprises of the Russian military-industrial complex 44
Tsvetkova I.Yu., Kopasovskaya N.G., Bolshakova I.V., Kundina L.Yu. Study of consumer behavior in the digital environment to assess the impact of digitalization on the quality of life of the population 50
Shor I.M. Public-private partnership as a driver of road network development 63

Sociological sciences

Iudin A.A., Shpilev D.A., Kutyavina E.E. Attitudes of the population of the Nizhny Novgorod region to the problems of drug use in society 69
Blinova T.V., Bylina S.G. Modern trends in the demographic development of the Saratov region 82
Garaeva E.I., Gileva I.S., Kalugina D.A. The attitude of high school students to entrepreneurship and the prospects of starting their own business: materials of a sociological study 91
Nikolaychuk I.A., Yanglyaeva M.M., Jacova T.S. Sociocultural aspects of Russians' commitment to models of collectivist and individualistic behavior: mediageographical analysis 101
Sofronova Y.L., Teodorovich M.L. School nutrition system in Nizhny Novgorod: assessment of the quality of municipal government according to the criteria of the good governance concept (rule of law and participation) 114
Galkin K.A. Health-saving practices of older people in rural areas after COVID-19 126
Shalyutina N.V., Kavlis Y.V. Communities in social networks as a factor in the formation of value-motivational and behavioral components of eco-culture (the example of Nizhny Novgorod eco-activism) 135
Krivorotova T.A. Legal education as a tool for involving the population in solving the tasks of national projects in the territory of municipalities of the Nizhny Novgorod region 143
Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social lifts 154
Kolosova G.V. Transformation of social services for the elderly in St. Petersburg in the direction of organizing long-term care at home 159
Tereshonok T.A. Institutional regulation of the formation of the motivational environment of cadets of military higher education institutions in the process of preparation for military professional activities 168
Shirokalova G.S., Pronina E.I. Education as a social lifts 177

Pedagogical sciences

Akutina S.P., Begantsova I.S., Shchelina T.T. Organizing the educational activities at the department of a modern university: problems, search for new forms of interaction 182
Zerkina N.N., Savinova Yu.A. EXTEND project as one of the ways to improve quality engineering education and its internationalization 188
Kruchinina G.A., Sedov D.S. The content of management competences and assessment of their significance by students of the training direction «Physical education» in the conditions of the digital information and educational environment 196
Jingjuan Liu The path of transforming the role of a teacher in distance learning during the pandemic 202
Mitrofanov V.V. Evaluations of the activities of the outstanding theoretic teacher N.Kh. Vessel and his culturological passion 208
Provotorova N.V. The concept of forming the readiness of future specialists in the field of public administration for innovation: theoretical aspect 216

Taved I.A., Emelyanova I.E. Development of social intelligence of preschool children in the digital educational environment of the preschool educational organization 223
Shadrina E.V. Using the method of data mining to predict academically risky students depending on their temperament (using the example of the IM&CS faculty at NRU HSE–Nizhny Novgorod) 229
Vidrevich M.B., Pervukhina I.V. Challenges of training professionals for Russian public sector 238
Tashcheva A.I., Gridneva S.V., Arpentieva M.R., Kitsenko N.V. Features of adaptability of students with disabilities 246

From the life of the university

Kuzmin V.G., Orlova E.A., Letyagina E.N., Gutko A.V., Andryushenko L.B. History and development strategy of the faculty of physical culture and sports of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod 258

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332
DOI 10.52452/18115942_2022_3_9

ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РОССИИ

© 2022 г.

Е.В. Васильева, А.В. Коршунов, Е.В. Останина

Васильева Елена Васильевна, д.э.н.; профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета
vasselena@mail.ru
Коршунов Алексей Владимирович, к.соц.н.; заведующий кафедрой туризма Московского государственного университета спорта и туризма
5026567@mail.ru
Останина Екатерина Владимировна, соискатель кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета
ostanina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.05.2022
Статья принята к публикации 18.07.2022

Статья посвящена вопросам развития креативного сектора экономики в РФ, которые рассматриваются в контексте международного опыта, накопленного за последние десятилетия. Целью работы является стремление обозначить проблемы проектирования модели развития креативных индустрий и обосновать необходимость разработки механизмов и инструментов стимулирования креативного сектора экономики на национальном и региональном уровнях в России. Авторами проанализированы существующие возможности для формирования национальной модели креативных индустрий в РФ, определены потребности в развитии методологии и практического инструментария для проектирования модели развития креативных индустрий на региональном и национальном уровнях. Методология исследования опирается на системный подход и включает метод сравнительного исследования, понятийно-терминологический анализ, индуктивное обобщение, проблемный метод. Предлагаемые выводы исследования о необходимости разработки методических рекомендаций по использованию механизмов создания и развития экосистемы креативного сектора экономики в регионах РФ, а также формированию творческих специалистов могут использоваться для развития методологической базы проектирования модели развития креативных индустрий в РФ.

Ключевые слова: креативные индустрии, проектирование, индустриализация культуры, ЮНЕСКО.

Введение

В последние десятилетия креативные индустрии являются одним из перспективных направлений экономической деятельности в мире. Креативные индустрии представляют собой сектор экономики, который формируется за счет добавленной стоимости и регулируется за счет прав на интеллектуальную собственность. Сектор креативных индустрий создает 1% рабочих мест и показывает 3% мирового ВВП [1]. К числу позитивных эффектов от развития креативных индустрий следует отнести не только создание рабочих мест, но и рост малого и среднего предпринимательства, развитие человеческих ресурсов и формирование новых профессий, создание возможностей для внедрения новаций, повышение объемов несырьевого экспорта. Кроме того, креативные индустрии оказывают большое влияние на развитие территории, включая инфраструктуру, тем самым способствуя повышению качества жизни.

По данным на 2019 г., лидерами креативных индустрий были Китай и США – 7% ВВП, на втором месте Италия – 6.1% ВВП, на третьем месте Великобритания и Австралия – по 5.8% ВВП; далее идут Канада – 2.7% ВВП и Бразилия – 2.6% ВВП. В России и Германии данный показатель приближается к среднемировому значению 3% [2].

Кризис пандемии COVID-19 серьезно отразился на развитии креативного сектора мировой экономики. По оценке американского социолога Ричарда Флориды, за 1 апреля – 31 июля 2020 г. креативные индустрии США потеряли треть рабочих мест, а упущенная выгода от продаж составила 9% от годового объема [3].

Для ряда стран, включая Россию, этот вид деятельности достаточно новый, поэтому испытывает не только проблемы финансирования, но

и трудности формирования системы управления, институционального строения, нормативно-правовой базы и подготовки кадров, которые особенно обострились в период пандемии COVID-19. Одной из характерных для России проблем является неравномерное распределение деятельности креативных индустрий в рамках географии страны. Регионами – лидерами сектора являются Москва и Санкт-Петербург, что подтверждается численностью занятых работников в сфере креативных индустрий. Так, в Москве и Санкт-Петербурге с небольшим отрывом количество занятых работников в креативном секторе составляет порядка 13.6% [4].

Проблемы и перспективы развития креативных индустрий за рубежом и в России

Понимание того, что из себя представляют креативные индустрии, в современной науке окончательно не сложилось, но большинству ученых, политиков и экономистов уже понятно, что основным ресурсом для развития креативных индустрий являются ресурсы культуры. И здесь очень важно определиться с пониманием того, что мы считаем культурой. Интерпретация понятия культуры как системы, включающей материальное, духовное и художественное измерение, отражающей все, что создано в процессе человеческой деятельности, позволяет говорить о том, что культура со времени своего появления уже является предметом хозяйственной деятельности, поскольку первоначально предметы искусства носили утилитарный характер в эпоху первобытности и Средневековья и только в эпоху Возрождения различные виды искусства начинают отрываться от своей утилитарной основы [5]. На современном этапе развития человечества произведения, созданные под влиянием художественного импульса, становятся творением, имеющим цель удовлетворять только художественные потребности общества. По мнению М.С. Кагана, «выделение художественного производства связано прежде всего с формированием общественного разделения труда, в том числе отделения умственного труда от физического, дифференциации различных областей духовной культуры» [6]. Однако этот процесс отделения искусства от других форм материальной и духовной культуры, начавшись еще в Древней Греции, не закончился до сих пор. Таким образом, нет возможности провести четкую границу между сферой художественного творчества и всеми другими сферами человеческой жизнедеятельности. Предметы творческой деятельности человека, способы производства и потребления вызывают большой интерес со стороны экономической науки, особенно в середине XX века. Основателями научного направления экономики культуры следует считать У. Баумоля, У. Боуэна (1966), Г. Беккера (1982), идеи которых были продолжены американскими, английскими и голландскими учеными (Р. Флорида, Р. Тоус, М. Вейц, Д. Хейлбрун, Д. Хезмондалш, Б. Мьеж, Т. Адорно и М. Хоркхаймер и др.). Исследования названных авторов были направлены на осмысление особенностей финансирования сферы культуры со стороны государства и коммерциализации творческой деятельности. Вопросами потребления и производства продуктов искусства, формированием учебной литературы по экономике культуры в 90-е годы XX в. занимались австралийские и французские исследователи Д. Тросби (1994) и Ф. Бенаму (2000).

Благодаря активной деятельности экономистов, социологов и политологов в области изучения процессов развития массовой и элитарной культуры, а также реализации политики демократизации культуры после Второй мировой войны, которая была направлена на обеспечение при государственной поддержке доступности потребления благ культуры для отчужденных слоев населения, была разработана концепция культурных индустрий. Политика демократизации культуры способствовала активации двух процессов трансформации сферы культуры, а именно индустриализации[1] и коммодификации[2] [7, с. 20–22].

Массовый характер данное явление приобретает по инициативе ЮНЕСКО в рамках программы обеспечения доступности к ресурсам и инвестициям в сфере культуры [8]. Британский ученый Д. Хезмондалш проанализировал политику ЮНЕСКО и выявил следующие ее направления:

1) формирование вкусов и предпочтений населения в сфере культуры посредством коммерциализации культуры и организации культурного производства;

2) развитие системы государственной поддержки сетей распространения культурной продукции (субсидии для малого и среднего бизнеса);

3) создание новых рабочих мест в регионах с потерей традиционной индустриальной занятости [9].

Политика ЮНЕСКО в области индустриализации культуры действительно стала инструментом для решения социальных и экономических задач, ее поддержали не только на уровне правительства, но и в различных слоях общества разных стран. В европейских странах эта политика носила компенсаторный характер и применялась наиболее активно в связи с пере-

мещением промышленного производства в зарубежные офшоры и освобождением рабочей силы. Ресурсы культуры активно использовались для развития туризма и тех видов деятельности, которые были направлены на городское благоустройство.

Таким образом под влиянием культурной политики ЮНЕСКО произошла коммерциализация ресурсов культуры, что способствовало привлечению частного капитала, возникновению различных форм предпринимательства и конкуренции в сфере культуры, а также объединение новых видов экономической деятельности в рамках культурных индустрий. В 1997 г. для удержания своих позиций на фоне растущей конкуренции культурных индустрий во всем мире правительство Великобритании декларирует новую политику креативных индустрий [10].

На фоне реализации политики креативных индустрий в обиход широко вошли такие термины, как креативная экономика, креативные кластеры, креативные города, креативный класс. В своем развитии креативные индустрии ставят акцент на индивидуальной креативности рабочих ресурсов, расширении сфер экономической деятельности на базе создания и коммерциализации интеллектуальной собственности. Новый подход Великобритании к индустриализации культуры показал возможности перевода дотационной сферы культуры в движущий сектор экономики страны.

В 2009 году ЮНЕСКО поддержала новую политику коммерциализации ресурсов культуры Великобритании и опубликовала определение креативных индустрий: «креативные индустрии – отрасли экономики, которые сочетают в себе создание, производство и коммерциализацию творческого содержания нематериального и культурного характера» [11]. Предположение ЮНЕСКО было поддержано как политиками, так и учеными и деятелями культуры по причине схожести интересов тех и других в необходимости обоснования новых направлений и форм деятельности в условиях новых экономических трансформаций и цифровой революции. Список креативных индустрий сегодня включает следующие виды деятельности: «архитектура, ремесла, исполнительские виды искусства, дизайн, интерактивное программное обеспечение, мода, рынок искусств и антиквариата, музыка, производство фильмов и видео, издательское дело, телевидение и радио, программные и компьютерные услуги, реклама» [11].

В мире уже сложилось несколько моделей развития креативных индустрий – британская, американская, скандинавская, восточноазиатская [12].

Специфика американской модели в том, что на государственном уровне США не сформулировали национальную политику развития культурных и креативных индустрий. Стратегии развития креативных индустрий разрабатываются для отдельных муниципалитетов на фоне национального движения «креативный город». А опыт и проблемы развития культурных и креативных индустрий рассматриваются и обобщаются академическим сообществом, общественно-профессиональными организациями данной сферы. Креативный сектор массовой культуры развлечений и культурный сектор субсидируемых и неприбыльных искусств экономике не противоречат и не конкурируют друг с другом. В рамках интеграции культуры, науки, предпринимательства и креативности создаются многие инновации в США. Сектор креативных и культурных индустрий активно участвует в развитии предпринимательской культуры (внутренний туризм, городское брендирование, частные инвестиции в развитие культурной инфраструктуры), а также формировании креативного типа рабочей силы согласно концепции «The Rise of the Creative Class» Ричарда Флориды [13].

В отличие от американской модели скандинавская модель креативных индустрий развивалась централизованно под эгидой государства.

Стратегия развития культурного и креативного сектора экономики базируется на четырех основных тезисах:

1) обучение креативному предпринимательству в культуре;

2) грантовая и инвестиционная поддержка креативного предпринимательства в культуре;

3) создание креативных кластеров;

4) развитие территории посредством создания креативных пространств на базе местных региональных инициатив.

Восточноазиатская модель сформировалась на фоне интенсивных социально-культурных изменений, повышения экспортного потенциала на основе сервисных услуг мегаполисов, развития информационных технологий и геополитического возвышения Китая. В восточноазиатских странах стратегии развития креативных индустрий разрабатывались для модернизации инфраструктуры и продвижения городов-мегаполисов, например стратегия модернизации Сингапура была связана с формированием бренда города, в рамках которого Сингапур рассматривался как «город Возрождения для искусств и культуры». Используя британский опыт развития креативных индустрий, Гонконг, Тайвань, Южная Корея и Китай внесли свой вклад в развитие этого сектора экономики. Креативные индустрии и культурные индустрии

рассматриваются как единое целое, поскольку креативные индустрии развиваются используя ресурсы культуры Китая. Вместе с тем они имеют свои различия, поскольку культурные индустрии используются в качестве «мягкой силы» и направлены на продвижение культуры Китая за рубежом, поэтому финансируются государством, а креативные индустрии обозначают интересы частного бизнеса и часто используют и копируют опыт европейских, британских и американских креативных корпораций.

В России на современном этапе развития еще нельзя сказать о том, какая модель креативной экономики из уже существующих в мире и описанных выше складывается. Формирование российского сектора креативных индустрий происходит с начала 2000-х годов и сопровождается рядом проблем, к которым прежде всего следует отнести следующее:

1) понимание со стороны общества, государства и бизнеса, что такое креативные индустрии;

2) формирование системы управления креативными индустриями.

Для решения этих проблем Правительство РФ Распоряжением от 20 сентября 2021 года № 2613-р утвердило Концепцию развития творческих индустрий до 2030 года. Концепция развития креативных индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (Концепция) определяет цели, задачи, приоритеты, принципы, направления и механизмы государственной поддержки креативных индустрий в Российской Федерации. Концепция разработана с учетом положений основ государственной культурной политики РФ. Предполагается, что Концепция будет способствовать достижению следующих национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: возможность для самореализации и развития талантов; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация [14].

Концепция определяет правовые основы развития креативных индустрий и декларирует, что правовую основу Концепции составляют Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральное и региональное законодательство в сфере культуры, поддержки малого и среднего предпринимательства.

Концепция предлагает объяснение широкоупотребляемым понятиям «креативная экономика», «креативный кластер», «креативные индустрии». Креативные индустрии классифицируются по четырем укрупненным секторам: наследие, искусство, функциональное творчество, медиа. Креативные индустрии характеризуются как субъекты развития экономической деятельности, авторы концепции выделяют локальные творческие индустрии, задача которых формировать новые рабочие места, способствовать благоустройству и повышению привлекательности (в том числе туристической) территории; инвестиционные творческие индустрии, задача которых создавать инвестиционные продукты на базе творческой деятельности и повышать инвестиционную привлекательность территории; творческий инкубатор (особый вид бизнес-инкубатора), задача которого обеспечить поддержку и развитие творческого предпринимательства на основе использования результатов интеллектуальной деятельности; экосистему креативных индустрий, задача которой создать институциональную систему и механизмы взаимодействия всех участников креативного сектора экономики (производителей и потребителей креативного продукта) [14].

Таким образом, Концепция, принятая Правительством РФ, обосновала новую политику государства для развития креативного сектора экономики. Однако новая политика государства обозначила и новые вопросы со стороны исследователей и экономистов, ставящих под сомнение перечень креативных индустрий и необходимость институциональных изменений системы культуры, ищущих новые формы финансового стимулирования, а также усовершенствования государственной статистики, управления и нормативно-правового регулирования отрасли.

В этой связи важно отметить, что культура воспринимается в России как ценность, которая в меньшей степени может подлежать коммерциализации, вместе с тем индустриализация культуры по части народных промыслов, которые являются частью экономики в имперской России, в СССР и на современном этапе в связи с активным развитием туризма в РФ рассматривается как одно из перспективных направлений экономической деятельности на региональном и национальном уровне. Дискуссии вокруг терминологии привели к смешению понятий «культурные» и «креативные индустрии» и сформировали несколько подходов к обоснованию понятия креативных индустрий и креативной экономики. К сожалению, Концепция на сегодняшний день не дает четкого понимания тому, какие творческие направления экономической дея-

тельности следует отнести к креативным индустриям, в данном случае открытым остается вопрос о событийных секторах экономики и туризме.

Если говорить о том, какие возможности дает новая политика государства в РФ для развития креативных индустрий, то необходимо отметить, что Концепция, обозначив основные тенденции, проблемы и приоритеты развития креативного сектора экономики, позволяет нацелить свою активность на создание нормативно-правовой базы, которая на сегодняшний день недостаточна не только в сфере обоснования институциональных форм организации деятельности в креативном секторе экономики, но и в области финансового регулирования креативной деятельности, включая налогообложение и грантовое стимулирование развития креативных проектов. Концепция создает перспективы для формирования креативных экосистем, привлекательных для концентрации талантов, реализации амбициозных общественно-государственных проектов, требующих активной коммуникации и взаимодействия творческих специалистов, территорий, институтов; развития экспортной инфраструктуры, включающей сервисное сопровождение экспансии товаров и услуг, в том числе содействие экспорту интеллектуальных прав на глобальные рынки [14]. Вместе с тем Концепция не предлагает механизмы и инструменты для формирования экосистем и подготовки творческих специалистов, поэтому не позволяет развить деятельность общества и бизнеса в области проектирования актуальной модели креативного сектора экономики для России.

Для проектирования актуальной модели развития креативного сектора экономики в России необходимо сформировать в дополнение к Концепции пакет документов, включающий не только программу развития креативных индустрий, но рекомендации, механизмы, инструменты, модельные стандарты для проектирования креативных экосистем на региональном уровне, а также механизмы обеспечения качества подготовки специалистов для креативного сектора экономики.

Заключение

В заключении отметим, что в современной науке насчитывают более 250 определений культуры, но только понимание культуры как системы, объединяющей материальное, духовное и художественное измерение, дает возможность понять, что большая творческая деятельность неразрывно связана с созданием утилитарно-эстетической среды и поэтому невозможно провести четкую границу между сферой художественного творчества и всеми другими сферами человеческой жизнедеятельности. В середине XX века предметы творческой деятельности человека, способы производства и потребления вызвали отдельный интерес со стороны экономистов, и сфера культуры стала рассматриваться как особый ресурс для развития экономики ряда государств. Индустриализация сферы художественного творчества привела к формированию в современной экономической науке таких понятий, как экономика культуры, культурные индустрии и креативные индустрии, креативная экономика, креативный класс. Научный дискурс вокруг процессов коммерциализации культуры показывает не только актуальность этой проблемы для развития науки, но и важность для развития современного общества на глобальном уровне. Политика демократизации и обеспечения доступа к историческому культурному наследию всех слоев населения способствовала развитию массового производства и потребления продуктов культуры. В США, европейских странах, восточноазиатских странах благодаря политике коммерциализации ресурсов культуры на государственном (европейские страны) и местном городском уровнях сформировались устойчивые модели развития креативных индустрий. Новый импульс развития политики коммерциализации культурных ресурсов, основанной на развитии креативной экономики и креативных индустрий, способствовал повышению конкуренции в этой среде. В рамках проектирования модели развития креативных индустрий в России необходимо завершить вопросы нормативно-правового обеспечения этого направления деятельности на уровне государства, а именно в области финансового права, включая сферы налогообложения и стимулирования развития. Одной из первоочередных задач со стороны государства является разработка методологии проектирования модели развития креативных индустрий на национальном уровне и методических рекомендаций по использованию механизмов создания и развития экосистемы креативного сектора экономики в регионах РФ, а также формированию креативного класса производителей и потребителей.

Примечания

1. Индустриализация культуры характеризуется значительным вложением капитала в производство предметов искусства и услуг сферы культуры, тиражирование предметов искусства посредством механизированного производства.

2. Коммодификация понимается как процесс превращения предметов искусства и услуг сферы культуры в товары.

Список литературы

1. Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы // Научный дайджест. № 1. URL: http://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538563/Human%20Capital_NCMU_Digest%201_Creative%20Industries2021.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

2. В ВВП есть место творчеству // Коммерсант. Динамика ВВП [06.08.2021]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4929650 (дата обращения: 07.05.2022).

3. Florida R., Seman M. Lost art: Measuring COVID-19's devastating impact on America's creative economy. August 2020. Metropolitan Policy Program, Brookings Institution [published 10.08.2020]. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/08/20200810_Brookingsmetro_Covid19-and-creative-economyFinal.pdf (дата обращения: 08.05.2022).

4. ВШЭ назвала самые популярные профессии креативной экономики [5.08.2021]. URL: https://tass.ru/ekonomika/12064985?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 07.05.2022).

5. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1998. 310 с.

6. Каган М.С. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики // Избранные труды в VII томах. Т. V. Книга 2. СПб.: Петрополис, 2008 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: https://www.iprbookshop.ru/27052.html (дата обращения: 17.05.2022).

7. Васильева Е.В., Гунаре М.Л. Креативные индустрии: опытное проектирование. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 191 с.

8. UNESCO (1982). The Cultural Industries. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0004/000499/049972eo.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

9. Хезмондалш Д. Культурные индустрии / Пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

10. Creative Industries Mapping Document 2001. URL: https://static.a-n.co.uk/wp-content/uploads/2016/12/DCMS-Creative-Industries-Mapping-Document-2001.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

11. Framework for Cultural Statistics – UNESCO Culture. 2009. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0019/001910/191061e.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

12. Хестанов Р. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 173–196.

13. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее: Пер. с англ. М.: Классика XXI, 2007. 456 с.

14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р. Концепция развития креативных индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (Концепция). URL: https://base.garant.ru/402845784 (дата обращения: 07.05.2022).

PROBLEMS OF DESIGN MODEL FOR CREATIVE INDUSTRIES DEVELOPMENT IN RUSSIA

***E.V. Vasilieva*[1], *A.V. Korshunov*[2], *E.V. Ostanina*[1]**

[1]Saint-Petersburg State University of Economics
[2]Moscow State University of Sport and Tourism

The article is devoted to the development of the creative sector of the economy in the Russian Federation, which are considered in the context of international experience accumulated over the past decades. The aim of the study is to identify the problems of designing a model for creative industries development and to justify the mechanisms and tools for stimulating the creative sector of economy in Russia. The authors analyzed the existing opportunities for growing the creative industries in Russia, identified the needs for designing the methodology and practical tools for the model of creative industries development at the regional and national levels. The research methodology is based on the systemic approach and suggest the method of comparative research, conceptual and terminological analysis, inductive generalization and problem method.The proposed conclusions of the needs in development of practical recommendations of establishing the ecosystem of the creative industries in the regions of the Russian Federation, as well as the training the creative specialists, can be used for development for methodology of designing the model of the creative industries in Russia.

Keywords: creative industries, project management, industrialization of culture, UNESCO.

УДК 51-77
DOI 10.52452/18115942_2022_3_15

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕГМЕНТИРОВАНИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ ОНЛАЙН-ШКОЛЫ

© 2022 г.

И.Д. Камскова

Камскова Инна Дмитриевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kamskovaid@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

Представлена модель распределения целевой аудитории онлайн-школы по сегментам. Целью работы является анализ распределения целевой аудитории по сегментам с использованием разработанной математической модели рекламной кампании и выявление основных показателей рекламной кампании, влияющих на данное распределение, а также наиболее эффективной маркетинговой стратегии. Сегментирование осуществляется для таргетированной рекламы, которая проводится с целью повышения «узнаваемости бренда» онлайн-школы. В качестве показателя, влияющего на перераспределение целевой аудитории по сегментам, выступает коэффициент знаний, который изменяет уровень узнаваемости бренда у сегментов целевой аудитории; продолжительность рекламной кампании; количество рекламных сообщений, посылаемых каждому сегменту целевой аудитории. Критерием эффективности в данной модели Y’ является достижение определенного размера ядра и дружественных сегментов целевой аудитории с учетом их весовых коэффициентов. Теоретические результаты апробированы путем проведения компьютерного эксперимента методом имитационного моделирования. По результатам проведенных экспериментов можно сделать вывод, что максимальная эффективность рекламной кампании Y’ = 0.2237 достигается при минимальном количестве 3 000 отправляемых сообщений ежедневно в каждый сегмент целевой аудитории в течение 28 дней. Однако при такой стратегии сроки и бюджет рекламной кампании увеличиваются вдвое по сравнению с первоначальными результатами. Стратегия, при которой в каждый сегмент целевой аудитории отправляется ежедневно большее количество сообщений (5 000) в течение 14 дней, также эффективна: Y’ = 0.2018. При таких параметрах затраты на рекламу и сроки проведения рекламной кампании меньше, чем при самой эффективной стратегии. Уменьшение количества отправляемых сообщений снижает уровень затрат, но эффективность далека от планируемой, проведение такой рекламной кампании не приведет к желаемым результатам.

Ключевые слова: онлайн-школа, сегменты целевой аудитории, рекламная кампания, узнаваемость бренда.

Введение

Онлайн-школы сегодня – это уже не новшество, а скорее обыденность. В настоящее время отмечается всплеск популярности онлайн-обучения. Это касается в первую очередь тех образовательных онлайн-школ, которые предлагают своим клиентам получить новую профессию, специальность или повысить уровень своей квалификации (такие как Skillbox, GeekBrains, «Нетология» и пр.). Помимо таких профессиональных онлайн-школ развиваются школы, предлагающие услуги репетиторства, в первую очередь по школьным образовательным предметам, языковые школы, школы подготовки к ЕГЭ, услуги по изучению предметов начальной школы и дошкольного образования.

В последнее время (и это связано в первую очередь с самоизоляцией граждан в период пандемии COVID-19) наблюдается активность в онлайн-школах по поддержке здорового образа жизни, правильного питания, йоги и пр. Очень много школ творческой направленности: уроки рисования, вязания, фотошколы и пр.

Существует достаточно много причин, из-за которых онлайн-обучение сегодня очень популярно. Первая причина – это отсутствие необходимости посещения учебного заведения. Необходимость приходить в школу в свое свободное время, «сидеть за партой» часто пугает взрослое, состоявшееся население и препятствует получению дополнительного образования или возможности саморазвития [1].

Вторая причина – онлайн-образование очень подходит тем, кто живет в географически отдаленных районах, или тем, кто по некоторым причинам не может посещать очную форму обучения.

На сегодня индустрия онлайн-образования одна из самых быстроразвивающихся в мире. Онлайн-образование является объектом интереса государства, активно продвигается образовательными организациями и весьма востребовано в обществе [1].

Однако привлечение новых клиентов в онлайн-школу требует достаточно больших финансовых вложений в рекламную кампанию. В зависимости от канала продвижения и целей рекламной кампании затраты на рекламу могут составлять от 100 тыс. руб. до нескольких миллионов. Следовательно, для привлечения новых клиентов онлайн-школы необходимо выбрать такую стратегию продвижения, чтобы минимизировать рекламный бюджет.

Статья посвящена моделированию процесса перераспределения целевой аудитории онлайн-школы по сегментам. Осуществляется данное перераспределение в рамках рекламной кампании [2], цель которой – повышение уровня узнаваемости бренда и знакомство аудитории с новыми продуктами школы. Представленная модель разработана на основе гипотез и ряда упрощений.

Для успешного функционирования любому предприятию, в том числе онлайн-школе, необходимо грамотно продвигать и рекламировать свои услуги. Условием эффективного рекламного планирования является использование научных методов и моделей. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в книге Клода Хопкинса «Реклама. Научный подход» [3].

В современной литературе можно найти ряд книг и статей, посвященных данному вопросу. С развитием интернет-технологий и их активным внедрением в экономические процессы разработано достаточно много моделей и методов, связанных с моделированием рекламных кампаний в сети Интернет и анализом эффективности интернет-рекламы. Доцент Уральского федерального университета Г.А. Шматов в своих работах предлагает методологические принципы построения экономико-математических моделей в медиапланировании, при помощи которых возможна оптимизация рекламного бюджета и размещения рекламы в СМИ [4–6]. Вопросы моделирования медиапланирования и размещения рекламы в различных каналах рассматривают и другие авторы [7, 8].

Еще одна рассмотренная в рамках исследования модель «Маркетинг-микс» позволяет на основе проведенных экспериментов оценить влияние на прибыль инвестиций в различные маркетинговые мероприятия [9–11]. Данная модель может применяться как в традиционной, так и в интернет-торговле [10].

Помимо непосредственного анализа моделей в маркетинге, целесообразно рассматривать математические модели, связанные с интернет-продвижением сайтов (SEO-оптимизация – search engine optimization) [12] и контекстной рекламой [12, 13].

В рамках данной работы было рассмотрено моделирование образовательного процесса [14], однако данная модель не связана с проведением рекламной кампании.

Наибольший интерес представляет алгоритм, представленный В.С. Черноног [15]. Именно этот алгоритм, а также результаты исследований других авторов [16–18] были использованы при разработке математической модели и проведения компьютерного эксперимента в рамках данной статьи.

Разработка математической модели

В рамках разрабатываемой модели рассматривается существующая онлайн-школа с небольшим количеством учеников – 100–150 человек. В школе преподаются предметы: математика, алгоритмизация и программирование. Рассматриваемая рекламная кампания предполагает информирование клиентов (реальных и потенциальных) о себе, своих продуктах, в том числе новых. Максимальная цель рекламной кампании – продажа своих услуг, т.е. набор учеников (как новых, так и реальных) на курсы (новые или существующие).

Таким образом, цель рассматриваемой в модели рекламной кампании – повышение уровня информированности своей целевой аудитории об онлайн-школе (бренде).

Рассматриваемая онлайн-школа имеет свой сайт и сообщество в социальной сети «ВКонтакте». В рамках данной статьи рассматриваются сообщения, посылаемые целевой аудитории (ЦА) при таргетированной рекламе соцсети «ВКонтакте». Другие каналы продвижения не рассматриваются.

В ранее опубликованных статьях уже были рассмотрены первоначальные данные модели: «охват целевой аудитории определяется размером сегмента целевой аудитории (X_{ij}, i – номер группы сегментов, i=1, 2, j – номер сегмента в группе, j=1..5). В данной модели было выделено две основные группы сегментов – это

1) дети и подростки;

2) родители детей и подростков, которые могут учиться в онлайн-школе» [1].

Необходимо разбить каждую группу ЦА на сегменты. Аудитория сегментов группы родителей не пересекается с соответствующей аудиторией сегмента группы детей. Внутри каждой группы целевой аудитории сегменты также не пересекаются.

Рассмотрим подробнее каждую группу.

Группа «Дети» – в ней выделяется 5 сегментов:

– учащиеся рассматриваемой школы, состоящие в сообществе онлайн-школы, очень хорошо знают наш бренд – обозначим X_{11};

– учащиеся подобных онлайн-школ, школ конкурентов, состоящие в сообществе рассматриваемой онлайн-школы, или друзья учеников рассматриваемой школы, но не являющиеся ее участниками, хорошо знают наш бренд – X_{12};

– «друзья друзей» учащихся рассматриваемой школы или дети и подростки, состоящие в подписанных учащимися нашей школы сообществах, скорее всего, знают наш бренд – X_{13};

– остальные учащиеся похожих школ, школ конкурентов, возможно, знают наш бренд – X_{14};

– оставшиеся дети и подростки, не знающие наш бренд, – X_{15}.

Группа «Родители» – в ней также выделяется 5 сегментов:

– родители учащихся рассматриваемой школы, состоящие в сообществе онлайн-школы, очень хорошо знают наш бренд – обозначим X_{11};

– родители учащихся подобных онлайн-школ, школ конкурентов, состоящих в сообществе рассматриваемой онлайн-школы, или родители друзей учеников рассматриваемой школы, но не учащихся в ней, скорее всего, знают наш бренд – X_{12};

– родители «друзей друзей» учащихся рассматриваемой школы или родители детей и подростков, состоящих в подписанных учащимися нашей школы сообществах, возможно, знают наш бренд – X_{13};

– родители остальных учащихся похожих школ, школ конкурентов, возможно, знают наш бренд – X_{14};

– родители оставшихся детей и подростков, не знают наш бренд – X_{15}.

Количество человек, состоящих в каждом сегменте, определяет **размер** этого сегмента. При настройке рекламы в социальной сети «ВКонтакте» изначальные значения X_{ij} известны. В ходе настроек рекламного кабинета «ВКонтакте» они определяются социальной сетью.

Поскольку каждый сегмент целевой аудитории имеет разную «ценность» для онлайн-школы: ядро – наиболее ценная ЦА, «дружественные» сегменты (сегменты со вторым индексом 2 и 3) также представляют интерес для нас, а сегменты со вторым индексом 4 и 5 представляют для нас наименьшую ценность, – необходимо в модель ввести **коэффициент ценности** сегмента – V_{ij}, i=1, 2, j=1..5.

Как уже было рассмотрено ранее, «**критерий эффективности** данной модели – достижение определенного размера ядра и дружественных сегментов целевой аудитории с учетом весовых коэффициентов. Критичный размер задается при помощи коэффициента Y, значение которого определяют дирекция и маркетологи онлайн-школы. Значение коэффициента Y может изменяться в зависимости от условий проведения рекламной кампании» [1].

Критерий эффективности в разрабатываемой математической модели рассчитывается по формуле:

$$Y' = \sum_{j=1}^{5} \sum_{i=1}^{2} \frac{X_{ij}}{\sum_{k=1}^{5} X_{ik}} V_{ij} \,. \qquad (1)$$

Рекламную кампанию можно считать эффективной, если значение коэффициента эффективности будет больше заданного критического значения Y [6]. Значение Y для разрабатываемой модели определяется маркетологами онлайн-школы на основании источников [3–6], собственного опыта проведения успешных рекламных кампаний и зависит от целей рекламной кампании и каналов продвижения. При выполнении неравенства (2) можно считать рекламную кампанию успешной:

$$Y' \geq Y \,. \qquad (2)$$

У каждого сегмента ЦА существует еще один параметр – узнаваемость бренда, или **уровень знаний** бренда, – Z_{ij} (i=1, 2, j=1..5). Этот параметр определяет, насколько аудитория знает нашу онлайн-школу и/или заинтересована в новом продукте школы. Этот параметр определяется в процентах. Принадлежность целевой аудитории к тому или иному сегменту в рассматриваемой теоретической модели определяется именно этим параметром. Значение уровня знаний бренда для каждого сегмента ЦА представлено диапазоном минимального и максимального значения.

В статье [1] дано качественное описание данного параметра в каждом сегменте ЦА: «В первой группе ЦА:

$Z0_{11}$ – Zk_{11} – скорее всего, заинтересуются новым продуктом нашей школы;

$Z0_{12}$ – Zk_{12} – вероятнее всего, заинтересуются нашей школой и продуктом нашей школы;

$Z0_{13}$ – Zk_{13} – возможно, заинтересуются нашей школой и продуктом нашей школы;

$Z0_{14}$ – Zk_{14} – не знают про нашу школу;

$Z0_{15}$ – Zk_{15} – не знают про нашу школу.

Во второй группе ЦА:

$Z0_{21}$ – Zk_{21} – скорее всего, заинтересуются новым продуктом нашей школы;

$Z0_{22}$ – Zk_{22} – вероятнее всего, заинтересуются нашей школой и продуктом нашей школы;

$Z0_{23}$ – Zk_{23} – возможно, заинтересуются нашей школой и продуктом нашей школы;

$Z0_{24}$ – Zk_{24} – не знают про нашу школу;

$Z0_{25}$ – Zk_{25} – не знают про нашу школу» [1].

Значения данного показателя при проведении рассматриваемой рекламной кампании были определены в результате проведения экспертного опроса директора школы, ведущих

Таблица 1

Первоначальные значения размеров сегментов ЦА

Сегменты группы «Дети»	Размеры сегментов	Сегменты группы «Родители»	Размеры сегментов
X_{11}	100	X_{21}	800
X_{12}	1 620	X_{22}	5 450
X_{13}	21 800	X_{23}	443 900
X_{14}	301 410	X_{24}	891 600
X_{15}	1 099 880	X_{25}	2 713 900
ВСЕГО	1 424 810		4 055 650

Таблица 2

Веса сегментов ЦА

Сегменты группы «Дети»	Веса сегментов	Сегменты группы «Родители»	Веса сегментов
V_{11}	0.4	V_{21}	0.4
V_{12}	0.3	V_{22}	0.3
V_{13}	0.2	V_{23}	0.2
V_{14}	0.09	V_{24}	0.09
V_{15}	0.01	V_{25}	0.01

преподавателей, а также всех маркетологов, которые когда-либо разрабатывали и проводили маркетинговые мероприятия в рассматриваемой школе или других подобных онлайн-школах.

При запуске рекламной кампании следует установить:

$$Z_{ij} = Z0_{ij}\ (i=1,\ 2,\ j=1..5). \qquad (3)$$

В модели вводится еще один коэффициент – **коэффициент знаний**, который изменяет уровень узнаваемости бренда k. Он рассчитывается как доля знания, приходящегося на одного человека из 1-го, 2-го и 3-го сегмента каждой группы:

$$k = \frac{1}{\sum_{j=1}^{3}\sum_{i=1}^{2} X_{ij}}. \qquad (4)$$

Основной сутью разрабатываемой модели является следующее: «при отправке сообщения (M_{ij} – количество отправленных сообщений в ij-й сегмент) в зависимости от того, получил/прочитал клиент сообщение (s=1) или нет (s=0), уровень узнаваемости бренда его сегмента увеличивается на коэффициент k или остается на прежнем значении. При достижении верхней границы уровня узнаваемости бренда сегмента переводим клиента на более высокий уровень. Соответственно, уровень узнаваемости бренда более высокого сегмента увеличивается на коэффициент k» [1]:

$$(X_{ij}, Z_{ij}) = \begin{cases} \text{если } M_{ij} = 0: (X_{ij}, Z0_{ij}), \\ \text{если } M_{ij} \neq 0: \\ (X_{ij}, Z_{ij}), \text{если } s = 0 \\ (X_{ij}+1, Z_{ij}+k), \text{если } s = 1 \text{ и } Z_{ij}+k \leq Zk_{ij} \\ (X_{ij-1}+1, Z_{ij-1}+k, X_{ij}-1, Z_{ij}-k), \\ \text{если } s = 1 \text{ и } Z_{ij}+k > Zk_{ij} \text{ и } j \neq 1 \\ (X_{i1}+1, Zk_{i1}), \\ \text{если } s = 1 \text{ и } Z_{i1}+k > Zk_{i1}\ (j = 1) \end{cases} \qquad (5)$$

Количество отправленных сообщений при проведении рекламной кампании необходимо минимизировать, при этом уровень знаний бренда должен максимально увеличиться, но размер ядра целевой аудитории и размеры дружественных сегментов уменьшаться не должны.

Сбор исходных данных для компьютерного эксперимента

Перед проведением компьютерного эксперимента необходимо выдвинуть гипотезы и рассчитать начальные значения параметров. Для начала необходимо определить количество человек в каждом сегменте. Для этого использовались данные настроек рекламного кабинета «ВКонтакте».

Для определения ядра детской аудитории рассмотрим подписчиков группы в социальной сети «ВКонтакте»: X_{11} = 100 человек. Затем, расширяя настройки рекламного кабинета «ВКонтакте» и используя сервис поиска аудитории в соцсетях «ВКонтакте» TargetHunter, получим данные, представленные в таблице 1.

В таблице 2 представлены веса сегментов ЦА, которые были определены при помощи метода экспертных оценок.

При начальных условиях коэффициент эффективности Y' = 0.0790, коэффициент знаний k = 0.000002, показатели рассчитаны по формулам (1) и (4) соответственно. Выдвинем предположение по уровню знаний в каждом сегменте (Z_{ij}) (табл. 3).

В изученной литературе [14–18] показателем эффективности рекламной кампании считается коэффициент Y=0.4. В нашем случае рассмотрим более упрощенный вариант: **увеличение эффективности рекламы до Y = 0.2.** Т.е. критерий эффективности модели $Y' \geq 0.2$.

Ежедневно отсылается 8 видов сообщений (по одному виду в каждый сегмент ЦА, кроме ядра). Для сегментов X_{11} и X_{21} сообщения от-

Таблица 3

Границы коэффициента уровня знаний в сегментах ЦА

Сегменты группы «Дети»	$Z0_{1j} – Zk_{1j}$	Сегменты группы «Родители»	$Z0_{2j} – Zk_{2j}$
X_{11}	0.91 – 1	X_{21}	0.81 – 1
X_{12}	0.61 – 0.9	X_{22}	0.51 – 0.8
X_{13}	0.251 – 0.6	X_{23}	0.21 – 0.5
X_{14}	0.11 – 0.25	X_{24}	0.051 – 0.2
X_{15}	0 – 0.1	X_{25}	0 – 0.05

Таблица 4

Процент прочитавших сообщение в ЦА (1 – 100%)

Сегменты группы «Дети»	Процент прочитавших сообщение	Сегменты группы «Родители»	Процент прочитавших сообщение
X_{11}	1	X_{21}	1
X_{12}	0.90	X_{22}	0.9
X_{13}	0.85	X_{23}	0.8
X_{14}	0.7	X_{24}	0.7
X_{15}	0.6	X_{25}	0.5

Таблица 5

Размеры сегментов ЦА после 1-го эксперимента

Сегменты группы «Дети»	Размеры сегментов	Сегменты группы «Родители»	Размеры сегментов
X_{11}	143	X_{21}	32 139
X_{12}	17 570	X_{22}	503 804
X_{13}	441 245	X_{23}	311 150
X_{14}	129 060	X_{24}	718 892
X_{15}	836 792	X_{25}	2 489 665
ВСЕГО	1 424 810		4 055 650

правляться не будут. Для сегментов X_{12} и X_{22} оправлено по 2 сообщения каждому участнику ЦА в течение всей рекламной кампании. Для остальных сегментов будет оправлено по одному сообщению возможному количеству участников каждого сегмента ЦА.

Не все сообщения будут прочитаны. Для этого определяем коэффициент, характеризующий «степень прочитывания» рекламного объявления. Данные коэффициенты были определены автором работы на основании опыта проведения рекламных кампаний (табл. 4).

Проведение компьютерного эксперимента

Было проведено несколько компьютерных экспериментов по методу Монте-Карло с различными исходными данными. Компьютерный эксперимент был реализован при помощи программного кода на языке программирования Python 3.

Эксперимент 1

Параметры рекламной кампании: продолжительность – 14 дней; ежедневно в каждый сегмент может быть отправлено не более 3 000 сообщений, т.к. из опыта проведения рекламных кампаний автором был сделан вывод, что это **максимальное** количество одного вида объявлений по **минимальной** цене в день. Так как сегменты X_{12} и X_{22} небольшие по размеру, то в них можно отправить по два сообщения каждому участнику. В остальные сегменты в силу введенных ограничений – не более 3 000×14 = = 42 000 сообщений для каждого сегмента за всю рекламную кампанию. Для сегментов X_{11} и X_{21} сообщения отправляться не будут.

Результаты эксперимента 1 представлены в табл. 5.

Критерий эффективности $Y' = 0.1526 < 0.2$. По полученным данным можно сделать вывод, что количество человек в ядре целевой аудитории и дружественных сегментах увеличилось. Эффективность рекламной кампании больше первоначального значения, но еще не достигает желаемого.

С учетом предположения, что ежедневно в каждую целевую группу может быть отправлено не более 3 000 сообщений, общее количество сообщений = 266 140.

Размеры ядра группы «Дети» изменились незначительно, следовательно, необходимо в сегмент X_{12} направить больше сообщений. Однако при практической реализации рекламной кампании нецелесообразно направлять более двух сообщений каждому участнику ЦА.

Таблица 6

Размеры сегментов ЦА после 2-го эксперимента

Сегменты группы «Дети»	Размеры сегментов	Сегменты группы «Родители»	Размеры сегментов
X_{11}	153	X_{21}	52 706
X_{12}	28 400	X_{22}	788 390
X_{13}	673 481	X_{23}	228 143
X_{14}	32 467	X_{24}	618 733
X_{15}	690 309	X_{25}	2 367 678
ВСЕГО	1 424 810		4 055 650

Таблица 7

Размеры сегментов ЦА после 3-го эксперимента

Сегменты группы «Дети»	Размеры сегментов	Сегменты группы «Родители»	Размеры сегментов
X_{11}	203	X_{21}	62 459
X_{12}	33 700	X_{22}	929 076
X_{13}	689 065	X_{23}	186 613
X_{14}	83 744	X_{24}	569 837
X_{15}	618 098	X_{25}	2 307 665
ВСЕГО	1 424 810		4 055 650

Эксперимент 2

Поскольку наши расчеты были сделаны на основании гипотез и предположений, предположим, что в каждый сегмент будет ежедневно отсылаться 5 000 сообщений. Продолжительность рекламной кампании 14 дней. В этом случае результаты будут следующие – см. табл. 6.

Критерий эффективности $Y' > 0.2$. Условие эффективности выполнено. Таким образом, именно такая стратегия на текущий момент более актуальна.

Так как ежедневно в каждую целевую группу может быть отправлено не более 5 000 сообщений, общее количество сообщений = 407 740. Однако при практической реализации рекламной кампании рекламный бюджет будет увеличен в несколько раз. Это связано с алгоритмами проведения таргетированной рекламы «ВКонтакте».

Эксперимент 3

Пробуем изменить не количество ежедневно отсылаемых сообщений, а сроки проведения рекламной кампании – с 14 до 28 дней, ежедневно отправляемое количество сообщений в каждый сегмент минимально – не более 3 000.

Критерий эффективности $Y = 0.2237 > 0.2$. Условие эффективности выполнено, критерий эффективности превысил критическое значение. Таким образом, такая стратегия также актуальна. Количество сообщений, отправленных в рамках рекламной кампании, 477740. Стоимость сообщений при данной стратегии будет меньше, чем при втором эксперименте, и равна стоимости сообщений при первом эксперименте. Но в два раза увеличиваются сроки проведения рекламной кампании, соответственно ее бюджет также увеличится в два раза по сравнению с первым экспериментом.

Заключение

Таким образом, результатом исследований можно считать построение модели сегментирования целевой аудитории онлайн-школы при проведении рекламной кампании, направленной на узнаваемость бренда. Теоретические результаты, представленные в данной статье, были апробированы путем проведения компьютерного эксперимента методом имитационного моделирования. В модели представлены следующие основные параметры: размеры сегментов целевой аудитории, уровень «узнаваемости бренда» каждого сегмента и количество отправленных сообщений, коэффициент знаний, критический уровень эффективности модели.

На данном этапе исследований рассмотрен только один канал продвижения – таргетированная реклама в социальных сетях. Модель рассчитывает, с каким результатом будет проведена рекламная кампания при различных выбранных стратегиях при данном состоянии рынка. Наиболее эффективными маркетинговыми стратегиями будут:

1) отправка большего количества рекламных сообщений (5 000 сообщений) в каждый сегмент ЦА в течение короткого промежутка времени (14 дней), однако бюджет рекламной кампании в этом случае не будет минимальным. Критерий эффективности в данном случае $Y' = 0.2018 > 0.2$. Условие эффективности выполнено;

2) отправка наименьшего количества рекламных сообщений (3 000 сообщений) в каждый сегмент ЦА, но в течение продолжительного времени (28 дней), что также увеличивает бюджет рекламной кампании. Критерий эффективности $Y' = 0.2237 > 0.2$. Условие эффективности выполнено. Критерием эффективности в данной модели является достижение определенного размера ядра

и дружественных сегментов целевой аудитории с учетом их весовых коэффициентов.

В дальнейшем предполагается доработка представленной модели: ввод коэффициента забывания информации, поскольку через определенный промежуток времени аудитория сегментов X_{13}, X_{14}, X_{15}, X_{23}, X_{24} и X_{25} с большой вероятностью будет забывать информацию из рекламных сообщений. Следовательно, уровень знаний в каждом сегменте с течением времени будет уменьшаться, если онлайн-школа не будет напоминать о себе.

Список литературы

1. Камскова И.Д., Столярова Д.Д. Моделирование распределения целевой аудитории онлайн-школы по сегментам // Математическое и компьютерное моделирование и бизнес-анализ в условиях цифровизации экономики: Сборник научных статей по итогам I Всероссийского научно-практического семинара. Нижний Новгород, 2022. С. 37–43.

2. Камскова И.Д. Особенности ведения бизнеса в социальных сетях на современном этапе // Инновационные технологии управления: Сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции. Мининский университет, 2020. С. 21–24.

3. Хопкинс К. Реклама. Научный подход. М.: Альфа-Пресс, 2000.

4. Шматов Г.А. Теория медиапланирования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2012.

5. Шматов Г.А. Научный метод в рекламе и медиапланировании // Маркетинг в России и за рубежом. 2014. № 2. URL: https://dis.ru/library/544/35769. (дата обращения: 01.06.2022).

6. Шматов Г.А. Вычисление и оптимизация эффективного охвата мультимедийной рекламы // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 3. С. 474–495.

7. Кузьмин А. Оптимизация медиаплана с помощью математического моделирования // Интернет-журнал «Энциклопедия маркетинга». URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/case/math_model.htm. (дата обращения: 01.06.2022).

8. Тихонов Д.В. Моделирование параметров медиаплана при использовании мультимедийного подхода: Дис. … к.э.н. СПб., 2011. 199 с.

9. Наумов М.Ю. Применение эконометрической модели marketing mix для количественного анализа закономерностей в динамике продаж торговой компании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4-1. С. 99–104.

10. Азаренко Д.А. Развитие элементов комплекса маркетинга (маркетинг-микс) в организациях интернет-торговли в России // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2019. Т. 18. № 2. С. 76–84.

11. Mhitarean-Cuvsinov E. Marketing Mix Modelling from the multiple regression perspective. Master Thesis / KTH Royal Institute of Technology. May 18, 2017. P. 13–20.

12. Лившин Д.А., Воронова Л.И. Математическое моделирование в маркетинге при построении рекламных кампаний // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 5-2. С. 207–209. URL: http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=34077 (дата обращения: 1.06.2022).

13. 23 метрики и KPI в контекстной рекламе: как отслеживать и считать // Электронный ресурс CPAGRAM – Медиа о арбитраже трафика и CPA маркетинге. URL: https://cpagram.ru/23-metriki-i-kpi-v-kontekstnoj-reklame-kak-otslezhivat-i-schitat (дата обращения: 01.06.2022).

14. Боргоякова Т.Г., Лозицкая Е.В. Математическое моделирование: определение, применяемость при построении моделей образовательного процесса // Вестник евразийской науки. 2017. № 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskoe-modelirovanie-opredelenie-primenyaemost-pri-postroenii-modeley-obrazovatelnogo-protsessa (дата обращения: 1.06.2022).

15. Черноног В.С. Математическая модель маркетинговой кампании, использующей несколько коммуникационных каналов // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 54–59. URL: https://moluch.ru/archive/93/20579 (дата обращения: 1.06.2022).

16. Olariu I. Integration of mathematical models in marketing theory and practice // Studies and Scientific Researches. Economics Edition. 2011–2012. № 16–17. P. 153–157.

17. Zhigljavsky A. Statistical modelling in market research // In: M. Lovric (ed.) International Encyclopedia of Statistical Science. Springer, 2011.

18. Ingene C.A., Parry M.E. Mathematical models of distribution channels. Springer, 2004.

MODELING SEGMENTATION OF THE TARGET GROUP OF ONLINE SCHOOL

I.D. Kamskova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this article it is considered a model of the distribution of the target group of online school. It is analyzed of distribution of the target group using the developed mathematical model of the advertising campaign. It is identified the main indicators of the advertising campaign that affect this distribution. Segmentation is carried out for targeted advertising, which is carried out in order to increase the "brand awareness" of the online school. The knowledge coefficient acts as an indicator affecting the redistribution of the target group by segments, which changes the level of brand awareness among segments of the target group, the duration of the advertising campaign, the number of advertising messages sent to each segment of the target group. The criterion of effectiveness in this model is the achievement of a certain core size and friendly segments of the target group, taking into account their weight coefficients. It is carried out of computer experiments with different initial indicators and it was concluded that all the indicators of the advertising campaign somehow affect the redistribution of the target group by segments.

Keywords: online school, target group, target audience segment, advertising campaign, brand awareness.

УДК 331
DOI 10.52452/18115942_2022_3_22

ЦИФРОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

© 2022 г.

Т.А. Камарова, Н.В. Тонких

Камарова Татьяна Александровна, к.э.н.; старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург
kta@usue.ru
Тонких Наталья Владимировна, к.э.н.; доц.; заведующий лабораторией исследований цифровой занятости кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург
nvvorob1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.06.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

Статья посвящена вопросам развития теории цифровой занятости, включая систематизацию видов цифровой занятости, выявление ее отраслевой структуры и гендерной специфики. Целью исследования является уточнение понятийно-сущностного аппарата и классификационных признаков отнесения занятости к цифровым видам. Проведен библиографический анализ публикаций с 2000 г. по 2022 г. по основным дефинициям предметной области «цифровая занятость» с использованием базы Elibrary.ru. Обобщен понятийно-терминологический аппарат в работах исследователей, предлагающих свое видение сущности цифровых видов занятости, таких как дистанционная, удаленная, виртуальная, платформенная, IT-занятость, гибридная, цифровая занятость, фриланс. Комплексный анализ представленных дефиниций позволил выделить классификационные признаки отнесения занятости к цифровым видам: по легитимности трудовых отношений, их продолжительности; по организации рабочего места; по специфике нормирования рабочего времени; по результату труда; по организации коммуникации субъектов трудовых отношений; по отношению к найму. Проведена классификация видов цифровой занятости, дано авторское толкование сущности понятия «цифровая занятость». Представлены результаты контент-анализа резюме соискателей дистанционной (удаленной) работы на рынке труда города-миллионника за 2015–2021 гг. (источник: статистические данные аналитической службы исследований HeadHunter). Выявлена гендерная специфика дистанционной (удаленной) занятости в отраслевом разрезе: выделены типично «мужские» и типично «женские» отрасли. Результаты исследования обладают научной новизной и подтверждают актуальность исследований проблем цифровизации занятости.

Ключевые слова: цифровая занятость, гибкая занятость, дистанционная (удаленная) занятость, гибридная занятость, платформенная занятость, фриланс, IT-занятость, информационно-коммуникационные технологии, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, гендер.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена глобальными процессами цифровой трансформации и информатизации, оказывающими влияние на социально-экономическое развитие современного общества. Усиление роли информации и внедрение цифровых технологий повсеместно проникает в деятельность организаций различной экономической направленности. Цифровые факторы в корне меняют устоявшиеся нормы управления экономическими системами, способствуют развитию новых нестандартных форм занятости и становлению более гибкого рынка труда. Рынок труда динамичен, его характеристики меняются под влиянием процессов старения населения, глобальных финансовых и экономических кризисов, новых вызовов человечеству, таких как пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия и меры, принимаемые для ее сдерживания, вывели на передний план важность вопросов организации занятости населения в спектре форм, существенно отличающихся от типичных. Необходимость приспосабливаться к меняющимся условиям способствовала стремительному развитию видового разнообразия цифровых форматов занятости. В период пандемии масштабы распространения такой занятости существенно увеличились, она стала применяться в организациях, где ранее ее не использовали.

Полученный опыт требует осмысления. Смещение акцентов занятости со стандартной в сторону новых цифровых форм можно рассматривать как инструмент сохранения и создания рабочих мест, как альтернативу сокращению занятости. Формирование гибкого эффективно функционирующего рынка труда позволит адаптировать население страны к социально-экономическим изменениям, максимально реализовать трудовой потенциал.

Расширение видового разнообразия цифровых форм занятости требует их классификации. Классификация позволит уточнить понятийную и содержательную суть новых явлений, носящих цифровой характер. Систематизация полезна в разработке «дорожной карты» организационно-управленческих решений и мер, направленных на поддержание и регуляцию рынка труда, реализуемых как отраслевыми сообществами и территориальными объединениями, так и государственными органами.

Целью исследования является уточнение понятийного аппарата цифровой занятости, ее классификация по обобщенным признакам, характеристика гендерной специфики.

Задачи исследования:

1) провести анализ понятийно-терминологического аппарата ключевых дефиниций предметной области «цифровая занятость»;

2) разработать классификационную систему признаков для группировки видов цифровой занятости;

3) выявить гендерную специфику отраслевой структуры предложения рабочей силы на дистанционном (удаленном) рынке труда города-миллионника (Екатеринбург).

Новизна исследования заключается в уточнении понятийно-сущностного аппарата теории цифровой занятости и разработке фасетной системы классификационных признаков отнесения занятости к цифровым видам.

Достигнуты следующие научные результаты: проведена систематизация видов цифровой занятости; характеристика отраслевой структуры цифровой занятости и ее гендерной специфики.

Теоретико-методологические подходы

Методологический базис сформирован на основе опубликованных на Elibrary.ru положений современной отечественной теории эволюции рынка труда и эмпирических исследований проблем цифровизации занятости. Разработка классификационных признаков отнесения занятости к цифровым видам выполнена на основе кабинетного исследования при помощи библиографического анализа данных. Исследование опирается на такие методологические инструменты, как методы обобщения, структурно-логического анализа и библиометрический метод.

Эмпирическая оценка гендерной специфики предложения рабочей силы на дистанционном (удаленном) рынке труда проводилась с помощью контент-анализа опубликованных резюме и стандартных методов социально-экономического анализа. Информационная база: статистическая отчетность по количеству и составу резюме удаленного сегмента рынка труда г. Екатеринбурга за 2015–2021 гг. База данных предоставлена аналитической службой исследований HeadHunter. Екатеринбург является административным центром Свердловской области, численность постоянного населения на 01.01.2022 составляет 1 377 738 чел. Свердловская область является старопромышленным регионом, в рейтингах по социально-экономическим показателям развития чаще всего демонстрирует среднероссийский уровень. Гендерная специфика удаленного сегмента рынка труда, вероятнее всего, будет отражать общероссийскую практику в целом.

Характеристика информации о резюме, используемой при анализе:

– информация по профессиональным сферам рассчитывается по числу резюме за каждый год и показывает топ-10 сфер, в которых специалисты наиболее часто размещают резюме;

– каждое резюме может быть опубликовано только в одной профессиональной сфере.

Понятийно-терминологический аппарат исследований цифровой занятости, классификация видового разнообразия

Ранжирование публикаций цифровой базы данных Elibrary.ru в 2000 – 2022 гг. по проблемам цифровой занятости и ее ключевым дефинициям представлено в таблице 1.

Анализ сложившейся теоретико-методологической базы по изучаемой проблематике показал, что лидерами по публикационной активности являются научные труды с поисковыми дефинициями «цифровая занятость», «фриланс», «дистанционная занятость» и «удаленная занятость». Российские и зарубежные ученые исследуют дистанционный формат работы с точки зрения нестандартной организации трудового процесса, при котором работники выполняют работу, находясь удаленно от территории работодателя, а взаимодействие осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационных технологий [1–6].

Большой научный интерес направлен на такой феномен занятости, как фриланс. В работах ученые исследуют перспективы практики применения фриланса, а также возможные риски и пути их устранения [7–9].

Контент-анализ публикаций по дефиниции «цифровая занятость» позволил сделать вывод, что значительная их часть посвящена актуальной теме развития цифровой экономики, где занятость исследуется как «надстройка» при переходе в новые экономические условия [10]. Большой пласт работ посвящен рискам рас-

Таблица 1

Анализ показателей публикаций базы Elibrary.ru по ключевым дефинициям цифровой занятости за 2000−2022 гг.

Поисковая дефиниция	Общее число публикаций	Число статей				Суммарное число цитирований	Среднее число цитирований в расчете на одну статью
		В журналах	В журналах, входящих в Web of Science или Scopus	В журналах, входящих в ядро РИНЦ	В журналах, входящих в RSCI		
Цифровая занятость	1347	808	43	85	62	4390	3.26
Фриланс	1213	584	18	27	20	2422	2.00
Дистанционная занятость	1071	623	25	48	39	1565	1.46
Удаленная занятость	612	372	14	28	24	1557	2.54
Виртуальная занятость	195	130	7	9	6	844	4.33
Платформенная занятость	98	67	5	8	8	338	3.45
Гибридная занятость	42	32	3	5	4	130	3.10
IT-занятость	22	15	0	0	0	67	3.05

Составлено авторами на момент запроса: 29.05.2022.

пространения безработицы и неустойчивости рынков труда в связи с развитием цифровых технологий [11, 12]; ряд ученых в своих работах исследуют влияние цифровой экономики на занятость населения через призму экономического неравенства между территориями [13, 14]. Ключевой мейнстрим публикаций посвящен трансформации занятости в условиях цифровой экономики [15–18].

Теоретико-методологические изыскания с использованием широкого круга как отечественных, так и зарубежных работ выявили, что самостоятельных аналитических методик, оценивающих состояние развития цифровой занятости в условиях цифровизации, пока не разработано. Понятие и сущность самого явления «цифровая занятость» фрагментарно рассмотрены лишь в малочисленных работах. Таким образом, в терминологическом и сущностном аспекте понятие цифровой занятости еще не сформировано и требует проработки.

В таблице 2 представлен детальный анализ публикационной активности по проблематике цифровой занятости и ее ключевым дефинициям по годам.

Вопросы дистанционной (удаленной) занятости попали в фокус научного внимания с 2000 г., пик исследований приходится на период после 2015 г. Пандемия COVID-19 катализировала рост исследовательского интереса ко всем видам цифровых форм занятости. Интерес к платформенной и IT-занятости появился не так давно, что связано с последними изменениями в экономике.

В таблице 3 представлены топ-10 тематических направлений публикаций по проблемам цифровой занятости и ее ключевым дефинициям в базе данных Elibrary.ru с 2000 г. по 2022 г.

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод, что исследования предмета «цифровая занятость» носят междисциплинарный характер. Наибольшее количество публикаций сосредоточено в категории «Экономические науки». «Демография», несмотря на скромное количество публикаций, тоже вошла в десятку лидеров тематических направлений. Проблемы демографии являются приоритетными для нашей страны, изучение влияния распространения цифровых форм занятости на демографические процессы приобретает актуальное исследовательское значение. В настоящее время данная тематика относится к малоизученным областям науки.

Научные подходы к определению цифровой занятости и ее основных дефиниций представлены в таблице 4.

Представленный обзор разнообразия понятийно-терминологического аппарата демонстрирует, что, несмотря на высокий исследовательский интерес к цифровым формам занятости, пока не сложилось единого мнения в части толкования сущностного содержания ее ключевых дефиниций. Подтверждена многогранность и недостаточная изученность предметной области.

Таблица 2

Публикационная активность по тематике цифровой занятости и ее ключевым дефинициям за 2000−2021 гг. в базе Elibrary.ru

Период	Поисковая дефиниция							
	Дистанционная занятость	Удаленная занятость	Цифровая занятость	Виртуальная занятость	Фриланс	IT-занятость	Гибридная занятость	Платформенная занятость
2000	1	1						
2001								
2002								
2003	3	1						
2004	1	2	2					
2005	1	1	1					
2006	2	1		2				
2007	2	1	1	2	2			
2008	5	1	1	3	6			
2009	2	1	2	3	9			
2010	5	1	2	4	17			
2011	15	5		2	8	1		
2012	24	10	1	1	24		1	
2013	33	14	3	7	28			
2014	22	11	6	7	50	1	1	
2015	43	9	8	9	81		2	
2016	52	16	7	14	75	1	2	
2017	65	29	38	21	124	1	3	2
2018	84	31	158	24	133	1		5
2019	112	49	257	23	159	8		4
2020	241	138	336	36	229	3	4	20
2021	316	253	414	32	232	21	22	49

Составлено авторами на момент запроса: 29.05.2022.

Таблица 3

Тематические направления публикаций по проблемам цифровой занятости и ее ключевым дефинициям в 2000 – 2022 гг. в базе Elibrary.ru

№ п/п	Тематическое направление	Поисковая дефиниция							
		Цифровая занятость	Гибридная занятость	Платформенная занятость	Фриланс	IT-занятость	Виртуальная занятость	Дистанционная занятость	Удаленная занятость
1	Экономика. Экономические науки	910	24	58	644	14	100	613	373
2	Общественные науки в целом	144	1	9	97	1	15	74	62
3	Философия	15	1	1	20	*	4	6	5
4	Социология	58	7	2	194	3	25	60	34
5	Народное образование. Педагогика	48	*	1	25	2	9	53	14
6	Государство и право. Юридические науки	71	3	23	74	*	*	188	52
7	Психология	*	*	*	31	*	9	13	4
8	Автоматика. Вычислительная техника	8	*	*	9	1	3	*	*
9	Организация и управление	*	1	*	15	*	*	6	8
10	Демография	*	*	*	*	*	*	8	3

*Данные не представлены.

Составлено авторами на момент запроса: 29.05.2022.

Собственные исследования авторов [38] и результаты систематизации подходов к определению сущности основных дефиниций цифровой занятости (таблица 4) позволяют обос-

Таблица 4

Разнообразие подходов к определению сущности ключевых дефиниций «цифровой занятости»

Понятие	Определение
Цифровая занятость	Трудовая деятельность человека с использованием ИКТ, результатом которой является информационный продукт; экономически выгодна как работникам, так и работодателям [19]
	Диджитализация социально-трудовых отношений, где процесс труда, взаимодействие участников трудового коллектива, оплата за результат труда происходит с использованием цифровых технологий; результатом труда является цифровой продукт [20]
Дистанционная занятость	Выполнение работы сотрудником из любого удобного для него места без привязки к стационарному рабочего месту [21]
	Выполнение сотрудником трудовых обязанностей вне стационарного места нахождения работодателя, обязательным условием является использование ИКТ, Интернета для выполнения работы и взаимодействия с работодателем, коллегами [22]
	Работа, осуществляемая работником при использовании интернет-технологий на расстоянии за пределами предприятия [6]
Удаленная занятость	Занятость, при которой сотрудники и работодатель территориально распределены, взаимодействуют друг с другом с помощью ИКТ; при этом сотрудники компании могут являться как штатными, так и нештатными [5]
	Форма организации труда, подразумевает под собой 100% нахождение вне офиса (за исключением необходимых визитов) штатных сотрудников; выполнение трудовой функции происходит посредством информационно-коммуникационных технологий. Обеспечивается техническими возможностями для удалённой деятельности [23]
	Форма занятости работников организации вне рабочего стационарного места [24]
Гибридная занятость	Комбинированный формат занятости офисной и традиционной формы работы, где сотрудники выполняют основные трудовые функции вне офиса, при этом присутствуют в организации несколько раз в неделю [25]
	Занятость представляет собой совмещение стандартной занятости в офисе и удаленной занятости вне офиса [26]
Платформенная занятость	Новый институциональный механизм на рынке труда реализуется посредством цифровых трудовых платформ [27]
	Цифровизация бизнес-процессов, при которой взаимодействие механизмов использования рабочей силы происходит с помощью цифровых платформ [28]
	Бизнес-модель занятости «по запросу» с использованием цифровых платформ (гиг-занятость) [29]
Фриланс	Занятость посредством виртуальной инфраструктуры: поиск работы, получение задания, денежное вознаграждение; результатом информационного труда является информационный товар (услуга) [30]
	Механизм формы трудовой деятельности между работником и заказчиком по выполнению определенной задачи (услуги), при этом работник не зачисляется в штат заказчика, может находиться удаленно от заказчика (в другом городе, стране) [31]
	Форма занятости, без оформления трудовых отношений, при которой работник (фрилансер) взаимодействует с множеством организаций, осуществляя для них определенную деятельность (выполняет услуги, проекты), которая не является для организации основной [32]
IT-занятость	Занятость, связанная с информационными и коммуникационными технологиями, предполагает многообразие форм занятости в ИТ-сфере: стандартная занятость по трудовому договору, фриланс, совместительство и пр. [33]
	Нестандартная удаленная форма занятости с применением информационно-коммуникационных технологий в работе, имеет прекарные условия труда, преимущественно распространена в областях с высоким уровнем безработицы [34]
Виртуальная занятость	Особая форма организации социально-трудовой деятельности, при которой работники находятся вне традиционного рабочего места, виртуальное взаимодействие работников и работодателя осуществляется с использованием электронных информационно-коммуникационных средств [35]
	Форма занятости, при которой взаимоотношение работников и работодателей не зависит от географической привязки сторон к конкретному месту, взаимодействие между ними происходит посредством информационно-коммуникационной сети Интернет [36]
	Удаленная работа в сети Интернет, сотрудники находятся вне офисного помещения, выполняют работу удаленно, взаимодействие с работодателем происходит посредством виртуального общения с применением систем электронных коммуникаций [37]

Составлено авторами.

новать авторскую классификационную систему группировки видов цифровой занятости по обобщенным признакам (таблица 5).

Фасетная система классификации видов цифровой занятости позволила нам сформировать авторскую позицию по поводу ее сущности.

Таблица 5

Классификационные признаки и характеристика видов цифровой занятости

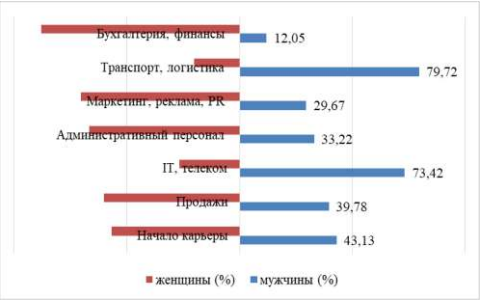
Классификационный признак	Характеристика видов цифровой занятости
Легитимность трудовых отношений	– формальная (официальное оформление трудового договора или гражданско-правового договора/ГПХ) – неформальная (документальное оформление трудовых отношений отсутствует)
Продолжительность трудовых отношений	– постоянная занятость – срочная занятость (временная, проектная, эпизодическая, случайная, на определенный срок и пр.)
Организация рабочего места	– стандартная (стационарное рабочее место на территории работодателя) – нестандартная: а) дистанционное стационарное рабочее место (организовано дома) б) дистанционное мобильное рабочее место (рабочее место не привязано к конкретному пространству; организационный минимум: наличие Интернета и цифрового средства труда (смартфон, ноутбук, планшет); характерна самоорганизация рабочего места и изменение его размещения по желанию работника: коворкинг-центр, кафе, автомобиль и пр.) – гибридная/смешанная
Нормирование рабочего времени	– регламентированная (рабочий график и рабочее время работы жестко закреплены) – гибкая (работодатель рабочий график и рабочее время не регламентирует)
Результат труда	– информационный продукт (исследование, отчетность, базы данных, аналитика, сведения и пр.) – цифровой продукт (программное обеспечение, сайты и пр.) – цифровые услуги (е-продажи, е-маркетинг, е-рекрутинг, е-образование, е-документооборот, е-государственные услуги, гарантии и пр.) – объект интеллектуальной собственности
Организация коммуникации субъектов трудовых отношений	– традиционная, офлайн (личное взаимодействие) – электронная (обмен информацией, результатами и документами через e-mail, е-документооборот, через цифровые трудовые платформы) – виртуальная, онлайн (взаимодействие через видеосервисы для общения)
Отношение найма	– наемная (работа по найму) – самостоятельная (работа не по найму: индивидуальные предприниматели, самостоятельно занятые и пр.) – дополнительная занятость (работающие на дополнительной работе: по найму, не по найму)

Разработано авторами.

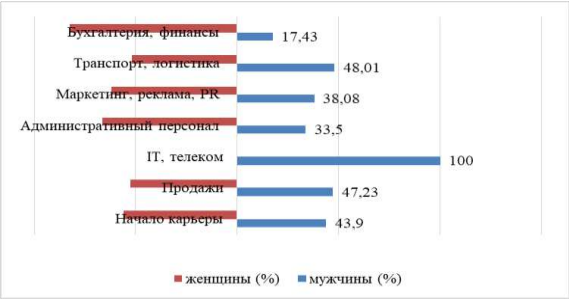
Цифровая занятость является сегментом занятости населения, отличительным признаком которой является применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в любом из элементов организации трудовых и бизнес-процессов в системе воспроизводства товаров и услуг. Варианты применения ИКТ: получение и передача заказа на выполнение работ или услуг; доставка готовой работы/услуги потребителю; коммуникационное взаимодействие субъектов социально-трудовых отношений; организация рабочего места; ИКТ являются продуктом или результатом труда; ИКТ являются инструментом/средством выполнения трудовой функции.

Гендерная специфика дистанционного (удаленного) рынка труда

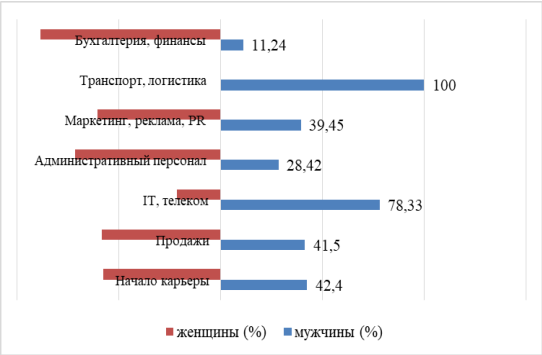
Методология статистического измерения цифровой занятости отстает от эволюционно-революционных процессов ее развития. На сегодняшний день Росстат аккумулирует статистику заключенных дистанционных трудовых договоров (она не показательна, не отражает реальный объем дистанционной занятости), наблюдается также статистика занятости по группам занятий и профессиям, где работа связана с интенсивным использованием ИКТ, но и она несовершенна. Накопленный массив данных короткий и не позволяет провести глубокую оценку и характеристику масштабов и разнообразия цифровых форм занятости. Косвенно развитие цифровой занятости в части нестандартной, дистанционной организации труда можно оценить через статистику открытого рынка рабочих мест: вакансий и резюме соискателей, опубликованных на сервисах по поиску работы/подбору сотрудника. Сервисы позволяют определить уровень конкуренции в сегменте дистанционной занятости, долю дистанционного рынка, среднюю заработную плату по вакансиям. Возможно выявление гендерной специфики путем контент-анализа статистической информации женских и мужских резюме, где задан поиск удаленного графика работы.



2021 г.



2018 г.



2015 г.

Рис. Гендерная структура соискателей удаленной (дистанционной) работы на отраслевых рынках труда г. Екатеринбурга за 2021 г. 2018 г., 2015 г., %

Нами проанализированы топ-8 профессиональных сфер, в которых ежегодно наблюдался высокий спрос на удаленную занятость со стороны соискателей. Результаты выявления гендерной специфики предложения рабочей силы на дистанционном рынке труда города-миллионника в отраслевом аспекте представлены на рисунке.

Данные рисунка визуализируют наличие существенной отраслевой дифференциации соискателей цифровой занятости по гендерному признаку. В массиве женских резюме лидирует спрос на работу в сфере финансов и бухгалтерии. Второе и третье места по преобладанию женских резюме заняли группы занятий в профессиональных сферах «административный персонал» и «маркетинг, реклама, PR». В сегменте ищущих дистанционную работу молодых специалистов, только начинающих карьеру, соотношение доли женских (56–57%) и мужских (43–44%) резюме за рассматриваемый период демонстрирует свою стабильность. Стабильность демонстрирует и гендерный портрет соискателей в сфере продаж, где доля мужских резюме составляет порядка 60%, а доля женских – 40% соответственно. Анализ динамики статистики резюме за 2015–2021 годы выявил изменения в социальном портрете соискателей в IT-сфере, где за последний период наметился тренд роста доли соискателей-женщин с 21.67% в 2015 г. до 26.58 % в 2021 г. В 2015 году среди женщин-соискателей не было спроса на работу в сфере транспорта и логистики, в 2021 году доля женских резюме составила 20.28% в данной профессиональной области.

Заключение

Представленные эмпирические результаты демонстрируют перспективы и возможности использования базы данных цифровых платформ по поиску/подбору персонала для реализации мониторинговых исследований социально-экономических метрик соискателей цифровой занятости и цифровых вакансий, для выявления трендов на цифровом рынке труда.

Отметим, что методология исследования проблем цифровой занятости находится на начальной стадии развития. Наблюдаемый массив статистических данных в сегменте цифровой занятости несовершенен, «невидимы» целые сегменты. Например, вне поля зрения официальной статистики находится платформенная занятость.

Теоретическое обоснование авторской позиции по сущностному толкованию понятия цифровой занятости дает основание говорить о видовом многообразии ее форматов. Методология и инструментарий исследований проблем цифровизации занятости должны опираться на микс-подход, на интеграцию возможностей официальной статистики, данных цифровых платформ и сервисов и результатов социологических исследований.

Ежегодный рост интереса к удаленному и гибридному формату работы можно рассматривать как положительный прогноз на дальнейшую эволюцию и распространение цифровых форм социально-трудовых отношений. Актуальность приобретают междисциплинарные проекты по оценке влияния цифровизации занятости на социально-экономические и демографические аспекты благополучия человека.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00614, тема «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие»).

Список литературы

1. Misra J., Budig M., Boeckmann I. Work-family policies and the effects of children on women's employment hours and wages // Community Work & Family. 2011. Vol. 14. Iss. 2. P. 139−157.

2. Зайцев Д.В., Щелокова И.В. Виртуальная дистанционная занятость молодежи: социальное значение и прогноз // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 204−207.

3. Дорохова Н.В. Анализ подходов к классификации форм нестандартной занятости населения // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. Т. 79. № 1 (71). С. 381−385.

4. Овакимян Т.М. Дистанционная занятость и ее особенности // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education: Collection of Scientific Articles. LIX International Correspondence Scientific and Practical Conference (Boston, 23–24 June 2019 year). Boston: Problems of science, 2019. P. 111−114.

5. Конобевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник Университета. 2019. № 7. С. 9−17.

6. Мусаев Б.А. Рост дистанционной занятости как новая тенденция в развитии российского рынка труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 2 (35). С. 40−50.

7. Харченко В.С. Самоидентификация и образ жизни в эмпирическом измерении фрилансеров // Продолжая Грушина: Материалы II Междунар. науч.-практ. социол. конф. (Москва, 15−16 марта 2012 г.). М.: ВЦИОМ, 2012. С. 188−190.

8. Титов В.Н. Свободная занятость (фриланс): перспективы на российском рынке труда // Путеводитель предпринимателя. 2018. № 40. С. 262−267.

9. Карпец О.В., Лейченко С.С., Рубинштейн Е.Д. Фриланс как форма нестандартной занятости на российском рынке труда // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: Сб. науч. ст. М.: Перо, 2020. С. 106−109.

10. Шатило Ю.Е., Копкова Е.С. Занятость и безработица в условиях цифровой экономики // Теория. Практика. Инновации. 2017. № 10 (22). С. 66–77.

11. Осипов В.С. Проблема занятости в цифровой экономике // ЦИТИСЭ. 2019. № 1. С. 35–35.

12. Бобков В.Н., Новикова Н.В., Шичкин И.А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2016. №3 (201). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-revolyutsiya-i-ee-vozdeystvie-na-ustoychivost-rynkov-truda-i-zanyatosti (дата обращения: 31.05.2022).

13. Тагаров Б.Ж. Влияние цифровой экономики на занятость населения в условиях экономического неравенства между территориями // Известия БГУ. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-ekonomiki-na-zanyatost-naseleniya-v-usloviyah-ekonomicheskogo-neravenstva-mezhdu-territoriyami (дата обращения: 31.05.2022).

14. Земцов С.П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 36 (3). С. 6–17.

15. Одегов В.Н., Павлова В.В. Трансформация труда: 6-ой технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 19–25.

16. Кашепов А.В. Трансформация занятости в цифровой экономике // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 2-С. С. 11–17.

17. Лютов Н.Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 115–130.

18. Пондо Е.А. Цифровая трансформация рынка труда в современных условиях // Горизонты экономики. 2020. № 2. С. 43–54.

19. Азьмук Н. Сущность, особенности и функции цифрового рынка труда // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Экономика. 2015. № 170. С. 38–43.

20. Азьмук Н.А. Цифрова зайнятість у системі регулювання національної економіки // Проблемы экономики (Харьков). 2020. № 1 (43). Р. 52–58.

21. Воронина Е.В. Анализ рынка дистанционной занятости в РФ // Научный альманах. 2016. № 2-1 (16). С. 125–129.

22. Мамонтова С.В. Дистанционная занятость в условиях инновационных преобразований: проблемы и перспективы развития // Новая потребительская кооперация – драйвер продовольственного импортозамещения и социально-экономического благополучия российского села: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 16–17 мая 2019 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 50–57.

23. Стариковская Н.А., Болбас А.Р. Гибридный формат работы на примере российских и зарубежных компаний // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. № 2 (39). С. 12–17.

24. Зотова С.А. Удаленная занятость как фактор трансформации кадрового менеджмента в период и после пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S1. С. 636–640.

25. Шестакова Е.В., Ермакова Ж.А. Гибридный офис: формат работы будущего // Актуальные вопро-

сы экономики: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 223–226.

26. Камарова Т.А., Борисова Т.Ю. Особенности и перспективы развития гибридной формы занятости в России // Кадровик. 2021. № 9. С. 107–118.

27. Чудиновских М.В. Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 280–284.

28. Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–34.

29. Арзыбаева А.А., Осмоналиев Н.А. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2022. Т. 22. № 3. С. 10–15.

30. Сауткина В.А. Виртуальная занятость: новые возможности и риски // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2 (39). С. 57–68.

31. Черных Е.А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 172–187.

32. Еремина И.Ю., Чупрова А.В., Эйрих Г.О. Мобильность и развитие персонала в условиях формирования интернет-занятости // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 45–53.

33. Земнухова Л.В. IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. 2013. № 4. С. 77–90.

34. Гук Л.П. Прогнозирование и регулирование развития нестандартной занятости в Украине // Бизнес информ. 2014. № 4. С. 278–283.

35. Зайцев Д.В., Ловцова Н.И., Правкина Я.Ю. и др. Экономические и социально-управленческие аспекты виртуальных трудовых отношений современной российской молодежи // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 159–168.

36. Уколова А.Е. Виртуализация занятости: новая тенденция в развитии трудовых отношений под влиянием цифровых платформ // Инновационные идеи молодых исследователей: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 января 2020 года. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. С. 143–150.

37. Зайцев Д.В., Щелокова И.В. Виртуальная дистанционная занятость молодежи: социальное значение и прогноз // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). С. 204–207.

38. Тонких Н.В., Камарова Т.А. Оценка распространенности нестандартной занятости на рынке труда Свердловской области Российской Федерации по результатам социологического исследования // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 2 (58). С. 185–196.

DIGITAL EMPLOYMENT: CLASSIFICATION AND GENDER SPECIFICITY

T.A. Kamarova, N.V. Tonkikh

Ural State University of Economics

The article is devoted to the development of the theory of digital employment, including the systematization of the types of digital employment, the identification of its sectoral structure and gender specifics. The purpose of the study is to clarify the conceptual and essential apparatus and classification features of attributing employment to digital types. A bibliographic analysis of publications since 2000 has been carried out. by 2022 according to the main definitions of the subject area "digital employment" using the Elibrary.ru database. The conceptual and terminological apparatus in the works of researchers offering their vision of the essence of digital types of employment, such as: remote, remote, virtual, platform, IT-employment is summarized. A comprehensive analysis of the presented definitions made it possible to single out the classification features of attributing employment to digital types: by the legitimacy of labor relations, their duration; workplace organization; on the specifics of normalization of working time; according to the result of labor; on the organization of communication of subjects of labor relations; in relation to hiring. The classification of types of digital employment is carried out, the author's interpretation of the essence of the concept of "digital employment" is given. The paper presents the results of a content analysis of resumes of applicants for remote (remote) work in the labor market of a million-plus city for 2015–2021. Source: HeadHunter research analytics statistics. The gender specificity of distance (remote) employment in the sectoral context is revealed: typically “male” and typically “female” sectors are identified. The results of the study are scientifically novel and confirm the relevance of research into the problems of digitalization of employment.

Keywords: digital employment, flexible employment, distance (remote) employment, hybrid employment, platform employment, freelancing, IT employment, information and communication technologies, COVID-19 pandemic, gender.

УДК 657
DOI 10.52452/18115942_2022_3_31

РАЗРАБОТКА КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2022 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.05.2022
Статья принята к публикации 18.07.2022

Технология управления промышленным предприятием, осложняемая нарастанием кризисных явлений экономической среды, по-прежнему входит в число фундаментальных проблем современной экономической науки. Среди наиболее весомых негативных факторов влияния на систему менеджмента современного хозяйствующего субъекта обрабатывающих отраслей следует назвать существенное повышение стоимости ресурсов на мировых и отечественных рынках; падение уровня производства; низкую платежеспособность потребителей и ставшие систематическими ограничения вследствие пандемии COVID-19. Достижение уровня финансовой устойчивости и развитие предприятий в таких условиях требует перманентного наращивания управленческого потенциала, внесения изменений в состав информационно-инструментальных средств, прежде всего принятия управленческих решений. Система бухгалтерского управленческого учета является одним из наиболее эффективных средств управления, ориентирована на информационное обслуживание руководства предприятий и также нуждается в систематических улучшениях. Целью исследования является разработка комплекса контрольно-оценочных инструментов, объектом которых служит набор ключевых показателей эффективности работы данной системы. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, в том числе обоснование подходов к структурированию набора ключевых показателей эффективности работы системы бухгалтерского управленческого учета; средств формирования и анализа результатов ее экспертной оценки. В основе исследования лежат методы, связанные с проведением опроса (интервьюирования) лиц, принимающих управленческие решения, и коллективных экспертных оценок, структурно-функционального объектно-ориентированного и сравнительного видов анализа, наблюдения, формализации, обобщения, декомпозиции и графической визуализации. Предложенный автором подход к структуризации комплекса контрольно-оценочных инструментов, объектом которых является система бухгалтерского управленческого учета, позволит не только значительно улучшить процесс ее совершенствования, но и в целом позитивно повлиять на выработку оптимальных управленческих решений в условиях нарастания кризисных явлений.

Ключевые слова: экспертная оценка, оценочная шкала, принятие управленческих решений, промышленное предприятие, бухгалтерский управленческий учет, система управления, SNW-анализ, процесс оценивания.

Введение

Развитие современной экономики по-прежнему предполагает в качестве основного «локомотива» промышленное производство, что, безусловно, налагает на субъектов последнего особые требования, ставит перед ними новые, постоянно усложняющиеся задачи. Решение этих задач осуществляется в условиях роста конкуренции на фоне существенного повышения стоимости ресурсов на мировых и отечественных рынках; падения уровня производства; низкой платежеспособности потребителей и ставших систематическими ограничений вследствие пандемии COVID-19. Нарастание негативных факторов влияния на финансовую устойчивость и доходность бизнеса предполагает внесение существенных изменений в технико-экономическую парадигму предприятий реального сектора экономики, в том числе в части управленческих технологий и средств их реализации.

Проведенные автором исследования показали наличие запроса менеджмента на структуризацию эффективного информационно-инструментального пространства управления организацией в условиях нестабильной, турбулентно меняющейся макроэкономической среды. Вполне очевидно, что полное удовлетворение данного запроса априори является длительным и непростым процессом, предполагающим, как правило, поэтапное внедрение инновационных методов в течение относительно длительного календарного периода. Надо отметить, что данный подход в целом соответствует концепции

Рис. 1. Контекстная диаграмма ведения бухгалтерского управленческого учета на промышленном предприятии

постоянного улучшения и оптимизации бизнес-процессов организации [1, 2].

Анализ проведенных исследований показал, что на большинстве предприятий реального сектора экономики в состав наиболее значимого управленческого инструментария входит система бухгалтерского управленческого учета (БУУ) финансово-хозяйственной деятельности. Сложный процесс инкорпорирования данной системы в управленческое пространство организации предполагает относительно развитую информационную инфраструктуру хозяйствующего субъекта, основное формирование которой, как правило, осуществляется на этапе зрелости жизненного цикла предприятия. Эксплуатация системы БУУ предполагает обработку значительных по объему массивов первичных данных, как правило, по сложным алгоритмам, открытым в том числе для внесения ситуационно-ориентированных изменений, вызванных нестабильностью экономической среды. Основной функцией системы БУУ является информационно-справочное (информационно-сервисное) обслуживание лиц, принимающих управленческие решения (ЛПУР), путем структуризации набора сведений, релевантных информационно-управленческим запросам последних. Укрупненная схема практического применения рассматриваемой системы представлена на рис. 1.

Не требует доказательств обязательность использования в работе системы информационно-коммуникационных средств, соответствующих требованиям цифровой трансформации процессов принятия управленческих решений и разработки кратко- и среднесрочных стратегий хозяйственной деятельности промышленных предприятий. По существу, система БУУ является внутренним, клиентоориентированным управленческим инструментом, продуктивная работа и развитие которого напрямую зависят от степени удовлетворения информационных потребностей ЛПУР. Вполне очевидно, что мнение данной категории пользователей является решающим в оценке качества данной системы и в определении путей ее дальнейшего совершенствования. Исходя из данного постулата, целью представленного в статье исследования является разработка комплекса контрольно-оценочных инструментов (КОИ), объектом которых служит набор ключевых показателей эффективности. Соответственно, в задачи входит обоснование подходов к структурированию данного набора, оценочной шкалы качества системы БУУ; к формированию и анализу результатов ее экспертной оценки, используемых, в свою очередь, в процессе непрерывного совершенствования средств управленческого учета.

Теоретико-методологические подходы

Ключевыми методами исследования, представленного в статье, являются опрос (интервьюирование) ЛПУР и коллективные экспертные оценки качества информационного обеспечения систем БУУ, реализованных на ряде промышленных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. В процессе проведения данного исследования также использовались методы структурно-функционального объектно-ориентированного и сравнительного видов анализа, наблюдения, формализации, обобщения, декомпозиции и графической визуализации.

Методологической основой исследования послужили научные труды ведущих ученых-экономистов в области управленческого учета. Нельзя не согласиться с авторами [3], утверждающими, что «управленческий учет является сложной, многоплановой и неоднородной по структуре и направленности системой, требующей четкой формулировки концептуальных основ, в рамках которых возможно ее функционирование». Позиционирование постулата о сложности и многослойности системы управленческого учета имеет место в работах ряда авторитетных ученых [4–6]. Касаясь вопроса о функциях системы, в [7] отмечается, что «управленческий учет обеспечивает передачу, контроль и координацию организационных оперативных мер». Важность реализации контрольной функции подчеркивается в [8], где говорится, что «роль управленческого учета состоит в том, чтобы действующей управленческой информационной системой эффективно выполнялась функция

контроля как процесса измерения и оценки информации».

Приоритетность решения контрольно-аналитических задач подчеркивается Т.А. Круковской, утверждающей, что управленческий учет, как «часть системы управления организацией … занимается подготовкой информации о текущем и перспективном развитии организации, ее анализом и определением мер по устранению выявленных отклонений от планов» [9]. Аналогичной позиции придерживаются авторы в [10], представляющие управленческий учет в качестве сегмента системы управления предприятием, генерирующего «информацию для обеспечения контроля посредством количественного сопоставления фактических результатов с расчетными в соответствии с организационной структурой организации или сегментами предпринимательства; для принятия управленческих решений и планирования с помощью количественных данных, для оценки альтернативного направления действий».

Несколько иной позиции придерживаются исследователи в [11], подчеркивая, что управленческий учет представляет собой систему внутренней аналитической информации о доходах и расходах предприятия, представленной по заранее определенным признакам. Аналогичного мнения придерживается целый ряд исследователей, в том числе в работах [12–21]. Намного шире представляют предметную область управленческого учета авторы [22], по мнению которых в функции управленческого учета входят «поддержка стратегического развития и планирования; поддержка принятия решений в таких областях, как инвестиционные проекты, приобретение нового бизнеса и запуск новой продукции; принятие решений по ценообразованию; необходимость отвечать все увеличивающимся потребностям рынка на предмет информации о результатах деятельности, как фактических, так и прогнозируемых; и необходимость понимать сравнительные результаты деятельности различных частей бизнеса, чтобы принимать взвешенные и обоснованные решения в отношении будущего направления развития каждого отдельного бизнеса». Автор [23] придерживается сходного профессионального суждения, отмечая, что «наряду с методами калькулирования (имманентно присущими управленческому учету. – *И.М*), действенными механизмами … (управленческого учета. – *И.М.*) были признаны процессы бюджетирования, анализа, прогнозирования как затрат, так и других ресурсов предприятия».

Приведенные выше теоретико-методологические подходы, общим вектором которых является возможность многовариантного структурирования системы БУУ в соответствии с семантикой и организационно-технологическими параметрами информационных запросов ЛПУР конкретного хозяйствующего субъекта, подтверждают сформулированную автором и изложенную выше гипотезу о том, что профессиональное (экспертное) суждение руководства организации является решающим в оценке качества функционирования системы БУУ и в определении путей ее развития. По мнению автора, наиболее предпочтительным инструментом оценивания в контексте предмета проводимого исследования должна стать порядковая шкала оценивания [24].

В качестве средства интерпретации результатов экспертного оценивания качества работы системы БУУ целесообразно применить метод SNW-анализа [25, 26], отражающего: сильные (S), нейтральные (N) и слабые (W) стороны объекта. В свою очередь, результаты проведения данного вида анализа могут быть использованы в процессе непрерывного совершенствования системы БУУ предприятия на основе цикла Шухарта–Деминга [27–29]. Данный цикл объединяет четыре стадии (рис. 2), в контексте представленного исследования они будут следующими:

1) планирование, на которой определяются цели и задачи совершенствования;

2) действия, предполагающие реализацию запланированных целей и задач;

3) проверка результатов действий, на которой используются КОИ;

4) корректирование объекта совершенствования на основе результатов проверки.

Результаты

Анализ материалов проведенного автором опроса ЛПУР исследуемых промышленных предприятий показал, что, по общему мнению, набор ключевых показателей эффективности (КПЭ) системы БУУ образуют следующие параметры качества ее работы:

– релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т. ч. отсутствие избыточности данных);

– своевременность реализации информационных запросов менеджеров;

– надежность средств формирования и информационная безопасность данных;

– понятность представления данных для широкого круга пользователей;

– возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных;

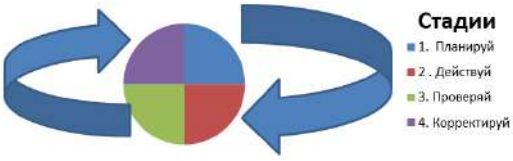


Рис. 2. Цикл Шухарта–Деминга

Таблица 1

Оценочная шкала качества системы бухгалтерского управленческого учета промышленного предприятия

Оценка	Процентное содержание баллов	Показатель оценивания (степень соответствия требованиям качества)
0	0	Полное несоответствие
1	1 ÷ 24	Существенное несоответствие
2	25 ÷ 49	Частичное несоответствие
3	50 ÷74	Условно допустимое соответствие
4	75 ÷99	Допустимое соответствие
5	100	Полное соответствие

Источник: разработка автора

– наличие информационно-логических связей с другими задачами управления;

– перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета.

В качестве объекта оценивания рассмотрим систему БУУ, реализованную на предприятии ООО «XXXX», представляющую собой наиболее репрезентативный вариант из числа аналогичных систем, реализованных на исследуемых предприятиях. Для оценки качества функционирования данной системы предлагается использовать пятибалльную порядковую шкалу, представленную в табл. 1.

Процесс оценивания в данном контексте имманентно носит субъективный характер, основанный на эмпирических знаниях одного эксперта. Мы полагаем, что для повышения качества конечного результата данного процесса следует использовать коллективное мнение нескольких экспертов, при условии их максимальной компетенции в сфере управленческого учета. Необходимо подчеркнуть, что работа системы БУУ в соответствии с заданным набором КПЭ зависит от многих информационно-коммуникационных, интеллектуальных, организационных и иных факторов, в том числе от вероятности безотказной работы технических средств, надежности программного обеспечения, квалификации персонала, а также от различных событий случайного, непредвиденного характера. Следовательно, экспертную оценку О качества реализации *i*-го показателя из набора КПЭ целесообразно рассчитывать по формуле:

$$Oi = Bi \times Pi, \qquad (1)$$

где В*i* – балл, выставляемый экспертом; Р*i* – вероятность успешной реализации процессов, обеспечивающих соответствие работы системы БУУ запланированному уровню *i*-го показателя из набора КПЭ.

Средний балл качества OQ реализации *i*-го показателя из набора КПЭ рассчитывается по формуле:

$$OQ_i = \frac{1}{M} \sum_{m=1}^{M} O_i, \qquad (2)$$

где *M* – число экспертов, участвующих в оценивании.

Интегрированная экспертная оценка SQ системы БУУ рассчитывается по формуле:

$$SQ = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^{N} OQ_i, \qquad (3)$$

где *N* – количество оцениваемых показателей.

Результаты оценивания системы БУУ, реализованной на предприятии ООО «XXXX», представлены в табл. 2, их SNW-анализ – в табл. 3.

Исходя из полученных результатов применения КОИ, образуемых путем комплексного использования средств экспертного оценивания и SNW-анализа КПЭ рассматриваемой системы БУУ предприятия ООО «XXXX», в целях выхода в зону «сильных сторон» целесообразен очередной «виток» стадий, предусмотренных циклом Шухарта–Деминга.

Заключение

Эффективный менеджмент хозяйствующего субъекта обрабатывающих отраслей в условиях нарастающих негативных факторов влияния экономической среды требует существенного изменения технико-экономической парадигмы, в том числе в части применяемых управленческих технологий. Одной из наиболее востребованных из числа последних является система

Таблица 2

Результаты экспертной оценки системы бухгалтерского управленческого учета предприятия ООО «XXXX»

Дата 22.04.2021

№ п/п	Наименование показателей	Вероятность успешной реализации	Эксперты					Средние оценочные показатели
			А	Б	В	Г	Д	
			Оценки					
1	Релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т. ч. отсутствие избыточности данных)	0.90	4.50	4.50	3.60	2.70	2.70	3.60
2	Своевременность реализации информационных запросов менеджеров	0.95	3.80	4.75	4.75	2.85	2.85	3.37
3	Надежность средств формирования и информационная безопасность данных	0.95	3.80	3.80	4.75	3.80	3.80	3.61
4	Понятность представления данных для широкого круга пользователей	0.75	3.75	3.75	3.00	3.00	2.25	3.15
5	Возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных	0.80	2.40	4.00	4.00	4.00	3.20	3.52
6	Наличие информационно-логических связей с другими задачами управления	0.70	2.80	2.10	2.10	2.10	3.50	2.94
7	Перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета	0.60	2.40	3.00	3.00	3.00	3.00	2.88
8	Интегрированная экспертная оценка							3.29

Таблица 3

SNW-анализ результатов экспертной оценки системы бухгалтерского управленческого учета предприятия ООО «XXXX»

№ п/п	Наименование показателей	Слабые стороны		Нейтральные стороны		Сильные стороны	
		Средние оценочные показатели					
		0	1	2	3	4	5
1	Релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т.ч. отсутствие избыточности данных)				3.6		
2	Своевременность реализации информационных запросов менеджеров				3.37		
3	Надежность средств формирования и информационная безопасность данных				3.61		
4	Понятность представления данных для широкого круга пользователей				3.15		
5	Возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных				3.52		
6	Наличие информационно-логических связей с другими задачами управления			2.94			
7	Перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета			2.88			

бухгалтерского управленческого учета, имманентно ориентированная на удовлетворение наиболее сложных и значимых информационных запросов ЛПУР. Бухгалтерский управленческий учет относится, по существу, к сервисным инструментам, встроенным в сложную ткань информационного обслуживания руководства организации. Закономерно, что оценка качества реализации данной технологии именно этой категорией пользователей имеет решающее значение в определении критериев и параметров ее функционирования и дальнейшего развития. Вполне очевидно, что придание максимальной объективности процессу и результату оценивания требует продуманного и обоснованного комплекса контрольно-оценочных инструментов. Предложенный автором состав данного комплекса позволяет «точечно» нацелить и сконцентрировать усилия управленческого персонала на улучшение именно тех показателей, которые, согласно экспертной оценке, нуждаются в выходе в зону «сильных сторон». Необходимо отметить важность обязательной институционализации предлагаемых средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий.

Список литературы

1. Селиванова Ю.А. Концепции постоянного улучшения в оптимизации бизнес-процессов организации // Методы науки. 2017. № 1. С. 9–10.

2. Чайка В.А. Принципы формирования механизма непрерывного улучшения качества в российских компаниях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2006. № 2. С. 43–64.

3. Михайлушкин П.В., Баранников А.А. Формирование научной концепции управленческого учета: предмет, метод и задачи учета // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2012. № 1. С. 188–194.

4. Серебрякова Т.Ю., Бирюкова О.А., Кондрашова О.Р. Институциональные подходы к классификации управленческого учета // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 2 (440). С. 204–212.

5. Соколов А.Ю. Формирование информации о затратах в системе управленческого учета. М.: Бухгалтерский учет, 2007. 176 с.

6. Sokolov A.Y., Bikmukhametova Ch.Z. Accounting for over-heads in Russia: historical aspects // Academy of Marketing Studies Journal. 2016. Vol. 20. Special Issue. P. 115–120.

7. Мамонтова Е.В., Фахрисламова Е.И. Управленческий учет на предприятии: организация и формирование социальных показателей управленческого учета // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 2. С. 232–242.

8. Вандина О.Г. Эволюция системы учета по центрам ответственности для руководства предприятия как части традиционной системы управленческого учета // Экономические и гуманитарные науки. 2013. № 11 (262). С. 77–80.

9. Круковская Т.А. Бухгалтерский учет и отчетность для целей управленческого учета на примере предприятий химической промышленности // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 5 (50). С. 134–136.

10. Вандрай Л.В., Ясыр Л.П., Боян Е.Г., Болдунова С.А. Сущность управленческого учета и его взаимодействие с бухгалтерским учетом // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2007. № 6. С. 31–53.

11. Глущенко А.В., Ермакова М.С. Элементы единой учетной политики в интересах управленческого учета агрохолдинга // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 3 (210). С. 29–33.

12. Управленческий учет: Учебное пособие / Под ред. Я.В. Соколова. М.: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 428 с.

13. Серебрякова Т.Ю., Бирюкова О.А., Гордеева О.Г. Управленческий учет: Учебник / Под ред. Т.Ю. Серебряковой. М.: ИНФРА-М, 2018. 553 с.

14. Друри К. Управленческий учет для бизнес-решений: Учебник: Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 655 с.

15. Кондраков Н.П., Иванова М.А. Бухгалтерский управленческий учет: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 352 с.

16. Демина И.Д. О соотношении управленческого учета и бухгалтерского управленческого учета в системе управления организацией // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под науч. ред. Е.М. Сорокиной. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. С. 240–246.

17. Басова А.В., Нечаев А.С. Бухгалтерский (управленческий) учет: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 324 с.

18. Каверина О.Д. Управленческий учет: системы, методы, процедуры: Монография. М.: Финансы и статистика, 2003. 352 с.

19. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учет. М.: Омега-Л., 2007. 570 с.

20. Кротова А.Б. Управленческий учет затрат в организациях строительной отрасли: теория и методика: Монография. Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2012. 154 с.

21. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет: Учебное пособие. 2-е изд., исправ. и доп. М: Магистр: ИНФРА-М, 2021. 144 с.

22. Чая В.Т., Чупахина Н.И Перспективы развития управленческого учета // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 22 (103). С. 2–14.

23. Иванова И.В. Эволюция управленческого учета как составной части мировой системы учета // Учет и статистика. 2013. № 1 (29). С. 21–29.

24. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование: теория принятия решений: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 220700 «Организация и управление наукоемкими

производствами» специальности 220701 «Менеджмент высоких технологий». М.: КноРус, 2015. 568 с.

25. Филобокова Л.Ю. SNW-, STEP- И SWOT-анализ в системе стратегического управления малым предпринимательством // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 17 (98). С. 36–39.

26. Крылова С.А. Теория и практика применения SNW-анализа // Сборник трудов IV межвузовской научно-практической конференции «Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы». Омск: Изд-во Омского государственного технического университета, 2018. С. 96–99.

27. Кузьмин А.М. Цикл Шухарта–Деминга У. Шухарт (США), 20-е гг. XX в. деятельности организации Э. Деминг (США), 30-е гг. XX в. Цикл PDCA. Цикл PDSA. Цикл PDC(S)A // Методы менеджмента качества. 2010. № 2. С. 1.

28. Дмитриева П.С. Использование цикла Деминга и процессного подхода для повышения качества выпускаемой продукции // Успехи современного естествознания. 2006. № 6. С. 26–27.

29. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. М.: РИА «Стандарты и качество», 2008. 408 с.

DEVELOPMENT OF CONTROL AND EVALUATION TOOLS FOR THE MANAGEMENT ACCOUNTING SYSTEM OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The technology of industrial enterprise management, complicated by the growing crisis phenomena of the economic environment, is still among the fundamental problems of modern economics. Among the most significant negative factors affecting the management system of a modern business entity of the manufacturing industries should be called a significant increase in the cost of resources on world and domestic markets; a drop in production levels; low consumer solvency and systematic restrictions due to the COVID-19 pandemic. Achieving the level of financial stability and development of enterprises in such conditions requires a permanent increase in managerial potential, making changes to the composition of information and tools, first of all, making managerial decisions. The management accounting system is one of the most effective management tools, is focused on information services for the management of enterprises, and also needs systematic improvements. The purpose of the study is to develop a set of control and evaluation tools, the object of which is a set of key performance indicators of this system. Achieving this goal involves solving a number of tasks , including those involving the justification of approaches to structuring a set of key performance indicators of the management accounting system; means of forming and analyzing the results of its expert evaluation . The research is based on methods related to conducting a survey (interviewing) of managerial decision makers and collective expert assessments, structural and functional object-oriented and comparative types of analysis, observation, formalization, generalization, decomposition and graphical visualization. The approach proposed by the author to the structuring of a set of control and evaluation tools, the object of which is the management accounting system, will significantly improve not only the process of its improvement, but also, in general, positively affect the development of optimal management decisions in the conditions of increasing crisis phenomena.

Keywords: expert assessment, evaluation scale, management decision-making, industrial enterprise, accounting management accounting, management system, SNW-analysis, evaluation process.

УДК 338.246.2
DOI 10.52452/18115942_2022_3_38

УНИФИКАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИКВИДНОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2022 г.

П.С. Салмин, Н.А. Салмина

Салмин Павел Сергеевич, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmin@bk.ru
Салмина Наталья Александровна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmina_nataly@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2022
Статья принята к публикации 28.07.2022

Целью работы является новый подход к формированию аналитического баланса и расчет коэффициентов ликвидности на основе анализа деятельности ряда российских компаний реального сектора экономики. Экономико-математические методы, предложенные в статье, позволяют анализировать активы и пассивы, используемые при расчете коэффициентов платежеспособности, классифицировать их в зависимости от скорости превращения в наиболее ликвидные активы и от сроков погашения текущих обязательств без привязки к статьям бухгалтерского баланса. Традиционный подход предполагает жесткую привязку активов к внеоборотным или оборотным активам, а привязку пассивов – к краткосрочным или долгосрочным. Такой подход к группировке активов и пассивов в определенном смысле унифицирует данные для всех организаций, но при этом не отражает реального положения вещей. Это связано со спецификой осуществления хозяйственной деятельности каждой отдельно взятой организации. Поэтому для целей управления стандартный подход зачастую бесполезен. Результатом исследования является индивидуальный подход к анализу стоимости и ликвидности каждого актива и каждого обязательства в зависимости от фактора времени для принятия эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: платежеспособность, ликвидность, трансформация баланса, текущие активы, текущие обязательства.

Введение

Важнейшим фактором при принятии управленческих решений в компании при привлечении финансовых ресурсов, бесспорно, является показатель платежеспособности. Актуальность исследования по этой тематике обусловливается тем, что существующие методики анализа ликвидности и/или платежеспособности зачастую необоснованно формализованы, например стандартами бухгалтерского учета или другими причинами, и не отвечают на ряд существенных вопросов, связанных с соотношением обязательств и активов компании как для целей оценки, так и для управленческих воздействий. В опубликованных ранее статьях [1, 2] авторами была изложена концепция определения ликвидности компании не по общепринятым стандартам, которые базируются на формальном подходе к определению активов и пассивов. В изложенной концепции в первую очередь в качестве ключевого фактора определялись сроки погашения пассивов (как долгосрочных, так и краткосрочных) и соотносимые с ними сроки превращения в деньги тех или иных активов.

Методология

На основе апробации предложенных ранее методов в организациях, в основном занимающихся производственной деятельностью, таких как, например, ПАО «ГАЗ» [3], Павловский автобусный завод, смежные производства, предприятия судостроительной отрасли, а также ряде средних и малых предприятий реального сектора экономики различных форм собственности авторы выявили тенденции, позволяющие модифицировать стандартные методики оценки ликвидности и трансформации управленческой отчетности для целей такой оценки. Рассмотренные ниже примеры содержат среднестатистические пропорции физического и финансового капитала, присущего таким организациям.

Например, компания располагает высоколиквидным дорогостоящим оборудованием, она

Таблица 1

График амортизации кредита (фрагмент), руб.

№	Дата платежа, не позднее	Платеж	Остаток долга	Проценты	Выплата основного долга
0	20.11.2021	0	1 000 000.00	–	–
1	20.12.2021	23 789.93	1 000 000.00	12 500.00	11 289.93
2	20.01.2022	23 789.93	988 710.07	12 358.88	11 431.05
3	20.02.2022	23 789.93	977 279.02	12 215.99	11 573.94
4	……..	……	…….	……	……

Таблица 2

Пример трансформации пассива баланса, тыс. руб.

Пассив	на 30.11.2021		на 31.12.2021	
	Традиционный формат	Пример трансформации	Традиционный формат	Пример трансформации
Уставный капитал	2 500.00	2 500.00	2 500.00	2 500.00
Нераспределенная прибыль	2 500.00	2 500.00 – 12.50= = 2 487.50	2 500.00 – 12.50= = 2 487.50	2 487.5 –12.36= =2 475.14
Долгосрочные заемные средства	1 000.00	1 000.00–11.290= = 988.71	1 000.00–11.290 = = 988.71	988.71–11.43= =977.28
Краткосрочные заемные средства	–	12.50+11.29 = =23.79	–	12.36 +11.43= =23.79
Кредиторская задолженность	1 000.00	1 000.00	1 000.00	1 000.00
Баланс	7 000.00	7 000.00	6 976.21	6 976.21

сможет реализовать его по рыночной цене достаточно быстро (моментально) и погасить любые текущие обязательства. Конечно, данный подход требует дополнительного анализа возможностей такого предприятия обходиться без указанного оборудования, однако современная практика производственного менеджмента показывает, что зачастую многие производственные процессы могут быть переложены на аутсорсинг и с этим никаких проблем не возникает.

В классической оценке производственных активов оно (производственное оборудование) будет относиться к категории низколиквидных активов, хотя бы потому, что раньше отсутствие производственных мощностей приравнивалось к фактической ликвидации предприятия.

Множество современных инструментов производственного менеджмента и глобализации рынков говорит нам о том, что к каждому активу, независимо от срока его полезного использования, нужно подходить индивидуально, как в его базовой оценке в качестве сырья, так и стоимости как технологического оборудования.

Наиболее ярким примером соотношения качества и погашения обязательств является банковский кредит.

Приведем простой пример.

20.11.2021 организация получила долгосрочный кредит 1 000.00 тыс. руб. на 5 лет. Погашение кредита осуществляется аннуитетными платежами по ставке APR^1 = 15% годовых.

Ежемесячный платеж по кредиту составит:

$$a = \frac{PV_0 \cdot \frac{APR}{m}}{1 - \left(1 + \frac{\mathrm{APR}}{\mathrm{m}}\right)^{(-\mathrm{m}\cdot\mathrm{n})}} =$$

$$= \frac{1000000 \cdot 0.15/12}{1 - (1 + 0.15/12)^{(-12\cdot 5)}} = 23\ 789.93 \text{ руб.}$$

График амортизации кредита представим в табл. 1.

Согласно условию задачи, начисление, выплата процентов и суммы основного долга будет осуществляться 20-го числа каждого месяца до полного погашения.

Тогда на 31.12.2021 в бухгалтерском балансе остаток долга по долгосрочному кредиту составит 988.710 тыс. руб.

Согласно [4–6] при расчете коэффициентов ликвидности в знаменателе отражают кредиторскую задолженность и краткосрочные заемные средства. Долгосрочные обязательства в расчете не участвуют. Между тем организация должна ежемесячно в течение пяти лет погашать задолженность по долгосрочному кредиту в размере 23.789 тыс. руб. Поэтому для расчета коэффициентов ликвидности необходимо учитывать и эту сумму.

Помимо задолженности по кредитам и займам (как долгосрочным, так и краткосрочным) организация ежемесячно погашает (как правило, краткосрочную) задолженность работникам по оплате труда, бюджету по налогам, поставщикам и подрядчикам и т.д.

Приведем пример трансформации пассива бухгалтерского баланса для целей анализа ликвидности (табл. 2).

Таблица 3

Баланс фирмы «Альфа» на 30.11.2021, тыс. руб.

Актив	Традиционный пассив	Трансформированный пассив
Основные средства – 5 000.00 Запасы ($А_1$) – 400.00 Дебиторская задолженность ($А_2$) – 1 500.00 Денежные средства + краткосрочные финансовые вложения ($А_3$) – 100.00	Уставный капитал – 2 500.00 Нераспределенная прибыль – 2 500.00 Долгосрочные заемные средства – 1 000.00 Краткосрочные заемные средства ($П_1$) – 0.00 Кредиторская задолженность ($П_2$) – 1 000.00	Уставный капитал – 2 500.00 Нераспределенная прибыль – 2 487.50 Долгосрочные заемные средства – 988.71 Краткосрочные заемные средства – 23.79 Кредиторская задолженность – 1 000.00
БАЛАНС 7 000.00	БАЛАНС 7 000.00	БАЛАНС 7 000.00

Таблица 4

Баланс фирмы «Альфа» на 31.12.2021, тыс. руб.

Актив	Пассив (традиционный формат)
Основные средства – 5 000.00 Запасы ($А_1$) 400.00 – 40.00 = 360.00 Дебиторская задолженность ($А_2$) 1 500.00–150.00 +48.00 = 1 398.00 Денежные средства + краткосрочные финансовые вложения ($А_3$) 100.00 – – 100.00 +150.00 – 23.79 = 126.21	Уставный капитал – 2 500.00 Нераспределенная прибыль – 2 500.00 + 8.00 – 12.50 = 2 495.50 Долгосрочные заемные средства – 1 000–11.29 = 988.71 Краткосрочные заемные средства ($П_1$) – 0.00 Кредиторская задолженность ($П_2$) – 1 000.00 – 100.00 = = 900.00
БАЛАНС 6 884.21	БАЛАНС 6 884.21

Пояснения к табл. 2:

1. Сумма процентов по кредиту уменьшает нераспределенную прибыль;

2. Отражаем уменьшение суммы долгосрочного кредита в части погашения основного долга;

3. Трансформируем в текущую задолженность ежемесячный платеж по долгосрочному кредиту вместе с суммой процентов.

В основе данного подхода к расчету ликвидности лежит срочность погашения всех обязательств компании, как краткосрочных, так и долгосрочных. То есть если интервал расчета коэффициента ликвидности, допустим, два месяца, то обязательства, которые участвуют в расчетах, должны также браться за два месяца.

Составим гипотетический баланс фирмы «Альфа» на 30.11.2021 (табл. 3).

Расширим условия задачи.

Предположим, что в декабре планируется:

1. Погасить кредиторскую задолженность в размере 10%, что приведет к снижению суммы средств на счетах и в кассе 100.00 тыс. руб.:

1 000.00 ·10% = 100.00 тыс. руб.;

2. Получить 10% дебиторской задолженности, что увеличит максимально ликвидные активы на счетах и в кассе на 150.00 тыс. руб.:

1 500.00 тыс. руб. ·10% = 150.00 тыс. руб.;

3. Реализовать 10% товаров:

400.00 тыс. руб. ·10% = 40.00 тыс. руб.

себестоимость проданных товаров. Величина отгруженных товаров трансформируется в балансе в дебиторскую задолженность. И если предположить, что товары будут проданы с наценкой 20%, дебиторская задолженность увеличится и составит 40.00 · 1.2 = 48.00 тыс. руб. (задолженность планируется к погашению в феврале). Счета к получению составят: 1350.00 + + 48.00 = 1 398.20 тыс. руб. А в пассиве увеличится нераспределенная прибыль на 48.00 – – 40.00 = 8.00 тыс. руб.

По условию примера организация имеет долгосрочный кредит в размере 1000.00 тыс. руб. На 20.12.2021 выплата по кредиту составит 23.79 тыс. руб. Погашение кредита приведет к снижению денег на счетах и в кассе на 23.79 тыс. руб. в активе. Сумма основного долга (11.29 тыс. руб.) уменьшит величину долгосрочных заемных средств в пассиве, а сумма процентов (12.50 тыс. руб.) – нераспределенную прибыль, т.к. проценты банку являются прочими расходами и уменьшают налогооблагаемую прибыль [7, 8].

Составим бухгалтерский баланс на 31.12.2021 (табл. 4).

Произведем расчет коэффициентов ликвидности в традиционном формате на 31.12.2021, результаты расчетов отразим в табл. 5.

Результаты

Рассмотрим полученные результаты. В расчетах использована традиционная методика расчета показателей ликвидности. Текущие активы последовательно покрывают текущие обязательства, к которым отнесена кредиторская задолженность, при этом не учитываются сроки

Таблица 5

Расчет показателей ликвидности на 31.12.2021

Коэффициенты	Формула	Рекомендуемое значение [9]	Расчет
$К_{тл}$	$\frac{А_1 + А_2 + А_3}{П_1 + П_2}$	Достаточное значение 2	$К_{тл} = \frac{360.00 + 1\,398.00 + 126.21}{900.00} = 2.094$
$К_{кл}$	$\frac{А_2 + А_3}{П_1 + П_2}$	Достаточное значение 0.8	$К_{кл} = \frac{1\,398.00 + 126.21}{900.00} = 1.694$
$К_{абс.л}$	$\frac{А_3}{П_1 + П_2}$	Достаточное значение 0.2	$К_{абс.л} = \frac{126.21}{900.00} = 0.14$

ее погашения, остаток долга по долгосрочному кредиту также в расчётах не участвует.

Значение коэффициента абсолютной ликвидности, рассчитанное по традиционной методике, не соответствуют рекомендуемому значению показателя. В данном случае делается вывод о неспособности организации погасить все свои срочные обязательства на дату составления баланса.

Однако на практике не все так однозначно, то есть не вся кредиторская задолженность требует немедленного ее погашения.

Например, компания получает товарный кредит, согласно которому отсрочка предоставляется на несколько месяцев; понятно, что при расчете коэффициента ликвидности текущего месяца данные платежи должны быть исключены из расчетов.

Соответственно, и не вся дебиторская задолженность будет погашена покупателями и/или заказчиками в анализируемом периоде. То есть срок погашения краткосрочной дебиторской задолженности может быть различен, и, согласно классификации активов по степени ликвидности, не вся краткосрочная дебиторская задолженность является быстрореализуемым активом. То же самое можно сказать и про запасы, которые с точки зрения классификации по степени ликвидности считают медленнореализуемым активом.

Утверждение, что все внеоборотные активы являются труднореализуемыми активами, также не выдерживает критики, так как, например, на балансе организации в анализируемый период может быть основное средство, по которому заключен договор купли-продажи, согласно которому денежные средства ожидаются к получению в текущем месяце. Поэтому данное основное средство нельзя исключить из расчета ликвидности.

То есть при расчете показателя ликвидности необходима дифференциация как оборотных и внеоборотных активов, так и всех обязательств по признаку возможных денежных поступлений.

Далее оценим ликвидность компании для случая, когда время монетизации активов равно сроку погашения обязательств.

Для этого, в продолжение нашего примера, переводим долгосрочную задолженность в размере месячного платежа по кредиту 23.79 тыс. руб. в краткосрочную задолженность. Сумма процентов в размере 12.36 тыс. руб. уменьшает нераспределенную прибыль. Сумма основного долга в размере 11.43 тыс. руб. уменьшает долгосрочную задолженность банку.

Классическая оценка характеристик ликвидности и платежеспособности на базе трех показателей в таком формате становится неактуальной. Для определения покрытия обязательств высоколиквидными активами достаточно одного показателя на любой отдельно взятый момент времени, для которого и поставлены в соответствие необходимые активы и обязательства.

Тогда расчет ликвидности будет выглядеть следующим образом:

$$К_{ликвидности} = \frac{\text{Сальдо денежных средств на начало+Счета к получению}}{\text{Счета к уплате}}.$$

Результат на выбранный момент времени должен быть не меньше единицы:

$$К_{\ ликвидности} \geq 1.$$

Для нашего примера рассчитаем коэффициент ликвидности на 30.11.2021:

$$К_{ликвидности} = \frac{100{,}00+150{,}00}{100{,}00+23{,}79} = 2{,}02.$$

В числителе – сумма дебиторской задолженности и остатка денег на начало декабря, а в знаменателе кредиторская задолженность к погашению в декабре и предстоящая выплата по кредиту, включающая погашение основного долга и процентов.

Таким образом, ликвидность рассчитана на начало месяца, а не на конец. Поэтому есть возможность предпринять некие управляющие воздействия, если данный показатель не удовлетворяет текущим требованиям. В случае расчета на конец периода, когда все операции уже осуществлены, такое воздействие будет невозможно. Как видно из расчетов, с ликвидностью все хорошо, однако насколько числитель должен превышать знаменатель, в данной модели определить не представляется возможным. Поэтому расчеты верхних границ ликвидности – самостоятельная тема наших дальнейших исследований.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что при формировании трансформированного баланса необходимо следующее.

Во-первых, величина покрытия текущими активами наиболее срочных обязательств корректна в трансформированном балансе только тогда, когда скорректирована величина ликвидности активов. При этом активы должны группироваться не по скорости их оборота в операционном цикле, то есть стандартный подход группировки статей баланса от внеоборотных к оборотным активам здесь не подходит. Группировка должна осуществляться в зависимости от скорости их реализации по рыночным ценам. В случае если есть возможность реализовать актив по ликвидационной стоимости, его нужно переоценить. Аналогичным образом нужно поступать с обязательствами. Так, например, долгосрочные обязательства, которые не участвуют в расчете показателей быстрой ликвидности, могут быть либо частично погашенными, либо представлять собой обязательства с достаточно высокой степенью периодичности погашения. Так же и краткосрочные обязательства по ряду причин могут оказаться в разряде долгосрочных. То есть традиционный подход к группировке активов и обязательств слишком заформализован.

Во-вторых, при расчете наиболее срочных показателей очень важно равенство временных диапазонов, в которых могут быть реализованы активы и погашены обязательства. То есть если аналитик строит прогноз по показателям ликвидности на предстоящий период, равный, например, трем месяцам, то обязательства, используемые в расчетах, должны погашаться через этот интервал, а срок реализации активов не должен превышать этот период.

И в-третьих, для определения ликвидности вместо трех показателей достаточно одного. Этот коэффициент покажет на любую дату (здесь еще нужно будет рассчитать необходимый временной интервал, для которого будут определены соответствующие ему активы и обязательства), может ли организация в данный момент времени погасить свои обязательства. При этом критерием ликвидности выступает ее возможный максимум, связанный с превышением выбранных активов над обязательствами.

Следовательно, традиционный подход к группировке активов и пассивов в определенном смысле унифицирует данные для всех организаций с целью налогообложения, но при этом не отражает реального положения вещей. Это связано со спецификой осуществления хозяйственной деятельности каждой отдельно взятой организации. Поэтому для целей управления такой подход зачастую будет бесполезен. Для принятия управленческих решений необходим индивидуальный подход к оценке стоимости и ликвидности каждого актива и обязательства с учетом фактора времени, например по методикам, основные положения которых изложены в статье.

Примечание

1. APR (от англ. Annual Percentage Rate) – годовая процентная ставка.

Список литературы

1. Салмин П.С., Салмина Н.А. Интегральная оценка ликвидности по всей совокупности активов и обязательств в зависимости от временных параметров // Актуальные проблемы экономики и управления: Сборник научных статей. Электронное издание. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 259–361.

2. Салмин П.С., Салмина Н.А. Оценка платежеспособности предприятия на основе расчета показателей ликвидности // Сборник научных статей по бухгалтерскому учету, экономическому анализу и аудиту, посвященных юбилею заслуженного профессора ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктора экономических наук Е.А. Мизиковского / Ред. кол. И.Е. Мизиковский, Э.С. Дружиловская, А.А. Баженов. Электронное издание. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 558–562.

3. Салмина Н.А. Организационно-экономический механизм управления факторами производства автокомпонентов: Дис. ... канд. экон. наук. Н. Новгород, 2013. 130 с.

4. Донцова Л.В., Никифорова Н.А. Анализ финансовой отчетности: практикум. 2-е изд., перераб. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2016. 144 с.

5. Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М.: Проспект, 2017. 1104 с.

6. Любушин Н.П. Экономический анализ. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 441 с.

7. Приказ Минфина России от 06.05.1999 № 33н (ред. от 06.04.2015) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99».

8. Приказ Минфина России от 06.10.2008 № 107н (ред. от 06.04.2015) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет расходов по займам и кредитам» (ПБУ 15/2008)».

9. Регламент предоставления кредитов юридическим лицам Сбербанком России и его филиалами от 30 июня 2006 г. № 285-5-р.

10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции, действующей от 30.12.2021 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

11. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Последняя действующая редакция от 30.12.2021 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

12. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа».

13. Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 № 43н (ред. от 08.11.2010, с изм. от 29.01.2018) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99)».

14. Приказ Минфина России от 06.05.1999 № 32н (ред. от 27.11.2020) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99».

15. Приказ Минфина России от 06.10.2008 № 106н (ред. от 07.02.2020) «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету».

16. Захаров В.Я. Антикризисное управление. Теория и практика для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / Под ред. В.Я. Захарова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 304 с.

17. Федорова Е.А., Лазарев М.П., Федин А.В. Прогнозирование банкротства предприятия с учетом факторов внешней среды // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. Т. 9. Вып. 42. С. 35–38.

18. Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С. Методика финансового анализа. М.: ИНФРА-М, 2017. 540 с.

19. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь / Под общ. ред. д.э.н. И.М. Осадчей. М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь Мир», 2020. 256 с.

UNIFICATION OF LIQUIDITY INDICATORS OF A COMMERCIAL ORGANIZATION

P.S. Salmin, N.A. Salmina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

A new approach to the formation of the analytical balance sheet and to the calculation of the company's liquidity ratios is proposed. Assets and liabilities used in the calculation of liquidity ratios are classified depending on the rate of transformation into the most liquid and on the maturity of current liabilities without reference to balance sheet items. The traditional approach assumes a rigid binding of assets to non-current or current, liabilities to short-term and long-term. Such an approach to the grouping of assets and liabilities in a certain sense unifies the data for all enterprises for the purpose of taxation, but at the same time does not reflect the real state of affairs. This is due to the specifics of the implementation of economic activities of each individual enterprise. Therefore, for management purposes, this approach will often be useless. To make managerial decisions, an individual approach is required to assess the value and liquidity of each asset and liability, taking into account the time factor, for example, according to the methods, the main provisions of which are outlined in the article.

Keywords: solvency, liquidity, balance sheet transformation, current assets, current liabilities.

УДК 338.2
DOI 10.52452/18115942_2022_3_44

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

© 2022 г.

О.В. Трофимов, А.Г. Саакян

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru
Саакян Артур Григорьевич, преподаватель кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
artur.s1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2022
Статья принята к публикации 27.07.2022

Статья посвящена изучению реализации программы ипортозамещения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. Рассмотрен позитивный опыт предприятий Госкорпорации «Ростех» в сфере изготовления импортозамещающей продукции. Отмечена необходимость проведения грамотной кадровой политики для повышения эффективности деятельности предприятий комплекса в современных экономических условиях. Проанализированы проблемы, сдерживающие развитие производства гражданской продукции на оборонных предприятия России. Предложены возможные меры по решению указанных проблем, которые включают в себя развитие института государственно-частного партнерства, льготное кредитование оборотных средств предприятий комплекса, формирование перечня необходимой импортозамещающей продукции, открытие новых производств на территориях особых экономических зон.

Ключевые слова: импортзамещение, Госкорпорация «Ростех», государственно-частное партнерство, ротация кадров, государственный оборонный заказ, федеральный кадровый резерв.

Введение

В настоящее время под импортозависимостью понимают существующую или потенциальную угрозу национальной экономической системе или ее компонентам в случае существенного изменения условий поставок импортной продукции. Примерами таких изменений являются не только варианты полного прекращения зарубежных поставок (продукция, сырье, материалы, технологии, запасные части и др.), но и увеличение сроков поставки и цен на импортную продукцию по разным причинам.

Очевидно, что в условиях глобализации и международной интеграции невозможно и неразумно обеспечивать полное отсутствие зависимости от импорта. В связи с этим это понятие следует рассматривать с точки зрения теории рисков, согласно которой возможные негативные последствия от зарубежных поставок можно оценить как произведение вероятности неблагоприятной ситуации на возможный ущерб, который эта ситуация нанесет, для социально-экономического развития страны. В этом контексте снижение импортозависимости не должно быть «глобальной» задачей функционирования экономики в целом – необходимо осуществлять только те меры, которые могут снизить (или исключить) зависимость от импорта предприятий ключевых типов экономической деятельности. Данное утверждение характерно и для предприятий оборонно-промышленного комплекса РФ.

Актуальность темы связана с тем, что в условиях экономических санкций в отношении России начиная с 2014 года в нашей стране начали реализовывать политику импортозамещения, в частности в сфере сельскохозяйственной продукции. Новая волна санкций после февраля 2022 года актуализировала вопросы импортозамещения, но уже в сфере электронных компонентов, высокоточного оборудования, программного обеспечения, гражданского самолетостроения, автомобилестроения.

Цель статьи – провести анализ реализации политики импортозамещения в оборонно-промышленном комплексе России. На основе результатов, полученных нами ранее [1–3] (О.В. Трофимов, А.Г. Саакян, 2019, 2020), наш анализ опирается на методологию исследований, которую развивают теоретики и практики в области реализации политики импортозамещения, устойчивости экономики и экономической безопасности государства [4–7] (Д.В. Морозов, 2021; С.В. Юферев, 2019; М.И. Бадмаев, 2018; В.Г. Фролов, Ю.А. Сидоренко, 2014). Постав-

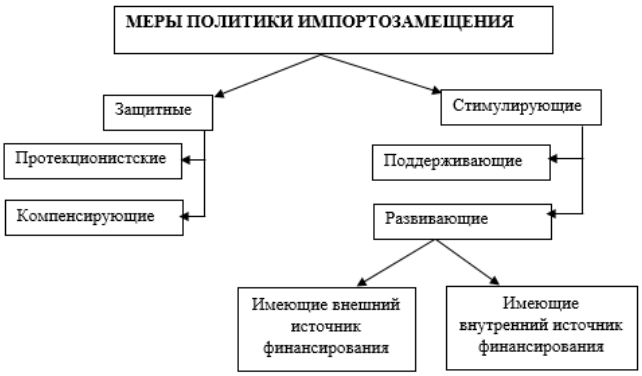


Рис. Две группы мер программы импортозамещения (составлено авторами)

Таблица

Сравнительная характеристика положительных и отрицательных сторон импортозамещения [7, с. 24]

Положительные стороны политики импортозамещения	Отрицательные стороны политики импортозамещения
Появление новых рабочих мест за счёт увеличения объемов производства отечественной продукции	Ослабление конкуренции, влияющей на эффективность работы национальных компаний
Увеличение уровня экономической безопасности страны из-за значительного снижения зависимости от поставок импортной продукции	Рост издержек предприятий, вызванный низкими показателями объемов внутреннего рынка и ограничениями импорта
Повышение квалификации кадров, вызванное необходимостью развития инновационного потенциала страны	Сложности в замещении высокотехнологичной продукции, обусловленные недостаточным развитием отечественной промышленности

ленная цель была достигнута при помощи общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, сравнение) и системного подхода.

Теоретико-методологические подходы

Под импортозамещением будем понимать замещение импорта товарами, произведёнными внутри страны. Все меры импортозамещающей политики можно разделить на защитные и стимулирующие (рис.).

Согласно рисунку, защитные меры импортозамещения направлены на защиту отечественных товаров от товаров конкурентов путем роста таможенных пошлин, введения ограничений на импорт. Вторая группа мер направлена на повышение конкурентоспособности продукции на внутреннем рынке путем выдачи льготных кредитов, субсидий, введения налоговых льгот, создания технопарков, формирования особых экономических зон, стимулирования открытия новых производств и создания новых рабочих мест. Можно выделить плюсы и минусы развития политики импортозамещения (табл.).

То есть, с одной стороны, российского производителя вытесняют на зарубежных рынках, но, с другой стороны, у российских производителей открываются новые возможности для развития и увеличивается количество рабочих мест.

С 2014 года политика импортозамещения реализуется во всех отраслях и регионах РФ. В целом с 2014 года в РФ получилось прийти к технологической независимости более чем по 350 образцам вооружений и военной техники [6].

Начиная с февраля 2022 года началась новая волна санкций против российского ОПК. Например, Великобритания ввела ограничения против Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК), Госкорпорации «Ростех», Объединенной судостроительной корпорации, Уралвагонзавода, корпорации «Тактическое ракетное вооружение» [8]. Данные санкции направлены на то, чтобы лишить основные отрасли ОПК (авиационная промышленность, судостроение, радиоэлектронная промышленность) основных технологических компонентов и тем самым снизить объемы производства новых вооружений и военной техники для оснащения российской армии.

Однако от санкций пострадали не только отечественные промышленные предприятия, но и зарубежные, так как в современном высокоглобализованном мире все страны находятся в кооперации друг с другом. Например, в производстве гражданских самолетов Boeing и Airbus участвовали много стран, в том числе и предприятия Госкорпорации «Ростех» [9]. Поэтому новые санкции также парализовали работу и зарубежных компаний. Однако они способствовали дальнейшему развитию политики импортозамещения в РФ.

Госкорпорация «Ростех» (объединяет более 800 предприятий в 60 регионах страны) начала

проводить перенастройку бизнес-процессов, актуализировала свою стратегию развития с учетом новых реалий, вышла на новые перспективные рынки (например, подписала соглашение с Узбекистаном по реализации проекта «Умный город» на базе уже реализованного проекта в Москве) [10].

Разрушение Западом глобальной кооперации повлекло пересмотр кооперационных цепочек, смену поставщиков и вызвало необходимость самостоятельного замещения большого ряда компонентов и комплектующих (в первую очередь автомобильной промышленности, авиастроения, электроники), которые предприятия Госкорпорации «Ростех» ранее импортировали. Однако изготавливать данные комплектующие на российских предприятиях не всегда оправданно, особенно в условиях глобальной кооперации. Поэтому один из вариантов решения данной проблемы – это использование механизма параллельного импорта.

Надо отметить, что уже с 2014 года «Ростех» осуществляет глубокую модернизацию и предприятия корпорации смогли организовать производство товаров, ранее приобретаемых за рубежом. Например, после прекращения поставок композиционных материалов, предназначенных для гражданского самолёта МС-21, компании удалось в короткие временные промежутки перейти на отечественные аналоги. Точнее, на лайнере было установлено композиционное крыло, производство которого осуществляется исключительно из отечественных компонентов.

В настоящее время благодаря программе импортозамещения «Ростех» разработала целую линейку отечественных двигателей всевозможной мощности: ПД-8, ПД-14, ПД-35. Полное импортозамещение вертолётных двигателей в «ОДК-Климов» удалось завершить в 2015 году. Стоит отметить, что прошёл всего лишь год после санкций, которые были введены против России в 2014 году. В 2021 году на «ОДК-Климов» было выпущено около 300 двигателей ТВ3-117 и ВК-2500.

АО «Объединенная двигателестроительная корпорация» (входит в Госкорпорацию «Ростех») на основе своей программы по импортозамещению разработало первую российскую энергетическую установку ГТА-8, необходимую для морских добывающих платформ, а также работы в экстремальных условиях для арктической ледостойкой платформы «Каменномысское-море» у берегов Ямала. Ранее данные цели в России достигались благодаря импортному оборудованию. Первая поставка планируется в 2023 году.

В 2017 году Объединенная двигателестроительная корпорация (ОДК) открыла сборочно-испытательный комплекс для производства морского дизель-газотурбинного агрегата М55Р в рамках Федеральной целевой программы по импортозамещению. От болта до полностью агрегата – все сделано из отечественных материалов. Основные поставщики и предприятия, с которыми работала ОДК: «Северное ПКБ» – поставщик дизельного двигателя Д1049 из города Коломны; «Аврора», отвечающая за системы управления; казанские предприятия по контрольным датчикам. «Звезда» из Санкт-Петербурга предоставила редуктор, «Старт» – топливную аппаратуру, «Агат» – масляную аппаратуру. В 2021 году АО «Объединенная двигателестроительная корпорация» и судостроительный завод «Северная верфь» заключили договор на поставку 6 дизель-газотурбинных агрегатов М55Р для кораблей «Адмирал Юмашев» и «Адмирал Спиридонов». Общий объем заказов составил двенадцать агрегатов, был установлен срок изготовления до 2025 года.

Таким образом, введенные санкции и реализация политики импортозамещения с 2014 года дали предприятиям Госкорпорации «Ростех» толчок для дальнейшего развития. По результатам 2021 года выручка организаций данной корпорации от реализации продукции гражданского назначения достигла 45%. Для сравнения: за семь лет выручка «Ростеха» от реализации продукции гражданского и двойного назначения выросла в три раза – с 316 млрд в 2014 году до 928 млрд в 2021. Однако 350 предприятий Госкорпорации «Ростех» участвуют в выполнении гособоронзаказа (на предприятия корпорации приходится примерно 40% всего объема ГОЗ страны), поставляя 400 типов вооружений и военной техники (бронетанковую технику, ракетные комплексы различного назначения, стрелковое оружие, боеприпасы и многое другое) [11]. Поэтому одна из задач – это выпуск качественного и уникального вооружения для обеспечения безопасности РФ.

Новые санкции 2022 года – это отличный шанс для развития и укрепления технологического суверенитета России. С одной стороны, произошел отказ поставлять отечественным предприятиям комплектующие иностранного производства. С другой стороны, для предприятий ОПК итогом ухода западных компаний стало открытие новых перспектив по поставкам крайне востребованной и современной продукции в сфере гражданского назначения. Например, одна из задач, стоящих перед предприятиями ОПК авиационной промышленности в

условиях нынешних санкций, – это гражданское самолетостроение.

На совещании 1 апреля 2022 года по вопросам развития авиационных перевозок и авиастроения президент РФ Владимир Путин поставил задачу в минимальные сроки, учитывая сложившиеся реалии, перенастроить имеющиеся авиационные программы [12]. В перспективе до 2030 года планируется поставить на рынок более 500 воздушных судов отечественного производителя. Это МС-21, SSJ, Ил-114 и наращивание серийного производства Ту-214 и Ил-96 (в настоящее время поставляются в малой серии для государства, но могут успешно выполнять пассажирские перевозки). В планах Госкорпорации «Ростех» предоставить заказчикам в 2024 году первые шесть серийных лайнеров МС-21 с отечественным двигателем ПД-14, а с 2024 года наладить производство импортозамещенного самолета Sukhoi Superjet с отечественными двигателями ПД-8 в количестве 20 штук в год. Однако из-за новых санкций существует ряд трудностей. Так, проект МС-21 на первоначальных этапах задумывался как международный, с большой международной кооперацией (планировалось, что импортных деталей на МС-21 должно быть 50%). После санкций Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) вынуждена перейти на создание полностью «отечественной» версии самолета. В планах компании к 2025 году выпустить 36 самолетов, после этого выйти на 72 самолета в год в Иркутске.

Самолеты Ту-214 и Ил-96 на гражданский рынок ОАК не поставляла. В планах ближайших 2–3 лет по программе Ту-214 выпускать 10–20 самолетов в год. По Ил-96 пока цель выпускать 2 самолета в год. Также ОАК планирует выйти на выпуск 18 транспортных самолетов Ил-76 в год. По мнению генерального директора ОАК Юрия Слюсаря, это «амбициозные задачи, так как внутри одной страны полностью современные авиационные комплексы не создаются, это всегда результат широкой международной кооперации» [11].

Одно из направлений развития гражданского самолетостроения – это выпуск нового легкого самолета ЛМС-901 «Байкал» вместимостью 9 человек. «Байкал» будет иметь ряд преимуществ перед своим предшественником: значительные уменьшения габаритов самолета, новая авионика, увеличение скорости и возможности дольше летать без дозаправки. С базовым составом бортового радиоэлектронного оборудования летающий самолет должен работать до 73° северной широты. Двигатель ВК-800СМ для самолета «Байкал» разработан в России с нуля. В России не было еще турбовального мотора в этом силовом сегменте. Пока в составе двигателя 1.5% иностранных компонентов, но разработчики обещают: когда начнется серийное производство, их не останется. «Байкал» отличается от своего предшественника самолета Ан-2 значительно уменьшенным поперечным сечением фюзеляжа. Это является следствием преимуществ аэродинамических и летных показателей. В планах выпуск модификаций «Байкала» с лыжными, колесно-лыжными и поплавковыми шасси для удаленных регионов и Арктики. Разработчики говорят, что в перспективе возможна беспилотная версия, а также версия с гибридной силовой установкой. В январе 2022 года новый самолет прошел первые испытания в воздухе. Серийное производство планируется в 2024 году: его предполагается начать с выпуска 30 самолетов в год. Объем рынка оценивается в 300 машин до 2030 года [13].

Одна из задач, стоящих перед предприятиями ОПК РФ, – это привлечение кадров. Так, например, увеличение серийности Ту-204, Ил-96, Ил-76 привело ОАК к необходимости расширения рабочих производственных мест приблизительно в количестве 8.5 тысячи человек. Сотрудники будут работать в отрасли высоких технологий на высокопроизводительном оборудовании.

Связывая успех деятельности оборонных предприятий с их кадровым обеспечением, Госкорпорация «Ростех» ориентируется на партнерские отношения с ведущими вузами страны, чтобы совместно создавать конкурентоспособные образовательные программы. Генеральный директор «Ростеха» Сергей Викторович Чемезов является наставником в управленческом конкурсе «Лидеры России», и уже на протяжении многих лет корпорация работает с участниками конкурсов, делает совместные проекты. «Ростех» принимает активное участие во внешних кадровых резервах: федеральном резерве управленческих кадров, федеральном резерве ОПК и т.д. В 2020 году Академия «Ростеха», Академия «Росатома» и Академия «Роскосмоса» приняли участие в реализации программы федерального кадрового резерва по инициативе коллегии Военно-промышленной комиссии РФ. В программе приняли участие 55 топ-менеджеров, которые работают на предприятиях «Ростеха», «Росатома», «Роскосмоса», Объединенной судостроительной корпорации, концерна «Алмаз-Антей» и Фонда перспективных исследований. Участники, прошедшие курс, смогли претендовать на руководящие посты на ведущих предприятиях ОПК России [14].

После восьми месяцев обучения участники программы прошли повышение квалификации по следующим направлениям: управление про-

ектами, экономические дисциплины, маркетинг, управление персоналом и командами, стратегический менеджмент и др. По итогу обучения участниками команды были разработаны кросс-отраслевые проекты, в том числе по импортозамещению, которые впоследствии планируют реализовать на предприятиях.

Среднесписочная численность персонала организаций, которые входят в ОПК России, превосходит 2 млн человек, около четверти из них работают в «Ростехе», поэтому развита ротация сотрудников между предприятиями, холдингами корпорации. Например, в ноябре 2021 года произошла ротация кадров в корпорации «Иркут» для усиления работы авиастроительных компаний по импортозамещению и разработке современной авиационной бортовой электроники.

Искусственные барьеры, которые существуют между организациями, приводят к разрушению внутреннего портала вакансий, хотя именно здесь сконцентрированы все потоки информации о внутренних вакансиях и внутренних соискателях. Безусловно, результативными инструментами поиска и «выращивания» управленцев в инновационных сферах являются акселераторы «Рос-теха». Упомянутые акселераторы вывели в 2019 году «Ростех» на четвертое место рейтинга РБК «Работа с открытыми инновациями».

Госкорпорация работает с опорными вузами. Молодые специалисты готовятся под требования конкретных предприятий. Примерами являются магистерская программа «Менеджмент в области ВЭД и ВТС» в МГИМО, а также пилотные группы в МАИ по подготовке инженеров-конструкторов с международными стажировками в Сингапуре и, потенциально, других вузах мира. Также «Ростех» сотрудничает с Российско-Сингапурским деловым советом, который организует обучение целевых студентов из числа сотрудников корпорации в Наньянском университете Сингапура по программам магистратуры в рамках инженерных специальностей. Также в Госкорпорации сотрудникам предоставляют хороший социальный пакет и существуют разнообразные методы мотивации.

Однако к основным проблемам, не способствующим развитию производства гражданской продукции, стоит отнести дефицит масштабных проектов, процентные ставки по кредитам, а также особенности дефицита собственных средств и закредитованность предприятий ОПК. Для решения данных проблем необходимо привлечение в процесс диверсификации частных инвесторов на основе института государственно-частного партнерства (ГЧП), льготное кредитование оборотных средств предприятий ОПК, формирование перечня необходимой импортозамещающей продукции, создание особых экономических зон (ОЭЗ) и территорий опережающего социально-экономического развития для получения льгот и механизмов поддержки, внедрение концепции «бережливого производства» на предприятиях комплекса для снижения затрат и борьбы с потерями.

В современных условиях для развития высокотехнологичных отраслей экономики, разработки технологий и производства новых видов продукции площадки ОЭЗ становятся приоритетными и наиболее перспективными с точки зрения реализации инвестиционных проектов. Различные льготы, преференции, административные привилегии в ОЭЗ позволяют повысить операционную устойчивость бизнеса и сократить сроки его окупаемости. Так, например, 9 июня 2022 года в рамках ПМЭФ-2022 было подписано трёхстороннее соглашение между АО «ОДК-Климов», управляющей компанией АО «ОЭЗ «Санкт-Петербург» и администрацией Санкт-Петербурга. В его рамках на территории ОЭЗ Северной столицы будет расширено производство авиадвигателей АО «ОДК-Климов», в том числе возведены производственно-конструкторский корпус, цех разработки, комплекс для стендовых испытаний. Это решение принято в связи с ростом спроса на воздушные суда российского производства, так как «ОДК-Климов» серийно выпускает газотурбинные двигатели ТВ3-117 и ВК-2500 для российских вертолетов, ведет проекты по созданию новых двигателей для вертолетов «Ансат», Ка-226, Ка-62, гибридной силовой установки и систем автоматического управления. Реализация проекта позволит создать почти тысячу новых рабочих мест. Объем инвестиций в развитие производственного комплекса «ОДК-Климов» до 2026 года оценивается в 37.7 млрд рублей [15].

Заключение

Анализируя статистическую информацию и новости, представленные на сайте Госхолдинга «Ростех», статьи в периодической печати, авторы пришли к выводу о том, что в современных условиях перед руководством отечественных оборонных предприятий стоят новые задачи в сфере импортозамещения не только продукции, но и технологий в ряде стратегических отраслей в кратчайшие сроки. Однако изготавливать все комплектующие лишь на российских предприятиях не всегда оправданно, особенно в условиях глобальной кооперации. Поэтому один из вариантов решения данной проблемы – это использование механизма параллельного импорта и развитие новых торговых связей с предприяти-

ями из стран БРИКС и СНГ. Также необходимо привлечение в процесс импортозамещения частных инвесторов на основе института ГЧП, льготное кредитование оборотных средств предприятий ОПК, развитие особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития, решение кадровых проблем на оборонных предприятиях РФ, внедрение перспективных методов организации производственного процесса (например, кайдзен, бережливое производство, шесть сигм и др.).

Спрос отечественных предприятий на высокотехнологичное оборудование растет, особенно с учетом перехода на новый технологический уклад и цифровизацию производства. По мнению экспертов, ближайший цикл технологического перевооружения, который поспособствует реализации и исключительно новых концепций, ориентировочно прогнозируется на период 2035–2050 гг. До этого времени предприятиям ОПК необходимо не только снизить зависимость от импорта, но и стать конкурентоспособными на рынке гражданской продукции и продукции двойного назначения.

Список литературы

1. Саакян А.Г. Управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса России в условиях пандемии // Сборник «Инновационные технологии управления». Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород, 2020. С. 69–71.

2. Трофимов О.В., Саакян А.Г. Внедрение бережливого производства для повышения эффективности деятельности оборонных предприятий Нижегородской области // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 7. С. 1475–1482.

3. Трофимов О.В., Саакян А.Г. Организация процесса обучения персонала на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в современных условиях // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 12. С. 3763–3774.

4. Morozov D.V. Scientific-industrial cluster opportunities to implement import substitution programs for biotechnology enterprises // The Science of Person: Humanitarian Researches. 2021. Vol. 15. № 4. P. 205–213.

5. Юферев С.В. Импортозамещение в российском ВПК. Результаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://topwar.ru/163525-importozameschenie-v-rossijskom-vpk.html (дата обращения: 15.06.2022).

6. Бадмаев М.И., Ерохина Е.В. Влияние политики импортозамещения на развитие промышленности и экономики регионов // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 24–27.

7. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Стратегические приоритеты развития промышленного производства и экономическая безопасность // Научное обозрение. 2014. № 8-1. С. 238–285.

8. Оборонные компании назвали основные трудности из-за новых санкций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/30/05/2022/628d1bf19a794772b1d3feca (дата обращения: 15.06.2022).

9. Чемезов С. Откуда пренебрежение к российскому? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/06/2022/62a87e589a7947cbf332c253?from=column_2 (дата обращения: 15.06.2022).

10. Ростех интегрирует в транспортную систему Узбекистана элементы «Безопасного города» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rostec.ru/news/rostekh-integriruet-v-transportnuyu-sistemu-uzbekistana-elementy-bezopasnogo-goroda/?sphrase_id=4878775 (дата обращения: 15.06.2022).

11. Слюсарь Ю. Стране нужны самолеты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rostec.ru/news/yuriy-slyusar-strane-nuzhny-samolety/?sphrase_id=4878773 (дата обращения: 15.06.2022).

12. Российский авиапром на пути серьезных изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rostec.ru/news/rossiyskiy-aviaprom-na-puti-serez nykh-izmeneniy/?sphrase_id=4878779 (дата обращения: 15.06.2022).

13. Ячменникова Н. «Байкал» вместо «Аннушки»: чем новый самолет будет отличаться от Ан-2 // Российская газета. 2022. № 117.

14. Цветкова Ю. Работая на опережение, растим кадры сами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rostec.ru/news/yuliya-tsvetkova-rabotaya-na-operezhenie-rastim-kadry-sami/?sphrase_id=4878777 (дата обращения: 15.06.2022).

15. Ростех инвестирует 37.7 млрд руб в производство авиадвигателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rostec.ru/news/rostekh-investiruet-37-7-mlrd-rubley-v-proizvodstvo-aviadvigateley/ (дата обращения: 15.06.2022).

IMPORT SUBSTITUTION POLICY AT THE ENTERPRISES OF THE RUSSIAN MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX

O.V. Trofimov, A.G. Saakyan

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to the study of the implementation of the import substitution program at the enterprises of the military-industrial complex. The positive experience of Rostec State Corporation enterprises in the manufacture of import-substituting products is considered. The necessity of carrying out a competent personnel policy to improve the efficiency of the enterprises of the complex in modern economic conditions is noted. The problems hindering the development of civilian production at Russian defense enterprises are analyzed. Possible measures to solve these problems are highlighted, which include the development of the institute of public-private partnership, preferential lending of working capital of enterprises of the complex, the formation of a list of necessary import-substituting products, the creation of "virtual" special economic zones.

Keywords: import substitution, Rostec State Corporation, public-private partnership, personnel rotation, state defense order, federal personnel reserve.

УДК 330.59: 316:344
DOI 10.52452/18115942_2022_3_50

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2022 г. ***И.Ю. Цветкова, Н.Г. Копасовская, И.В. Большакова, Л.Ю. Кундина***

Цветкова Ирина Юрьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры торгового дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
cvetkova@iee.unn.ru
Копасовская Наталья Геннадьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры торгового дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kopasovskay@iee.unn.ru
Большакова Инна Вячеславовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры торгового дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bolshakova.iep@yandex.ru
Кундина Лариса Юрьевна, к.э.н.; доцент кафедры торгового дела Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kundina@bk.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2022
Статья принята к публикации 26.07.2022

Изучены особенности поведения потребителей в процессе приобретения товаров и услуг с использованием цифровых технологий как экономической составляющей оценки качества жизни населения в современных условиях. Эмпирическую базу исследования составили данные, характеризующие поведение потребителей Нижнего Новгорода и Нижегородской области, приобретающих товары и услуги онлайн при помощи цифровых технологий. На основании проведенного опроса авторами исследованы оценки потребителями степени их обеспеченности товарами и услугами, отношение потребителей к осуществлению покупок в сети Интернет, их проблемы и преимущества, действия по снижению познавательного диссонанса; выявлены предпочтения потребителей относительно частоты покупок отдельных категорий товаров. Составлен примерный портрет потребителя и выявлены проблемы, влияющие на его поведение и оценку качества своей жизни. В ходе анализа была использована методика оценки на основе расчета индекса NPS.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, качество жизни населения, обеспеченность товарами и услугами, покупки в сети Интернет, онлайн-покупки, опрос потребителей, безопасность покупок.

Введение (постановка научной проблемы)

Формирование цифровой экономики, быстрое развитие и массовое использование цифровых технологий в повседневной жизни привели к изменению структуры потребностей домохозяйств и детерминировали их потребительское поведение, в частности, позволили расширить возможности удовлетворения различных потребностей людей, открывая доступ к широкому спектру товаров и услуг, а также к информации и средствам общения, что в итоге позволяет улучшить качество жизни населения. Развитие цифровой экономики ведет к повышению качества жизни населения в том числе путем роста покупательной способности последнего, поскольку цифровые платформы и торговые площадки позволяют создать интенсивную ценовую конкуренцию, снижая количество посредников и величину наценок, а ожидания людей оправдываются в большей степени в том числе за счет расширения возможностей выбора товаров [1].

Еще больше усилилась роль цифровых технологий во время пандемии. В этот период времени значительно возросли объемы электронной коммерции. Так, например, общий объем транзакций в электронной торговле за июль 2021 года увеличился в России примерно на 20% по сравнению с аналогичными данными в начале 2020 г. Причем больше всего увеличили онлайн-покупки в сравнении с данными на апрель 2020 г. пожилые покупатели. Более того, 4 из 10 пользователей Интернета в возрасте от 55 до 64 лет теперь утверждают, что будут увеличивать объемы покупок после снятия карантинных мер [2].

В современных условиях большое внимание уделяется исследованиям качества жизни населения в условиях цифровизации экономики. Отметим, что в настоящее время нет единого подхода к его определению. Качество жизни населения в разное время исследовали А.С. Блиндер [3], Э.Б. Аткинсон [4], Т.У. Шульц [5], А. Сен [6], Дж.К. Гэлбрейт [7, 8], Н.М. Римашевская [9, 10],

И.В. Бестужев-Лада [11], В.Н. Бобков [12–14] и др. Качество жизни – это многомерная концепция общего благополучия человека в зависимости от его ценностей, окружающей среды, культурного и социального контекста, в котором он живет [15]. Отдельные направления этих исследований освещены в работах Г.Б. Коровина [16], Г.П. Литвинцевой, С.П. Петрова [17], М.В. Михайловой [18], Е.В. Попова, К.А. Семячкова [19], Н.В. Ломоносовой, А.В. Золкиной [20], Э. Исмагиловой, Л. Хьюз и др. [21].

Качество жизни – это сложная характеристика жизненных условий человека, выражающая степень удовлетворения комплекса его субъективных потребностей и интересов, а также состояние внешних факторов его существования, «характеристика условий жизни человека, природной и социальной среды, его окружающей, в которой протекает его жизнь» [22]. В общем смысле под качеством жизни населения можно понимать степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, обусловленных их социальным опытом и окружающей средой [23].

Развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние как на имеющийся у потребителя социальный опыт, так и на внешнюю среду, что, в свою очередь, приводит к возрастанию рисков в связи с увеличением уровня неопределенности [24]. Кроме того, качество жизни влияет на статус людей в обществе. Информация о качестве жизни населения в целом в данной стране может предоставить базовые данные для оценки степени необходимости вмешательства, например, государственного.

При этом основная проблема моделирования уровня качества жизни населения заключается в неоднородности факторов, влияющих на этот уровень. Все индикаторы и рейтинги предполагают сложные процедуры вычислений, плохо комбинируются друг с другом, сложны в интерпретации. Кроме того, данные объективные показатели, которые характеризуют социально-экономическое положение потребителя, не способны дать полную картину, так как не отражают восприятия качества жизни самим потребителем. Поэтому в настоящее время все больше внимания уделяется оценке качества жизни населения, базирующейся на понятии субъективного благополучия и связанной с аспектами восприятия качества собственной жизни самими индивидами. Эта концепция, получившая название «концепции субъективного благополучия», ставит во главу угла принцип утилитаризма, согласно которому оценка всех явлений жизни происходит с точки зрения их полезности [2]. В связи с этим считается, что индивиды сами могут лучше всего судить об условиях своего существования, целью которого является стремление быть «счастливыми» и «удовлетворенными» своей жизнью. Поэтому в настоящее время широко распространились измерение и оценка качества жизни среди населения в целом с точки зрения самих индивидов. Результаты этих исследований используются при принятии решений о распределении ресурсов.

В пользу этой концепции говорит также и то, что многие эксперты считают качество жизни субъективным и динамичным понятием. «Субъективный» означает, что необходимо получить собственное мнение человека, а «динамичный» – изменение со временем; следовательно, он должен быть измерен за период [25].

Соответственно, при оценке качества жизни населения используются субъективные характеристики, позволяющие оценить восприятие населением новых происходящих технологических изменений. Субъективное благополучие и субъективное качество жизни являются ключевыми понятиями, описывающими опыт, способности, состояния, поведение, оценки и эмоциональные реакции на обстоятельства [26]. Уместно вспомнить, что многие ученые, чьи работы считаются фундаментальными в области оценки качества жизни (А. Кемпбелл [27], Ф. Конверс, В. Роджерс [28] и др.), также рассматривали данную проблему с точки зрения так называемого «ощущаемого благополучия», то есть субъективного восприятия индивидуального благополучия потребителями как жизни в целом, так и отдельных ее областей.

Выбор показателей, на основе которых проводятся такого рода исследования, может быть различным (в том числе потому, на наш взгляд, что в настоящее время в научных исследованиях не выработана четкая структура представлений людей о собственном качестве жизни). Здесь можно выделить несколько подходов. В частности, ряд исследователей используют агрегированный подход, выделяя для субъективной оценки качества жизни населения целые блоки показателей, логически связанные между собой, например общие ценностные потребительские ориентиры, среди которых экономические, морально-этические, ценность свободы, творчество, здоровье и др. [29], или сферы (экономическую, социальную, политическую и культурную) оценки качества жизни населения [30]. Также выделяют уровень жизни (благополучия), качество ближайшей социальной среды, качество экологической обстановки, социальное самочувствие населения [31].

Согласно другому подходу используется достаточно большой перечень показателей, которые характеризуют различные аспекты жизни

населения. Среди них, например, справедливость и безопасность жизни, экологическая ситуация, обеспеченность качественной одеждой и обувью, удовлетворенность условиями жизни, возможность получить качественное образование [32], удовлетворенность профессиональной деятельностью, удовлетворенность духовной жизнью, жилищными условиями, качеством товаров и услуг, медицинским обслуживанием и др.

Как видно из вышесказанного, значительными, хотя и далеко не единственно важными для субъективной оценки качества жизни населения являются экономические показатели, среди которых немаловажное место занимает оценка потребителями собственной обеспеченности товарами и услугами. Так как в условиях активного развития цифровых технологий и неблагоприятной эпидемиологической обстановки процессы покупки товаров и услуг, как мы говорили выше, в значительной мере сместились в Интернет, нам показалось интересным оценить отдельные аспекты качества жизни населения путем исследования мнений потребителей о степени их обеспеченности товарами и услугами, приобретенными в сети Интернет, и степени удовлетворенности ими, проанализировать особенности потребительского поведения в процессе осуществления онлайн-покупок и выявить имеющиеся проблемы.

Цель исследования: выявить и проанализировать особенности потребительского поведения в процессе осуществления покупок в сети Интернет для оценки влияния цифровизации на качество жизни населения.

Задачи исследования: выявить и проанализировать отношение потребителей к осуществлению онлайн-покупок с точки зрения оценки потребителями степени их обеспеченности и удовлетворенности товарами и услугами, частоты онлайн-покупок отдельных категорий товаров (продовольственные и непродовольственные товары, услуги (ЖКХ, сотовая связь) и др.), преимуществам, недостаткам и особенностям планирования ими покупок в сети Интернет.

Методы исследования

Для исследования были использованы данные опросов потребителей, проведенных в 2020 и 2021 году. Нами была предпринята попытка провести панельное исследование. Респондентами, участвовавшими в данном исследовании, стали в основном жители г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области возраста примерно от 18 до 40 лет, более 60% из которых были женского пола. Порядка 80% респондентов имеют высшее и неоконченное высшее образование. Доход на одного члена семьи у примерно трети опрошенных составляет от 16000 до 30000 рублей в месяц, еще примерно у четверти – 31000–45000 рублей в месяц.

Опрос проводился в сентябре–октябре 2020 и 2021 годов. Учитывая эпидемиологическую обстановку в 2020 году, можно с уверенностью утверждать, что на период проведения опроса все его участники столкнулись с необходимостью приспосабливаться к сложившейся ситуации и учитывать имеющиеся ограничения с тем, чтобы стремиться сохранить прежнее качество жизни, что, в свою очередь, подразумевает под собой более широкое, чем раньше, использование цифровых технологий, в частности для приобретения товаров и услуг. То есть у респондентов уже к моменту проведения первого опроса должно было сформироваться определенное отношение к возможностям осуществления онлайн-покупок на основе уже имеющегося собственного опыта.

Повторение опроса через год (в 2021 году), помимо прочего, имело целью проследить характер и динамику изменений восприятия потребителями сложившейся ситуации по истечении времени и потребительского поведения в процессе приобретения товаров и услуг в условиях развития цифровых технологий, с одной стороны, и сохранения неблагоприятной эпидемиологической обстановки, с другой.

Всего в каждом из опросов приняло участие около 400 человек. Перед проведением первого опроса нами были сформулированы следующие рабочие гипотезы исследования.

1. Большинство респондентов (более 50%) оценивают свою степень обеспеченности товарами и услугами выше среднего уровня.

2. Большинство респондентов (более 50%) часто считают себя удовлетворенными совершенными онлайн-покупками товаров и услуг.

3. Большинство респондентов (более 50%) оценивают частоту своих онлайн-покупок как увеличивающуюся.

4. При оценке лояльности клиентов как желания совершать повторные онлайн-покупки по отдельным группам товаров и услуг на 1-е место, скорее всего, выйдут продовольственные товары, на 2-е – одежда, на 3-е – непродовольственные товары длительного пользования или услуги.

5. В качестве основного преимущества осуществления покупок в сети Интернет большинство потребителей (более 50%) называют более низкие цены (по сравнению с обычными магазинами), на втором месте – экономия времени, на третьем – удобство доставки.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке степени их обеспеченности товарами и услугами

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Очень низкая, низкая	–	–	Средняя	27.6	20.2	Высокая	**7.3***	**14.2**
Ниже средней	27.8	23.7	Выше средней	28.8	24.9	Очень высокая	**8.5**	**17.0**

* Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке частоты удовлетворенности совершенными ими онлайн-покупками товаров и услуг

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021
Никогда	6.9	2.4	Часто	**33.9***	**43.9**
Иногда	50.2	39.2	Очень часто	**9.0**	**14.5**

* Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

6. Редко или никогда не сталкивались с мошенничеством при осуществлении покупок в сети Интернет менее 50% опрашиваемых.

7. В качестве основных проблем респонденты выделяют проблемы безопасности покупок, большое количество времени, потраченное на выбор покупки (специфичная асимметрия информации), несоответствие описания товара факту. Количество потребителей, предпочитающих покупки в традиционных магазинах или совсем не покупающих в Интернете, сократилось по сравнению с предыдущим годом не менее чем в два раза.

8. В условиях познавательного диссонанса не менее 50% респондентов перестают делать покупки у данного продавца вне зависимости от результатов разрешения сложившейся проблемы.

9. Основным способом уменьшения познавательного диссонанса более 50% опрошенных считают анализ отзывов.

10. Проблема несоответствия товара факту с течением времени делается менее актуальной, т.е. количество респондентов, отмечающих эту проблему, с течением времени уменьшается.

После проведения опросов проверим, насколько данные гипотезы подтвердятся.

Результаты исследования

Опросник включает в себя 10 закрытых вопросов, не считая паспортички. Вопросы были расположены от простых к сложным. Результаты опросов представлены ниже.

1. *Оценка степени частоты онлайн-покупок и удовлетворенности потребителей онлайн-покупками*

В первую очередь нас интересовала оценка потребителями степени своей обеспеченности товарами и услугами (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, респонденты оценивают ее достаточно высоко (варианты ответов «низкая» и «очень низкая» визуально не определяются). Примерно на 4% снижается доля респондентов, считающих себя обеспеченными товарами и услугами ниже среднего уровня, зато количество респондентов, считающих степень своего обеспечения высокой и очень высокой, выросло за год в два раза. Однако суммарно доля опрошенных, оценивающих степень своей обеспеченности товарами и услугами выше среднего уровня (сюда вошли варианты ответов «выше средней», «высокая» и «очень высокая»), составила 72.4% в 2020 году, повысившись в 2021 году лишь на 3.9%.

Далее оценим распределение ответов респондентов на вопрос о том, насколько часто они чувствуют удовлетворенность от совершенных онлайн-покупок товаров и услуг (см. табл. 2).

Отметим, что доля людей, выбравших для ответа на этот вопрос варианты «часто» и «очень часто», возросла более чем на 10% (с 42.9 до 58.4), а доля людей, только иногда испытывающих удовлетворенность своими онлайн-покупками, упала на 11%.

Такие результаты выглядят весьма позитивно, особенно в совокупности с оценками респондентов степени частоты осуществления ими онлайн-покупок (см. табл. 3).

Как видно из таблицы 3, большинство респондентов считают, что стали чаще делать онлайн-покупки по сравнению с прошлым годом. В 2020 году их доля составила 52.3%, а в 2021 достигла 71.8%, т.е. увеличилась почти в 1.5 раза (в 1.37). При этом покупки продовольственных товаров увеличили почти 24% опрошенных в 2020 году, а в 2021 году их доля выросла до 40%. Параллельно идет увеличение покупок непродовольственных товаров (36.1% в

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке степени частоты осуществления ими онлайн-покупок

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Да, стал покупать больше продовольственных товаров для текущего потребления	**7.9***	**20.5**	Да, стал покупать в Интернете больше товаров для длительного пользования, требующих больших затрат	**8.3**	**8.9**	Нет, покупаю в Интернете периодически продовольственные товары для текущих нужд	3.7	3.1
Да, стал покупать больше непродовольственных товаров для текущего потребления	**20.1**	**22.8**	Нет, не совершаю покупок в Интернете	5.8	5.9	Нет, периодически покупаю в Интернете непродовольственные товары для текущих нужд	18.8	9.3
Да, стал больше покупать и продовольственных, и непродовольственных товаров	**16.0**	**19.6**	Нет, покупаю в Интернете периодически непродовольственные товары длительного пользования, требующие больших затрат	10.5	3.0	Часто использую Интернет для оформления различных подписок на услуги (электронные книги, кино, другие сервисы)	8.9	6.9

* Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

Таблица 4

Индекс NPS покупок товаров и услуг в сети Интернет

№ п/п	Категории товаров	NPS в 2020 году, %	NPS в 2021 году, %
1	Продовольственные товары	–13.50	8.59
2	Непродовольственные товары повседневного использования	31.36	30.33
3	Одежда	32.58	25.25
4	Обувь	–10.98	2.75
5	Товары длительного пользования (радиоэлектроника, мебель)	7.87	–15.29
6	Услуги (ЖКХ, сотовая связь)	32.19	–1.61
7	Подписки на различные сервисы, покупки цифрового контента (книги, фильмы и т.д.)	1.25	–8.37
8	Прочие товары и услуги	–35.50	–51.49

2020 и 42.4% в 2021 году). Это может быть обусловлено, на наш взгляд, как внутренними факторами (высокой степенью обеспеченности респондентов цифровыми технологиями, имеющимся опытом онлайн-покупок, относительно незначительными сложностями осуществления покупок в сети Интернет, повышением степени удовлетворенности от совершенных покупок и др.), так и внешними факторами, важнейшим из которых является активно развивающаяся в настоящее время пандемия COVID-19.

Наконец, нас также интересовал ответ на вопрос, какие товары и услуги потребители чаще покупают в сети Интернет, считая это важным для поддержания уровня обеспеченности товарами и услугами, и меняется ли эта ситуация с течением времени. Респондентам было предложено проранжировать частоту покупок ими ряда товаров и услуг. Попробуем оценить изменение предпочтений потребителей в 2020 и 2021 годах относительно категорий приобретенных в Интернете товаров и услуг, имея в виду расчет лояльности как желания клиентов совершать повторные онлайн-покупки. В качестве основы мы использовали методику расчета индекса NPS с некоторыми изменениями. Так как у нас было 8 категорий товаров, то расчет осуществлялся путем вычисления в общем количестве респондентов доли потребителей, поставивших данную категорию товаров на 1-е и 2-е место, и доли потребителей, поставивших ее на последние (5–8-е места). Разность между этими долями и составляет значение индекса (см. табл. 4).

Из таблицы 4 видно, что опрошенные потребители демонстрируют устойчивое желание часто покупать онлайн непродовольственные

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос о преимуществах покупок в сети Интернет*

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Более низкие цены (по сравнению с «физическими» магазинами)	60.6	54.8	Безопасность покупок	**10.3****	**14.6**	Трачу меньше времени	51.2	42.9
Доставка в удобное время без дополнительной оплаты	45.8	45.2	Продавец помнит обо мне и часто старается сделать выгодные предложения	**10.3**	**14.9**	Не вижу никаких преимуществ в покупках в Интернете	3.7	4.8
Простота оформления покупки	45.2	43.8	Делаю более обоснованный выбор	34.2	22.9	Не покупаю в Интернете	5.6	5.4

* Возможен выбор нескольких вариантов ответа на вопрос.
** Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

товары повседневного использования и одежду, наблюдается устойчивый рост лояльности к покупкам продовольственных товаров и обуви, и существенное снижение лояльности на такие категории, как товары длительного пользования (радиоэлектроника, мебель), услуги (ЖКХ, сотовая связь) и подписки на различные сервисы, покупки цифрового контента (книги, фильмы и т.д.). Отметим при этом, что уровень NPS нигде не превышает 50%, что свидетельствует о значительном количестве проблем, с которыми сталкивается потребитель в ходе осуществления онлайн-покупок. Полученные результаты косвенно подтверждают выводы, сделанные выше.

2. *Оценка потребителями преимуществ, проблем и способов их решения при осуществлении онлайн-покупок*

Прогнозируемо, что основным ответом на вопрос об основных преимуществах покупок в сети Интернет для респондентов стали более низкие цены (по сравнению с обычными магазинами) (см. табл. 5), однако в 2020 году вторым по частоте ответом стала экономия времени, третьим – простота оформления покупок. Значительное количество опрошенных в качестве важных преимуществ также отметили обоснованность выбора и удобство доставки без дополнительной оплаты.

Предпочитаемые преимущества в ответах респондентов, участвовавших в опросе 2021 года, распределились следующим образом – более низкие цены, доставка в удобное время, простота оформления покупок, экономия времени. Любопытно также, что респонденты 2021 года часть предпочтений переносят с низкой цены на безопасность осуществления покупки (увеличение доли ответов на 4.3%) и наличие выгодных предложений лично потребителю со стороны продавца (увеличение доли ответов на 4.6%). Таким образом потребитель демонстрирует важность индивидуального отношения к нему и уверенности в том, что его не обманет недобросовестный продавец.

В пользу этого утверждения свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос о том, часто ли им или их знакомым приходилось сталкиваться с мошенничеством в сети Интернет (см. табл. 6). Вопрос был сформулирован таким образом из-за большого влияния на осуществление потребителем онлайн-покупок внешних социальных факторов. Отказаться от онлайн-покупок потребитель может, исходя не только из собственного негативного опыта, но и на основе аналогичной ситуации у кого-то из участников его референтной группы, как прямой, так и непрямой. Интересно, что в обратную сторону эта зависимость работает менее четко, то есть наличие положительного опыта кого-то из знакомых необязательно может побудить респондента к активизации собственного поведения по осуществлению покупок в сети Интернет.

Как видно из таблицы 6, абсолютное большинство опрашиваемых (более 80% в 2020 году и 68.2% в 2021 году) утверждают, что редко или никогда не сталкивались с мошенничеством в сети Интернет. Однако хотелось бы отметить, что всего за год почти в 1.5 раза выросла доля потребителей, имеющих противоположную точку зрения: если в опросе 2020 года о случаях мошенничества говорили всего 18.6% респондентов, то в 2021 году – уже 31.8%. Возможно, эта тенденция связана не только с увеличением случаев мошенничества, но и с возрастанием абсолютного количества заказов онлайн-покупок потребителями.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос о том, сталкивались ли они с мошенничествами при осуществлении покупок в сети Интернет

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021
Никогда	16.7	14.8	Часто	**16.2***	**24.9**
Редко	63.7	53.4	Очень часто	**2.4**	**6.9**

* Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос о проблемах покупок в сети Интернет*

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Не вижу никаких проблем	**13.9****	**20.0**	Нет преимуществ в цене	**6.4**	**8.4**	Нет той атмосферы, когда все близко и доступно, можно все проверить, попробовать	37.3	20.9
Безопасность покупок, много мошенников	39.7	33.7	Доставка зачастую бывает либо платная, либо в неудобное время, либо нужно долго ждать	37.6	28.1	Если все будут продавать в Интернете или бесконтактно, то много продавцов останется без работы. Меня это беспокоит	**9.4**	**12.8**
Много времени занимает выбор вариантов покупки	**14.4**	**16.7**	Часто описание товара не соответствует факту. Пока в Интернете нельзя полностью обеспечить достоверную передачу характеристик товара	46.4	33.4	Я привык к покупкам в традиционном формате в «физическом» магазине, и я эту традицию не буду нарушать, покупая в Интернете	7.7	6.3
						Не покупаю в Интернете, поэтому не вижу проблем	**2.6**	**3.6**

* Возможен выбор нескольких вариантов ответа на вопрос.
** Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

При этом большинство опрашиваемых выделили такие проблемы покупок в Интернете (см. табл. 7), как несоответствие описания товара факту, недостоверная передача характеристик товара, безопасность покупок, не всегда удобное время доставки и отсутствие атмосферы «физического» магазина (респонденты 2020 года). При этом почти 14% опрошенных не выявили никаких проблем. Примерно так же распределились приоритеты среди респондентов 2021 года, однако значимость перечисленных ими факторов сильно изменилась. Так, если в 2020 году проблему несоответствия описания товара факту, недостоверную передачу характеристик товара называло практически большинство респондентов (46%), то опрашиваемые 2021 года оценили этот показатель практически одинаково с безопасностью покупок (порядка 33%). Любопытно также, что растет число потребителей (с 14.4% в 2020 году до 16.7% в 2021 году), которые жалуются на информационную асимметрию в части избыточности информации, в результате чего выбор вариантов покупки занимает много времени.

В остальном, если в 2020 году об отсутствии проблем упоминали только 14% опрошенных, то в 2021 году – уже 20%. Также увеличилось количество респондентов, беспокоящихся о том, что из-за повсеместного развития интернет-торговли многие продавцы могут остаться без работы (с 9.4 до 12.8%), а вот количество потребителей, привыкших к покупкам в «физических» магазинах, сокращается, хотя и не такими темпами, как можно было предположить (с 7.7 до 6.3%). Если при этом учесть рост доли ответов потребителей, которые не покупают в

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос об их действиях, если покупка, сделанная в сети Интернет, не соответствует ожиданиям*

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Возвращаю деньги за товар или обмениваю, если это возможно	**61.1****	**66.2**	Перестаю в дальнейшем покупать у данного продавца, даже если вернул товар и получил деньги	**19.0**	**20.2**	В любом случае сообщаю о факте несоответствия ожиданиям на форумах и/или в социальных сетях	20.3	13.4
Перестаю в дальнейшем покупать у данного продавца, если невозможно обменять товар или вернуть деньги	34.0	30.9	Если деньги вернули или обменяли товар, то продолжаю покупать у данного продавца	24.8	19.9	Не возвращаю деньги и не обмениваю товар, но просто перестаю делать покупки у данного продавца	10.5	7.1
						Не делаю покупок в Интернете	6.0	4.7

* Возможен выбор нескольких вариантов ответа на вопрос.
** Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

Интернете (с 2.6 до 3.6%), то мы увидим, что количество потребителей, не осуществляющих интернет-покупки, почти не изменилось (с 10.3% их доля уменьшилась до 9.9%). Видимо, сюда входит консервативная часть респондентов.

Как видно из вышесказанного, в настоящее время потребители не в полной мере удовлетворены онлайн-покупками, точнее, выделяя какие-либо преимущества онлайн-покупок, параллельно с этим они отмечают проблемы в этой же области. Например, называя в качестве основного преимущества интернет-торговли экономию времени на покупки и большую обоснованность выбора, в качестве наиболее часто встречающихся проблем они упоминают значительное количество времени, потраченное на выбор покупки (издержки избыточности информации). Аналогично, выделяя в качестве преимущества удобство доставки без дополнительной оплаты, многие из опрашиваемых жалуются на неудобное время доставки и требования дополнительной платы за доставку от продавца и др. Таким образом, называемые респондентами проблемы тесно связаны с отмечаемыми ими преимуществами интернет-торговли, что, в свою очередь, может привести к снижению качества жизни потребителей в части их удовлетворенности от приобретаемых товаров и, как следствие, сокращению онлайн-покупок. Об этом свидетельствует также и относительно большое количество случаев несоответствия купленного товара ожиданиям потребителя, неприятных эмоций от разрешения сложившейся ситуации и, как следствие, снижение активности потребителей в осуществлении онлайн-покупок, что идет вразрез с тенденциями развития современного общества в целом.

Далее, такая часто упоминаемая в предыдущем вопросе проблема, как несоответствие описания товара факту, недостоверная передача характеристик товара, приводит к относительно большому числу случаев появления у потребителей познавательного диссонанса, то есть несоответствия товара сложившимся у них ожиданиям. Судя по результатам опроса (см. табл. 8), практически все респонденты так или иначе с ним сталкивались. Однако если порядка 60% потребителей удается вернуть деньги за товар или произвести обмен (в обоих годах), то часть из них сокращает покупки даже в этом случае (19% в 2020 году и 20% в 2021). Если учитывать тех респондентов, которые перестают в дальнейшем покупать у данного продавца, если невозможно обменять товар или вернуть деньги, а также тех, кто не стремится возвращать деньги и не обменивают товар, но перестают делать покупки у данного продавца, то получатся примерно те же 60%.

Отсюда следует вывод о совершенно губительном влиянии познавательного диссонанса на динамику онлайн-покупок. Эту проблему можно решать с двух сторон: со стороны производителя (продавца) и потребителя. В нашем опросе мы воспользовались второй возможно-

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос о планировании ими покупок в сети Интернет*

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021		2020	2021
Читаете отзывы о товарах и продавцах, анализируя кто и когда их опубликовал	64.5	56.1	Изучаете все описания товара и продавца, анализируете цены в Интернете, но фактически оплату и передачу товара осуществляете в «физическом» магазине	**22.4****	**23.4**	Устанавливаете мобильные приложения известных продавцов и осуществляете покупки в приложениях или планируете списки покупок	17.1	16.6
Просто читаете положительные и отрицательные отзывы на сайтах, которым доверяете	46.2	32.6	Ориентируетесь на прошлый положительный опыт и покупаете там, где раньше (например, на известных интернет-площадках, у сетевых ретейлеров), не производя поиск новых предложений	31.0	20.2	Предварительно изучаете статистику цен на «Яндекс.Маркет» и других сайтах-интеграторах	27.1	11.0
Опрашиваете знакомых, которым доверяете, на предмет положительного опыта от покупки	36.5	37.1	Ждете от продавцов индивидуальных предложений и только на основе их осуществляете покупки	**2.8**	**5.0**	Выбрав одно место (продавца) и получив положительный опыт, покупаете только в нем	5.1	7.7
Предпочитаете покупать непосредственно в «физическом» магазине, в том числе сравнивая в процессе принятия решения цены в Интернете у других продавцов	19.9	14.2	Доверяетесь рекламе и переходите по ссылкам на сайт продавца, где делаете все покупки	**3.0**	**4.2**			

* Возможен выбор нескольких вариантов ответа на вопрос.
** Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

стью и задали потребителям вопрос о том, как они планируют онлайн-покупки, чтобы снизить вероятность несоответствия товара сложившимся у них ожиданиям (см. табл. 9).

Итак, как видно из таблицы 9, планируя покупки в сети Интернет, потребители стремятся со своей стороны уменьшить вероятность познавательного диссонанса, изучая отзывы о товарах и продавцах. Отзывы анализируют более 60% респондентов в 2020 и более 50% в 2021 году. При этом более 30% интересуются мнением знакомых. Однако количество респондентов, предварительно изучающих статистику цен на различных сайтах-интеграторах, снизилось более чем в 2 раза (с 27.1% в 2020 году до 11% в 2021 году). На наш взгляд, так проявляется реакция потребителей на проблемы информационной асимметрии в части избыточности информации, в частности, нежелания тратить дополнительное время на выбор товара.

Однако хотелось бы заметить, что количество людей, столкнувшихся в ходе осуществления онлайн-покупок с частым несоответствием описания товара факту, растет (см. табл. 10).

Если количество респондентов, иногда сталкивающихся с подобными несоответствиями, осталось на примерно одинаковом уровне (порядка 60%), то количество респондентов, жалующихся на частые случаи подобного, выросло с 6.4% в 2020 году до 14.2% в 2021, т.е. актуальность проблемы не падает с течением времени, как можно было предположить, а, наоборот, возрастает, несмотря на понимание производителями (продавцами) важности данной проблемы и

Таблица 10

Распределение ответов респондентов на вопрос о том, насколько покупки, сделанные в сети Интернет, оправдывают ожидания и соответствуют описанию

Вариант ответа	Доля опрошенных, %		Вариант ответа	Доля опрошенных, %	
	2020	2021		2020	2021
Всегда оправдывают ожидания и соответствуют описанию	27.8	21.4	Часто приходится сталкиваться с тем, что покупка не оправдывает ожидания и не соответствует описанию	**6.4***	**14.2**
Иногда не оправдывают ожидания и не соответствуют описанию	62.2	61.9	Не делаю покупки через Интернет	3.6	2.5

* Жирным шрифтом выделены тенденции к увеличению.

их стремления улучшить данную ситуацию для потребителей, учитывая их интересы.

Заключение

По результатам проведенных двух опросов проверим сформулированные в начале статьи гипотезы.

Первая гипотеза «Большинство респондентов (более 50%) оценивают свою степень обеспеченности товарами и услугами выше среднего уровня» проверялась с учетом не только ответов респондентов «выше средней», но и «высокая» и «очень высокая». Гипотеза подтвердилась полностью, т.к. доля опрошенных, выбравших вышеперечисленные варианты ответов, в 2020 году составила 72.4%, а в 2020 году – 76.3%.

Соответствуют этому результаты проверки 2-й и 3-й гипотез. Согласно 2-й гипотезе, доля людей, считающих, что они часто испытывают удовлетворенность совершенными онлайн-покупками, в 2020 году почти достигла отметки 50%, а в 2021 году перевалила ее на 8.4%. Также в обоих годах подтвердилась 3-я гипотеза «Большинство респондентов (более 50%) оценивают частоту своих онлайн-покупок как увеличивающуюся»: показатель вырос за год почти в 1.5 раза. Казалось бы, такой результат очевиден, так как с развитием цифровых технологий потребители получают хорошую возможность повысить качество своей жизни за счет повышения степени удовлетворенности товарами и услугами, расширения возможностей доступа к ним и др., что отражается в сделанных ими оценках.

Далее, 4-я гипотеза касается оценки респондентами их лояльности как желания совершать повторные онлайн-покупки по отдельным группам товаров и услуг. Мы предположили, что на 1-е место, скорее всего, выйдут продовольственные товары, на 2-е – одежда, на 3-е – непродовольственные товары длительного пользования или услуги. Однако эта гипотеза практически не подтвердилась. В 2020 году большинство респондентов расставили приоритеты следующим образом: 1-е место – одежда, 2-е – услуги (ЖКХ, сотовая связь), 3-е – непродовольственные товары повседневного использования. Приоритеты в 2021 году распределились следующим образом: на 1-м месте – непродовольственные товары повседневного использования, на 2-м – одежда, на 3-м месте – продовольственные товары. При этом респонденты демонстрируют устойчивое желание часто покупать онлайн непродовольственные товары повседневного использования и одежду, наблюдается устойчивый рост лояльности к покупкам продовольственных товаров и обуви и существенное снижение лояльности на такие категории, как товары длительного пользования (радиоэлектроника, мебель), услуги (ЖКХ, сотовая связь) и подписки на различные сервисы, покупки цифрового контента (книги, фильмы и т.д.). Эти результаты косвенно свидетельствуют о настоящем прорыве, произошедшем за год в части развития сервисов доставки продовольственных товаров.

Дальнейшие гипотезы были сформулированы в расчете на то, чтобы выявить у респондентов преимущества, проблемы и способы их решения при осуществлении онлайн-покупок. Пятая гипотеза, напомним, касалась преимуществ осуществления покупок в Интернете и была сформулирована следующим образом: «В качестве основного преимущества осуществления покупок в сети Интернет большинство потребителей (более 50%) называют более низкие цены (по сравнению с обычными магазинами), на втором месте – экономия времени, на третьем – удобство доставки». Данная гипотеза подтвердилась лишь частично. Если в 2020 году на первом месте оказались более низкие цены (по сравнению с обычными магазинами), а вторым по частоте ответом стала экономия времени, то третьим – простота оформления покупок. В

2021 году предпочтения распределились следующим образом: более низкие цены, доставка в удобное время, простота оформления покупок, экономия времени. Также есть тенденция к повышению важности в 2021 году и других факторов, в частности безопасности совершения покупок и наличия выгодных предложений для конкретного потребителя. То есть если очевидное преимущество низких цен подтвердилось, то второе очевидное преимущество интернет-торговли – экономия времени – в 2021 году со второго откатилось на четвертое место, уступив удобству доставки и простоте оформления покупок. Очевидно, что с увеличением количества интернет-покупок предпочтения потребителей существенно меняются в пользу комфорта при осуществлении покупок.

Шестая гипотеза «Редко или никогда не сталкивались с мошенничеством при осуществлении покупок в сети Интернет менее 50% опрашиваемых» не подтвердилась. Такой ответ выбрало абсолютное большинство респондентов (порядка 80% в 2020 и порядка 70% в 2021).

Седьмая гипотеза «В качестве основных проблем респонденты выделяют проблемы безопасности покупок, большое количество времени, потраченное на выбор покупки (специфичная асимметрия информации), несоответствие описания товара факту. Количество потребителей, предпочитающих покупки в традиционных магазинах или совсем не покупающих в Интернете, сократилось по сравнению с предыдущим годом не менее чем в два раза» подтвердилась частично. Основные проблемы в гипотезе были выделены верно, однако предпочтения по важности данных проблем в обоих годах распределились так: 1) несоответствие описания товара факту, недостоверная передача характеристик товара; 2) безопасность покупок; 3) не всегда удобное время доставки и 4) отсутствие атмосферы «физического» магазина. Та часть гипотезы, которая касалась сокращения количества потребителей, предпочитающих покупки в традиционных магазинах или совсем не покупающих в Интернете, не подтвердилась вовсе. Количество таких респондентов практически осталось на том же уровне. Это, на наш взгляд, говорит о том, что, несмотря на активное развитие цифровых технологий и неблагоприятную эпидемиологическую обстановку, потребители крайне неохотно отказываются от сложившихся у них шаблонов покупательского поведения, даже если это им невыгодно, что характеризует их скорее как «человека социологического», чем как «человека экономического».

Восьмая гипотеза касается действий потребителей в условиях познавательного диссонанса, т.е. несоответствия купленного товара ожиданиям. Мы предположили, что в условиях познавательного диссонанса не менее 50% респондентов перестают делать покупки у данного продавца вне зависимости от результатов разрешения сложившейся проблемы, и эта гипотеза полностью подтвердилась. Более того, о случаях познавательного диссонанса в обоих годах говорят порядка более 90% респондентов. На наш взгляд, это следствие проблемы несоответствия описания товара факту, о котором мы уже подробно говорили в процессе анализа результатов опросов.

Мы считаем, что основным способом уменьшения познавательного диссонанса может стать анализ отзывов, и предположили, что этим способом уменьшения познавательного диссонанса пользуются более 50% опрошенных. Эта гипотеза (9-я по счету) подтвердилась в обоих годах. Отзывы анализируют более 60% респондентов в 2020 и более 50% в 2021 году. Любопытно, что эта цифра имеет тенденцию к снижению.

Можно предположить, что причина в специфической информационной асимметрии либо в увеличении у респондентов опыта покупок. Увеличение степени достоверности характеристик товара, к сожалению, таковой не является, так как 10-я гипотеза, касающаяся этого вопроса, не подтвердилась, наоборот, количество респондентов, жалующихся на частые случаи несоответствия товара факту, выросло примерно с 6% в 2020 году до 14% в 2021, т.е. актуальность проблемы не падает с течением времени, как можно было предположить, а, наоборот, возрастает.

Подведем итоги исследования. Как уже говорилось выше, основным потребителем, совершающим онлайн-покупки, является женщина в возрасте от 18 до 40 лет, имеющая высшее или неоконченное высшее образование, с доходом, варьирующимся от 16 до 45 тыс. руб. в месяц. Оценивая качество своей жизни с точки зрения обеспеченности товарами и услугами как высокое, тем не менее она с течением времени все больше товаров и услуг покупает в Интернете, чаще всего заказывая продовольственные товары и непродовольственные товары повседневного использования, одежду и др., и часто чувствуя удовлетворение от сделанных ею покупок. Считает, что онлайн-покупки позволяют ей повышать качество жизни и экономить как свое время за счет увеличения доступности товаров и услуг и удобной доставки, так и деньги за счет более низких цен. Однако бывают ситуации, когда она вынуждена тратить больше времени на покупку, анализируя информацию о товаре, в частности отзывы на него. Это позволяет ей сни-

зить в будущем вероятность познавательного диссонанса, однако решающую роль для нее играет не это, а безопасность осуществления покупок, т.е. честность продавца и возможность обменять товар или вернуть в случае необходимости деньги за него. При этом она понимает необходимость использования цифровых технологий для повышения собственной обеспеченности товарами и услугами и увеличения степени удовлетворенности от них.

Итак, в настоящее время очевидно, что развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на качество жизни населения, в том числе на оценку населением степени своей обеспеченности товарами и услугами при помощи расширения у потребителей возможностей доступа к более широкому спектру товаров и услуг за счет осуществления онлайн-покупок. Однако необходимым условием реализации этого процесса является достаточный уровень цифрового качества населения или обеспеченности потребителей цифровыми благами, важнейшим из которых является доступ к Интернету. В сложившихся условиях изменяется как структура потребностей потребителей, так и их представления о взаимодействии с продавцами. При этом наряду с доступностью товаров и услуг на первый план выходят проблемы безопасности осуществления покупки и информационной асимметрии.

Результаты проведенных исследований, которые легли в основу данной статьи, однозначно подтверждают, что, несмотря на наличие у потребителей сформированного отношения к возможностям использования цифровых технологий на основе уже имеющегося собственного опыта, они в целом неохотно меняют сложившиеся у них поведенческие паттерны. Характер и динамика изменений оценок потребителей процесса приобретения товаров и услуг в условиях развития цифровых технологий свидетельствует о наличии в этой сфере множества проблем, наиболее значительными из которых, на наш взгляд, являются недостаточный уровень безопасности осуществления покупки, большое число случаев познавательного диссонанса, информационная асимметрия и др. Преодоление этих проблем позволит улучшить оценку потребителями степени собственной обеспеченности товарами и услугами, что, в свою очередь, будет способствовать повышению качества жизни населения.

Список литературы

1. Чкалова О.В. Торговые сети как детерминанта развития цифровых инноваций // В сборнике: Развитие сферы услуг: стратегии, инновации, компетенции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 34–38.

2. Церкасевич Л.В., Макаренко Е.А. Развитие влияния цифровизации на качество жизни населения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 68–78.

3. Blinder A.S. A model of International Wealth // Quarterly Journal of Economics. 1973. № 87. P. 608–626.

4. Atkinson A.B. The Economics of Inequality. London: Clarendon Press; Oxford University Press, 1975. 295.

5. Schultz T.W. The Economics of Being Poor. Oxford: Blackwell, 1993. 340.

6. Sen A. Commodities and Capabilities. Amsterdam & New York: North-Holland, 1985.

7. Galbraith J.K. The Affluent Society: 40th anniversary edition, update and with a new introduction by the author. Mariner Books, 1998.

8. Galbraith J.C. Economic theories and goals of society. M.: Progress, 1979. 406 p.

9. Римашевская Н.М., Волкова Г.Н., Маркова Н.Е., Мигранова Л.А. Качество жизни в условиях социальных девиаций // Народонаселение. 2007. № 4. С. 22–34.

10. Римашевская Н.М., Оников Л.Л. Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М.: Наука, 1991. 254 с.

11. Бестужев-Лада И.В., Батыгин Г.С., Дридзе Т.М. и др. Социальные показатели образа жизни советского общества: методологические проблемы / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: Наука, 1980.

12. Бобков В.Н., Мстиславский П.С. Качество жизни: сущность и показатели // Человек и труд. 1996. № 6. С. 76–79.

13. Бобков В.Н., Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 11. С. 5–40.

14. Бобков В.Н. Управление качеством жизни населения // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 3. С. 117–122.

15. Aung Zaw Zaw Phyo, Rosanne Freak-Poli, Heather Craig, Danijela Gasevic, Nigel P.Stocks, David A. Conzalez-Chica, Joanne Ryan. Quality of life and mortality in the general population: a systematic review and meta-analysis // BMC Public Health. 2020. **20**.

16. Коровин Г.Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. 2019. **16 (1)**. С. 1–11.

17. Литвинцева Г.П., Петров С.П. Теоретические основы игровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 414–427.

18. Михайлова М.В. Качество жизни населения как социальная доминанта государственной и муниципальной политики. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 133 с.

19. Попов Е.В., Семячков К.А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. 2018. № 14 (4). С. 1088–1101.

20. Ломоносова Н.В., Золкина А.В. Ресурсы цифрового обучения: повышение эффективности смешанного высшего образования // Вестник Новоси-

бирского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (6). С. 121–137.

21. Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. Smart cities: Advances in research – An information systems perspective // Int. J. of Information Management. 2019. № 47. P. 88–100.

22. Щекотин Е.В. Качество жизни населения в условиях цифровизации: возможности и риски // Управление в условиях цифровизации социально-экономических процессов: Сборник научных статей [Электронный ресурс] / Отв. ред. Е.А. Ильина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. 369 с.

23. Литвинцева Г.П., Шмаков А.В., Стукаленко Е.А., Петров С.П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. 2019. № 17 (3). С. 107–127.

24. Азоев Г.Л., Быкова О.Н., Гарнов А.П. и др. Развитие экономических систем в цифровой экономике: маркетинг, сфера услуг, логистика / Под ред. И.Б. Стукаловой, Р.Р. Сидорчука, О.В. Сагиновой, М.Э. Сейфуллаевой, Н.А. Зайцевой. М.: Изд-во «ООО «Русайнс», 2020. 262 с.

25. Fatemeh Koohli, Saharnaz Nedjat, Zahra Cheragni. Quality of Life among General Populations of Different Countries in the Past 10 Years, with a Focus on Human Development Index: A Systematic Review and Meta-analysis // Iran J. Public Health. 2017. **46 (1)**. P. 12–22.

26. Jose Ernesto Amoros, Oscar Cristi, Wim Naude. Entrepreneurship and subjective well-being: Does the motivation to start-up a firm matter? // Journal of Business Research. 2021. Vol. 127. P. 389–398.

27. Cambell F. The sense of well-being in America / Recent patterns and trends. N.Y.: McGraw Hill, 1981. XII. 264 p.

28. Cambell F., Converse Ph., Rodgers W. The quality of American life. Perceptions, evaluations and satisfactions. N.Y.: Russell sage foundation, 1976. XI. 583 p.

29. Астратова Г.В., Синякова М.Г., Захарова Е.Н., Коржавина Н.П. Субъективные факторы оценки качества жизни на индивидуальном уровне // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 3 (225). С. 18–27.

30. Еникеева Л.А., Ширшикова М.С. Модели прогнозирования качества жизни на основе международных индексов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18414 (дата обращения: 16.11.2021).

31. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.

32. Захаркина Н.В. Факторы, влияющие на качество жизни населения // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 9. С. 42–47.

STUDY OF CONSUMER BEHAVIOR IN THE DIGITAL ENVIRONMENT TO ASSESS THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

I.Yu. Tsvetkova, N.G. Kopasovskaya, I.V. Bolshakova, L.Yu. Kundina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article studies the features of consumer behavior in the process of acquiring goods and services using digital technologies as an economic component of assessing the quality of life of the population in modern conditions. The empirical base of the study was data characterizing the behavior of consumers in the city of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region, who purchase goods and services online using digital technologies. On the basis of the survey, the authors studied the assessments of consumers of the degree of their provision with goods and services, the attitude of consumers to making purchases on the Internet, their problems and advantages, actions to reduce cognitive dissonance; consumer preferences regarding the frequency of purchases of certain categories of goods were revealed.An approximate portrait of the consumer was compiled and problems affecting his behavior and assessment of the quality of his life were identified. In the course of the analysis, an assessment technique based on the calculation of the NPS index was used.

Keywords: digitalization, digital technologies, quality of life of the population, provision of goods and services, Internet shopping, online shopping, consumer survey, shopping safety.

УДК 338.242
DOI 10.52452/18115942_2022_3_63

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ДОРОЖНОЙ СЕТИ

© 2022 г.

И.М. Шор

Шор Инна Михайловна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры финансов, учета и экономической безопасности Волгоградского государственного университета
ShorIM@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 08.06.2022
Статья принята к публикации 26.07.2022

В настоящее время фактическое состояние дорожной сети России в ряде случаев не соответствует ее нормативному состоянию. Учитывая это обстоятельство в совокупности с тем, что в современных нестабильных условиях значительно возрастает нагрузка на бюджет государства, актуализируются вопросы, связанные с применением государственно-частного партнерства (ГЧП) в строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации дорог. Целью статьи является исследование ГЧП как драйвера развития дорожной сети России. Проведенное исследование позволило сделать выводы о преимуществах и рисках реализации проектов ГЧП в дорожной сети (далее – дорожные проекты). На основе оценки количественных и качественных показателей реализации таких проектов в России сформулированы и систематизированы актуальные проблемы в данной области (длительность процедур изъятия и оформления земельных участков; несовершенство процедуры оценки заключения концессионных соглашений в области строительства автомобильных дорог; дисбаланс в распределении рисков между партнерами дорожных проектов и др.). Это позволило представить практические меры, направленные на решение данных проблем с позиции устойчивого развития (совершенствование действующего законодательства с целью сбалансированного распределения рисков, ответственности, обязанностей, гарантий и доходов между участниками дорожных проектов; субсидирование процентных ставок по кредитным ресурсам; поддержка объединений кредитных организаций и др.). В дополнение к этому определены перспективы развития дорожной сети на основе ГЧП с акцентом на высокую значимость реализации «зеленых» дорожных проектов. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания экономических и финансовых явлений и процессов. В работе применены анализ, синтез, наблюдение и другие методы. Материалы исследования могут быть использованы при принятии решений по развитию дорожной сети России на основе ГЧП.

Ключевые слова: ГЧП, дорожная сеть, государство, бизнес, население, проект, инвестиции, риски, устойчивое развитие.

Введение

Одним из целевых показателей, характеризующих достижение такой национальной цели развития России до 2030 года, как комфортная и безопасная среда для жизни, выступает обеспечение доли дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативным требованиям, на уровне не менее 85%. Установление данного целевого показателя обусловлено необходимостью обеспечения эффективного функционирования транспортной системы нашей страны с целью удовлетворения текущих и будущих потребностей населения, бизнеса и государства в качественных и конкурентоспособных транспортных услугах. Также важно сказать и том, что от состояния дорожной сети во многом зависит уровень отраслевого развития регионов страны и, в частности, ее инвестиционной составляющей. Вместе с тем необходимо подчеркнуть тот факт, что на состояние дорожной сети России негативно влияет ряд проблем, препятствующих ее дальнейшему развитию. Одной из таких проблем выступает недостаточный объем бюджетного финансирования дорожной сети регионального и местного уровня, что приводит к несоответствию ее нормативному состоянию и созданию серьезных барьеров в строительстве обходов крупных городов, позволяющем повысить безопасность движения и снизить объемы негативного экологического вреда. Таким образом, в качестве основных последствий всего этого выступает появление различного рода преград в достижении экономического роста России посредством содействия социальному и экологическому благополучию, а следовательно, в обеспечении устойчивого развития в целом. Учитывая это обстоятельство в совокупности с тем, что в современных нестабильных условиях значительно возрастает нагрузка на бюджет государства, можно говорить об усилении зна-

чимости применения ГЧП в строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации дорог.

Теоретическим и практическим аспектам применения ГЧП в транспортной сфере посвящено множество различных работ. В частности, можно встретить работы отечественных авторов, в которых рассматриваются экономические, правовые, финансовые и иные вопросы развития как транспортной системы на основе ГЧП [1, 2], так и ее инфраструктуры [3–9]. Также следует сказать и о работах зарубежных авторов в данной области [10–13]. Вместе с тем, не снижая значимости данных работ, необходимо подчеркнуть отсутствие специального исследования ГЧП применительно к дорожной сети нашей страны в современных реалиях.

Теоретико-методологические подходы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания экономических и финансовых явлений и процессов, что способствовало комплексному изучению и всесторонней оценке ГЧП как драйвера развития дорожной сети России. Такие универсальные методы познания, как анализ и синтез, позволили выделить, объединить и изучить качественные и количественные показатели реализации в нашей стране проектов ГЧП применительно как к транспортной сфере (далее – транспортные проекты), так и дорожной сети. В свою очередь, эмпирические методы познания – наблюдение и описание – способствовали получению и закреплению знаний о преимуществах и рисках применения ГЧП в дорожной сети. В свою очередь, логический метод содействовал представлению практических мер по решению актуальных проблем развития дорожной сети России на основе ГЧП и определению перспектив реализации дорожных проектов. Системный подход позволил комплексно исследовать ГЧП в дорожной сети России как совокупности взаимосвязанных элементов, ориентированных на достижение целей устойчивого развития страны и ее территорий. В качестве основных результатов применения вышеотмеченных методов выступило формирование современного представления о функционировании дорожной сети России на основе ГЧП в контексте устойчивого развития.

ГЧП как один из наиболее привлекательных драйверов развития дорожной сети имеет ряд важных преимуществ:

– привлечение финансовых, материальных, трудовых и иных ресурсов, а также профессиональных компетенций и инновационных технологий представителей бизнеса в реализацию общественно значимых дорожных проектов. Соответственно положительными следствиями этого выступают, во-первых, оптимизация бюджетных средств и рост налоговых платежей в бюджет за счет привлечения частных инвесторов в реализацию дорожных проектов. Во-вторых, снижение общих затрат по дорожным проектам в течение всего их срока реализации, что обусловлено централизацией основных функций по строительству, реконструкции, ремонту и эксплуатации дорог. В-третьих, обеспечение роста эффективности управления объектами дорожных проектов в течение их жизненного цикла;

– развитие конкуренции на рынке социально значимых услуг и повышение инвестиционной привлекательности территорий, на которых реализуются дорожные проекты, следствием чего выступают обеспечение экономического роста и повышение конкурентоспособности регионов страны;

– распределение рисков и ответственности по дорожным проектам между государством и представителями бизнеса. При этом учитывается тот факт, что у представителей бизнеса имеются более широкие возможности по эффективному митигированию таких рисков. А в части ответственности подчеркнем следующее. Для оптимизации расходных обязательств государства при планировании бюджетных расходов следует учитывать то, что дорожные проекты могут повысить нагрузку на бюджет не в краткосрочном, а в долгосрочном периоде. Поэтому необходимо исключать ошибки при планировании бизнес-моделей дорожной сети и создавать такие условия функционирования дорожной сети, при которых денежных средств было бы достаточно на ее содержание и погашение принятых долговых обязательств. Также важно, чтобы специалисты органов государственной (муниципальной) власти и бизнес-структур, на которые возложены функции, ответственность и полномочия по реализации дорожных проектов, в полном объеме и на высоком уровне обладали компетенциями в данной области.

Вместе с тем необходимо учитывать и то, что применение ГЧП при реализации дорожных проектов сопряжено с техническими, юридическими, экономическими, финансовыми, экологическими и другими рисками. Например, для представителей бизнеса такие риски связаны с несовершенством действующего законодательства и правоприменительной практики в области ГЧП применительно к дорожной сфере, наличием бюрократических барьеров при проведении конкурсов и принятии решений о заключении соглашений в рамках ГЧП, ростом стоимости и ограниченностью ресурсов, необ-

ходимых для реализации дорожных проектов, и др. В свою очередь, государство при реализации дорожных проектов может столкнуться с рисками, обусловленными неисполнением представителями бизнеса взятых на себя обязательств на протяжении всего жизненного цикла таких проектов, недостаточным уровнем компетенций представителей бизнеса в области строительства, реконструкции, ремонта и эксплуатации дорог и др. А если говорить о потребителях услуг в дорожной сфере, в частности населении, то следует сказать о рисках недостаточного качества дорожной сети и необеспечения безопасности дорожного движения, что во многом связано с ошибками, допущенными при проектировании, строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог.

В настоящее время дорожные проекты занимают наибольшую долю в стоимостном и количественном выражении по отношению ко всем реализуемым в нашей стране транспортным проектам (более 50%) [14]. В свою очередь, оценивая итоги реализации транспортных проектов в России, сделаем следующие выводы.

Во-первых, во втором полугодии 2021 года общее количество планируемых к реализации и реализуемых транспортных проектов составило сто девяносто пять, что на 15% выше, чем за второе полугодие 2018 года (сто семьдесят транспортных проектов). Соответственно, за второе полугодие 2021 года инвестиции в транспортные проекты под влиянием пандемии коронавируса составили 3.8 триллиона рублей, что на 11% ниже, чем за второе полугодие 2018 года. Вместе с тем хочется отметить, что во втором полугодии 2021 года подписано восемь транспортных концессионных соглашений общей стоимостью более 200 миллиардов рублей, что является наибольшим показателем объема финансирования транспортных проектов за последние два года. При этом первое место по объему финансирования таких проектов заняла автодорожная отрасль, в частности речь идет о заключении концессионных соглашений по строительству дорог в Московской области, Республике Татарстан, городах Сургут и Южно-Сахалинск.

Во-вторых, за последние годы наибольшая доля в количественном выражении транспортных проектов (более 60%) реализуется на региональном уровне. Соответственно, на муниципальный уровень приходится более 20% транспортных проектов, а на федеральный уровень – более 10%. При этом в стоимостном выражении инвестиции, вкладываемые в региональные транспортные проекты, также занимают лидирующую позицию (более 60%), а далее следуют федеральные и муниципальные транспортные проекты соответственно. Данные показатели свидетельствуют о высокой заинтересованности органов власти субъектов РФ в применении ГЧП для решения поставленных целей и задач развития транспортной системы регионов.

В-третьих, по сроку реализации преобладают транспортные проекты, реализуемые в течение периода свыше двадцати лет (около 40% от общего количества транспортных проектов). При этом наиболее продолжительными во времени выступают проекты в авиационной и автодорожной сферах. Срок их реализации в среднем составляет двадцать пять лет и двадцать четыре года соответственно.

В-четвертых, лидирующие позиции по числу реализуемых транспортных проектов занимает Центральный федеральный округ (более 30%). Именно в этом округе транспортные проекты достаточно быстро совершают переход из статуса проектной инициативы до статуса реализуемого проекта. Соответственно, меньше всего транспортных проектов в Северо-Кавказском федеральном округе. Также важно сказать и о том, что транспортные проекты реализуются в пятидесяти восьми из восьмидесяти пяти субъектов Российской Федерации. При этом наибольшее количество транспортных проектов приходится на города Москва и Санкт-Петербург, а также Московскую область (около 30% от общего количества транспортных проектов и около 40% от общего объема инвестиций в данные проекты).

В-пятых, по форме реализации транспортных проектов наибольшую долю в стоимостном и количественном выражении занимает концессия (более 50%). Вместе с тем отметим незначительную долю заключенных концессионных соглашений в транспортной сфере по отношению к общему количеству заключенных соглашений по всем сферам реализации ГЧП. В 2021 году она составляет около 3%, в то время как на лидирующую коммунально-энергетическую отрасль приходится около 80%. В среднем срок заключения концессионных соглашений в транспортной сфере равен двум месяцам, что в шесть раз меньше, чем в коммунально-энергетической сфере. Средний срок создания (реконструкции) объекта в соответствии с условиями концессионных соглашений, заключенных в транспортной сфере, составляет пять лет, что соответствует среднеотраслевому значению. А средний срок эксплуатации объекта в соответствии с условиями концессионных соглашений, заключенных в транспортной сфере, равен двадцати семи годам, что является максимальным по всем отраслям [15].

Современный этап развития говорит о том, что в периоды нестабильности одними из перспективных инфраструктурных проектов выступают концессионные проекты в дорожной сфере, с помощью которых формируются новые подходы к строительству, реконструкции, ремонту и эксплуатации дорог. При этом стоящие перед концессионерами задачи предполагают обеспечение эффективности дорожного строительства в сочетании с долгосрочной эксплуатацией дорожной сети, руководствуясь требованиями к ее качеству. Наряду с этим подчеркнем, что с помощью таких проектов возможно снижение расходов бюджета в части затрат на содержание и эксплуатацию автомобильных дорог на протяжении жизненного цикла объектов концессионных соглашений с учетом длительного срока их реализации. В целом, капиталоемкость концессионных проектов в дорожной сфере сочетается с высоким экономическим эффектом, связанным с ускорением процессов формирования внутреннего спроса и выбора оптимальных путей поставок ресурсов, а также ростом занятости населения и оптимизацией социально-экономических процессов. Данное обстоятельство усиливает интересы кредитных организаций к участию в реализации дорожных проектов. К примеру, Газпромбанк за последние полтора-два года существенно нарастил портфель таких проектов. В 2021 году эта кредитная организация представила органам региональной власти частные инициативы в размере около 300 миллиардов рублей, предполагающие реализацию дорожных проектов в таких городах, как Екатеринбург, Омск, Пермь и др. В целом, на конец 2021 года около 60% соглашений в рамках ГЧП применительно к транспортной инфраструктуре было заключено с участием Газпромбанка. В качестве примеров наиболее крупных проектов данной кредитной организации приведем мост в городе Новосибирске, участки ЦКАД в Московской области, автомобильную дорогу Виноградово–Болтино–Тарасовка и др. При этом подчеркнем активную работу Газпромбанка и других кредитных организаций по расширению своих функций при реализации дорожных проектов посредством комплексных инфраструктурных предложений, основанных на оказании участникам этих проектов сопутствующих услуг в виде цепочки сервисов и структурирования проектов конвейерным способом [16].

Вместе с тем количественные и качественные показатели реализованных в России дорожных проектов говорят о том, что потенциал таких проектов не реализован в полной мере. Для выявления причин, обусловивших данную ситуацию, особый интерес вызывают данные Счетной палаты РФ, Росавтодора и других организаций и специалистов в области дорожных проектов [17, 18]. Руководствуясь этими данными и собственными наблюдениями, сформулируем и систематизируем ряд актуальных проблем в области реализации данных проектов.

Первая проблема – длительность процедур изъятия и оформления земельных участков. Заключение концессионных соглашений до решения земельных вопросов может привести к срывам планируемых сроков строительства автомобильных дорог и дополнительным расходам государства. Примером этого может служить концессионное соглашение по строительству головного участка трассы М-11 «Нева» с пятнадцатого по пятьдесят восьмой километр и обхода Одинцова на трассе М-1 «Беларусь» в Московской области, по которому не были соблюдены планируемые сроки строительства по причине нарушения срока предоставления земельных участков. В результате этого государство выплатило концессионерам компенсации за недополученный доход в размере 5.6 миллиарда рублей.

Вторая проблема – несовершенство процедуры оценки заключения концессионных соглашений в области строительства автомобильных дорог, приводящее к снижению эффективности бюджетного планирования, связанного с информированием финансовых органов о бюджетных обязательствах в рамках данных соглашений.

Третья проблема – дисбаланс в распределении рисков между партнерами дорожных проектов. В качестве примера приведем уведомление, направленное концессионером «Нового выхода на МКАД» – АО «Главная дорога» концденту – госкомпании о необходимости выплаты компенсации в размере 409 миллионов рублей по причине введения ограничительных мер в связи с коронавирусом, повлиявших на снижение трафика на проверенных дорогах на несколько месяцев.

Четвертая проблема – необоснованность определения концессионерами стоимости проезда по автомобильным дорогам.

Пятая проблема – привязка процентных ставок по заемному финансированию дорожных проектов к ключевой ставке Банка России, что обусловливает рост стоимости такого финансирования в нестабильных условиях и, как следствие, снижение рентабельности дорожных проектов и рост обязательств частных партнеров в рамках дорожных проектов.

Заключение

Предложения по решению вышепредставленных проблем с целью обеспечения эффективного развития дорожной сети России на основе ГЧП заключаются в следующем. В первую очередь необходимо совершенствование действующего законодательства с целью сбалансированного распределения рисков, ответственности, обязанностей, гарантий и доходов между

участниками дорожных проектов. В частности, требуется установление нормативно-правового закрепления требований к проектированию и строительству автомобильных дорог, обоснованной методики расчета стоимости проезда по автомобильным дорогам, построенным в рамках дорожных проектов, и других положений, направленных на ликвидацию неправильности расчета стоимости проезда по автомобильным дорогам. Также необходимо четкое и системное нормативное закрепление обязанностей направлять в финансовые органы проекты соглашений в рамках ГЧП применительно к дорожной сфере вместе со сведениями об обстоятельствах и условиях, которые могут привести к дополнительным расходам бюджетов. Это должно быть подкреплено содержательным наполнением формы представления информации о бюджетных обязательствах в рамках таких соглашений, в частности речь идет об исчерпывающей информации о размерах и сроках исполнения бюджетных обязательств. Кроме того, требуется оптимизация процедуры изъятия и оформления земельных участков, связанных с исполнением соглашений в дорожной сфере.

Несмотря на высокую гибкость дорожных проектов и готовность партнеров продолжать взаимодействовать в рамках таких проектов, даже в условиях неустойчивой ситуации в стране, отметим, что фактически реализация такой готовности находится в прямой зависимости от внесения изменений в существующие условия дорожных проектов и главным образом в проектную документацию. Это во многом обусловлено ростом стоимости и ограниченностью финансовых, материальных и иных ресурсов, необходимых для продолжения реализации дорожных проектов. Также в настоящее время крайне важно обсуждение и принятие на государственном уровне решений по следующим вопросам: введение временного моратория на штрафные санкции по дорожным проектам за невыполнение планируемых мероприятий и недостижение запланированных показателей по причинам, связанным со сложившейся неблагоприятной ситуацией в стране; предоставление возвратной субсидии для финансирования запланированных мероприятий по дорожным проектам до периода стабилизации в стране; субсидирование процентных ставок по кредитным ресурсам и поддержка объединений кредитных и иных финансовых организаций, например в рамках синдикатов, для обеспечения устойчивости и привлекательности дорожных проектов посредством объединения капиталов при разделении соответствующих рисков.

И в завершение предложений, содействующих совершенствованию практики реализации дорожных проектов в России, подчеркнем важность применения принципа открытости и прозрачности в процессе планирования и реализации дорожных проектов на основе цифровизации.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что перспективы развития дорожной сети на основе ГЧП во многом предопределяются необходимостью обеспечения устойчивого развития нашей страны и ее территорий в рамках трехкомпонентной модели, включающей в себя три взаимообусловленных, взаимосвязанных и интегрированных элемента – экономику, экологию и общество. Следовательно, приоритетность дорожных проектов будет определяться их нацеленностью на достижение экономического, социального и экологического благополучия одновременно. И в данном аспекте акцентируем важность реализации «зеленых» дорожных проектов, предполагающих применение таких технологий по строительству, реконструкции, ремонту и эксплуатации дорог, при которых минимизируется воздействие на окружающую среду посредством эффективного использования материалов, энергии, пространства и экосистемы в целом. Примерами этого выступают технологии, во-первых, связанные с повторным использованием асфальтобетона; во-вторых, основанные на «теплых» асфальтобетонах, которые позволяют снижать рабочие температуры; в-третьих, связанные с применением восстанавливающих добавок в асфальтобетонных смесях RAP, что содействует снижению выбросов углекислого газа; в-четвертых, предполагающие использование асфальтобетонной смеси, содействующей поглощению шума, который возникает от движения автотранспортного потока. В целом, применение этих и других энергосберегающих, ресурсосберегающих и безотходных технологий при строительстве, реконструкции, ремонте и эксплуатации дорог будет содействовать поступательному и эффективному развитию дорожной сети России с применением ГЧП в направлении создания и сохранения для последующих поколений комфортной и безопасной среды жизнедеятельности.

Список литературы

1. Правкин С.А., Смирнова В.В. Механизм правового управления инвестициями в транспортной сфере с учетом применения отдельных моделей государственно-частного партнерства // Транспортное право и безопасность. 2019. № 2 (30). С. 112–124.

2. Правкин С.А., Астремский А.Д. Совершенствование транспортной системы через развитие механизмов государственно-частного партнерства // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4 (28).

3. Аблязов Т.Х., Марусин А.В. Государственно-частное партнерство как механизм развития транспортной инфраструктуры в условиях формирования цифровой экономики // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 2. С. 1271–1280.

4. Ачба Л.В., Ворона-Сливинская Л.Г., Воскресенская Е.В. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре как форма взаимодействия государства и бизнеса // Экономика и управление. 2020. № 26 (7). С. 759–765.

5. Дегтярева И.В., Селезнева Е.С. Инвестирование проектов дорожно-транспортной инфраструктуры: источники, динамика, проблемы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 4 (30). С. 107–115.

6. Иванченко Л.А. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре // Логистические системы в глобальной экономике. 2018. № 8. С. 128–131.

7. Офин В.П. Особенности реализации проектов государственно-частного партнерства в транспортной инфраструктуре // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 5 (101). С. 50–54.

8. Симак Р.С., Васильев Д.И. Преимущества и недостатки государственно-частного партнерства в развитии транспортной инфраструктуры // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. 2017. № 3 (55). С. 175–181.

9. Смирнова В.В., Правкин С.А. Государственно-частное партнерство как фактор развития транспортной инфраструктуры // Legal Bulletin. 2022. № 7 (1). С. 64–71.

10. Huang Z., Zheng P., Ma Y. A simulation study of the impact of the public-private partnership strategy on the performance of transport infrastructure // SpringerPlus. 2016. V. 5. 958 p.

11. Liyanage C., Villalba-Romero F. Measuring success of PPP transport projects: a cross-case analysis of toll roads // Trans. Rev. Transnatl. Transdiscipl. J. 2015. V. 35 (2). P. 140–161.

12. Percoco M. Quality of institutions and private participation in transport infrastructure investment: evidence from developing countries // Transp. Res. Part. 2014. V. 70. P. 50–58.

13. Tsamboulas D., Verma A., Moraiti P. Transport infrastructure provision and operations: why should governments choose private-public partnership? // Res. Transport. Econ. 2013. V. 38. P. 122–127.

14. Мониторинг инвестиционной активности: транспортные проекты в субъектах РФ, реализуемые с применением механизма ГЧП [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=http://spbtrd.ru/local/filedownload.php?file_id%3D10390

15. Результаты мониторинга заключения и реализации заключенных концессионных соглашений, в том числе на предмет соблюдения сторонами концессионного соглашения взятых на себя обязательств по достижению целевых показателей, содержащихся в концессионном соглашении, сроков их реализации, объема привлекаемых инвестиций и иных существенных условий концессионного соглашения, за 2021 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/d6cca1ea871c4e6952d9de74e3480f0a/rezultaty_monitoringa_za_2021_115-fz.pdf.pdf

16. Инфраструктура как точка роста [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5270631

17. Дорожное строительство по концессии: поправки в закон о ГЧП для эффективности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dorinfo.ru/99_detail.php?ELEMENT_ID=108013

18. Счетная палата предлагает пересмотреть условия концессионных соглашений на строительство дорог [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-predlagaet-peresmotret-usloviya-kontsessionnykh-soglasheniy-na-stroitelstvo-dorog

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A DRIVER OF ROAD NETWORK DEVELOPMENT

I.M. Shor

Volgograd State University

Currently, the actual state of the Russian road network in some cases does not correspond to its normative state. Taking into account this circumstance, together with the fact that in modern unstable conditions the burden on the state budget is significantly increasing, issues related to the use of public-private partnership (hereinafter – PPP) in the construction, reconstruction, repair and operation of roads are being updated. The purpose of the article is to study PPP as a driver of the development of the Russian road network. The conducted research allowed us to draw conclusions about the advantages and risks of implementing PPP projects in the road network (hereinafter referred to as road projects). Based on the assessment of quantitative and qualitative indicators of the implementation of such projects in Russia, topical problems in this area are formulated and systematized (duration of procedures for the seizure and registration of land plots; imperfection of the procedure for evaluating the conclusion of concession agreements in the field of road construction; imbalance in the distribution of risks between partners of road projects, etc.). This made it possible to present practical measures aimed at solving these problems from the perspective of sustainable development (improving the current legislation in order to balance the distribution of risks, responsibilities, responsibilities, guarantees and income between participants in road projects; subsidizing interest rates on credit resources; support for associations of credit organizations, etc.). In addition, the prospects for the development of the road network based on PPP have been identified, with an emphasis on the high importance of the implementation of green road projects. The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of cognition of economic and financial phenomena and processes. The work uses analysis, synthesis, observation and other methods. The research materials can be used in making decisions on the development of the Russian road network based on PPP.

Keywords: public-private partnerships, road network, government, business, population, project, investment, risks, sustainable development.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_69

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ К ПРОБЛЕМАМ НАРКОТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

© 2022 г.

А.А. Иудин, Д.А. Шпилев, Е.Е. Кутявина

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru
Шпилев Дмитрий Анатольевич, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры криминологии
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
профессор кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shpilev72@mail.ru
Кутявина Елена Евгеньевна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kutyavina_e@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2022
Статья принята к публикации 21.07.2022

Исследование проводилось на территории муниципальных образований Нижегородской области 10–28 декабря 2021 г. в рамках мониторинга ситуации распространения и потребления наркотиков и наркосодержащих веществ в Нижегородской области. Объектом социологического исследования являлось общественное мнение населения Нижегородской области. Целью исследования было выявление уровня наркотизации общества и отношения населения Нижегородской области к проблемам наркомании. Опрос проведен при содействии ГУ МВД России по Нижегородской области. Основные задачи заключались в определении значимости проблемы немедицинского потребления наркотиков в списке социальных проблем населения Нижегородской области, анализе ценностных установок населения, выявлении отношения населения Нижегородской области к проблеме немедицинского потребления наркотиков, степени наркотизации населения в Нижегородской области, определении наиболее распространенных на территории области наркотиков и степени их доступности, а также мотивов потребления наркотиков и основных механизмов приобщения у различных групп населения. По данным руководителя Федерального проекта «Трезвая Россия» С. Хамзаева, в России постоянно употребляют наркотики около 5 млн человек (3.4% всего населения страны), а Нижегородская область в антинаркотическом рейтинге регионов занимает 42-е место из 85 (Москва и Московская область – 78-е и 80-е места соответственно)[1]. Несмотря на то что в настоящее время в общественном сознании наркотизация не входит в число наиболее актуальных проблем, сильно отставая по значимости от таких повседневных забот, как снижение уровня жизни, безработица, качество медицинского обслуживания и алкоголизм, распространение наркотиков и их доступность остаются серьезным вызовом для общества. Основными причинами первого употребления наркотиков являются интерес, любопытство, желание испытать новые ощущения (одному или «за компанию») и приобрести новый опыт, влияние референтной группы.

Ключевые слова: наркотики, профилактика наркомании, легализация «легких» наркотиков, причины распространения наркомании, наркотическая зависимость, здоровый образ жизни, наркотические вещества, Интернет, сбыт.

Введение

Радикальные социально-экономические преобразования, произошедшие в России в конце XX века, привели к росту наркомании среди населения. В настоящее время проблема наркозависимости исследуется в юридической, медицинской, педагогической, психологической, социологической литературе и количество публикаций постоянно растет, что связано с интенсивным развитием производства, распространения и потребления наркотиков, а также усложнением структуры этой криминальной отрасли.

Большое количество публикаций посвящено в современной российской науке вопросам профилактики наркомании и противодействия рас-

пространению наркотических веществ. В частности, эффективность социально-правовых мер противодействия распространению наркотиков анализируют Л.А. и А.Н. Щербич [1]. Ученые уделяют значительное внимание рассмотрению причин, порождающих наркоманию в конкретных регионах, а также изучению региональных особенностей противодействия распространению наркотической зависимости. Этой тематике посвящены, например, работы А.В. Якутина и А.С. Кобзарева [2], Р.М. Абдрашева [3], В.А. Сибирева, А.Л. Кириллова, Ю.А. Парфенова, В.Г. Белова и Т.С. Прахт [4].

В силу того, что явление наркомании – проблема, носящая международный характер, наряду с региональными особенностями профилактики наркомании специалистами подробно рассматривается международный опыт противодействия распространению наркотиков, в частности, в исследованиях М.Ю. Дундукова [5], Р.Х. Кубова [6], П.Н. Кобец и К.А. Красновой [7]. Ряд работ посвящены анализу международного опыта противодействия распространению наркотиков на правовом уровне [8; 9].

Наркобизнес является очень высокодоходным, и с ним ведется активная борьба, поэтому способы распространения наркотических веществ в современном мире постоянно претерпевают значительные изменения, которые подробно описаны в работе А.В. Пупцевой [10]. Во все большей мере для покупки и продажи наркотиков используется сеть Интернет. Наркодилеры используют самые современные механизмы распространения: социальные сети, чаты, SMS[2]. Способы противодействия распространению наркотиков через Интернет изучаются в работе Б.Е. Хромова [11], К.В. Гурьянова и Я.С. Шатило [12], А.А. Глуховой, А.А. Иудина, Д.А. Шпилева [13], К.Е. Можаевой и И.А. Семенцовой [14]. А.П. Суходолов и А.М. Бычкова рассматривают проблемы противодействия использованию цифровых технологий для распространения наркотиков [15]. М.Н. Минисламов изучает проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков через современные средства связи [16], А.В. Морозов – с помощью использования современных информационных технологий [17].

Весьма важным и перспективным направлением исследований российских ученых является поиск наиболее эффективных способов противодействия распространению наркотиков, в том числе среди различных групп населения. Результаты подобных исследований приведены в работах А.К. Раева [18], Э.В. Техова и З.Л. Дзакоева [19], Л.В. Готчиной [20], П.Е. Анисимова [21], М.В. Валуева [22].

Ряд авторов подходят к проблеме наркотизации населения с точки зрения национальной безопасности Российской Федерации – Г.Ш. Шабанов [23], С.У. Дикаев [24], а также профилактики наркотической преступности – О.А. Сарапкина [25].

Для эффективной профилактики роста числа наркозависимых в России необходимо не только наладить межведомственное взаимодействие соответствующих правоохранительных и гражданских структур, но и организовать систему мониторинга ситуации с распространением и употреблением наркотических веществ в различных регионах. Отдельные варианты решения этих вопросов изложены в статье А.Л. Баденко [26]. Тем не менее российские регионы неодинаково пострадали от распространения наркотических веществ, да и способы борьбы с наркоманией использовались разные. Анализ стратегий и способов выхода регионов с большим количеством наркозависимых из критической ситуации практически не производился в российской научной литературе. Тем не менее такой анализ необходим для эффективной профилактики распространения и употребления наркотических веществ в нашей стране.

В данном исследовании на примере Нижегородского региона анализируется отношение населения к распространению наркотиков и наркомании.

Методология

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе анкетирования 563 жителей Нижегородского региона, из которых 50% мужчин и 49% женщин; 1% респондентов не ответили на вопрос о своей половой принадлежности. Была применена многоступенчатая типологическая выборка с применением квотных значений на последней стадии отбора респондентов. На первом этапе были определены районы исследования в соответствии с территориально-экономическим зонированием Нижегородской области. Ключевой принцип отбора – репрезентация основных территориально-экономических зон Нижегородской области (промышленная и сельскохозяйственная). На втором этапе произведен отбор населенных пунктов с учетом соотношения городского и сельского населения с реальным статистическим распределением этих групп в населении региона. На третьем этапе формирования выборки учитывались половозрастной и образовательный состав населения. Выборка построена на основе домохозяйств, не включая институциональные образования – военные части, больницы, тюрьмы, дома отдыха и т.д. В выборке несколько понижена доля респондентов в возрасте от 46 до

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, %

Показатель	Характеристики	Выборка	Мужчины	Женщины
Половозрастные группы	18–25 лет	22	24	21
	26–35 лет	27	28	27
	36–45 лет	20	21	19
	46–55 лет	9	8	9
	56–65 лет	16	16	17
	66–75 лет	2	2	3
Уровень образования	Неполное среднее	4	6	1
	Среднее общее	8	9	6
	Среднее специальное	28	33	23
	Неоконченное высшее	9	10	9
	Высшее	45	35	56
Семейное положение	Состоят в зарегистрированном браке	56	57	54
	Состоят в гражданском браке	8	10	6
	Разведены	10	7	14
	Разошлись, но не разводились	1	1	1
	Вдовец/вдова	5	4	7
	Не состоят и никогда не состояли в браке	19	20	17
Социальное положение	Рабочим	28	35	20
	Служащим	12	10	16
	Инженером, ИТР	3	5	1
	Учителем, врачом, представителем непроизводственной интеллигенции	8	5	10
	Предпринимателем, руководителем	10	10	9
	Работником МВД, военнослужащим	22	21	24
	Студентом, учащимся	4	1	7
	Домохозяйкой, безработным	10	9	12
	Пенсионером	1	0	1

Таблица 2

Материальное положение семей респондентов, %

Показатель	Выборка	Мужчины	Женщины
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	6	5	7
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	14	14	12
Денег достаточно для приобретения продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	59	58	61
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	17	20	14
Денег не всегда хватает даже на приобретение продуктов питания	4	3	5

55 лет, а также в возрасте от 66 до 75 лет. Статистическое отклонение выборки при 2σ – двойном стандартном отклонении – составило ±2%. Использованная анкета является оригинальной авторской разработкой исследовательского коллектива.

Результаты и обсуждение

Социально-демографические характеристики респондентов. Большинство респондентов имеют высшее и среднее специальное образование. Женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, мужчин со средним образованием больше, чем женщин.

Значительная часть респондентов состоит в зарегистрированном браке. Разведенных женщин больше, чем мужчин. Количество вдовствующих женщин тоже несколько больше, что объясняется более низкой продолжительностью жизни у мужчин.

Среди мужчин преобладают рабочие, среди женщин – сотрудники МВД и служащие (табл. 1).

Значительная доля респондентов по уровню доходов относится к высшему среднему и среднему классу. Довольно большое количество респондентов (21%) имеют низкий уровень доходов (табл. 2).

Половина респондентов проживают в отдельных квартирах или частных домах. Качество

Таблица 3

Жилищные условия респондентов, %

Тип жилья	Выборка	Оценка качества жилья	Выборка
Отдельная квартира	52	Элитное жилье	3
Коммунальная квартира	6	Современное благоустроенное жилье (дому не более пяти-шести лет)	24
Частный дом	38	Застройка 80-х и 90-х годов	38
Семейное общежитие	2	Старый, но исправный дом	28
Молодежное общежитие	1	Ветхий фонд	6

Таблица 4

Члены семей респондентов, %

Совместное проживание	Выборка
С супругом (супругой)	61
С ребенком (детьми)	35
Со своими родителями	14
С родителями супруга (супруги)	3
С другими родственниками	2
Проживаю одиноко	15

Таблица 5

Тип населенного пункта, %

Показатель	Выборка	Мужчины	Женщины
Н. Новгород	11	8	14
Райцентр	54	58	51
Поселок	16	15	17
Село, деревня	17	18	17

Таблица 6

Оценка проблем, существующих в месте проживания, %

Показатель	Выборка
Разбросанный мусор	39
Пьяные люди	23
Шумные соседи или шумные вечеринки	20
Отсутствие кнопки экстренного вызова полиции	19
Болтающиеся на улице подростки	15
Люди, агрессивно ведущие себя в общественных местах	13
Вандализм, граффити и другие виды умышленной порчи имущества	5
Торговля наркотиками, наркопритоны	2

жилья у значительного количества респондентов является хорошим. Только 6% участников опроса проживают в ветхом фонде (табл. 3).

Самое большое количество респондентов проживает совместно с супругами и/или с детьми. Значительная доля респондентов, проживающих одиноко, относится к возрастным группам от 18 до 35 лет. Кроме того, на одинокое проживание указали респонденты в возрасте от 56 до 75 лет. То есть это люди, еще не вступившие в брак или вдовствующие (табл. 4).

Большинство респондентов проживает в райцентрах. Меньше всего респондентов было опрошено в Нижнем Новгороде (табл. 5).

Уровень социального оптимизма респондентов. У большинства респондентов (43%) жизнь за последние 2–3 года никак не изменилась, улучшилась или стала значительно лучше у 33%. Об ухудшении жизни говорят 23% участников опроса.

Значительная доля респондентов (41%) спокойно смотрят в будущее, не испытывая при этом никаких особых надежд и иллюзий. При этом оптимизма полны 38% жителей Нижегородского региона; 17% оценивают свое будущее с тревогой и неуверенностью, 4% – со страхом и отчаянием.

Больше всего респондентов в месте их проживания раздражают разбросанный мусор, пьяные люди и шумные соседи. Среднее место в рейтинге проблем занимает отсутствие кнопки экстренного вызова полиции, что говорит о том, что жителям региона для ощущения безопасности не хватает присутствия полицейских (патрулей) в местах их проживания. Торговля наркотиками заняла последнее место, так как стала более скрытой от посторонних глаз, осуществляется преимущественно через Интернет при помощи так называемых закладок (табл. 6).

Мнение респондентов о здоровом образе жизни. Только 14% респондентов, по их

Таблица 7

Соответствие здоровому образу жизни, %

Показатель	Выборка
Полностью соответствует	14
Скорее соответствует	33
Не задумываюсь над этим	35
Скорее не соответствует	12
Совсем не соответствует	3

Таблица 8

Рейтинг вредных привычек

Показатель	Коэфф. согласия
Неправильное (несбалансированное) питание	2.90
Отсутствие занятий спортом	2.87
Малоподвижный образ жизни	2.78
Употребление «легких» наркотиков	2.69
Употребление крепких алкогольных напитков	2.44
Курение кальяна	2.31
Употребление легких алкогольных напитков	2.25
Курение сигарет (папирос)	2.09
Употребление «тяжелых» наркотиков	2.07

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 3-балльной шкале, где 1 балл – осуждаю, 2 балла – отношусь равнодушно, 3 балла – делаю сам/а.

Таблица 9

Рейтинг терпимости к указанным поступкам

Показатель	Коэфф. согласия
Нанесение татуировок	1.69
Паркур	1.59
Случайные сексуальные связи	1.45
Зацеперство	1.30
Участие в драках	1.25
Курение травки	1.15
Кража мелких товаров из магазина	1.13
Употребление психоактивных веществ	1.09

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 3-балльной шкале, где 1 балл – осуждаю, 2 балла – отношусь равнодушно, 3 балла – делаю сам/а.

мнению, ведут полностью здоровый образ жизни. Еще 33% пытаются придерживаться ЗОЖ. У 15% жителей региона образ жизни нельзя назвать правильным. Интересно, что более трети людей вообще не задумываются о том, при этом данный показатель практически одинаков для всех возрастных групп (8–9%), кроме группы 46–65 лет – 4% и группы 66–75 лет – 1%. Скорее всего, это объясняется тем, что в этом возрасте люди начинают испытывать первые серьезные проблемы со здоровьем (табл. 7).

К наиболее распространенным вредным привычкам респонденты отнесли неправильное питание, отсутствие занятий спортом и малоподвижный образ жизни, употребление «легких» наркотиков. Так называемые «тяжелые» наркотики оказались внизу рейтинга по следующей причине: во-первых, для большинства респондентов это является абсолютной девиацией; во-вторых, среди респондентов есть лишь несколько человек, которые признались, что делали или делают это сами. При этом курение (в том числе кальяна) и употребление легких алкогольных напитков оценивается как привычная повседневная практика (табл. 8).

Наиболее терпимо люди относятся к нанесению татуировок, занятию паркуром, случайным сексуальным связям. Зацеперство и участие в драках попали в середину рейтинга, а курение марихуаны, кража товаров из магазина и употребление психоактивных веществ вызывают у граждан самую большую нетерпимость. При этом из поступков, которые респонденты совершают сами, наибольшее распространение получило нанесение татуировок (табл. 9). Чаще всего татуировки делают себе респонденты, относящиеся к возрастной группе 18–25 лет, в остальных возрастных группах популярность этого увлечения плавно спадает от 2% до 1%, снижаясь до 0% в последней возрастной группе 66–75 лет.

Частота встреч респондентов с наркоманами в повседневной жизни. Менее 50% респондентов никогда не видели людей, находящихся под воздействием наркотических средств. Тем не менее встречи с наркоманами проис-

Таблица 10

Частота встреч с человеком, находящимся под воздействием наркотиков, %

Показатель	Выборка
Никогда не видел	44
Видел один раз	15
Видел несколько раз	29
Видел много раз	11

Таблица 11

Присутствие при употреблении наркотических средств, %

Показатель	Выборка
Никогда не попадал	77
Попадал один раз	10
Попадал несколько раз	12
Попадал много раз	0

Таблица 12

Причины употребления наркотиков

Показатель	Коэфф. согласия
Любопытство, интерес	2.47
За компанию	2.42
Желание расслабиться	2.37
Жизненные проблемы	2.31
Депрессия	2.30
Желание повысить свою популярность в компании сверстников, поддержать общение	2.30
Состояние алкогольного опьянения	2.29
Подражание кумирам, желание быть похожим на них	2.14
Внутренние личностные конфликты	2.13
Скука	2.11
Бунтарство против семейных и общественных устоев	2.11
Резкое изменение социального статуса, расслоение в обществе	2.11

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 3-балльной шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

ходят в повседневной жизни достаточно часто – 29% респондентов видели их несколько раз (об этом чаще других говорят респонденты в возрасте от 18 до 35 лет), 11% – много раз (чаще всех встречали респонденты в возрасте 36–45 лет). Еще 15% встречали наркоманов только раз в жизни (чаще других их видели респонденты в возрасте 26–35 лет) (табл. 10).

Большинство людей никогда не присутствовали при употреблении наркотических средств (77%). Тем не менее 22% респондентов один или несколько раз попадали в такую ситуацию. И в том, и в другом случае в основном это были респонденты в возрасте от 18 до 35 лет (табл. 11). При этом 12% участников опроса предлагали присоединиться (в основном это респонденты в возрасте от 18 до 35 лет), еще 6% отказались отвечать на данный вопрос (основной возраст – 26–35 лет), что говорит о высокой вероятности того, что такие предложения тоже были сделаны. 75% респондентов никогда не получали предложений о присоединении к приему наркотических веществ.

Чаще всего респонденты присутствовали при курении марихуаны – 25%. На втором месте употребление таблеток – 7%, на третьем – вдыхание химических препаратов (4%). Далее следуют нюханье порошка – 3% и укол в вену, инъекция – 2%.

Причины употребления/неупотребления наркотиков. Основными причинами употребления наркотиков респонденты считают любопытство, интерес, конформное поведение. Ко второй группе причин относятся желание расслабиться и уйти от жизненных проблем, преодолеть депрессию. Причины, связанные с борьбой против общественного устройства и социальной несправедливостью, наименее популярны и находятся в самом низу рейтинга (табл. 12).

Причины, удерживающие респондентов от употребления наркотиков, можно разделить на физиологические и социальные. К физиологическим причинам относятся высокая опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С, рано уйти из жизни, а также получить непреодолимую зависимость. Социальные причины связаны с боязнью социальной эксклюзии, то есть практически полного исключения из общественной жизни. Важно отметить, что большинство респондентов принципиально

Таблица 13

Причины, удерживающие респондентов от употребления наркотиков, %

Показатель	Выборка
Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков	68
Опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С	32
Опасность ранней смерти	24
Боязнь полного привыкания	22
Боязнь потерять уважение близких, друзей	20
Боязнь оказаться в тюрьме	19
Страх отлучения от семьи	17
Страх стать не нужным обществу	13
Боязнь потерять работу	12

Таблица 14

Причисление веществ к наркотикам

Показатель	Коэфф. согласия
Метадон	2.82
Амфетамин	2.78
Дизайнерские наркотики (экстези, ЛСД)	2.77
Наркотические соли	2.76
Маувай	2.74
Гашиш	2.64
Спайс	2.40
Марихуана (трава)	2.40
Феназепам	2.33
Насвай	2.18

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 3-балльной шкале, где 1 балл – не наркотик, 2 балла – легкий наркотик, 3 балла – тяжелый наркотик.

Таблица 15

Места приобретения наркотиков, %

Показатель	Выборка
Заказывают в Интернете	56
Предлагают в компании друзья, знакомые	54
Покупают в ночных клубах	52
Культивируют (выращивают) сами	27
Покупают у цыган	25
Изготавливают сами	24
Берут в долг у наркоторговцев	22
Получают в обмен на услуги различного рода	13
На работе	3

отрицательно относятся к употреблению наркотиков (табл. 13).

Необходимо отметить, что в общественном сознании по-прежнему сохраняется разделение наркотиков на легкие и тяжелые, что свидетельствует о неполном понимании населением последствий употребления любых видов наркотических веществ (табл. 14).

Основными местами приобретения наркотиков, по мнению респондентов, являются Интернет, ночные клубы, а также предложения от друзей и знакомых. Самостоятельное культивирование или изготовление, а также покупка у цыган больше не считаются приоритетными способами приобретения. Таким образом, люди понимают, что основной сбыт наркотиков происходит с помощью информационных технологий (табл. 15).

Участники опроса считают, что наркозависимые чаще всего совершают такие преступления, как кража (76%), разбой и грабеж (69%), угон автомобиля (44%) и хулиганство (42%). Значительно реже совершаются такие преступления, как причинение телесных повреждений (32%), вымогательство (27%), изнасилование (22%), убийство (4%).

Респондентам для оценки были предложены несколько групп тезисов.

В первой группе тезисов ни одно из высказываний не получило у респондентов положительной оценки. Важно, что люди понимают всю сложность лечения наркозависимости и не ассоциируют прием наркотиков с источником вдохновения для создания произведений искусства. При этом в полной мере подтверждается необходимость разъяснительной работы о ложности деления наркотиков на легкие и тяжелые. Кроме того, большинство граждан осознают, что прием наркотиков не облегчает общения с другими людьми и не является безвредным источником получения удовольствия (табл. 16).

Таблица 16

Первая группа тезисов для оценки

Тезисы	Коэфф. согласия
В наше время существуют эффективные методы лечения наркомании, которые позволяют человеку снова вернуться к нормальной жизни	–1.53
Талантливые люди принимают наркотики, чтобы получить приток вдохновения	–1.49
Наркотики позволяют не быть «мокрой курицей» в компании друзей	–1.46
Наркотик придает смелость и уверенность	–1.45
Наркотик позволяет легче общаться с другими людьми	–1.39
Наркотик позволяет испытать чувство эйфории	–1.33
Наркотики дают ни с чем не сравнимое ощущение удовольствия	–1.28
Наркоманами становятся только слабые и безвольные	–1.26
Наркотик делает человека свободным	–1.10
Если наркотики не вводить в вену, то привыкания не будет	–1.09
Наркотик избавляет от обыденности жизни	–0.65
От очередного употребления наркотика всегда можно отказаться	–0.65
Наркотики бывают «легкими» и «тяжелыми»	–0.27

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 5-балльной шкале, где –2 балла – категорически не согласен, –1 балл – скорее не согласен, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласен, 2 балла – совершенно согласен.

Таблица 17

Причины распространения наркомании

Тезисы	Коэфф. согласия
Сбытчики хотят заработать «легких» денег	2.58
Моральная деградация общества, вседозволенность	2.51
Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие	2.42
Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков	2.39
Любопытство	2.34
Излишняя свобода, отсутствие организованного досуга	2.31
Желание повысить свою популярность в компании сверстников, поддержать общение	2.26
Безработица, экономические проблемы	2.19
Внутренние личностные конфликты	2.17
Бунтарство против семейных и общественных устоев	2.15
Подражание кумирам, желание быть похожим на них	2.13
Резкое изменение социального статуса, расслоение в обществе	2.10
Влияние массовой культуры и СМИ	2.04
Слабость профилактической работы	1.98
Плохая работа правоохранительных органов	1.89

*Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 3-балльной шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

В качестве основных причин распространенности наркомании респонденты указали моральную деградацию общества, вседозволенность, неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, а также доступность наркотиков благодаря в том числе эффективной работе наркобизнеса.

Так же как и в таблице 12, такая причина, как подражание кумирам, не является значимой. Важно, что плохая работа правоохранительных органов занимает в рейтинге последнее место, тем не менее коэффициент согласия респондентов с этой причиной достаточно высок (табл. 17), поэтому исследования в данном направлении необходимо продолжить отдельно.

Особое внимание следует обратить на такую причину, как отсутствие организованного досуга. Это означает, что в молодежную политику государства следует внести соответствующие изменения, обеспечивающие трудовую и досуговую занятость молодежи.

Большинство участников опроса уверены, что наркомания – это болезнь и ее необходимо лечить принудительно, а для профилактики наркомании необходимо ужесточение законов, то есть эта проблема волнует людей. При этом люди не полностью согласны с тем, что наркомания – это зависимость на всю жизнь. Кроме того, не у всех вид наркомана вызывает отвращение, это означает, что общество дает наркозависимым шанс на лечение и ресоциализацию (табл. 18).

Респонденты категорически не согласны с легализацией легких наркотиков. В местах проживания респондентов наркоманы встречаются нечасто, что еще раз подтверждает оценки проблем, существующих в месте проживания участников опроса (табл. 6). Тем не менее при

Таблица 18

Третья группа тезисов для оценки

Тезисы	Коэфф. согласия
Наркоманов необходимо лечить принудительно	1.30
Для профилактики наркомании необходимо ужесточение законов в стране	1.29
Наркоманы – больные люди, их необходимо лечить	1.26
Наркомания – одна из серьезнейших проблем российского общества	1.26
Лучшим способом профилактики наркомании является правдивая и достоверная информация о наркотиках и последствиях их употребления	1.07
Бывших наркоманов не бывает, это зависимость на всю жизнь	0.97
Несколько раз видел людей под воздействием наркотиков, эта картина вызвала у меня отвращение	0.74
Легкие наркотики стоит легализовать	–1.49
В месте моего проживания наркомания очень распространена	–1.38
У каждого человека есть несколько знакомых, употребляющих наркотики	–0.84
Не стоит помогать наркоманам и лечить их, это потерянные для общества люди	–0.77
Проблема наркомании меня совершенно не волнует	–0.58
Употреблять или не употреблять наркотики – это свободный выбор каждого человека	–0.50
Достать наркотики очень трудно	–0.17

* Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 5-балльной шкале, где –2 балла – категорически не согласен, –1 балл – скорее не согласен, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласен, 2 балла – совершенно согласен.

Таблица 19

Четвертая группа тезисов для оценки

Тезисы	Коэфф. согласия
Принципиально не собираюсь пробовать наркотики, это мой личный выбор	1.71
Употребление любых наркотиков в любых дозах ведет к деградации и смерти человека	1.48
Попробовав один раз наркотик, потом уже невозможно избавиться от зависимости	1.06
Употреблять наркотики – это круто	–1.64
Я знаю, где можно достать наркотики	–1.51
В жизни нужно попробовать все, в том числе и наркотики	–1.45
Легкие наркотики можно время от времени употреблять без вреда для здоровья	–1.25
Употребление наркотиков помогает расслабиться, улучшить настроение	–1.16
У меня есть знакомые, принимающие наркотики, и ничего страшного с ними не произошло	–1.13
Употреблять наркотики можно легко прекратить в любой момент	–1.01

* Коэффициент согласия высчитывается как среднее арифметическое по 5-балльной шкале, где –2 балла – категорически не согласен, –1 балл – скорее не согласен, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласен, 2 балла – совершенно согласен.

желании достать наркотики нетрудно, что, безусловно, влияет на рост числа наркозависимых.

Большинство участников опроса принципиально не собираются употреблять наркотики, это еще раз подтверждает данные о причинах, удерживающих респондентов от употребления наркотиков (табл. 13). Люди понимают,что наркотики – это и не модно, и не «круто», что употребление любых наркотиков в любых дозах ведет к деградации и смерти человека, а также то, что даже после однократного употребления наркотиков может возникнуть стойкая зависимость. Кроме того, респонденты в целом осознают опасность употребления легких наркотических веществ.

Отношения респондентов к наркозависимости в зависимости от пола. По оценкам женщин, за последние 2–3 года их жизнь несколько улучшилась (39% против 28% у мужчин). Количество мужчин и женщин, которые смотрят в будущее со страхом и отчаянием, одинаково и составляет около 3–4%.

Женщин в местах их непосредственного проживания больше волнуют шумные соседи, разбросанный мусор, агрессивные люди и отсутствие кнопки экстренного вызова полиции. Мужчин беспокоят болтающиеся на улице подростки и люди в состоянии алкогольного опьянения.

Большинство женщин склонны считать, что ведут здоровый образ жизни или хотя бы стараются делать это (53% против 40% у мужчин). Более половины мужчин либо не задумываются об этом, либо признаются, что их образ жизни далек от здорового.

Женщины негативно относятся ко всем вредным привычкам. При этом они не считают вредной привычкой отсутствие занятий спортом.

Сравнение коэффициентов согласия по двум группам с предложенными для оценки тезисами показывает, что мужчины более склонны к случайным сексуальным связям, участию в драках, нанесению татуировок и зацеперству. Мужчины почти в два раза чаще женщин видели людей, находящихся под воздействием наркотических

веществ, в полтора раза чаще попадали в ситуации, когда при них употреблялись наркотики и предлагали присоединиться (как правило, это было курение марихуаны и употребление таблеток).

Женщины уверены в том, что в распространении наркотиков виноваты внутриличностные конфликты (разница в коэффициенте согласия – 0.17), моральная деградация общества и вседозволенность (0.16), желание подростков повысить свою популярность среди сверстников и бунтарство против семейных и общественных устоев (0.13). Женщины также считают, что бывших наркоманов не бывает (разница в коэффициенте согласия – 0.37), это зависимость на всю жизнь, поэтому наркомания – одна из серьезнейших проблем российского общества (0.11).

По мнению женщин, наркотики начинают употреблять за компанию (разница в коэффициенте согласия – 0.17), из-за депрессии (0.15), из-за желания расслабиться (0.12) и наличия житейских проблем (0.12).

Мужчины считают, что от употребления наркотиков человека прежде всего удерживает опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С (разница в коэффициенте согласия – 5), опасность ранней смерти (3), а также боязнь потерять уважение близких и друзей (2).

Женщины делают ставку на осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков (разница в коэффициенте согласия – 7), боязнь полного привыкания и потери работы (2), а также боязнь оказаться в тюрьме (2). Они в большей степени склонны причислять к наркотикам такие вещества, как муавай (разница в коэффициенте согласия – 0.19), насвай (0.16) и гашиш (0.15). Однако женщины терпимо относятся к дизайнерским наркотикам (экстези, ЛСД). Женщины считают, что наркотики предлагают в компании друзья, знакомые, их покупают в ночных клубах, берут в долг у наркоторговцев. Мужчины выделяют такие способы приобретения наркотических веществ, как заказ в Интернете, самостоятельное культивирование (выращивание) или изготовление.

По мнению женщин, после первого приема наркотика уже невозможно избавиться от зависимости, кроме того, употребление любых наркотиков в любых дозах ведет к деградации и смерти человека. Мужчины также согласны с этим, однако считают, что употребление наркотиков помогает расслабиться, улучшить настроение.

Женщины уверены, что наркоманы совершают такие преступления, как хулиганство, причинение тяжких телесных повреждений, вымогательство. По мнению мужчин, к таким преступлениям относятся кража, разбой и грабеж.

Поселенческие особенности отношения к наркозависимости. У большинства жителей Нижегородской области жизнь за последние 2–3 года несколько улучшилась или не изменилась. У жителей мегаполиса оценки более поляризованы: у 34% жизнь стала лучше, у 28% жизнь стала хуже, у 38% жизнь осталась без изменений. При этом горожане смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, жители области – спокойно, но без особых надежд и иллюзий.

В местах проживания горожан и жителей области больше всего волнует проблема разбросанного мусора. На втором месте у горожан – отсутствие кнопки экстренного вызова полиции, у жителей области – наличие людей в состоянии алкогольного опьянения.

Жители области в несколько большей степени, чем горожане, уверены в том, что ведут здоровый образ жизни. Оценки вредных привычек у горожан и жителей области в целом совпадают, однако жители области чуть более нетерпимы к употреблению легких и тяжелых наркотиков.

Жители Нижегородской области реже встречали людей, находящихся под воздействием наркотических веществ, но и те, и другие чаще всего становились свидетелями курения марихуаны.

Жители города категорически не согласны с тем, что наркотик придает смелость и уверенность, позволяет легче общаться с другими людьми, что наркотики можно разделить на легкие и тяжелые. Жители области радикально не согласны с тем, что наркотики позволяют не быть «мокрой курицей» в компании друзей.

По мнению жителей города, причины распространения наркомании связаны с неудовлетворенностью жизнью, социальным неблагополучием, влиянием массовой культуры и СМИ, доступностью наркотиков и внутриличностными конфликтами, скукой. Жители области к причинам распространения наркомании относят бунтарство против семейных и общественных устоев, а также любопытство и интерес.

Обе категории респондентов уверены, что наркомания больше распространена в городской среде, поэтому для жителей области процесс приобретения наркотиков чуть более сложен. Горожан от употребления наркотиков удерживает страх стать не нужным обществу, отлучения от семьи, потери работы, попадания в тюрьму. Жителей области – осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков. К наркотическим веществам жители города чаще причисляют феназепам и насвай. Жители области – наркотические соли и метадон.

Жители Нижнего Новгорода считают, что наркотики проще достать в учебном заведении (в школе, в вузе). Жители области считают, что наркоманы их выращивают (культивируют) сами. Жители города более реалистичны при оценке скорости наступления наркозависимости, они не согласны с тем, что легкие наркотики можно время от времени употреблять без вреда для здоровья для улучшения настроения и расслабления. Жители области чаще принципиально отказываются от употребления наркотиков.

По мнению горожан, наркоманы чаще совершают такие преступления, как кража и причинение телесных повреждений. Жители области уверены, что наркоманы чаще занимаются вымогательством. Важно отметить, что уровень жизни респондентов и мегаполиса и области не имеет радикальных отличий.

Заключение

За последние годы торговля наркотическими веществами стала менее заметной для посторонних глаз, так как осуществляется преимущественно через Интернет. Респонденты считают этот канал распространения наркотиков основным. Остальные способы приобретения наркотических веществ – у друзей и знакомых и в ночных клубах – больше не являются приоритетными в сознании граждан. Опасность распространения наркотических веществ бесконтактным способом состоит в том, что такая ситуация производит впечатление внешнего благополучия, не дает людям возможности понять всю серьезность сложившейся ситуации с наркотизацией населения.

Для негородского населения процесс сбыта и приобретения наркотиков чуть более сложен, продолжает сохранять традиционные черты, поэтому жители области уверены в том, что наркоманы выращивают (культивируют) наркотические вещества сами.

В общественном сознании до сих пор сохраняется деление наркотиков на легкие и тяжелые, поэтому необходимо дополнительно разъяснять населению, что употребление любых наркотических веществ приводит к самым негативным последствиям. Отметим, что жители мегаполиса более реалистичны при оценке быстроты наступления наркозависимости.

Основными причинами распространения наркомании является моральная деградация общества, вседозволенность, неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, а также пренебрежительное отношение к своему здоровью, отсутствие организованного досуга. Причины, удерживающие людей от употребления наркотиков, делятся на физиологические (опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С, рано уйти из жизни, получить зависимость) и социальные (боязнь социальной эксклюзии, полного исключения из общественной жизни).

Наркоманы, проживающие в мегаполисе, чаще совершают такие преступления, как кража, разбой и грабеж, угон автомобиля, хулиганство и причинение телесных повреждений. Наркоманы, проживающие в области, чаще занимаются вымогательством. Это может быть связано с тем, что в небольших населенных пунктах люди часто знают друг друга лично, любое происшествие быстро становится достоянием гласности, а мегаполис отличается высокой анонимностью, люди в большинстве случаев не знакомы друг с другом.

Важно отметить, что люди не готовы согласиться с тем, что наркомания – это зависимость на всю жизнь. Кроме того, не у всех вид наркомана вызывает отвращение, это означает, что общество дает наркозависимым шанс на лечение и ресоциализацию. Лечить наркоманов и помогать им женщины готовы больше мужчин. Участники опроса уверены в том, что наркомания – это болезнь и ее необходимо лечить принудительно, а для профилактики наркомании необходимо ужесточение законов.

Специалисты считают, что для решения проблемы наркомании необходимо передать часть полномочий Государственного антинаркотического комитета Совету безопасности, а в регионах должны работать антинаркотические комиссии. Кроме того, при МВД должны быть созданы специализированные подразделения киберполиции [27].

В антинаркотическом рейтинге регионов России первое место занимает Архангельская область. По данным исследований, основными причинами употребления или пробы наркотических веществ являются: «для поднятия настроения» (51.3%), любопытство (29.9%), «за компанию» (21.3%). В качестве сопутствующих факторов называются «неполные» семьи и плохая успеваемость. Большинство респондентов высказывает негативное отношение к легализации наркотиков [28]. Эти данные, в общем и целом, совпадают с результатами, полученными по Нижегородскому региону.

В заключение отметим, что в Нижегородской области есть свой положительный опыт борьбы с наркотизацией населения, реализованный в городском округе город Бор в конце 90-х – начале 2000-х гг. К сожалению, сохранить эту систему в эффективном виде не удалось – в настоящее время фактически утрачены наркопосты и уникальная система видеонаблюдения.

Примечания

1. В России составлен антинаркотический рейтинг регионов. URL: https://www.protivnarko.ru/v-rossii-sostavlen-antinarkoticheskiy-reyting-regionov/ (дата обращения: 17.04.2022).

2. В России составлен антинаркотический рейтинг регионов. URL: https://www.protivnarko.ru/v-rossii-sostavlen-antinarkoticheskiy-reyting-regionov/ (дата обращения: 17.04.2022). См. также: Тимофеев С.В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 192–199.

Список литературы

1. Щербич Л.А., Щербич А.Н. Социально-правовые меры противодействия распространению наркотиков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4 (40). С. 84–95.

2. Якутин А.В., Кобзарев А.С. Проблема противодействия распространению наркотиков в России и её анализ на территории Смоленской области // Медицинская педагогика в обеспечении безопасности жизнедеятельности курсантов военных вузов: Материалы научно-методического семинара. Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2015. С. 20–23.

3. Абдрашев Р.М. Анализ состояния борьбы с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам департамента внутренних дел по городу Алматы) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 100–104.

4. Сибирев В.А., Кириллов А.Л., Парфенов Ю.А., Белов В.Г., Прахт Т.С. Государственная антинаркотическая политика в Санкт-Петербурге // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 120–128.

5. Дундуков М.Ю. Участие разведки США в противодействии распространению наркотиков и борьбе с организованной преступностью // Право и государство: теория и практика. 2014. № 4 (112). С. 107–110.

6. Кубов Р.Х. Некоторые аспекты международного сотрудничества в сфере противодействия распространению наркотиков // Российский следователь. 2007. № 22. С. 37–38.

7. Кобец П.Н., Краснова К.А. Особенности противодействия организованной этнической преступности и распространению наркотиков в Финляндской Республике // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 222–226.

8. Иванов С.А. Противодействие распространению наркотиков на международно-правовом уровне // Право: история и современность. 2018. № 3. С. 30–37.

9. Подопригора А.А. Опыт противодействия распространению наркотиков в молодежной среде в некоторых зарубежных странах // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (27). С. 85–89.

10. Пупцева А.В. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 1044.

11. Хромов Б.Е. Противодействие распространению наркотиков через интернет // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16–2. С. 82–84.

12. Гурьянов К.В., Шатило Я.С. Организация противодействия распространению наркотиков через интернет // Антинаркотическая безопасность. 2016. № 1 (6). С. 101–108.

13. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Старшеклассники о наркотиках в Интернете: результаты пилотажного исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1. С. 129–151.

14. Можаева К.Е., Семенцова И.А. Меры противодействия распространению наркотиков в сети интернет // Актуальные проблемы современной науки в XXI веке: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск, 2021. С. 90–96.

15. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 5–17.

16. Минисламов М.Н. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков через современные средства связи // E-Scio. 2019. № 9 (36). С. 423–428.

17. Морозов А.В. О противодействии распространению наркотиков, совершаемому с использованием современных информационных технологий // Актуальные проблемы противодействия органов внутренних дел (полиции) государств – участников Содружества Независимых Государств преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологи: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2019. С. 43–48.

18. Раев А.К. Современные методы противодействия распространению синтетических наркотиков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 146–148.

19. Техов Э.В., Дзакоев З.Л. Организационная модель общественного противодействия распространению наркотиков среди учащейся молодежи региона // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. № 3. С. 346–354.

20. Готчина Л.В. О перспективах противодействия распространению наркотиков // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 57–61.

21. Анисимов П.Е. Правовой режим противодействия распространению наркотиков // Научный портал МВД России. 2016. № 1 (33). С. 105–108.

22. Валуев М.В. Криминологическая оценка групповой молодежной активности, нацеленной на противодействие распространению наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 108–110.

23. Шабанов Г.Ш. Наркомания как фактор угрозы национальной и гражданской безопасности в Рос-

сийской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 1 (16). С. 45–57.

24. Дикаев С.У. Некоторые вопросы противодействия наркотизации населения России // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Евразийского научного форума в Межрегиональном институте экономики и права. 2010. С. 67–78.

25. Сарапкина О.А. Криминалистическая характеристика уголовно-правовых проблем противодействия наркотической преступности в России // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 11 (29). С. 126–128.

26. Баденко А.Л. Системная модель мониторинга эффективности межведомственного взаимодействия в сфере противодействия распространению наркомании и незаконному обороту наркотиков // Наркология. 2006. Т. 5. № 2 (50). С. 27–28.

27. Двойменный И.А. Деятельность антинаркотических комиссий субъектов Российской Федерации как элемент системы контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации // РСЭУ. 2021. №2 (53). С. 145–152.

28. Подоплёкин А.Н., Тамицкий А.М. Об употреблении психоактивных веществ в образовательной среде Архангельской области // Журнал медико-биологических исследований. 2013. № 2. С. 39–45.

ATTITUDES OF THE POPULATION OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION TO THE PROBLEMS OF DRUG USE IN SOCIETY

***A.A. Iudin,*[1] *D.A. Shpilev*[1,2]*, E.E. Kutyavina*[1]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The research was conducted on the territory of municipalities of Nizhny Novgorod region during the period from December 10 to 28, 2021 within the framework of monitoring the situation with the spread and consumption of drugs and narcotic substances in Nizhny Novgorod region. The object of the sociological study was the public opinion of the population of Nizhny Novgorod region. The aim of the study was to identify the level of drug use in the society and the attitude of the population of Nizhny Novgorod region to the problems of drug addiction. The survey was conducted with the assistance of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Nizhny Novgorod region. The main objectives were to determine the significance of the problem of non-medical drug use in the list of social problems of the population of Nizhny Novgorod region, to analyze the values of the population, to identify the attitude of the population of Nizhny Novgorod region to the problem of non-medical drug use, the degree of drug use in Nizhny Novgorod region, to determine the most common drugs in the region and the degree of their availability, as well as motives for drug use and the main mechanisms of drug use in different groups of population. According to the data of S. Khamzaev, head of federal project "Sober Russia", about 5 million people in Russia constantly use drugs (3.4% of the total population of the country), while Nizhny Novgorod region in the anti-drug rating of regions ranks 42 out of 85 (Moscow and Moscow region – 78 and 80 places respectively). Despite the fact that drug use is not currently among the most pressing problems in the public consciousness, lagging far behind such everyday concerns as declining living standards, unemployment, the quality of medical care, and alcoholism, drug use and its availability remain a serious challenge to society. The main reasons for first drug use are interest, curiosity, the desire to experience new sensations (alone or "for company") and to acquire new experiences, and the influence of the reference group.

Keywords: drugs, drug prevention, legalization of 'light' drugs, the causes of drug addiction, drug dependence, healthy lifestyle, drugs, Internet, sales.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_82

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2022 г.

Т.В. Блинова, С.Г. Былина

Блинова Татьяна Викторовна, д.э.н.; проф.; главный научный сотрудник Института аграрных проблем – обособленного структурного подразделения Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»
ruandre@mail.ru
Былина Светлана Геннадиевна, к.э.н.; старший научный сотрудник Института аграрных проблем – обособленного структурного подразделения Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»
svbylina@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2022
Статья принята к публикации 19.07.2022

Целью исследования является анализ современных тенденций демографического развития сельских и городских территорий Саратовской области. Рассмотрены состав и динамика численности населения, выявлены тенденции рождаемости, структура смертности, особенности миграции населения области. Отмечено, что до 1992 г. население области увеличивалось в результате естественного и миграционного прироста, а в 1992 – 1996 гг. – за счёт компенсации естественной убыли миграционным приростом. Начиная с 1997 года, когда миграционный приток перестал компенсировать размеры естественной убыли, численность населения области устойчиво сокращается. В статье выделены два этапа депопуляции. Негативное влияние на динамику смертности, рождаемости, продолжительности жизни оказали последствия пандемии COVID-19. Обсуждаются перспективы демографического развития Саратовской области. Выполненные прогнозные оценки свидетельствуют, что численность населения Саратовской области сократится с 2.4 млн до 2.0–2.2 млн человек к 2040 г. Сельское население к 2040 г. уменьшится до 484–502 тыс. человек с учетом итогов сельско-городской миграции. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегий демографического развития области, а также оценки эффективности демографической политики, проводимой в регионе.

Ключевые слова: Саратовская область, население, структура, депопуляция, рождаемость, смертность, миграция, прогноз.

Введение

«Воспроизводство населения, т.е. возобновление поколений людей в результате рождений и смертей, – фундаментальный процесс, без которого невозможно существование человеческого общества» [1, с. 9]. Изменения экономических, социальных, экологических, технологических, эпидемиологических условий смены поколений детерминируют смену исторических типов воспроизводства населения. В свою очередь демографические факторы влияют на экономическое и социальное развитие стран и регионов. Так, спад рождаемости с течением времени приводит к сокращению численности лиц трудоспособного возраста и моложе, постарению возрастной структуры населения, росту демографической нагрузки, сжатию предложения на рынке труда. Рост ожидаемой продолжительности жизни наряду со старением возрастной структуры населения формируют демографические предпосылки повышения пенсионного возраста. Сокращение числа детей дошкольного возраста, школьников и студентов требует изменений в стратегии развития социальной инфраструктуры региона. Исследователи подчеркивают, что для России с «неравномерно заселенной огромной территорией, богатой природными ресурсами, проблема демографического развития важнее, актуальнее, чем для других государств мира» [2, с. 59]. Закономерности и тенденции демографического развития России и отдельных регионов исследованы многими учеными [3–7]. Авторы считают, что демографические индикаторы, отражающие особенности воспроизводства населения, входят в число показателей, «на основании которых оцениваются текущие тенденции и перспективы роста экономики страны и ее регионов» [8, с. 67].

В статье исследуются региональные особенности и перспективы демографического развития сельских и городских территорий Саратовской области в среднесрочном периоде. Необходимость такого исследования и его актуальность объясняется тем, что в Саратовской области сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, которая, обостряя дефицит кадров на рынке труда, сдерживает социально-

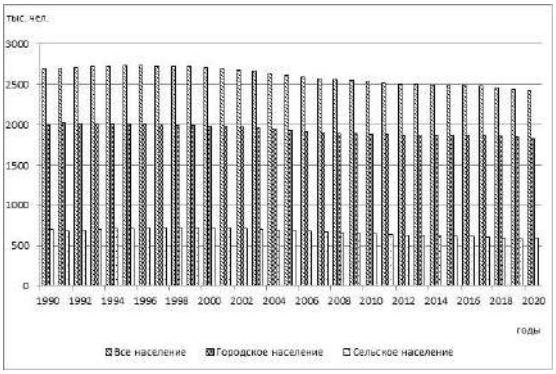


Рис. 1. Численность постоянного населения Саратовской области на 1 января[2], тыс. чел.

экономическое развитие региона. Временно приостановленное в ходе пенсионной реформы уменьшение численности населения трудоспособного возраста в среднесрочной перспективе возобновится, что повышает как социальную, так и экономическую значимость исследований демографических проблем региона. Кроме того, сокращение численности сельского населения ограничивает развитие аграрного сектора, создавая угрозы обеспечению продовольственной безопасности области. Сложившиеся диспропорции в воспроизводстве населения актуализируют исследование общих закономерностей и региональных особенностей демографического развития Саратовской области и оценки потенциальных изменений в кратко- и среднесрочной перспективе.

Целью исследования является анализ среднесрочных тенденций и оценка перспектив социально-демографического развития Саратовской области до 2040 г. Для реализации поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи:

– рассмотрена динамика численности сельского и городского населения области в 1990–2020 гг.;

– изучены причины, выделены этапы депопуляции сельских и городских территорий;

– проведен анализ нозологического профиля смертности городского и сельского населения;

– исследованы изменения в уровне рождаемости населения, проведены сельско-городские сопоставления;

– выполнена прогнозная оценка численности населения Саратовской области до 2040 года.

Материалы и методы

Исследование основано на данных, представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), а также Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Для анализа тенденций и перспектив демографического развития Саратовской области использованы статистические методы анализа и прогнозирования. В частности, проведен сравнительный анализ динамических рядов, применялся метод передвижки возрастов, основанный на уравнении демографического баланса, выполнено прогнозное моделирование. Обработка данных проведена с использованием пакета прикладных программ Statistica и Microsoft Excel. Для определения перспективной численности населения Саратовской области до 2040 г. применялся сценарный подход и когортно-компонентный метод прогнозирования, реализованный в программе Mathcad 14.0.

Результаты и их обсуждение

Проведенное исследование позволило определить тенденции и выявить ключевые проблемы современного демографического развития Саратовской области.

Сокращение численности населения. Почти четверть века в Саратовской области продолжается устойчивое сокращение численности населения, а по масштабам депопуляции область в последние годы входит в тройку антилидеров России. Несмотря на благоприятные климатические условия, удачное географическое расположение, наличие природных ресурсов и неиспользуемых земель, городские и сельские территории области ежегодно теряют население. В результате современное экономическое и социальное развитие региона наталкивается на демографические барьеры и ограничения в виде старения возрастной структуры населения, сокращения численности лиц трудоспособного возраста, спада рождаемости, роста смертности в 2020–2022 гг., миграционного оттока молодежи. На 1 января 2021 года численность населения Саратовской области составила 2.395 млн человек, из которых 1.813 млн проживают в городе, 582 тыс. человек – в сельской местности[1]. В течение последних 25 лет численность населения Саратовской области, как и многих других регионов России, устойчиво сокращается (рис. 1).

До 1992 г. население области увеличивалось в результате естественного и миграционного прироста, с 1992 по 1996 г. – за счёт компенсации естественной убыли миграционным приростом. Однако начиная с 1997 года миграционный приток перестал компенсировать размеры естественной убыли, поэтому население области устойчиво уменьшалось. При этом городское население сокращалось с 1996 г., потеряв к

2021 г. 198 тыс. чел., численность сельского населения начала снижаться с 1997 г., к 2021 г. потери составили 147.8 тыс. человек. В процессе урбанизации, связанной с возвышением роли городов, уменьшается не только численность, но и удельный вес сельского населения в общей его структуре. В период 1997–2021 гг. доля сельского населения области сократилась с 26.8% до 24.3%. Саратовская область является урбанизированным регионом, в настоящее время более 75.7% населения проживают в городах и поселках городского типа. Города, в особенности крупные, где можно получить хорошее образование, высокооплачиваемую работу, сделать карьеру, обеспечить материальное благополучие, улучшить жилищные условия, пользоваться более качественными и доступными услугами здравоохранения, в глазах сельской молодежи имеют неоспоримые социальные преимущества. В ходе урбанизации происходит, во-первых, отток молодежи и квалифицированных кадров в города, во-вторых, присоединение близлежащих сельских поселений к городским территориям, в результате чего растет доля городского населения, в-третьих, диффузия городского образа жизни и распространение норм малодетности. Однако процесс урбанизации не является линейным, демографическая история знает немало примеров краткосрочного роста численности сельского населения за счет административных преобразований малых городских поселений в сельские. «Пандемия COVID-2019 вызвала волну дискуссий по вопросу дальнейшего осмысления положительных и отрицательных сторон урбанизации, о возможной утрате преимуществ города» [9, с. 7]. Положительные стороны были поставлены авторами под сомнение из-за возросших рисков распространения эпидемий в городах с высокой плотностью населения. Исследования, проведенные под эгидой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), показывают, что «урбанизация создает идеальные условия для пандемии и распространения инфекций через общие системы вентиляции, водоснабжения, сточные воды и за счет самой по себе высокой плотности населения в урбанизированных районах, частых личных контактов и передвижений» [9, с. 10]. Вместо мегаполисов современные исследователи предлагают развивать малые и средние «умные города», так называемые высокотехнологичные экогорода с необходимой производственной, социальной, рекреационной и цифровой инфраструктурой. Национальные модели экогородов разработаны в ряде стран[3], осуществляется их активное строительство в Саудовской Аравии, Южной Корее, Китае и др. Некоторые государства планируют осуществить модернизацию старых городов с целью приведения в соответствие с новыми экологическими стандартами.

Старение возрастной структуры населения. Важной характеристикой демографического развития Саратовской области является старение возрастной структуры населения, которое оказывает существенное влияние на сокращение перспективной численности. Старение населения является глобальной тенденцией, характерной как для регионов России, так и большинства стран мира. Основными причинами демографического старения возрастной структуры населения области являются сокращение рождаемости, рост ожидаемой продолжительности жизни и миграционный отток молодого населения. Снижение рождаемости в предшествующие годы привело к уменьшению количества жителей в возрасте до 30 лет. На рис. 2 видны «провалы» численности молодежи 15–19 лет и 20–24 года, детей до 5 лет, а также сокращение числа лиц 50–54 года. Суммарная численность мужчин в возрасте 60–65 лет и женщин 55–59 лет, которые к 2025 г. перейдут из трудоспособного в пенсионный возраст, больше численности замещающей группы 10–14 лет примерно на 45.6 тыс. человек. Численность женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в предстоящие 15 лет может сократиться на 86.3 тыс. человек без учета влияния смертности. В то же время увеличились как численность, так и удельный вес лиц старше трудоспособного возраста. Кроме того, отмечено, что возрастная структура этой группы также стареет. На начало 2020 г. в Саратовской области численность 60–69-летних в 1.85 раза больше (317.0 тыс.) числа 70–79-летних (171.8 тыс. человек). Как видно на рис. 2, в старших возрастных группах особенно значительна гендерная асимметрия. Демографическое старение возрастной структуры Саратовской области, повышая риски смертности лиц старшего возраста, будет способствовать увеличению масштабов естественной убыли.

Депопуляция городских и сельских территорий. Депопуляция представляет собой устойчивую естественную «убыль населения, превышение числа смертей над числом рождений за длительный период» [10, с. 120]. С 1992 г. воспроизводство населения Саратовской области осуществляется в режиме естественной убыли населения городских и сельских территорий, когда смертность устойчиво превышает рождаемость. Депопуляция выступает своеобразным индикатором демографического развития региона [11]. Следует выделить два этапа депо-

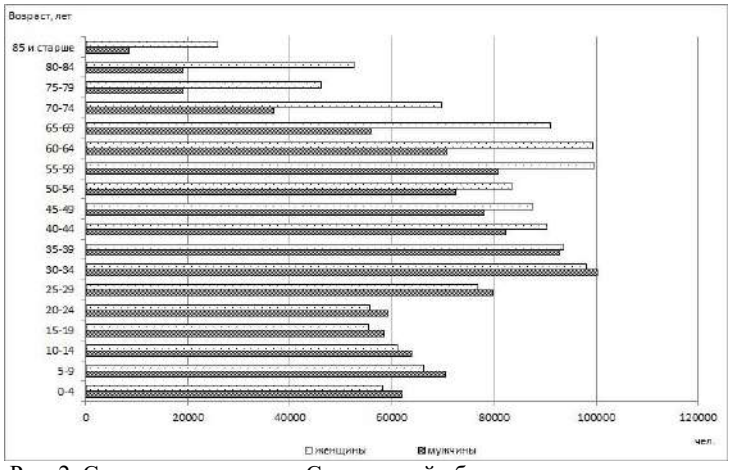


Рис. 2. Структура населения Саратовской области по возрасту и полу на 1 января 2020 года, тыс. чел.

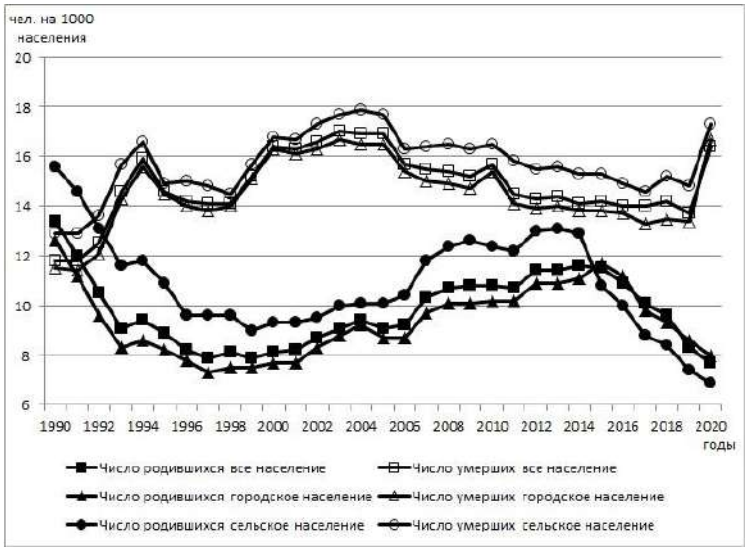


Рис. 3. Общие коэффициенты рождаемости и смертности населения Саратовской области, чел. на 1000 населения

пуляции сельских и городских территорий Саратовской области (рис. 3). Первый этап начался в 1992 г., когда положительный естественный прирост населения сменился естественной убылью из-за превышения смертности над рождаемостью. При этом в 1992–2000 гг. естественная убыль увеличилась с –2.0 до –8.3 промилле, к 2012 г. ее масштабы снизились до –2.9 промилле. В течение следующих трех лет колебания были незначительными: от –3.0 промилле (2013 г.) до –2.5 (2014 г.) и –2.7 промилле (2015 г.), после чего начался устойчивый рост масштабов естественной убыли, ознаменовавший начало второго этапа депопуляции. Основными демографическими причинами первого этапа депопуляции явились повышение уровня смертности и спад рождаемости, вызванный резким снижением интенсивности деторождений. Второй этап депопуляции начался в 2016 г. и продолжается в настоящее время, для него характерны сокращение численности женщин фертильного возраста, то есть потенциальных матерей, что отличает его от первого этапа, и снижение суммарного коэффициента рождаемости. Кроме того, с 2020 г. депопуляция усилена последствиями пандемии COVID-19, которая выступила дополнительным фактором роста смертности. Исследователи считают, что «постсоветская Россия впервые в своей истории в мирное время переживает длительный период депопуляции» [4, с. 251–252].

Рост смертности населения. Уровень смертности сельского населения выше, чем городского, а мужского выше, чем женского (рис. 3). В 1990–2003 гг. значения общего коэффициента смертности населения Саратовской области повысились с 11.8 до 17.0 промилле, а в сельской местности с 12.9 до 17.9 промилле. В 2004–2019 гг. смертность населения Саратовской области устойчиво сокращалась. В период пандемии коронавируса COVID-19 общий коэффициент смертности населения области вырос за счет избыточной смертности с 13.7 (2019 г.) до

Таблица 1

Структура смертности населения Саратовской области по основным классам причин смерти в 2020 году, чел. на 1000 населения

Причины	Все население	Городское население	Сельское население
Всего умерших от всех причин, в том числе от:	1681.8	1666.4	1729.6
болезней системы кровообращения	830.1	815.6	875.2
новообразований	212.3	212.7	211.3
болезней органов дыхания	62.1	56.5	79.5
болезней органов пищеварения	103.2	101.3	109.1
внешних причин смерти	117.5	112.9	131.5
инфекционных и паразитарных болезней	22.7	24	18.8

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Годы	Городское население	Сельское население
2010	69.26	67.84
2011	70.34	68.48
2012	70.71	69.00
2013	71.19	69.16
2014	71.34	69.77
2015	71.76	70.26
2016	72.4	71.02
2017	73.2	71.82
2018	73.35	71.69
2019	73.41	72.00
2020	71.34	70.46

16.8 промилле (2020 г.) и 20.6 промилле (январь–ноябрь 2021 г.), прервав закономерную тенденцию сокращения смертности, наблюдавшуюся с 2004 г. в городской и с 2005 г. в сельской местности. В условиях пандемии общий коэффициент смертности сельского населения увеличился с 14.8 (2019 г.) до 17.3 промилле (2020 г.), городского – с 13.4 до 16.7 промилле за тот же период[4]. Среди основных причин смертности городского и сельского населения на первом месте болезни системы кровообращения, второе место занимают новообразования, третье – внешние причины смерти (табл. 1).

Сравнительный анализ показал, что в сельской местности выше смертность от болезней системы кровообращения, внешних причин смерти, болезней органов дыхания и пищеварения, в городской – от новообразований, инфекционных и паразитарных болезней. Сопоставление возрастной модели смертности в России и Саратовской области с образцами экономически развитых стран указывает на неоправданно высокую смертность мужчин трудоспособного возраста, особенно в сельской местности. Следует также обратить внимание на высокую долю внешних причин в структуре классов причин смертности мужского населения, хотя в условиях пандемии COVID-19 и введения противоэпидемических ограничений она снизилась. Высокая смертность населения, в том числе трудоспособного возраста, является одним из вызовов, который будет ограничивать возможности дальнейшего социально-экономического развития области. Сложившиеся уровень и структура классов причин смертности населения, с одной стороны, отражают существующие проблемы в здравоохранении, прежде всего низкую доступность медицинских услуг для сельского населения и жителей малых городов, с другой стороны, являются индикатором качества жизни и социального самочувствия населения, что подтверждается зависимостью показателей смертности и продолжительности жизни от факторов среды жизнедеятельности.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни повышались как в сельской, так и городской местности до 2019 г. включительно. Так, продолжительность жизни городского населения выросла в 2010–2019 гг. более чем на четыре года (4.15), сельского – на 4.16 года. В 2019–2020 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась в городской местности с 73.41 лет до 71.34 года, опустившись до показателей 2014 года, в сельской местности с 72 до 70.46 лет (табл. 2).

Сокращение ожидаемой продолжительности жизни и рост смертности населения области в значительной степени обусловлены пандемией COVID-19. Исследователи убеждены, что новая коронавирусная инфекция SARS-CoV-2, явля-

ясь тяжелым заболеванием, оказывает как прямое, так и косвенное негативное влияние на здоровье населения, способствуя росту избыточной смертности [12]. Косвенное влияние пандемии подтверждается, в частности, превышением избыточной смертности над показателями смертности от коронавируса. Следует также учитывать высокую скорость распространения инфекции. «Спецификой COVID-19 специалисты называют его большую заразность (по сравнению с другими вирусами гриппа и многими известными инфекциями), а также существование бессимптомной формы заражения» [12, с. 52–53]. Негативные последствия пандемии коронавируса COVID-19 привели не только к росту избыточной смертности, они повлияли на снижение рождаемости.

Спад рождаемости. В Саратовской области до того, как она вошла в режим депопуляции, общий коэффициент рождаемости составлял 13.4 чел. на 1000 населения (1990), а суммарная рождаемость – 1.947. К 1999 г. общий коэффициент рождаемости сократился до 7.9 чел. на 1000 населения, суммарная рождаемость упала до 1.118. «Снижение рождаемости в 1990-е годы вызвано было рядом факторов, в числе которых завершение в России к концу XX столетия демографического перехода, в результате чего в абсолютном большинстве регионов страны поколения родителей перестали замещаться поколениями детей» [13, с. 5]. Дополнительными факторами неблагоприятных демографических изменений, в частности спада рождаемости, выступили экономические и социальные перемены, связанные с распадом Советского Союза, трансформационным спадом при переходе к «рыночной экономике», разрушительным финансовым кризисом 1998 г. и др. Молодые семьи, попавшие в условиях экономического кризиса в сложное финансовое положение из-за потери работы, дохода, отсутствия перспектив, вынуждены были откладывать рождение детей на неопределенный срок. Начиная с 2000 года в области отмечен рост рождаемости, который объясняется, с одной стороны, началом циклического подъема, с другой стороны, реализацией активных мер государственной демографической и социальной политики[5]. Однако, несмотря на расширение мер поддержки семей с детьми, начиная с 2016 г. происходит устойчивый спад рождаемости населения области. В 2015–2020 гг. суммарный коэффициент рождаемости сократился с 1.601 до 1.231, а общий коэффициент рождаемости снизился почти на треть. Наиболее высокое значение суммарного коэффициента рождаемости в городской местности было достигнуто в 2015 г. (1.531), в сельское местности в 2014 г., составив 2.138 (рис. 4). К 2020 году суммарный коэффициент рождаемости сократился до 1.205 в городской и до 1.318 в сельской местности, в 2021–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19 продолжилось его снижение. Негативное влияние пандемии COVID-19 на рождаемость проявилось через эффект «отложенного родительства» или отказа от продолжения рода. Однако следует понимать, что пандемия лишь усилила позиции давно сложившихся моделей репродуктивного поведения и изменившихся предпочтений молодежи. Семья с детьми для современных молодых людей обладает социальной ценностью, в то же время ее создание, так же как и рождение ребенка, среди жизненных планов уступают первые места профессиональной карьере и достижению материального благополучия. В Саратовской области, как и многих других регионах России, репродуктивные предпочтения молодежи давно сместились в сторону малодетности.

В последние годы, как показывает анализ повозрастной рождаемости в Саратовской области, ее снижение происходит почти во всех возрастных группах женщин фертильного возраста, за исключением тех, кому 40–44 года и 45–49 лет. В 2016 г. снизились показатели рождаемости у женщин наиболее активных репродуктивных возрастов 20–24 и 25–29 лет, в 2017 г. – у женщин 30–34 лет и 35–39 лет. К началу 2020 г. рождаемость сократилась более чем на 45% в возрастной группе 15–19 лет; на 22% у 20–24-летних; на 24% у 25–29-летних; на 18% в группе 30–34 года и 9% у тех, кому 35–39 лет. Исследователи подчеркивают, что «новая волна депопуляции в России происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой – экстремальное действие фактора пандемии COVID-19» [14, с. 7]. В условиях пандемии COVID-19 рождаемость снижалась как в экономически развитых, так и развивающихся государствах. Основными причинами являются, во-первых, высокие эпидемиологические риски, во-вторых, замедление темпов роста и экономический спад, одним из последствий которого явилось повышение уровня безработицы в большинстве государств мира, в-третьих, социально-экономическая неопределенность, вынуждающая откладывать рождение детей до наступления более благоприятных условий жизнедеятельности семьи. Так, в США в 2020 г. родилось почти на 300 тыс. детей меньше, чем ожидалось до пандемии, в Китае рождаемость упала более чем на 12% (2019–2020 гг.), сократилась она и в европейских странах, основными причинами выступили как ухудшение эпиде-

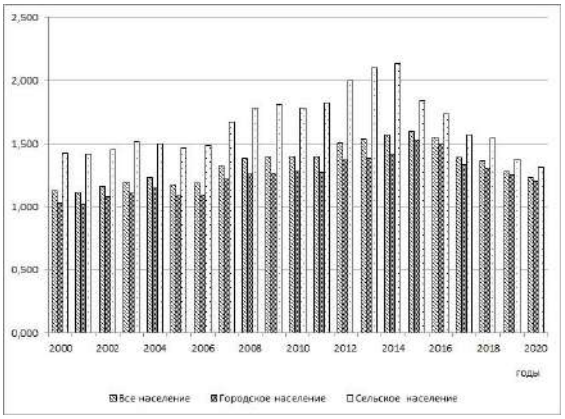


Рис. 4. Суммарный коэффициент рождаемости населения Саратовской области, 2000–2020 г.

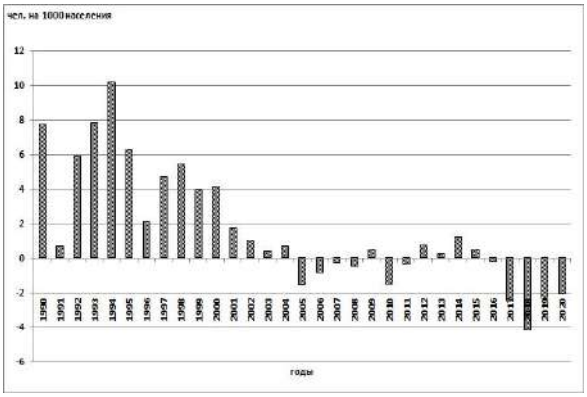


Рис. 5. Миграционный прирост (убыль) населения Саратовской области, 1990–2020 гг., чел. на 1000 населения

миологической ситуации, так и спад в экономике, вызвавший рост безработицы [15]. Ученые убеждены, что вторая волна депопуляции требует разработки дополнительных мер демографической и миграционной политики, способных частично компенсировать потери численности населения [6, 14].

Миграционный отток населения. Для Саратовской области, которая является приграничным регионом (граничит с Республикой Казахстан), немаловажную роль играет иммиграция, частично компенсирующая естественную убыль населения. Улучшение социально-экономического положения населения Саратовской области, создание современных высокооплачиваемых рабочих мест могло бы сделать ее привлекательной для притока мигрантов, в том числе трудовых, из ближнего зарубежья и некоторых регионов России. Однако в последние годы наблюдался значительный отток населения области в другие регионы страны. Так, в 2018 году Саратовскую область официально покинуло 10348 чел., что является максимальным числом миграционных потерь с 2000 года. Поток «выбывающих» за пределы Саратовской области является крайне неоднородным, можно выделить следующие социально-демографические группы. Во-первых, некоторые выпускники школ и университетов уезжают в Москву, Санкт-Петербург, другие города или зарубежные страны с целью получения образования, поиска подходящей работы, улучшения условий жизни. Они уверены, что в мегаполисах больше возможностей для самореализации. Кроме того, уезжают квалифицированные специалисты, неудовлетворенные уровнем оплаты труда и условиями жизни в регионе. Во-вторых, поток «выбывающих» включает транзитных мигрантов из стран СНГ, которые, ненадолго останавливаясь в Саратовской области, затем уезжают в другие города в поисках лучших условий жизни и работы. Из-за сложностей адаптации на новом месте часть ранее «прибывших» возвращается домой. В-третьих, пенсионеры переезжают на постоянное или временное место жительства к детям, проживающим в столице РФ и других крупных городах. В-четвертых, часть жителей, в основном мужчины, заключают кратко- и среднесрочные контракты для работы в регионах Сибири и Дальнего Востока. Динамика значений коэффициента миграционного прироста и убыли населения Саратовской области представлена на рис. 5. Следует подчеркнуть, что миграционный отток населения оказывает негативное влияние не только на социально-экономическое развитие области, т.к. уезжают, как правило, молодые и квалифицированные кадры. Потери несет в первую очередь демографическая система, ведь среди уехавших, как подчеркивают многие авторы, преобладают молодые люди, а это приводит к дальнейшей естественной убыли населения по мере старения населения и снижения рождаемости [16].

С 2019 года поток мигрантов существенно уменьшился, ограничительные меры в связи с пандемией коронавируса COVID-19 способствовали снижению миграционной активности населения. Общий миграционный отток из области снизился с 4612 человек в 2020 году до 4173 человек в 2021 году. Для лиц отдельных профессий появилась возможность дистанционной работы, что потенциально уменьшает миграционные настроения граждан. Однако вместе с отменой ограничений рост миграционной убыли населения неизбежно возобновится.

Прогнозная оценка сокращения численности населения к 2030–2040 гг. Рассмотренные закономерности и тенденции демографического развития Саратовской области (1990–2020 гг.), так же как и сложившаяся к настоящему времени возрастная структура населения, ограничивают варианты перспективных изменений чис-

ленности населения. На основе метода компонент и апробированного ранее подхода [7] были разработаны возможные сценарии демографического развития Саратовской области в кратко- и среднесрочной перспективе. Согласно прогнозным расчетам, в 2021–2030 гг. численность населения Саратовской области сократится с 2.395 млн до 2.268–2.305 млн человек, а к началу 2040 г. может составить 2.049–2.160 млн человек. В отдельности был разработан сценарный прогноз численности сельского населения Саратовской области. Сельское население региона, как показали результаты прогнозирования, может уменьшиться с 582 тыс. в 2021 г. до 551–547 тыс. в 2030 г. и 512–493 тыс. человек к 2040 г. при нулевой нетто-миграции и 484–502 тыс. человек (2040 г.) с учетом итогов сельско-городской миграции [17]. В связи с этим, если не будут реализованы дополнительные меры демографической и семейной политики, неизбежно дальнейшее сокращение численности населения сельских и городских территорий Саратовской области. Необходимо развитие социальной инфраструктуры малых городов и сельской местности, создание дополнительных рабочих мест для молодежи и квалифицированных кадров с целью сокращения миграционного оттока населения, реализация мер, направленных на укрепление здоровья населения региона. Комплексный подход к развитию сельских и городских территорий Саратовской области позволит повысить качество жизни саратовцев, создав предпосылки сокращения смертности и снижения миграционного оттока населения.

Заключение

По данным проведенного исследования, в Саратовской области сохраняется неблагоприятная демографическая ситуация, характеризующаяся сокращением численности населения в результате естественной убыли и миграционного оттока граждан, а также высокой смертностью, низкой рождаемостью, старением возрастной структуры населения. Сделан вывод, что современное состояние демографической системы является, с одной стороны, итогом демографического развития прошлых лет, с другой стороны, отражает современное состояние экономики и рынка труда, степень развития производственной и социальной инфраструктуры, уровень и качество жизни в регионе. На основе анализа особенностей воспроизводства населения Саратовской области, исследования ключевых тенденций демографического развития в 1990–2020 гг. определены перспективы демографического развития до 2040 г. Отмечено, что в течение последних 25 лет численность населения Саратовской области устойчиво сокращалась. Основными причинами явились естественная убыль и миграционный отток населения. Депопуляция городских и сельских территорий Саратовской области, означающая превышение смертности над рождаемостью, продолжается и в настоящее время. В статье выделены два этапа депопуляции. Первый начался в 1992 г., когда положительный естественный прирост населения сменился естественной убылью, второй начался в 2016 г. и продолжается в настоящее время, его особенностью является сокращение числа потенциальных матерей в результате уменьшения численности женщин фертильного возраста. Кроме того, в 2020–2022 гг. второй этап депопуляции испытал негативные последствия пандемии COVID-19, которая выступила дополнительным фактором роста смертности. Выполненные прогнозные оценки свидетельствуют, что численность населения Саратовской области сократится с 2.4 млн до 2.0–2.2 млн человек к 2040 г. Сельское население за указанный период уменьшится с 582 тыс. до 493–512 тыс. человек при нулевой нетто-миграции и 484–502 тыс. человек с учетом итогов сельско-городской миграции. Обоснована необходимость дополнительных мер демографической и семейной политики. Полученные результаты могут быть использованы для разработки региональных стратегий демографического и социально-экономического развития Саратовской области.

Примечания

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2022).

2. Рисунки выполнены авторами по данным: Статистический ежегодник Саратовской области 2014 год: Стат. сборник в 2 т. Т. 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2015. 179 с.; Статистический ежегодник Саратовской области. 2019 год: Стат. сборник в 2 т. Т. 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2020. 198 с.

3. Авакян А. Генеральные планы будущего: идеальные города 22 века // Royal Design. 2019. 25 июня. URL: http://royaldesign.ua/ru/generalnyie-planyi-potryasayuschih-gorodov-buduschego.bXvzN (дата обращения: 01.03.2022).

4. Статистический ежегодник Саратовской области 2020 год: Статистический сборник в 2 т. Т. 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2021. С. 45.

5. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1 (дата обращения: 28.02.2021). Концепция демографической политики Саратовской области на период до 2025 года. URL: http://www.saratov.gov.ru (дата обращения: 10.02.2022).

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория. М., 2019. 368 с.
2. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Трудовая миграция как потенциал роста населения России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 58–67.
3. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70.
4. Локосов В.В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 251–258.
5. Уставщикова С.В. Динамика численности населения Волгоградской, Самарской и Саратовской областей: вклад миграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 82–87.
6. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М., 2019. 79 с.
7. Blinova T.V., Bylina S.G. Alternative scenarios for the demographic development of rural Russia: analysis and forecast // Papeles de Poblacion. 2021. № 27 (108). P. 11–32.
8. Козлова Е.И., Новак М.А. Особенности внутрирегионального размещения трудовых ресурсов и занятого населения (на примере Липецкой области) // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 67–85.
9. Гукасян Г.Л. Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 7–19.
10. Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Депопуляция в регионах России к началу 2020 года // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 119–129.
11. Карпов В.В., Петренко К.В., Дубовенко П.А. Депопуляция как индикатор демографического развития региона // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 4. С. 186–193.
12. Положихина М.А. Смертность в период пандемии COVID-19 и направления снижения риска: предварительные итоги 2020 г. // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 2. С. 50–73.
13. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 4–17.
14. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20.
15. Семеко Г.В. Демографическое развитие в условиях пандемии COVID-19: вызовы для экономики // Экономические и социальные проблемы России. 2021. № 3. С. 123–140.
16. Ubareviciene R., van Ham M., Burneika D. Shrinking regions in a shrinking country: The geography of population decline in Lithuania 2001–2011 // Urban Studies Research. 2016. Article ID 5395379.
17. Блинова Т.В., Былина С.Г. Сценарное прогнозирование численности сельского населения Саратовской области // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 3. С. 1–18.

MODERN TRENDS IN THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE SARATOV REGION

T.V. Blinova, S.G. Bylina

Institute of Agrarian Problems – separate structural subdivision of the Federal Research Center «Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Saratov

The purpose of the study is to analyze current trends in the demographic development of rural and urban areas of the Saratov region. The composition and dynamics of the population are considered, the trends in the birth rate, the structure of mortality, and the peculiarities of migration of the region's population are revealed. It is noted that until 1992 the population of the region increased as a result of natural and migration growth, and from 1992 to 1996 it increased due to compensation of natural loss by migration gain. Since 1997, when the migration influx stopped compensating for the size of the natural loss, the population of the region has been steadily declining. The article highlights two stages of depopulation. The consequences of the COVID-19 pandemic had a negative impact on the dynamics of mortality, fertility, and life expectancy. The prospects for the demographic development of the Saratov region are discussed. The performed forecast estimates indicate that the population of the Saratov region will decrease from 2.4 to 2.0–2.2 million people by 2040. The rural population will decrease to 484-502 thousand people by 2040, taking into account the results of the rural-urban migration. The results can be used to develop strategies for the demographic development of the region, as well as to assess the effectiveness of the demographic policy in the region.

Keywords: Saratov region, population, structure, depopulation, fertility, mortality migration, forecast.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_91

ОТНОШЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ И ПЕРСПЕКТИВАМ ОТКРЫТИЯ СОБСТВЕННОГО ДЕЛА: МАТЕРИАЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2022 г.

Э.И. Гараева, И.С. Гилева, Д.А. Калугина

Гараева Эльнара Ильфатовна, старший преподаватель кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
garaeva-ei@ranepa.ru
Гилева Ирина Сергеевна, доцент кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
gileva-is@ranepa.ru
Калугина Диана Александровна, доцент кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
diana-kalugina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2022
Статья принята к публикации 22.07.2022

Представлены результаты пилотного социологического исследования по проблемам потенциала подросткового предпринимательства, мотивации современных школьников к организации собственного дела и определения концептуальных положений программ для предпринимательских классов. Актуальность исследования подтверждается потребностью в предприимчивых людях, способных в перспективе обеспечить самостоятельность российской экономики в различных сферах производства товаров и услуг. В ситуации снижения интереса населения России к предпринимательской деятельности и уменьшения числа организаций малого и среднего бизнеса особенно важна поддержка стремления молодежи к созданию собственного дела.

Анализ источников позволил авторам сделать вывод, что, с одной стороны, современный образ жизни и воспитания не способствует формированию у детей поведенческой модели предпринимателя в силу внешней регламентации со стороны взрослых их досуга, игр, обучения. С другой стороны, представители нового поколения гораздо быстрее приспосабливаются к новым технологиям, больше ориентированы на индивидуализм и стремятся получить максимум выгоды при минимуме затрат, что позволяет надеяться на наличие у них предпринимательского потенциала.

В ходе исследования авторами были конкретизированы представления обучающихся старших классов общеобразовательной школы о содержании и целях предпринимательской деятельности, предпринимательском успехе. Респондентам было предложено «примерить» образ бизнесмена: школьники пытались определить, обладают ли они предпринимательским мышлением, есть ли у них качества, позволяющие заниматься бизнесом. Результаты опроса показали, что наиболее интересными для подростков являются сферы услуг и торговли. Также исследование позволило выявить случаи фактического занятия современных школьников предпринимательской деятельностью в доступных сферах, чаще всего связанных с бизнесом в Интернете, оказанием мелких услуг и даже посильным производством. Внимание исследователей было уделено внешним и внутренним факторам, влияющим на вовлечение подростков в предпринимательство. В качестве выводов формулируются возможные базовые положения образовательных программ по обучению подростков предпринимательству.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; подростковое предпринимательство; теория поколений; предпринимательское мышление; готовность к предпринимательству; обучение предпринимательству.

Введение

Изучение предпринимательского потенциала жителей многих стран является предметом довольно большой группы современных исследователей разных областей науки. Ярчайшим примером является известнейший Global Entrepreneurship Monitor, GEM (Глобальный мониторинг предпринимательства), который своей целью и задачами ставит изучение феномена и практик проявления предпринимательской активности на уровне отдельных стран [1]. Это колоссального объема и масштабов исследование связано с выявлением особенностей предпринимательской активности, вклада предпринимательства в экономики различных стран. Важной особенностью является и то, что в отличие от официальной государственной стати-

стики, которая оперирует только численностью и прочими параметрами именно официально зарегистрированных предпринимателей, Глобальный мониторинг охватывает и другие виды трудовой активности, которая не регулируется и не поддерживается государством. Безусловно, этот мониторинг содержит важнейшие данные, которые свидетельствуют об изменениях и ключевых трендах в важнейшей для многих экономик сфере – сфере предпринимательства, но некоторые вопросы остаются нерешенными, однако, на наш взгляд, обладающими огромным потенциалом. В данном случае имеются в виду вопросы предпринимательского потенциала отдельных социальных групп и категорий населения.

Основываясь на результатах международных исследований, которые рассматривают потенциал молодых людей в сельскохозяйственном предпринимательстве в странах Африки [2] и напрямую доказывают, что предпринимательство считается более успешным с точки зрения выбора карьеры [3], считаем, что одной из актуальных тем для России является молодежное предпринимательство. Примечательно, что зарубежные авторы [4] обосновывают в своих исследованиях такие закономерности, как взаимосвязь образования молодых людей и их успехов в бизнесе, уровень финансовой грамотности молодых предпринимателей и качественных характеристик их семей (таких как доходы родителей, их уровень образования и профессии) и т.п.

Для нашей страны также было бы интересным и практически значимым определение особенностей и возможностей для занятия предпринимательством молодых людей, специфики и условий становления и формирования их предпринимательского потенциала. Ведь будущее каждого государства и общества зависит во многом от того, какими вырастут новые поколения, насколько успешными они будут в самых разных сферах, как будут реализовывать свои способности и начинания, в том числе и в трудовой, и в профессиональной сфере. Поэтому ценностные установки, настроения, профессиональная ориентация, самоопределение молодежи часто становятся объектом исследований не только педагогов и психологов, но также политологов, социологов и экономистов. Полученные выводы позволят адаптировать образовательные программы для подготовки и формирования успешных предпринимательских компетенций у молодых людей.

Методология и методы

Целью исследования являлось изучение трактовок категории подросткового предпринимательства, выявление мнения подростков относительно понимания и содержания подобного рода деятельности. Для достижения данной цели было проведено пилотное исследование в 2020 г. в Екатеринбурге, Серове, Перми, Сысерти методом интернет-опроса (всего было опрошено 96 человек). В опросе приняли участие обучающиеся образовательных организаций среднего образования 9–11-х классов.

Результаты исследования

Для начала попробуем представить динамику отношения молодежи к предпринимательству. С начала 90-х гг. XX века данная сфера деятельности привлекла наиболее активную часть населения. Образ удачливого, обеспеченного и свободного от «начальства» человека был популярен достаточно долго. Согласно опросам, каждый второй студент или школьник так называемых «нулевых» годов мечтал открыть собственное дело [5; 6], но эти настроения постепенно сменились некоторым разочарованием. Исследователи выявляют сомнения студентов в выборе возможностей трудоустройства после окончания вуза – «наемного труда, сопряженного с меньшим риском и, возможно, меньшими вознаграждениями, и предпринимательства, связанного с предварительными финансовыми и трудовыми затратами, риском, но и с потенциально большими вознаграждениями – как материального, так и нематериального характера» [7, с. 125–126].

Непростые для экономики страны времена сыграли свою роль в снижении привлекательности предпринимательской деятельности. Национальный отчет GEM показывает снижение предпринимательской активности в России уже в 2011–2012 гг. [8]. «В 2019 г. число субъектов МСП сократилось по сравнению с 2018 г. на 118 тыс. ед., а число занятых в секторе упало до 18.8 млн, т.е. сократилось почти на полмиллиона человек» [9, с. 280].

По данным статистики, осенью 2020 г. количество вновь открытых юридических лиц составило 187107 против 423354 закрытых предприятий. Актуальной эта печальная тенденция стала и для ИП: в 2020 г. 498961 были зарегистрированы и 520593 перестали существовать. Свою лепту внесли и последствия ковидных ограничений: к концу 2021 г. на 169988 зарегистрированных юридических лиц пришлось 279880 ликвидированных, на 580474 вновь созданных ИП – 660690 закрытых [10].

Интернет-издания «Ведомости» и «Коммерсантъ», ссылаясь на исследования Центра социально-политического мониторинга Института

общественных наук РАНХиГС (социологический опрос россиян, май 2019 г.), указывают, что «доля не желающих вести собственное дело почти вдвое – до 50.3% – выросла среди молодежи 25–29 лет и в 1.5 раза – до 55.3% – у 30–39-летних, т.е. у людей тех возрастов, в которых энергия сочетается со знаниями и накопленным опытом работы. Исключение – молодежь 18–24 лет, среди них доля принципиальных «отказников» от бизнеса незначительно снизилась» [11, 12].

Таким образом, ставку в развитии частного предпринимательства следует делать именно на молодежь. Причем поддержать интерес к такой деятельности лучше еще раньше – в школьном возрасте. «Свыше 80% опрошенных по всей России школьников хотели бы иметь свой бизнес. Об этом говорится в исследовании, проведенном образовательной компанией Maximum Education совместно с Бизнес-платформой Общероссийского народного фронта (ОНФ)» – такие данные появились в октябре 2020 года в СМИ на сайте платформы [13].

Однако есть и некоторые сомнения в способности современных подростков заниматься бизнесом. Эти проблемы «родом из детства»: в отличие от предыдущих поколений, которые росли «во дворе», где учились коммуницировать, моделировать игровые ситуации, распределять роли, современные дети и подростки много времени проводят дома, посещают организованные кружки и секции и практически лишены самостоятельных прогулок. Об озабоченности родительского и педагогического сообщества данной проблемой говорят заголовки постов в сети Интернет: «Конец дворовой жизни» [14], «Человек неиграющий» [15], «Почему дети не умеют играть?» [16], «Ребенок во дворе – важный этап социализации» [17], «Почему дети больше не играют во дворах, и как это исправить» [18]. Авторы сетуют на установки на раннее обучение, подмену реальных игр со сверстниками виртуальными играми, ограничение свободы действий детей, отсутствие поддержки игровых ситуаций взрослыми.

У предыдущих поколений в дворовых играх без вмешательства взрослых формировались лидерские качества, ответственность за младших, умение разрешать конфликты и отстаивать свои позиции. Современные дети, как правило, гуляют под присмотром родителей или бабушек, играют в готовые игры на компьютере по уже разработанным кем-то правилам. Свою роль в снижении интереса к нестандартным проблемам и самостоятельным решениям сыграла и система основного общего образования, ориентированная на «натаскивание» на решение тестовых заданий, а не на формирование системного знания и творческого применения компетенций в различных ситуациях.

Поколение современных школьников (поколение «Z»), по мнению исследователей, характеризуется такими чертами, как «клиповость» мышления, способность быстро приспосабливаться к изменяющимся информационным технологиям, индивидуализм, ориентированность на развитие компетенций и «самореализацию». Кроме того, четко прослеживается предпочтение виртуальной коммуникации, ориентация в будущем на получение высокого дохода при минимизации ответственности, особенно за других людей, прагматичный подход к получению образования [19–21].

Именно поэтому целью исследования стало выявление представлений школьников о сущности предпринимательской деятельности, связанных с ней «бонусах» и рисках. Кроме того, важно было выявить, как представляют себе основные направления образовательной программы предприниматели, какие способности и склонности есть у современных школьников.

Понимание подростками предпринимательства

Первым делом мы выяснили у наших респондентов-школьников: что они вкладывают в понятие «предпринимательство» (рис. 1).

Почти каждый третий опрошенный (29.4%) понимает значение этого термина – *«работать на себя».* Практически каждый пятый считает, что предпринимательство – это *«производить нужные людям товары и услуги»*, для 16.2% школьников это *«заниматься тем, что интересно»,* для 11.8% это *«заработать денег столько, сколько захочешь»*, и всего 5.9% опрошенных связывают предпринимательство с ответственностью за других. Для юной аудитории важно скорее заниматься интересным делом и приносить пользу людям, в то время как мнение предпринимателей со стажем в большей степени связано с извлечением прибыли и дохода.

Для более углубленного понимания трактовок и отношения к предпринимательству было конкретизировано понятие «предпринимательского успеха». Полученные данные представлены на рис. 2.

Предпринимательский успех для большей части опрошенных заключается в создании устойчивого бизнеса (55.9%). Для 14.7% подростков успех предпринимательства заключается в реализации своих личных интересов, хобби. На этом акцентировала внимание только одна из наших экспертов, самая молодая, которой именно это и удалось. 17.6%

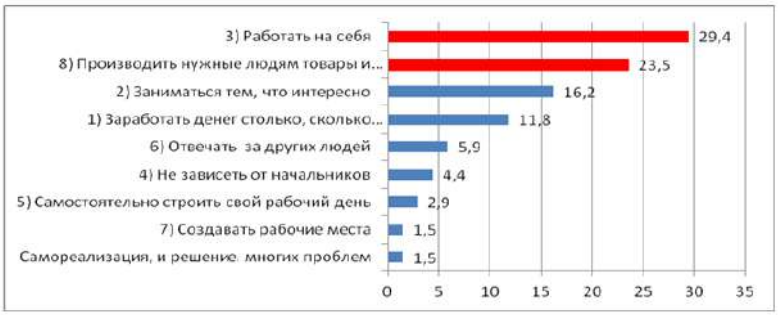


Рис. 1. Содержание понятия «предпринимательство» с точки зрения школьников 9–11-х классов. Составлено авторами.

Таблица 1

Динамика количества действующих юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и их суммарного показателя в 2015–2020 гг. (по состоянию на 25 октября 2020 г.)

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЮЛ	4 816 965	4 558 186	4 379 068	4 098 014	4 047 635	3 502 676
ИП	3 633 377	3 723 314	3 837 909	3 973 413	3 738 923	4 026 003
Всего	8 450 342	8 281 500	8 216 977	8 071 427	7 786 558	7 528 677

*Составлено авторами.

Таблица 2

Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных и ликвидированных в 2015 – 2020 гг. (по состоянию на 25 октября 2020 г.)

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ЮЛ +	503 084	494 885	450 649	375 614	312 752	187 107
ЮЛ –	334 809	753 664	629 767	656 668	671 848	423 354
ИП +	680 878	705 321	763 407	854 031	827 814	498 961
ИП –	585 889	615 384	648 812	718 527	753 592	520 593

*Составлено авторами.

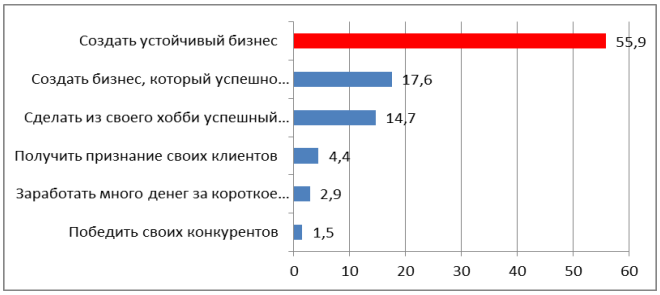


Рис. 2. Трактовки понятия «предпринимательский успех» школьниками старших классов. Составлено авторами

опрошенных школьников определяют успешность не только устойчивостью, а условием хорошей работы бизнеса без участия самого предпринимателя.

Следующим этапом исследования являлось определение идентификации личностью школьника себя с предпринимательством.

Данный блок вопросов был направлен на выявление способностей или склонностей молодых людей к предпринимательской деятельности. На вопрос о наличии способности мыслить, как предприниматель, мы получили следующее распределение ответов (рис. 3).

Почти 39% респондентов считают, что они, скорее всего, способны мыслить, как предприниматели. Каждый четвертый считает, что он способен мыслить, как предприниматель (24%). Таким образом, больше половины школьников (61.7%) считают, что им свойственно предпринимательское мышление, остальным либо сложно так мыслить (17%), либо они вообще затруднились ответить на этот вопрос (20%).

Важно в связи с этим было определить, смогут ли старшеклассники стать предпринимателями. Результаты ответов на этот вопрос приведены на рис. 4.

Практически половина участников опроса думают, что им удастся стать предпринимателями (56%). Они в этом уверены или считают, что, скорее всего, у них все получится. Современная молодежь все чаще поднимает вопросы о том, что необходимо работать на себя, а не на «чужого дядю» или государство. Частично это может быть связано с тем, что все чаще люди

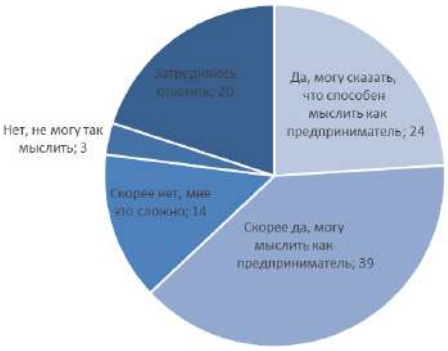


Рис. 3. Наличие предпринимательского мышления у старшеклассников. Составлено авторами

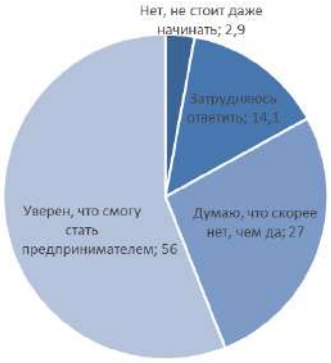


Рис. 4. Мнения респондентов о возможностях старшеклассников стать предпринимателями. Составлено авторами

стали получать «серую» зарплату в конвертах, имея небольшие отчисления в пенсионный фонд. СМИ и другие источники информации уверяют, что с годами вопрос не будет решен в пользу уменьшения пенсионного возраста, скорее, наоборот. Это также может быть связано с появлением новых профессий и направлений деятельности в сфере предпринимательства и фриланса, например менеджеры онлайн-продаж, блогеры, ведущие каналов в сети и др.

Частично уверены в своих силах 27% школьников, и 17% совсем не уверены в этом или в принципе затруднились ответить, что говорит о неготовности к такой деятельности, неуверенности в своих силах.

Далее школьникам было предложено дать самостоятельный ответ на вопрос о том, какие бы направления бизнеса они выбрали для себя сегодня. Самый популярный вариант сферы предпринимательской деятельности, который был назван ребятами, – это торговля (37 человек), предоставление различных услуг, бьюти-сфера (по 17 человек). На третьем месте интернет-сфера (11 человек), далее сельскохозяйственная сфера или лесная, кулинария (по 5 человек), сфера образования, развитие творчества (по 1 человеку), спортивная сфера, кинология и туризм (по 1 человеку).

Также мы попросили ответить на вопрос: «Пытались ли Вы организовать собственное дело? Если да, то напишите, в какой сфере, и продолжаете ли Вы его сейчас». Мы получили следующие ответы от некоторых респондентов.

Сферы, в которых продолжают бизнес в настоящее время: услуги, образование, медиа-район «О», создание и ведение аккаунта, искусство, шитьё изделий, перепродажа, *«занимаюсь платной дрессировкой собак»*.

Есть те, кто находится в процессе организации своего небольшого бизнеса: *«на данный момент я организовываю собственное дело в сфере красоты и буду развивать его в дальнейшем»*; *«организовываю бизнес по изготовлению изделий из дерева, фанеры, пластика, металла и на данный момент прохожу этап накопления для покупки оборудования»*.

Есть и проекты на стадии «заката»: *«оказывал услуги по сборке и продаже ПК, но все затухло, так как маленький город, и очень маленький спрос»; «да, мыловарение, продажи идут раз-два в неделю»*.

Важнейшими особенностями успешной предпринимательской деятельности можно назвать личные качества такого человека.

Респондентам-школьникам было предложено оценить по 10-балльной шкале влияние характера человека, его способностей и самостоятельности на формирование предпринимательского мышления, где 1 – наименьшее влияние, 10 – наибольшее влияние (результаты расчета среднего значения для каждого параметра представлены в табл. 3). Самое большое значение у параметра «самостоятельность человека» – 7.6, и на единицу меньше у таких показателей, как «характер человека» и «способности».

Еще одним важным качеством, которое характеризует успешных предпринимателей, является способность заниматься несколькими делами сразу и легко переключиться с одного занятия на другое. Ответы на эти вопросы представлены в табл. 4.

Среди опрошенных школьников больше половины считают, что они этими качествами обладают (характерная черта поколения Z!): 59% и 56% опрошенных отвечали, что способны делать несколько дел одновременно, а также имеют способность переключаться с одного дела на другое. И почти треть опрошенных – 33% и 36% соответственно – обладают такими способностями, но не во всех случаях.

Важно было рассмотреть еще варианты возможного поведения респондентов при самых разнообразных проблемах в делах. Результаты представлены на рис. 5.

Таблица 3

Оценка респондентами влияния характера, способности воспринимать новое и самостоятельности на формирование предпринимательского мышления

	Среднее значение (школьники)
Характер и темперамент	6.6
Способность воспринимать новое	6.3
Самостоятельность	7.6

Составлено авторами.

Таблица 4

Способности предпринимателей в оценках школьников, % от общего числа опрошенных

	Можете ли заниматься несколькими делами одновременно?	Можете ли легко переключаться с одного занятия на другое?
Да	59	56
Нет	8	8
Не всегда	33	36
Всего	100	100

Составлено авторами.

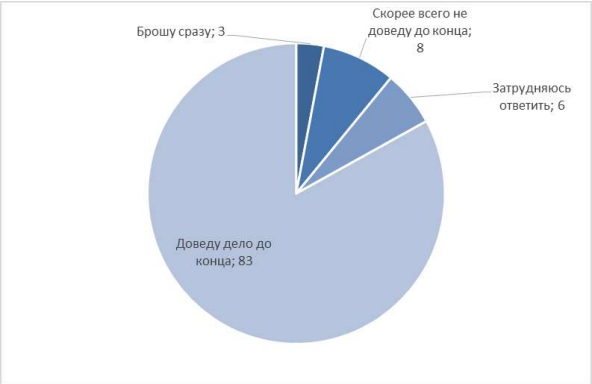


Рис. 5. Варианты поведения респондентов при возможных проблемах в делах
Составлено авторами

Полученные данные свидетельствуют нам о том, что если дело не задалось, то подавляющая часть молодых людей (83%) готова все равно довести его до конца сразу или позже. Только 8% не станут доводить его до конца. Это хорошее качество для человека как такового и для предпринимателя в том числе. И десятая часть участников исследования бросят дело сразу или вообще затруднились ответить.

Хорошего предпринимателя очень часто характеризует решительность, способность принимать кардинальные решения, умение рисковать, приспосабливаться к меняющимся условиям рынка и пр. Мы поинтересовались у респондентов, готовы ли они принимать различные изменения в собственной жизни. Результаты представлены на рис. 6.

Сложнее всего нашим респондентам дались бы перемены, связанные с переходом в другую школу (23.5% респондентов). Возможно, это связано с тем, что в подростковом возрасте большую роль играют друзья и социальное окружение. Они являются референтными группами и первичными агентами социализации.

Здесь отметим, что в будущих исследованиях нужно заложить вопросы не только о влиянии семьи на формирование предпринимательского мышления, но и о влиянии друзей, сверстников. В этом возрасте юношам и девушкам хочется самостоятельности и независимости, поэтому большая часть школьников спокойно могут согласиться жить отдельно от родителей. Обыграть такой проект с участниками программы было бы интересно.

Также юношеский возраст характеризуется открытостью к новым возможностям, например к участию в различных проектах (готовность к такой работе отмечается 48.5% опрошенных). А вот кардинально поменять свою жизнь и переехать в другой город решилась бы только половина опрошенных нами представителей молодого поколения (47.1%).

Одним из важных для предпринимателя качеств является способность отстоять принятое решение. Мы планировали узнать, как наши респонденты оценят это качество у себя. Вопрос был задан в прожективной форме, и полученные результаты приведены на рис. 7.

44.1% наших респондентов, скорее всего, продолжат настаивать на своем решении, даже если их будут настойчиво отговаривать, а каждый пятый однозначно настоит на своем. С од-

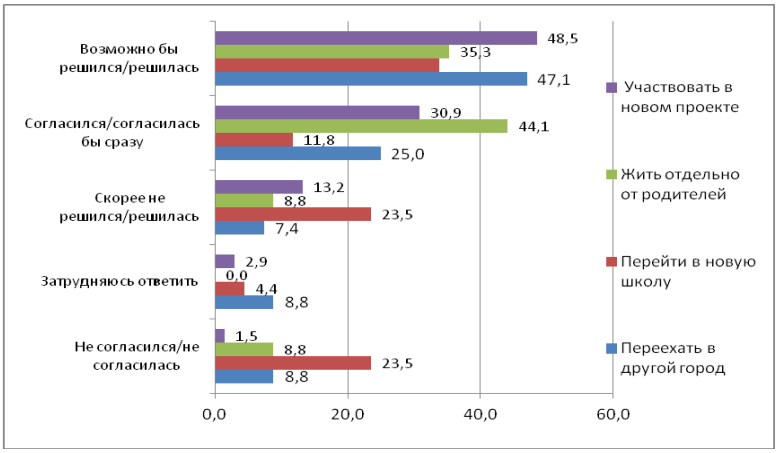


Рис. 6. Варианты действий респондентов при появлении конкретных возможностей. Составлено авторами

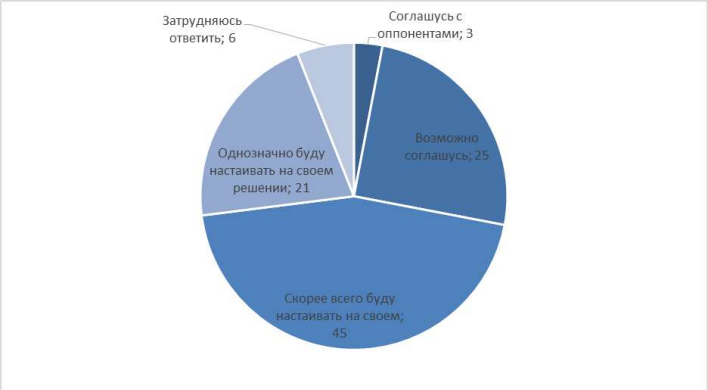


Рис. 7. Варианты поведения респондентов при настойчивом отговаривании их от принятого решения. Составлено авторами.

ной стороны, это позитивный момент, когда человек уверен в себе, тверд и решителен. С другой стороны, есть риск, что, не прислушавшись к более опытным людям, он примет неверные решения, полагаясь только на себя. Одна четвертая часть подростков допускают, что они, возможно, поддадутся на уговор.

Важное качество предпринимателя – уметь организовывать. Мы поинтересовались у подростков, был ли у них опыт организации какого-либо мероприятия. Половина ребят организовывали мероприятия в классе (школе), чуть меньше половины – вечеринку для друзей, примерно одинаковое количество школьников организовывали поход (28.4%) и ремонт в своей комнате (26.9%), коллективную поездку организовывали 16.4%. По сути это тоже проекты, в которых закладываются и проявляются предпринимательские наклонности.

Влияние среды на возникновение предпринимательских намерений

Следующий блок вопросов был посвящен влиянию семьи и окружающего контекста на формирование предпринимательского мышления и желания стать предпринимателем.

По данным рис. 8 мы обобщили ответы молодых респондентов по наличию в их семье родителей-предпринимателей. Среди респондентов 22.1% указали, что их родители занимаются предпринимательством и у 7.4% занимались раньше. При этом 11.8% детей указали, что родители рассматривают такой вариант, что дети продолжат заниматься предпринимательством так же, как и они.

Зачастую родители, стараясь дать своему ребенку лучшее, принимают решения за него, в том числе и настаивают на профессиональном выборе своих детей. Больше трети подростков (39.7%) отметили, что родители настраивают их на выбор какой-либо профессии, но при этом практически все респонденты предпочитают сделать такой важный выбор самостоятельно (95.6%).

Заняться предпринимательством рекомендует своим детям каждый четвертый родитель (25%). При этом таблицы сопряженности не зафиксировали зависимости между советами заниматься предпринимательской деятельностью и тем, кто сам ею занимается.

Рассматривая влияние макросреды, можно сказать, что в целом молодежь отслеживает деловую жизнь своего города. Знают основные предприятия города, в котором они живут, 64.7%

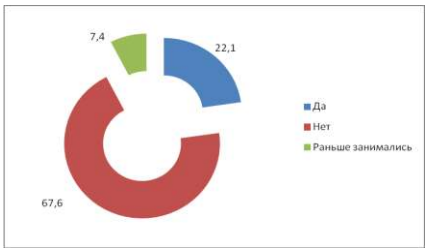


Рис. 8. Занятость родителей респондентов бизнесом. Составлено авторами

Рис. 9. Мнения респондентов о степени развития малого и среднего бизнеса. Составлено авторами

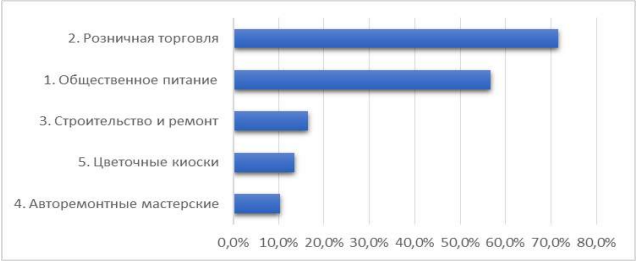


Рис. 10. Активно развивающиеся направления бизнеса

опрошенных. И все же каждый третий подросток не располагает такой информацией (32.4%).

Эти мнения были объединены в результаты, представленные на рис. 9.

По данным рис. 9 можно утверждать, что, по мнению 29.4% подростков, малый и средний бизнес в городе активно развивается, появляются новые предприятия и магазины, и примерно столько же (22.1%) считают, что остается на том же уровне – новые предприятия открываются мало, но уже открытые продолжают работать. То есть стремление анализировать состояние внешней среды явно прослеживается. Однако почти каждый третий опрошенный не обращает на это внимания, поэтому затрудняется дать ответ на этот вопрос.

По мнению подростков, в предпринимательской среде есть наиболее привычные и распространенные виды деятельности. Эти мнения представлены на рис. 10.

По данным рис. 10 видно, что наши респонденты отмечают, что в городе, где они живут, активно развивается розничная торговля (продуктовые магазины, хозяйственные магазины и т.п.; 71.6%). На втором месте общественное питание (кафе, рестораны, пекарни; 56.7%), на третьем – строительство и ремонт (16.4%), далее – цветочные киоски (13.4%), авторемонтные мастерские (10.4%) и на последнем месте из предоставленного списка бытовые услуги (химчистки, прачечные, ремонт обуви; 7.5%). Эти указанные сферы в общем и целом соответствуют сложившейся структуре наиболее популярных предпринимательских видов деятельности в нашей стране.

Выводы

Проведенное пилотное исследование позволяет сказать, что сложившееся у большинства подростков понимание сути предпринимательства значительно отличается от понимания опрошенных нами опытных бизнесменов. Есть различия и в понимании того, что значит «мыслить, как предприниматель», в значении влияния внутренних факторов на формирование такого мышления. И все же необходимость таких качеств, как организаторские способности, умение рисковать, принимать решения, разбираться в деле, которым ты занимаешься, школьники признали с большой уверенностью.

Предпринимательство интересно подросткам: значительная их часть на сегодняшний день уже попробовали себя в предпринимательстве, в новых проектах или планируют заниматься предпринимательством в дальнейшем. Больше половины подростков могут с уверенностью сказать, что они обладают многими качествами предпринимателей и смогут быть ими в дальнейшем.

На формирование предпринимательского мышления и позитивного отношения к предпринимательству у молодежи в значительной мере влияют их семьи, которые сами ведут предпринимательскую деятельность или хотят, чтобы их дети имели свое дело в будущем. Примерно две трети подростков фиксируют свое внимание на изменениях предпринимательской среды своего города, неосознанно ее анализируют. У наших респондентов есть желание поучиться предпринимательству, сформировать компетенции, которые касаются как

личностных качеств и коммуникации, так и конкретных знаний и умений, необходимых бизнесмену.

По результатам предварительного исследования можно сформулировать следующие концептуальные положения программы по обучению подростков предпринимательству:

– **адаптивное обучение** – управление активной самостоятельной деятельностью обучающихся с учетом их индивидуальных возможностей, создание таких условий, при которых новые компетенции и опыт изменяют мышление и поведение;

– **интенсификация образовательного процесса** – повышение его эффективности за счет реализации игровых технологий обучения, технологии «профессиональной мастерской», когда творческий процесс порождает творческий продукт;

– **контекстное обучение** – приближение к конкретным условиям внешней среды, что создает возможность трансформации учебной деятельности подростка в практическую деятельность предпринимателя;

– **практикоориентированность**: создание социально значимого продукта, которым могут воспользоваться как сами обучающиеся, так и другие люди;

– **формирование компетенций hard skills и soft skills**, сочетание предметного и социального содержания предпринимательской деятельности.

Важно отметить, что создание школьниками «готового бизнеса» на выходе не должно являться самоцелью предпринимательских классов. Значительно большее значение будет иметь сам факт обращения подростка к мысли о создании собственного дела, возможности поиска наиболее востребованного продукта, построения бизнес-модели по его производству. Дополнительные занятия приучат молодого человека грамотно распределять свое время, управлять финансами, концентрироваться на поиске полезной информации, анализировать свои возможности и условия внешней среды. Работа в предпринимательских классах, несомненно, будет способствовать профориентации молодого поколения, желанию участвовать в создании необходимой для государства и общества продукции.

Список литературы

1. Global Entrepreneurship Monitor (GEM) [Электронный ресурс] URL: https://www.gemconsortium.org/reports/latest-global-report (дата обращения: 07.12.2021).

2. Akrong R., Mbogoh S.G., Irungu P. Youth agripreneurship in the horticultural value-chain: The case of small-scale mango farmers in Southern Ghana // African Development Review. 2020. Vol. 32. Is. 1. P. 68–77.

3. Radianto W.E.D., Wijaya O.Y.A., Syahrial R. Young entrepreneur, parental socioeconomic status, and financial literacy: Does supply chain mediate entrepreneurship education? // International Journal of Supply Chain Management. 2020. Vol. 9. Is. 4. P. 317–323.

4. Xia C.-L., Wu T.-J, Wei A.-P, Wu P.-G. Are chinese entrepreneurs happier than employees? Evidence based on a national workforce survey in China? // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. Is. 1. P. 1–21.

5. Барсукова С.Ю. Предпринимательские «призывы»: от «старой гвардии» до «новобранцев» // СОЦИС: социологические исследования. 2000. № 3. С. 51–58.

6. Карпунина М.А., Савинова С.Ю., Шубнякова Н.Г. Формирование молодежного предпринимательского сообщества как инструмент повышения предпринимательской активности в России [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). 2014. № 2. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=12360 (дата обращения: 07.12.2021).

7. Могильчак Е.Л. Факторы, определяющие отношение студентов к предпринимательской деятельности // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. № 2 (140). С. 118–127.

8. Верховская О.Р., Дорохина М.В. Глобальный мониторинг предпринимательства. 2012. Россия [Электронный ресурс]. URL: http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_full_13.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

9. Земцов С.П., Баринова В.П., Царева Ю.В. Малое и среднее предпринимательство в России и регионах в 2019–2020 гг. // Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Выпуск 41. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. С. 279–290.

10. Федеральная служба информации. Статистическая информация [Электронный ресурс]. URL: https://фси.рф/Main/StatisticalInformation (дата обращения: 25.01.2022).

11. Аптекарь П. Свое дело страшное [Электронный ресурс] // Ведомости. 2019. 4 октября. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/10/03/812825-svoe-delo-strashnoe (дата обращения: 01.12.2022).

12. Рассохин А. Собственное дело остается без владельцев [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2020. 5 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4112455 (дата обращения: 01.02.2022).

13. Опрос ОНФ и MaximumEducation: 82% школьников хотели бы иметь свой бизнес [Электронный ресурс] // Бизнес-платформа ОНФ. 26 октября 2020 года. URL: https://onf.ru/2020/10/26/opros-onf-i-maximum-education-82-shkolnikov-hoteli-imet-svoy-biznes/ (дата обращения: 01.02.2022).

14. Конрадова Н. Конец дворовой жизни [Электронный ресурс]. URL: https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/selected/entry/14142/ (дата обращения: 01.02.2022).

15. Кудрявцева Е. Человек неиграющий [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2020. 9 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3731395 (дата обращения: 01.02.2022).

16. Богачева Т. Почему дети не умеют играть? [Электронный ресурс] // Портал «Я родитель». URL: https://www.ya-roditel.ru/parents/base/experts/pochemu-deti-ne-umeyut-igrat/ (дата обращения: 01.02.2022).

17. Клищенко Т. Ребенок во дворе – важный этап социализации [Электронный ресурс]. URL: https://deti-sistem.livejournal.com/19602.html/ (дата обращения 01.02.2022).

18. Почему дети больше не играют во дворах, и как это исправить [Электронный ресурс]. URL: https://n--e--n-ru.turbopages.org/n-e-n.ru/s/newplayground/ (дата обращения: 01.02.2022).

19. Зарубина Н.Н. Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 150–158.

20. Нечаев Н.Н., Дурнева Е.Е. Цифровое поколение: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.

21. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 9–10.

THE ATTITUDE OF HIGH SCHOOL STUDENTS TOWARDS ENTREPRENEURSHIP AND THE PROSPECTS OF STARTING YOUR OWN BUSINESS: MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

E.I. Garaeva, I.S. Gileva, D.A. Kalugina

Ural Institute of Management – Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents the results of a pilot sociological study on the problems of the potential of adolescent entrepreneurship, the motivation of modern schoolchildren to organize their own business and the definition of conceptual provisions of programs for entrepreneurial classes. The relevance of the study is confirmed by the need for enterprising people who are able to ensure the independence of the Russian economy in various areas of production of goods and services in the future. In a situation of declining interest of the Russian population in entrepreneurship and a decrease in the number of small and medium-sized businesses, it is especially important to support the aspirations of young people to create their own business.

The analysis of the sources allowed the authors to conclude that, on the one hand, the modern lifestyle and upbringing does not contribute to the formation of a behavioral model of an entrepreneur in children due to external regulation by adults of their leisure, games, and education. On the other hand, representatives of the new generation adapt much faster to new technologies, are more focused on individualism and strive to get maximum benefits with minimum costs, which allows us to hope for their entrepreneurial potential.

In the course of the study, the authors concretized the ideas of high school students about the content and goals of entrepreneurial activity, entrepreneurial success. Respondents were asked to "try on" the image of a businessman: schoolchildren tried to determine whether they have entrepreneurial thinking, whether they have qualities that allow them to do business.

The survey results showed that the services and trade sectors are the most interesting for teenagers. The study also revealed cases of modern schoolchildren actually engaging in entrepreneurial activities in accessible areas, most often related to business on the Internet, the provision of small services and even feasible production. The attention of researchers was also paid to external and internal factors affecting the involvement of adolescents in entrepreneurship. As conclusions, possible basic provisions of educational programs for teaching entrepreneurship to teenagers are formulated.

Keywords: small and medium-sized entrepreneurship; adolescent entrepreneurship; theory of generations; entrepreneurial thinking; readiness for entrepreneurship; entrepreneurship training.

УДК 316.4.06
DOI 10.52452/18115942_2022_3_101

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЕРЖЕННОСТИ РОССИЯН МОДЕЛЯМ КОЛЛЕКТИВИСТСКОГО И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: МЕДИАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОЦИОЛОГИИ

© 2022 г.

И.А. Николайчук, М.М. Янгляева, Т.С. Якова

Николайчук Игорь Александрович, к.т.н.; эксперт по международной безопасности
Центра специальных медиаметрических исследований (ЦСМИ), Москва
ianiko@yandex.ru
Янгляева Марина Михайловна, к.филол.н.; доц.; сотрудник факультета журналистики
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
marinapavlikova@mail.ru
Якова Тамара Сергеевна, к.филол.н.; доц.; сотрудник факультета журналистики
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
t-yakova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2022
Статья принята к публикации 18.07.2022

Представлены результаты мультидисциплинарного исследования таких социокультурных констант, как коллективизм и индивидуализм. Авторы применяют новый медиагеографический подход к анализу больших данных, который позволяет рассмотреть и критически осмыслить социальное поведение людей в рамках выстраивания коллективной субъектности с учетом современной значимости указанных культурно-философских универсалий. В результате обработки и сопоставления эмпирических данных, полученных из поисковых систем Google и «Яндекс», авторы приходят к выводу, что в России, как и в большинстве стран мира, ключевой тенденцией сегодня является сдвиг в сторону индивидуализма, что требует существенных коррективов в определении приоритетов внутренней и внешней политики для поддержания общественной стабильности и общественного согласия. Авторы исследования предлагают обозначить контуры нового научного направления – цифрового обществоведения, что позволит на ином качественном уровне получать, анализировать и интерпретировать данные социологии, этнографии, социальной психологии, культурологии и других наук.

Ключевые слова: российское общество, социокультурный ландшафт, метасмыслы, коллективизм, индивидуализм, этнометрия, медиагеографический подход, цифровое обществоведение.

Введение

Одной из примет современности является массовый рост настроений социального пессимизма. Людям стало свойственно негативно оценивать свое прошлое, настоящее и будущее. Налицо и такие тревожные явления, как отторжение привычных и фундаментальных оснований общественной жизни и фактически всех форм социальной активности, равно как и всех видов деятельности по организации и руководству общественным прогрессом. Наблюдается дистанцирование, уход индивида от экзистенциального выбора между идеальным или материальным восприятием мира. Духовная жизнь человека определяется в основном принципами гедонизма. В медийном поле разных стран широко дискутируется тезис о неприемлемом внеэтическом характере политики [1–3], обсуждается возможность краха всех экономических моделей [4, 5], глубокий кризис международных отношений [6, 7], агония идеологии [8], поднимаются вопросы о новом «системном расизме» [9], деградации национального государства [10], неадекватности власти [11], сомнительности религии [12], гибели культуры [13].

При этом возникает парадокс следующего свойства. С одной стороны, мы наблюдаем растущую пассивность человека по отношению к участию в общественной жизни, видим его желание уйти от творения истории, неготовность поступиться стабильностью существования ради даже самых высоких целей. Это выражается в ослаблении коллективистских начал общественного бытия: не формируется классовое или национально-государственное сознание, не возникают новые и эродируют традиционные массовые партии с четкой идеологией, проявляется равнодушие к миропроектированию и миростроительству. С другой стороны, возник невиданный ранее интерес индивида к политике. Стремительно развивается процесс медиатизации политики и политизации медиа [14]. Сложившиеся сегодня системы потребления политических смыслов нацелены в основном на поддержание политического порядка и на решение

проблем национальной безопасности, приоритеты которых устанавливают находящиеся у власти элиты [15]. Такие системы, сами по себе полезные, не задают тем не менее ориентиров будущего и не являются инструментами духовной мобилизации общества.

Радикально расширилась, институционально окрепла и превратилась в прибыльное коммерческое предприятие публичная сфера, призванная обеспечить становление института под названием «общественное мнение». Традиционные и новые медиа как дискурсивные инструменты достижения социального мира и прогресса активно выполняют деструктивную функцию формирования отрицательного консенсуса по любому существенному поводу из области национального бытия. Автор концепции публичной сферы Ю. Хабермас понимал, что его конструкт относится к области идеального, и предупреждал о неизбежной потере публичной сферой своего первоначального предназначения – гармонизатора отношений власти и общества из-за усиления влияния законов рынка на область культурного производства [16].

Масштабный рост «ассортимента» смыслов (и политических в том числе), предлагаемых буквально как блюда в меню, превратил идеологические продукты в бесконечное множество: общество сегодня не познается, а просто интерпретируется, причем в морфологическом, а не в онтологическом ключе. Комплексный анализ системы потребления смыслов, циркулирующих в информационном пространстве, позволит выявить объективные тенденции потребления обществом идеологий и ценностей, воздействующих на мировоззрение современного человека во всем многообразии. Система существования смыслов является динамичной, она развертывается во времени и пространстве. При этом системы смыслов могут иметь свою скорость трансформаций: системы смыслов в политике и культуре, особенно в массовой культуре, могут меняться в историческом масштабе времени чрезвычайно быстро. Научно-технический прогресс, появление цифровых технологий самым драматическим образом расширили возможности выбора конкретным индивидуумом системы смыслов. Сегодня демонстрация личных смысловых предпочтений стала социальной нормой.

Говоря о современном состоянии общества, нельзя обойти вниманием такие социокультурные универсалии, как «коллективизм», «индивидуализм» и «патернализм». Особенно актуальной данная тема является в контексте трансформации российских реалий.

Теоретические подходы и методология исследования

Понятия «коллективизм» и «индивидуализм» являются дихотомическими, противопоставленными друг другу, – как в системе этики, так и в исторической ретроспективе. Вместе с тем они разносущностны, выводятся из несводимых друг к другу оснований. Для целей современной политической практики принято рассматривать коллективизм в качестве характерной черты русского архетипа, а индивидуализм считать разновидностью социальной ментальности [17]. В более общем плане активно изучается соотношение принципов коллективизма и индивидуализма в рамках многочисленных философских исследований по поводу примата интересов личности над интересами общества (государства) и наоборот [18]. Коллективизм сводится к стандарту социального в рамках антиэнтропийного прогресса, «коллективизм предполагает такие отношения между личностью и обществом, при которых развитие общества в целом создает благоприятные условия для развития личности, а развитие последней представляет собой главное условие прогресса всего общества» [19].

При изучении метасмыслов «индивидуализм» и «коллективизм» нельзя пройти мимо уже имеющихся многочисленных результатов исследований в области этнометрии, или теории культурных измерений. Основатель теории культурных измерений нидерландский социолог, специалист по теории управления Герт Хофстеде для получения количественных оценок уровней индивидуального и коллективного сознания в разных странах предложил использовать культурологические индикаторы, основанные сразу на нескольких базовых показателях: самоидентификации, субъектах деятельности, правосознании, роли государства и др. [20].

С нашими подходами этнометрию сближает то, что эта научная дисциплина предусматривает охват большого числа стран социологическими опросами для сбора необходимой статистики по культурным различиям и нанесение результатов на географические карты, т. е. имеются элементы и медиастатистики, и медиагеографии. Г. Хофстеде при разработке базовых параметров для измерения феноменов культуры[1.] (культурные характеристики разных народов) уже в самом первом своем исследовании предусмотрел и такой критерий, как «обособленность» («коллективизм»-«индивидуализм»).

Коллективистская культура характеризуется доминированием групповых целей и ценностей над индивидуальными. Коллективизм присущ

обществам со строгой социальной структурой, четким разделением на социальные группы, внутри которых каждому индивиду гарантированы забота и внимание остальных в обмен на безоговорочную лояльность группе. К типу коллективистских культур (развитое коллективное начало), по Хофстеде, относится большинство традиционных азиатских и африканских культур, а также католических стран Южной Европы и Латинской Америки, которые отличает повышенное внимание к семейным и общинным отношениям и ценностям.

В настоящее время попытки классификации стран в указанных культурных координатах продолжаются. Особенно это касается России: наша страна, как и другие страны социалистического лагеря, не была охвачена начальными (пионерными) опросами, которые проводились в середине 1970-х гг. Для нас важно отметить, что с самых первых шагов этнометрических исследований подчеркивалась дихотомичность пары рассматриваемых нами метасмыслов, то есть фактически искалось расположение страны на оси значений пропорции числа ответов «я скорее индивидуалист» к числу ответов «я скорее коллективист», хотя сами эти индексы строились на основе свертки разнообразных косвенных исходных данных методом факторного анализа. Сегодня в ходу именно такие карты классификации стран по этому критерию, причем, поскольку статистика Хофстеде по фирмам была привязана к местным географическим локациям (городам), имелась возможность составить трансграничные карты или привязать культурные особенности не к странам, а к территориям.

Сегодня имеется уже несколько модифицированных методик изучения вариативности культурных констант по географическим локациям, равно и множество конкретных исследований в этой области. Наиболее полный разбор их особенностей имеется в работах «Этнометрические измерения: теория и практика» [21] и «Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда» [22]. Подчеркнем, что общей частью различных этнометрических методик являются показатели, характеризующие ментальные ценности индивидуализма.

Вместе с тем до сих пор не имеется канонической культурной картины мира в этом сегменте этнометрии, причем главной проблемой является не столько наличие «белых пятен», сколько неоднозначность и плохая сопоставимость результатов. Разрабатывая методологию исследования, мы дополнили традиционные социологические подходы медиагеографическим: анализом ментальных ландшафтов различных стран и всего мира с привлечением интернет-статистики. Ментальный ландшафт, как и физический, изменяется во времени. И если физический ландшафт является результатом трансформации природных ресурсов, то ментальный ландшафт – это результат трансформации духовного и материального мира человека, общественной идеологии и символов государства. В широком смысле слова, ментальный ландшафт выступает как смысловой центр в создании иерархии идентичности (национальной, региональной, местной, локальной) и создает чувство принадлежности и территориальную идентичность, которая особенно сильна в некоторых странах (например, в Испании, Португалии) и является ключевым моментом, который следует учитывать при осуществлении различных общественных проектов, в том числе и при решении политических задач [23].

В данном исследовании мы отходим от утверждения о дихотомичности, разнонаправленности метасмыслов «коллективизм» и «индивидуализм». Мы рассматриваем эти два метасмысла как равнозначные, не погашающие друг друга морфоскульптуры на ментальных ландшафтах стран. В качестве морфоскульптур мы рассматриваем персоны, события и явления, другие символы и знаки, укоренившиеся в массовом сознании. Подобные ментальные маркеры в первую очередь используют образы выдающихся деятелей из разных областей общественной жизни, современных политиков, популярных представителей культуры и искусства. Характер ландшафта в данном случае будет определять стратегию воздвижения, инфузии в него новых морфоскульптур в пределах актуальной политической и пропагандистской практики, например внедрение смыслов про общечеловеческие ценности [15].

Основной эмпирический материал нашего исследования составили данные big data, извлеченные из поисковых систем Google и «Яндекс». Такой подход базировался на новом понимании интернет-библиометрии и активного интернет-поведения индивидуумов, которое учитывало массовый интерес пользователей к различным темам, что выражалось в числе запросов по тем или иным ключевым словам или фразам за определенный период времени. Результаты анализа собранной статистики (в том числе и по методикам рангового и факторного анализа) позволяют наглядно продемонстрировать ход процессов конструирования ментального ландшафта разных стран, регионов, городов.

Наше исследование является продолжением серии публикаций, связанных с изучением современных явлений в области массовой коммуникации, политики, социологии [24–28].

В условиях цифровизации назрела необходимость интерпретировать показатели динамики внимания к различным темам со стороны пользователей мирового Интернета. Существующие до настоящего времени социологические методы исследования не раскрывают всей глубины и спектра общественного интереса. Потребители знаний и информации из Мировой Паутины представляют собой актуальный объект исследований, результаты которых могут повлиять на ход принятия решений в разных сферах общественной жизни. Например, Стив Фуллер в своей работе «Постправда. Знание как борьба за власть» [29, с. 33–42] убедительно продемонстрировал, как изучение поведения интернет-пользователей (их предпочтений) привело к преобладанию антиэкспертной линии брекзита и кампании в его поддержку, в результате чего Великобритания вышла из ЕС.

Подавляющая часть людей входит в Мировую Сеть для осуществления индивидуальной и групповой коммуникации. Примерно столько же используют Сеть для личных развлечений и поиска информации, в том числе новостей. Количество пользователей, которых можно характеризовать как активных граждан, способных через запросы выразить свое отношение к социальным объектам и явлениям, на порядки больше, чем респондентов в самом представительном опросе. Приложение Google Trends аналитического сервиса системы Google Analytics показывает, как часто определенный термин ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. На горизонтальной оси основного графика представлено время, а на вертикальной – как часто термин искали по отношению к общему числу поисковых запросов во всем мире. В России популярен сервис «Яндекс Wordstat», позволяющий определить популярность поисковых запросов. Здесь мы имеем статистику показов заданного пользователем слова или словосочетания, а также запросов, которые делали искавшие его люди. Имеется возможность уточнить регион или посмотреть помесячный и понедельный срезы. Психологический базис мотивации для конкретного пользователя системы произвести поиск информации по пищевому продукту, бытовой услуге, политическому смыслу и т.д. один и тот же. В любом случае такой акт поиска и последующего использования информации носит добровольный или добровольно-принудительный характер и происходит в момент, когда такая потребность реально возникла. Этим такой акт принципиально отличается от ответа респондента на вопросы при социологическом опросе или при заполнении анкеты в ходе рекламной акции. Важно, что мы имеем дело с реальной потребностью, интересом. В такой парадигме между потребительскими конструктами «горячий хлеб» и «права человека» нет никакой разницы.

Укажем на следующее. Словосочетание «права человека» для «Яндекса» является императивом поиска. Это так называемый поисковый запрос, которому результаты выдачи должны строго соответствовать. К результатам прикладывается статистика по похожим запросам, но не более того. В Google все устроено более гибко: «права человека» на русском языке рассматриваются как поисковый запрос (именно, как в «Яндексе»), однако в Google встроен эффективный переводчик, поэтому можно отследить, что́ про права человека спрашивают, как часто и на каких языках[2]. Если запрос выходит на уровень тега или темы, это значит, что количество запрашиваемой информации статистически большое (запросы многочисленны, устойчивы, формулируются по-разному, но вокруг одного предмета), и на основе анализа запросов искусственный интеллект начинает форматировать и предлагать свои версии лексических единиц, что позволяет резко увеличить точность выдачи.

Результаты исследования

В проведенном исследовании мы проанализировали динамику интереса интернет-пользователей к запросам по темам «индивидуализм» и «коллективизм» для всех стран мира, определили уровень относительной региональной популярности тем в различных областях Российской Федерации, сравнили уровень индивидуализма в российских городах и регионах. Укажем, что интерес собственно к конструктам «индивидуализм» и «коллективизм» нельзя назвать массовым, запросов сравнительно мало. Процессы можно считать стационарными, хотя интерес к коллективизму медленно снижался в последнее десятилетие. Мир, как оказалось, заметно сдвинут в индивидуализм. Эта морфоскульптура на глобальном ментальном ландшафте в 1.7 раза мощнее «коллективизма» (рис. 1, см. сравнение на левой части графика).

Наша ментальная карта мира для ценностей или метасмыслов «индивидуализм» и «коллективизм» выглядит следующим образом (рис. 2).

Эта карта существенно отличается от тех карт, которые лежат в основе современной этнометрии. Пример представлен на рисунке 3.

Какие совпадения следует в этой связи отметить? Во-первых, фактически полное отсутствие интереса к индивидуализму в странах арабского мира, что, действительно, можно свя-

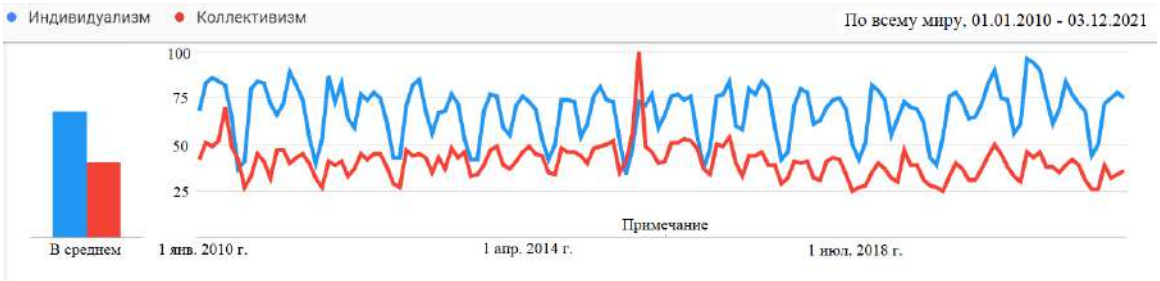


Рис. 1. Сравнение динамики популярности запросов «Индивидуализм – тема» и «Коллективизм – тема» для всего мира в период с 01.01.2010 по 03.12.2021. Система Google. Дата запроса 03.12.2021

Рис. 2. Деление стран мира по относительной популярности запросов «Индивидуализм – тема» и «Коллективизм – тема» для всего мира в период с 01.01.2010 по 03.12.2021. Система Google. Дата запроса 03.12.2021. По цвету: светло-серый – нет данных, синий – индивидуализм, коллективизм – красный на карте

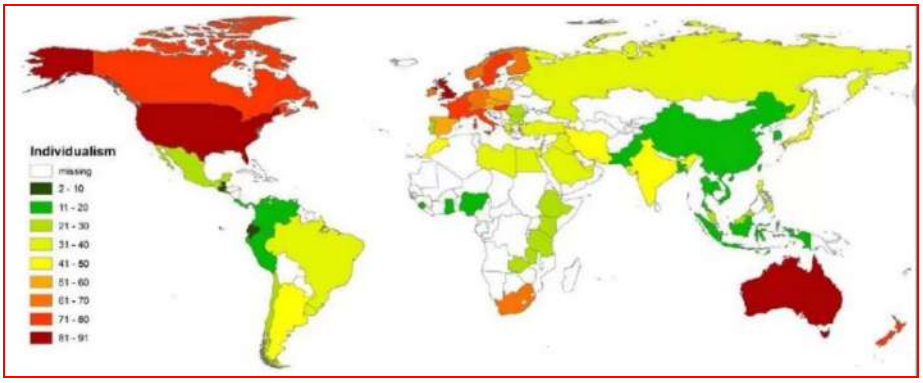


Рис. 3. Дифференциация населения мира по отношению к индивидуализму. Один из многочисленных вариантов карты Хофстеде 1980–1990 гг. По цвету: белый – нет данных, светло-серый – низкая степень индивидуализма, серый – средняя, темно-серый – выше среднего, черный – высокая степень индивидуализма [30]

зать с цивилизационными различиями. Во-вторых, повышенное пристрастие к индивидуализму продемонстрировали страны Латинской Америки, что совершенно не соответствует выводам Хофстеде, отметившим здесь приверженность принципам традиционализма.

Укажем, что, в отличие от ситуации социологического исследования, где этнокультурные стереотипы выявляются на основе множества разовых ответов на батарею сложно составленных вопросов, которые после математической обработки (в основном используется факторный и кластерный анализ) преобразуются в интегральные этнокультурные критерии, интернет-статистика характеризует состояние дел на длительном интервале времени (в нашем случае 12 лет) и предусматривает прямую постановку вопроса. Если в первом случае проявленную реакцию конкретного индивида (респондента) стимулирует другой конкретный индивид (социолог), то во втором случае эту реакцию стимулирует общество, так или иначе заставляя опять же конкретного человека обратиться к знаниям по индивидуализму и коллективизму,

Таблица 1

Приверженность резидентов различных стран индивидуалистическим ценностям

Страна	Опрос	Поиск	Δ
Израиль	89	54	35
Нигерия	74	34	40
Канада	71	80	–9
США	69	70	–1
Чехия	68	73	–5
Дания	68	71	–3
Швейцария	66	74	–8
Нидерланды	65	65	0
Финляндия	64	80	–16
Австрия	62	74	–12
Испания	62	79	–17
Великобритания	61	62	–1
Швеция	60	70	–10
Россия	60	67	–7
Болгария	59	90	–31
Венгрия	56	88	–32
Венесуэла	53	80	–27
Германия	52	71	–19
Италия	51	81	–30
Южная Корея	43	77	–34
Сингапур	42	62	–20
Индия	41	77	–36
Китай	41	58	–17
Франция	40	86	–46
Филиппины	40	64	–24
Бразилия	40	91	–51
Япония	38	89	–51
Индонезия	37	92	–55
Мексика	32	87	–55
Египет	30	2	28

причем именно социум, исходя из своих интегральных культурологических пристрастий, в конечном счете ответственен за пропорцию интереса к этим двум метасмыслам.

Рассмотрим в сравнении данные для ряда стран по таким показателям, как процент респондентов, выбравших при опросах индивидуальную независимость[3] (обозначим этот ряд как «опрос»), и относительную популярность темы «индивидуализм», полученную при обращении в систему Google на интервале за последние 12 лет (обозначим как «поиск»). Поясним, что если, например, для США этот индекс равен 70, то это означает следующее: в общей сумме запросов в поисковую систему Google с территории Соединенных Штатов за 12 лет по тегам «индивидуализм» и «коллективизм» 70% пришлось на «индивидуализм» и только 30% на «коллективизм» (табл. 1).

Отметим, что корреляция между значениями рядов «Опрос» и «Поиск» отсутствует. Это говорит о несовместимости результатов исследований по различным методикам. Мы можем интерпретировать данный факт как отражение драматического несоответствия в первом и втором случае характера социально-психологической коммуникации. Если исследовать разницу значений соответствующих индексов (это ряд Δ в табл. 1), видно, что при прямом опросе за редким исключением респонденты сильно занижали свою приверженность индивидуалистическим ценностям, хотя в обществе в целом именно эти ценности и превалируют. К таким странам относятся в первую очередь государства Латинской Америки, Япония, Франция, Индонезия. В меньшей степени это относится к Италии, Южной Корее, Болгарии, Венгрии, Индии. В зоне «исследовательского комфорта» сосредоточены страны, где социология является своего рода научной манией. Наименьшая Δ зафиксирована для государств англосферы (Канада, США, Великобритания), стран Западной и Центральной Европы и России. Выпавшие точки – Египет и Нигерию – отнесем к случаям ненадежной интернет-статистики.

Для России зафиксирован следующий результат социологических опросов: «Современный сотрудник организации – это индивид, не выражающий приверженности какой-либо одной из аксиологических альтернатив. Для современных работников характерен и индивидуализм, и коллективизм, выбор между ними зависит от конкретной ситуации, возникающей в организации» [33]. Этот вывод может являться поводом к критике всех результатов замеров степени предпочтений россиян по части ценностей коллективизма и индивидуализма. Мы имеем в виду, что популярные среди этнологов, обществоведов и социологов утверждения, что Россия занимает некоторое промежуточное положение между индивидуалистическими культурами Запада и коллективистскими культурами Востока, во многом лишены оснований. Россия, согласно нашей классификации, тяготеет именно к западноевропейскому стандарту набора социально-культурологических констант, или (при больших упрощениях) к ценностям протестантской трудовой этики. Отчасти это подтверждается тем, что российские специалисты, сменившие гражданство и трудоустроившиеся в зарубежные фирмы и научные организации, не испытывают никакого психологического дискомфорта. Более того, этнические русские оказались неспособными (за ненадобностью сохранять идентичность во враждебной среде «плавильных котлов») создавать устойчивые криминальные сообщества за рубежом. Разговоры про т. н. «русскую мафию» (голливудский симулякр) в США на самом деле подразумевают постсоветскую мафию, включающую представителей в основном кавказских, еврейской, армянской, грузинской и украинско-

Таблица 2

Данные по степени урбанизации федеральных округов РФ и относительной региональной популярности запросов по тегам «индивидуализм» и «коллективизм»[4]

	Урбанизация	Индивидуализм	Коллективизм
Центральный федеральный округ	82.3	100	83
Приволжский федеральный округ	72.1	92	102
Северо-Западный федеральный округ	84.5	90	90
Сибирский федеральный округ	84.3	118	147
Уральский федеральный округ	81.6	116	120
Южный федеральный округ	62.7	94	98
Дальневосточный федеральный округ	72.9	119	119
Северо-Кавказский федеральный округ	50.1	89	90

Расчеты авторов. Система «Яндекс» за период с 15.11.2021 по 15.12.2021. Дата запроса 15.12.2021

галицийской этнических групп с малозаметной великорусской прослойкой. Кончаются неудачей и все попытки создать политическое лобби для поддержки русских диаспор, в то время как еврейские, армянские, индусские, украинские лобби имеют большое влияние в политической жизни стран мира – от ЮАР до Канады.

В российском обществоведении нет единого мнения относительно реального соотношения коллективистских и индивидуалистических начал в современном социуме и характера происходящих сдвигов. С одной стороны, утверждается, что российское общество в своей социальности более коллективистское, чем индивидуалистическое, и, несмотря на существенные сдвиги в социальной культуре, его коллективистская природа сохраняется [34]. С другой стороны, появляется все больше исследований, которые указывают, что коллективистские установки в России уже воплощаются слабо, а ориентация на равенство доходов все больше уступает место ориентации на равенство возможностей. По своей социально-культурной составляющей Россия является сегодня страной, ориентированной на индивидуализм и во многом вестернизированной, скорее по американскому, чем по европейскому, образцу. [35]

Интернет-статистика позволяет проверить и некоторые частные выводы из этнопсихологических исследований. Например, тот тезис, что российская молодежь, проживающая в неурбанизированной среде, в большей степени, чем молодежь, проживающая в урбанизированной среде, демонстрирует предпочтение коллективистических ценностей [36].

Поиск связи между данными по степени урбанизации федеральных округов России с относительной региональной популярностью запроса по тегу «индивидуализм» (табл. 2) такой зависимости не выявил (R=0.47). Нет и корреляции между рядами «урбанизация» и «коллективизм» (R=0.35).

Для современной российской молодежи характерно предпочтение индивидуалистических ценностей [36]. При этом такая ориентация представляет собой два отдельных содержательных конструкта: «легитимный индивидуализм», социально одобряемый и связанный с определенными нормативами и паттернами социального поведения, и «эгоцентрический индивидуализм», социально осуждаемый и не выраженный в нормативах и паттернах социального поведения. Это подтверждается тем, что общее число запросов в России в системе «Яндекс» за период с 15.11.2021 по 15.12.2021 по «индивидуализму» в 1.53 раза превосходило число запросов по «коллективизму». Если же брать соответствующую пропорцию региональной популярности аналогичных запросов из системы Google, то она составит для России величину 2.01. Мы находим совпадение вполне удовлетворительным.

Медиагеографический подход дает нам возможность сравнить индексы индивидуализма, найденные путем социологических опросов, с характеристиками актуального интернет-поведения жителей российских регионов по отношению к таким метасмыслам, как «индивидуализм» и «коллективизм». В таблице 3 приведены соответствующие данные. Связь между сравниваемыми рядами отсутствует; коэффициент корреляции между столбцами 3 и 5 таблицы 3 составляет всего 0.47, хотя это только качественная иллюстрация несходимости результатов, поскольку расчеты велись всего на восьми парах точек.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что определение путем социологических опросов отношения резидентов различных географических локаций к индивидуализму – дело весьма трудоемкое и сложное в организационном отношении: нужны запланированные программы, финансирование, человеческие ресурсы для реализации исследований. С другой стороны, возможности сервисов поисковых систем позволяют без всякого труда, мгновенно получить ответы на некоторые вопросы, связанные с популярностью индивидуализма и коллективизма в российских регионах. Можно, например, исследовать статистику на предмет выяс-

Таблица 3

Данные для сравнения уровня индивидуализма российских городов и регионов[5]

	Этнометрия		Интернет	
	Число респондентов	«Национализм» (по Хофстеде)	Число запросов	Региональная популярность
1	2	3	4	5
Россия	321	36±2	27148	100
Москва и Санкт-Петербург	170	36±3	5513	97.5
УФО, СФО, ДФО	63	35±4	7097	117.3
ЦФО	22	36±7	9633	99
ЮФО, СКФО	4	33	2738	71.5
СЗФО	62	35±5	2754	91
Нижний Новгород	н/д	43	359	78
Ярославль	н/д	52	162	109

нения: а) какие российские города являются лидерами или аутсайдерами по интересу к двум рассматриваемым метасмыслам и б) сбалансирован ли этот интерес по предмету запросов, или тот или иной метасмысл превалирует. Необходимые данные для подобного анализа представлены в таблице 4 для 29 городов. Их выбор определялся только тем обстоятельством, что для них имела место хорошая статистика по запросам – не менее 120 запросов в месяц (цифры в первых двух столбцах означают региональную популярность запросов в относительном выражении, она представлена не в процентах, а в доле относительно среднего значения популярности для всех регионов, откуда приходили подобные запросы). Например, интерес к индивидуализму среди интернет-пользователей из Казани точно равен среднему (1.00), а в Белгороде он почти в два раза выше среднего (1.91); с другой стороны, тема коллективизма сравнительно мало интересует москвичей (0.83), зато в городе ученых Томске эта тема в три раза выше средней по России (2.98). Города упорядочены по интересу к индивидуализму. Для наглядности значения чисел в ячейках представлены в виде цветных диаграмм. Это позволяет визуально сравнивать «портреты» городов.

Итак, городами, интернет-пользователи которых наиболее активно в относительном выражении потребляют знания об индивидуализме, в конце 2021 г. являлись: Белгород, Барнаул, Иркутск, Новокузнецк; наименее – Челябинск, Нижний Новгород, Самара, Воронеж. Максимальные индексы по коллективизму свойственны Томску, Белгороду, Волгограду, Иркутску, Красноярску, минимальные – Краснодару, Ярославлю, Москве, Перми. Параметр **Δ** (разность между индексами по индивидуализму и коллективизму для конкретного города) с учетом разброса в границах среднеквадратичного отклонения (жирные красная и голубая линии на поле рис. 4) демонстрирует, что интерес к рассматриваемым метасмыслам в основном уравновешен. Тем не менее выпавшие точки указывают, что городами, резиденты которых могут считаться «индивидуалистами», являются Новокузнецк, Тверь, Ярославль. Коллективистское начало свойственно Белгороду, Томску, Екатеринбургу, Красноярску, Волгограду, Тюмени, Челябинску, Самаре. Обратим внимание, что Нечерноземье в этом отношении как бы противопоставлено регионам Поволжья с преобладанием этнических русских, Уралу, Сибири, хотя этот вывод и не основан на изучении всего массива соответствующих данных.

Кратко рассмотрим ситуацию с пропорциями интереса мировых пользователей Интернета к триаде метасмыслов «индивидуализм – коллективизм – патернализм». Результаты расчетов с использованием данных системы Google (см. рис. 5) дают основания утверждать, что традиционное представление о России как о стране стихийного коллективизма требует определенной корректировки. Хотя системой Google пользуется всего чуть больше половины россиян, оказалось, что повышенным спросом пользуется все-таки «патернализм». Примечательно, что сегодня, если рассматривать триаду указанных метасмыслов, коллективизм стал информационным ориентиром англосаксонских стран. Франция продемонстрировала приоритет в восприятии такой социальной установки, как индивидуализм (эта морфоскульптура на местном ментальном пейзаже не уравновешена), практически игнорируя при этом коллективизм. Граждане ФРГ отдают предпочтение в своих социальных ожиданиях патерналистскому государству упорядоченной социальной справедливости. В этом они, кстати, похожи на россиян.

В контексте изучения пропорции приверженности индивидуализму и коллективизму в мире нельзя пройти мимо такого метасмысла, как «сотрудничество» (cooperation), который может являться показателем степени социальной капитализации общества. Метасмысл «со-

Таблица 4

Данные по относительной региональной популярности запросов по фразе «индивидуализм» (И) и «коллективизм» (К) для городов России

№	Город	И	К	Δ
1	Белгород	1,91	2,57	-0,66
2	Барнаул	1,88	1,74	0,14
3	Иркутск	1,85	1,86	-0,01
4	Новокузнецк	1,78	0,95	0,83
5	Томск	1,66	2,98	-1,32
6	Хабаровск	1,53	1,54	-0,01
7	Тверь	1,47	0,95	0,52
8	Курск	1,37	0,96	0,41
9	Екатеринбург	1,29	1,8	-0,51
10	Балашиха	1,26	1,1	0,16
11	Красноярск	1,21	1,75	-0,54
12	Киров	1,20	0,99	0,21
13	Ростов-на-Дону	1,14	1,22	-0,08
14	Омск	1,09	0,98	0,11
15	Ярославль	1,09	0,67	0,42
16	Уфа	1,01	0,99	0,02
17	Казань	1,00	1,05	-0,05
18	Санкт-Петербург	0,99	0,89	0,10
19	Саратов	0,97	0,89	0,08
20	Москва	0,96	0,83	0,13
21	Волгоград	0,96	1,49	-0,53
22	Пермь	0,94	0,86	0,08
23	Новосибирск	0,93	0,94	-0,01
24	Краснодар	0,89	0,68	0,21
25	Тюмень	0,88	1,56	-0,68
26	Челябинск	0,83	1,27	-0,44
27	Нижний Новгород	0,78	0,94	-0,16
28	Самара	0,71	1,13	-0,42
29	Воронеж	0,69	0,95	-0,26

Расчеты авторов. Статистика из системы «Яндекс» за ноябрь–декабрь 2021 г. Дата запроса 17.12.2021. В столбце Δ дается разность между значениями индексов И и К. В графическом виде эта разность для конкретных городов показана на рис. 4.

циальный капитал» (его еще называют «культурный капитал» или «гражданский капитал») определяет качество социальных связей в обществе. На бытовом уровне это в первую очередь готовность прийти на помощь незнакомым людям. Сегодня социальная капитализация рассматривается как характеристика общества, определяющая качество жизни в той или иной стране. Более узкий термин «сотрудничество» мы рассматриваем с точки зрения готовности людей присоединяться к социально значимым действиям на основе объединения, то есть аккумуляции и усиления общественно значимых индивидуальных энергий в рамках добровольных организаций и движений, созданных для достижения конкретных целей в различных областях человеческой деятельности. Спектр таких организаций достаточно широк – от политических партий до клубов футбольных фанатов. Наиболее активно подобные процессы изучает относительно новая наука – клиодинамика, которая дает обществоведам и социологам ценный эмпирический материал, позволяющий делать заключения, опираясь на количественные данные.

Мы пытались проверить динамику запросов в системе Google по дескриптору «сотрудничество», но нормализованной темой этот поисковый термин не стал – его надо задавать только на национальных языках как поисковый реквизит. Нет и слов-синонимов, подходящих для формирования запросов для всех стран мира. Единственной добротной альтернативой подходу к изучению коллективистского сотрудничества является анализ интереса к теме «международное сотрудничество». Динамика интереса к этой теме представлена на рис. 6. Как видно, даже «коллективизм» дипломатического характера переживает сегодня серьезный кризис: стремление к сотрудничеству между странами катастрофически быстро снижается.

В США, например, относительный интерес к указанной теме упал с 2004 г. по 2022 г. в 10 раз, причем основной поток запросов шел только из Вашингтона. Кстати, в ФРГ земли, входившие в состав ГДР, полностью игнорируют указанную тему.

Анализ интернет-пространства позволил выявить, что в последние годы заметно выросло значение такой качественной характеристики человеческого поведения, как лояльность (рис. 7). Она может рассматриваться как категория, дополняющая метасмыслы «коллективизм» и «индивидуализм» в социальной практике.

Феномен лояльности проявляется по отношению к политическому режиму, закону, к фирме или организации, поставщику товаров, банку, магазину, бренду, конкретной личности или коллективу. Лояльность можно рассматривать как симулякр коллективизма, сплоченности, солидарности. Более того, это своего рода маскировка равнодушия к тем или иным официально одобряемым идеалам. Коллективизм за деньги не создашь, это часть традиционной культуры. Лояльность же можно купить. Именно поэтому практически все торговые сети практикуют «программы воспитания лояльности» для привлечения покупателей и увеличения товарооборота. Сегодня термин «лояльность» часто используется и в компьютерных играх. Проявление лояльности дает игроку определенные тактические преимущества в «сражениях». В любом случае лояльность подразумевает неискренность, смирение перед обстоятельствами и конформизм. В определенном смысле она (лояльность) является политическим условием подключения индивида к социальным программам патернализма.

Показательно, что популярность запроса по лояльности гораздо выше интереса пользовате-

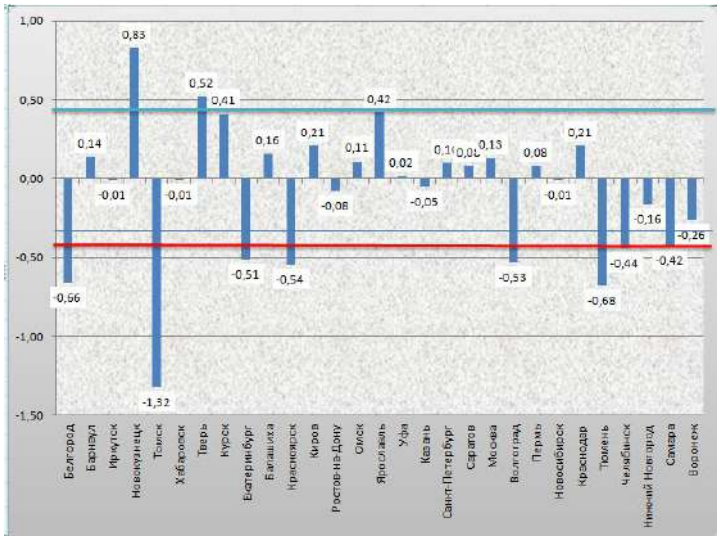
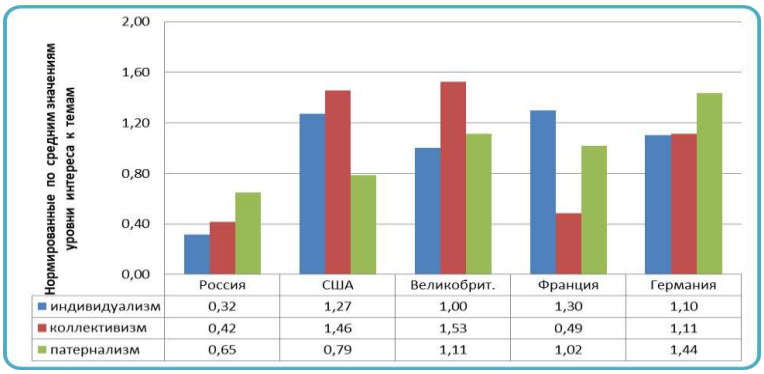


Рис. 4. Приоритетность тем в паре «индивидуализм» и «коллективизм» для различных регионов Российской Федерации



	Россия	США	Великобрит.	Франция	Германия
индивидуализм	0,32	1,27	1,00	1,30	1,10
коллективизм	0,42	1,46	1,53	0,49	1,11
патернализм	0,65	0,79	1,11	1,02	1,44

Рис. 5. Уровни относительного интереса интернет-пользователей к темам «индивидуализм» (серый), «коллективизм» (темно-серый) и «патернализм» (светло-серый).
Расчеты авторов. Исходные данные пропорций получены из системы Google и нормированы относительно средних значений для каждой из стран для приведения к единому масштабу. Период с 01.01.2010 по 08.02.2021

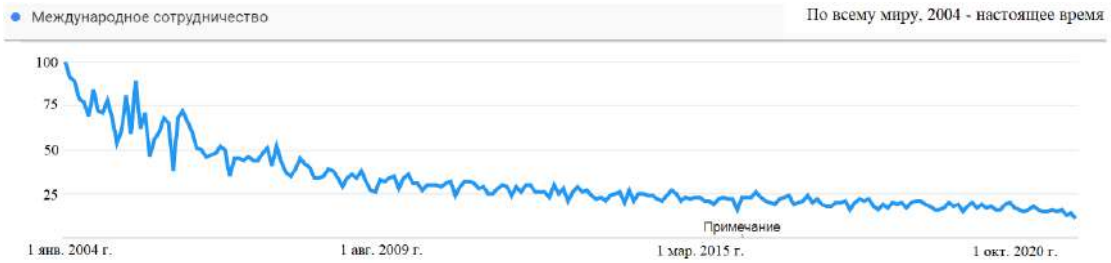


Рис. 6. Динамика изменения популярности запросов «Международное сотрудничество – тема» для всего мира в период с 01.01.2004 по 26.12.2021. Система Google. Дата запроса 26.12.2021

лей к коллективизму и даже к индивидуализму. Особенно это касается стран англосаксонского мира. Например, пропорция «лояльность/коллективизм/индивидуализм» для США составляет 83/5/12, для Великобритании – 91/3/6, Канады – 83/6/11, Австралии – 88/4/8. В славянских странах картина несколько иная – здесь традиции лояльности в менталитете существенно ниже: Польша – 60/12/28, Украина – 74/8/18, Россия – 74/9/17. К странам, население которых относительно слабо реагирует на призывы к лояльности, относятся и те, где сохранилась достаточно самобытная культура, социальный темперамент и суверенная ментальность. Это прежде всего Финляндия (63/6/30), Япония (70/3/27), Израиль (70/13/17), Италия (71/5/24), Венгрия (73/3/24), Франция (74/3/24).

Заключение

Сегодня модели коллективного поведения в социокультурном отношении ориентированы в

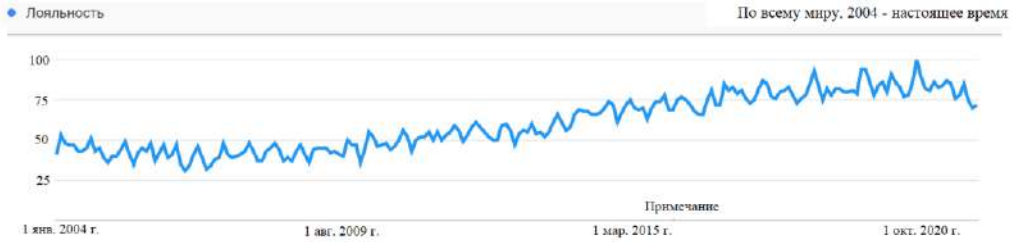


Рис. 7. Динамика изменения популярности запросов «Лояльность – тема» для всего мира в период с 01.01.2004 по 26.12.2021. Система Google. Дата запроса 26.12.2021

основном на следование принципам индивидуализма, что требует серьезного переосмысления подходов к идеологическому обеспечению национальной безопасности, особенно в тех странах, где политический класс делает ставку на возрождение традиционных ценностей, включая и продвижение идей о коллективистских принципах организации общественной жизни.

Взаимодействие индивида с социумом в рамках следования моделям поведения индивидуализма, коллективизма, лояльности и ориентации на государственный патернализм в настоящее время носит сложный динамический характер. В условиях постмодерна и исторической беспроектности его динамика в первую очередь зависит от проявления конформизма в ситуациях необходимости формирования личной реакции и рефлексии на социальные и политические вызовы. Фактически нельзя говорить о наличии устойчивых социально-культурных стереотипов и констант в этих вопросах. Тем не менее статистика показателей, характеризующих интернет-поведение пользователей, которые описывают интерес отдельных людей к тем или иным смыслам, дает основание утверждать, что в мире превалирует ориентация на индивидуализм.

В России и в ряде других стран принципы индивидуализма сочетаются с настроениями патернализма, т.е. существуют ожидания, что государство должно решать личные проблемы индивида (в первую очередь материального плана), а не помогать социальным группам вообще. Это формирует достаточно сложную социально-психологическую обстановку, в которой манипуляция общественным мнением и электоральными настроениями со стороны разных политических групп значительно облегчена. Данное обстоятельство значительно осложняет решение задач по поддержанию общественной стабильности, общественного консенсуса.

В отсутствие массовых объединяющих идеологий и при преимущественной ориентации на индивидуализм актуальными становятся попытки предложить обществу такие модели динамического управления, которые не были бы связаны с серьезными рисками потери статуса, психологическими перегрузками, принуждением к гражданской активности и пр. Современный массовый индивидуалист болезненно реагирует на публичные элитные конфликты, поскольку они могут нарушить его личный социальный комфорт и даже безопасность. При этом ставится под вопрос потенциал мобилизации общества. Для России, как и для мира в целом, ключевой тенденцией сегодня является сдвиг в сторону индивидуализма, что требует существенных корректив в определении приоритетов политики национальной безопасности и защиты жизненно важных государственных интересов. В методологическом плане с учетом результатов нашего исследования и других работ, в которых приводится анализ big data, необходимо говорить о новом научном направлении – цифровом обществоведении, в рамках которого возможно глубокое критическое осмысление данных социологии, этнометрии, социальной психологии, медиаметрии, клиодинамики, культурологии, медиагеографии, характеризующих социальное поведение людей при выстраивании коллективной субъектности с учетом современной значимости культурно-философских универсалий.

Примечания

1. Следует помнить, что в данном случае исследовались только культурные особенности предпринимательской деятельности, причем целью являлась оптимизация организации труда и ведения бизнеса в странах с различными традициями культуры и трудовой морали. Сбор исходной статистики состоял в анкетировании 1000 специалистов, работающих в транснациональных компаниях в нескольких десятках стран мира.

2. Кроме того, отслеживается и синонимия, например «права граждан». Система сама предлагает пользователю сделать выбор из стратегии поиска информации: будет ли он искать «права» как поисковый запрос (строго) или как тему (максимальная выдача). При очень популярных запросах система начинает делить реквизит на дополнительные кластеры, например «Права человека» – запрос»; «Права человека – тема», «Международная федерация за права человека – международная организация» и т.д.

3. Данные по распространению в разных странах индивидуалистических ценностей взяты из работ

Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера [31, 32]. Будем считать, что процессы изменения отношения к индивидуализму происходят крайне медленно (это культурные константы), поэтому подразумеваются одинаковые исходные условия для замеров.

4. Данные в рядах «индивидуализм» и «коллективизм» представляют собой региональную популярность (в %) запросов по соответствующим фразам в систему «Яндекс» в различных федеральных округах за январь 2022 г. Данные по степени урбанизации ФО РФ 2019 представлены на сайте «Статистика России: информация Росстат, разделы, показатели» [37].

5. Данные по результатам этнометрических исследований взяты из работ Н.В. Латовой [21]; данные по числу запросов по фразе «национализм» и их региональной популярности – из системы «Яндекс» за декабрь 2021 г.; число запросов при объединении городов и федеральных округов суммировалось, а значение региональной популярности бралось как среднее.

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости прикладной этики. 2004. №24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moral-i-politika-uroki-aristotelya (дата обращения: 07.04.2022).

2. Руженцев С.Е. Этическое измерение современной политики // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 30. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskoe-izmerenie-sovremennoy-politiki (дата обращения: 07.04.2022).

3. Костюк И.Н. Политическая мораль и политическая этика // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 32–42.

4. Котц Д.М. Взлет и падение неолиберального капитализма / Под ред. издания на русском языке С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центркаталог, 2022. 261 с.

5. Лосев А. Смена модели капитализма, распад, война и революция: что ждет мировую экономику / Forbes. 13 сентября 2019 г. URL: https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/383399-smena-modeli-kapitalizma-raspad-voyna-i-revolyuciya-chto-zhdet-mirovuyu (дата обращения: 07.04.2022).

6. Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-i-krizis-sistemy-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 07.04.2022).

7. Егоров В. Кризис и качество международных отношений. 2003. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-i-kachestvo-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 07.04.2022).

8. Корнев В.В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-posle-kontsa-ideologii-v-labirintah-sovremennogo-politicheskogo-soznaniya (дата обращения: 07.04.2022).

9. Merry R.W. What Is ‘Systemic Racism,’ Really? // The American Conservative. 08.06.2020. URL: https://www.theamericanconservative.com/articles/what-is-systemic-racism-really/ (дата обращения: 07.04.2022).

10. Логинов А.В. Кризис современного государства и идеология космополитизма // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 15 (77). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovremennogo-gosudarstva-i-ideologiya-kosmopolitizma-1 (дата обращения: 07.04.2022).

11. Сеньшин Е. Полная неадекватность власти, как будто мы с ней живем в разных мирах. 20.05.2019. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/425056 (дата обращения: 10.04.2022).

12. Тихомиров Д.А. Кризис религиозности и либерализация половой морали в современной западной цивилизации // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-religioznosti-i-liberalizatsiya-polovoy-morali-v-sovremennoy-zapadnoy-tsivilizatsii (дата обращения: 07.04.2022).

13. Ерзаулова А.Г. Кризис современной культуры // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2008. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovremennoy-kultury (дата обращения: 07.04.2022).

14. Новая власть США. Медиатизация политики. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. 98 с.

15. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Потребление смыслов. Массмедиа, идеология, политика. М.: Издательство ИКАР, 2021. 364 с.

16. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Под ред. М.М. Беляева; пер. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

17. Телегин А.М. Коллективизм и индивидуализм в современной России // Символ науки. 2016. № 4-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivizm-i-individualizm-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 12.02.2022).

18. Зеленцова М.Г., Павлова Е.С. О подлинной природе человека (индивидуализм или коллективизм?) // Вестник КГУ. 2010 № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-podlinnoy-prirode-cheloveka-individualizm-ili-kollektivizm (дата обращения: 12.02.2022).

19. Пискорская С.Ю. Коллективистский тип общества и его стандарты // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 3 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivistskiy-tip-obschestva-i-ego-standarty (дата обращения: 15.02.2022).

20. Hofstede G. Cultures and Organizations. Software of the Mind. Harper Collins Publishers, 1994. 279 p.

21. Латова Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2003. № 17. С. 142–166.

22. Латов Ю.В., Латова Н.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. Социология. Этнология. 2007. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytiya-i-paradoksy-etnometricheskogo-analiza-rossiyskoy-hozyaystvennoy-kultury-po-metodike-g-hofsteda (дата обращения: 15.02.2022).

23. Якова Т.С., Янгляева М.М. Медиагеография. М.: Изд-во «ИКАР», 2019. 188 с.

24. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Массмедиа, мировая политика и безопасность государства. М.: ИКАР, 2018. 352 с.

25. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Национальная идентичность как морфоскульптура и фактор ментального общественного ландшафта в контексте национальной безопасности. Медиагеографический подход // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 141–157.

26. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность. М.: ИКАР, 2020. 339 с.

27. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Поиск новой российской идентичности: медиагеографические исследования ментального ландшафта // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Том 9. № 4. С. 642–659.

28. Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Национализм или глобализм. Новая старая дилемма мировой политики // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2. С. 51–69.

29. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М.: ВШЭ, 2021.

30. Gorodnichenko Y., Roland G. Which Dimensions of Culture Matter for Long-Run Growth? // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2011. Vol. 101 (3). P. 492–498.

31. Trompenaars F. Resolving International Conflict: Culture and Business Strategy // Business Strategy Review. 1996. Vol. 7 (3). P. 56.

32. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. Second Edition. London & Santa Rosa, Nicholas Brealey Publishing Limited, 1997.

33. Гулянская Е.А. Ценности индивидуализма и коллективизма в организационной культуре современной России: Дис. … канд. социол. наук. Ставрополь, 2009. URL: https://www.dissercat.com/content/tsennosti-individualizma-i-kollektivizma-v-organizatsionnoi-kulture-sovremennoi-rossii/read (дата обращения: 16.02.2022).

34. Скворцов И.П. О солидаристской перспективе утверждения российской социальности // Вестник КРУ МВД России. 2014. № 2 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-solidaristskoy-perspektive-utverzhdeniya-rossiyskoy-sotsialnosti (дата обращения: 16.02.2022).

35. Шубкин В.Н., Климов И.А. Социальная разобщенность как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Л.М. Дробижева (ред.). М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 245–261.

36. Жарова Е.Н. Сравнительный анализ индивидуалистических и коллективистических ценностных ориентаций как социально-психологических характеристик молодежи: на примере урбанизированной и неурбанизированной среды: Дис. … канд. психол. наук. М., 2010. 218 с. URL: https://www.dissercat.com/content/sravnitelnyi-analiz-individualisticheskikh-i-kollektivisticheskikh-tsennostnykh-orientatsii-/read (дата обращения: 16.02.2022).

37. Урбанизация в России. 2020. URL: https://rosinfostat.ru/urbanizatsiya-v-rossii/ (дата обращения 10.04.2022).

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF RUSSIANS' COMMITMENT TO MODELS OF COLLECTIVIST AND INDIVIDUALISTIC BEHAVIOR: MEDIAGEOGRAPHICAL ANALYSIS

***I.A. Nikolaychuk,*[1] *M.M. Yanglyaeva,*[2] *T.S. Jacova*[2]**

[1]Center for Special Media Metric Research, Moscow
[2]Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article contains the results of a multidisciplinary analysis of such sociocultural constants as collectivism and individualism. The authors apply a new mediageographic approach to the analysis of big data, obtained from the Google and Yandex, in order to characterize mental landscapes of different Russian regions: mediageographical approach complements traditional sociological one: the study of mental landscapes, based on Internet statistics, allows deeply comprehend the social behavior of people within the framework of constructing collective subjectivity, making an accent on significance of the constants. The mental landscape, like the physical one, has been changing over time, it is the result of the transformation of the spiritual and material world of a person, social ideology and symbols of the state. The mental landscape can be regarded as a semantic center in the creation of a hierarchy of identity (national, regional, local,) as a key point that should be taken into account when one is implementing various public projects, including political decisions. In this paper, the authors consider the meta-senses «collectivism» and «individualism» as equivalent morphosculptures on the mental landscapes, not canceling each other.

The authors conclude that in Russia, as in most countries of the world, there is a tend shift towards to individualism that in its turn requires significant adjustments in prioritizing in the implementation of internal and foreign policies' tasks, in the process of maintaining of social stability and public consensus. The author also reveal that the principles of individualism are combined with the mood of paternalism, i.e. there are expectations that the state should solve the personal problems of the individual, but should not help social groups in general. The research of the mental landscapes in terms of digitalization and findings of the study give the authors reason to believe that digital social science gives a new opportunities: receiving, analysing and interpreting data of sociology, ethnography, social psychology, cultural studies and other sciences reach a new qualitative level.

Keywords: Russia, meta-senses, «collectivism» and «individualism», mediageohraphical approach, mental landscape, digital social science.

УДК 316.342.6
DOI 10.52452/18115942_2022_3_114

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ПИТАНИЯ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ: ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ПО КРИТЕРИЯМ КОНЦЕПЦИИ GOOD GOVERNANCE (ПРАВОВОЙ И ПАРТИСИПАТОРНЫЙ ПОДХОДЫ)

© 2022 г.

Ю.Л. Софронова, М.Л. Теодорович

Софронова Юлия Львовна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
syl@list.ru
Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н.; профессор,
заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mt231@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.09.2022
Статья принята к публикации 21.07.2022

Представлен опыт оценки качества управления муниципальной системой школьного питания на базе критериев известной в мировой практике концепции good governance (принципы эффективного управления). Для решения этой задачи был использован контент-анализ публикаций нижегородской электронной прессы на тему школьного питания за последние пять лет. Материалы СМИ рассмотрены сквозь призму первых двух подходов good governance – правового и партисипаторного. Сделаны выводы о том, в какой степени предоставление услуг школьного питания муниципальным оператором отвечает нормам проконкурентного, санитарно-эпидемиологического и антикоррупционного законодательства РФ. Практики взаимодействия администрации и родительских активистов Н. Новгорода в целях контроля качества услуг питания в школах позволяют сделать вывод о наличии некоторых предпосылок участвующего управления. Однако данные практики отличаются некоторой формальностью, в связи с чем говорить о полноценной реализации принципов партисипаторности и ориентации на консенсус пока преждевременно.

Ключевые слова: школьное питание; качество государственного управления; критерии оценки качества муниципального управления; следование закону; равный подход ко всем гражданам; партисипаторность; обратная связь; ориентация на консенсус.

Муниципальная система школьного питания в зеркале материалов электронной прессы Н. Новгорода

Тема общественного школьного питания приобрела новое звучание в масштабах страны в связи с продекларированной в начале 2020 г. президентской инициативой по обеспечению школьников младших классов бесплатным горячим питанием [1]. Нижегородская область, как и другие регионы РФ, в течение 2020/21 учебного года получила определённый опыт воплощения данной инициативы, и итоги этой деятельности требуют отдельной оценки. Прежде всего, важно иметь представление о том, как в целом функционирует система школьного питания, в частности, на примере такого областного центра, как Нижний Новгород. Обеспечение учащихся школ питанием – это тема, безусловно, привлекающая внимание федеральных и региональных средств массовой информации как в силу своей актуальности (питание детей как фактор здоровья и продолжительности жизни), так и в силу своей проблемности. Публикации местных СМИ являются источником для понимания того, что происходит в данной сфере, осознания результатов и «болевых точек». Журналисты освещают прежде всего актуальные изменения (нововведения), инициированные властями, а также события, имеющие характер чрезвычайных происшествий или PR-акций. Например, в 2017 г. ключевым инфоповодом стало повышение стоимости школьного питания [2]; в 2020 г. предметом жарких обсуждений оказались сухие пайки, выданные вместо бесплатных завтраков и обедов школьникам-льготникам, находящимся на самоизоляции [3], а также подготовка к обеспечению школьников начальных классов с 01.09.2020 бесплатным горячим питанием [4]; в 2021 г. предметом внимания прессы стал визит в Н. Новгород с презентацией инновационного школьного меню известного шеф-повара К. Ивлева [5].

Практики управления муниципальной системой школьного питания сквозь призму критериев концепции good governance: общая характеристика

Муниципальная система школьного питания в Нижнем Новгороде представляет собой устойчивую социальную практику, это институциональный механизм, который является следствием определённых управленческих усилий, предпринимаемых в течение многих лет городскими властями. Всегда полезно задуматься, как можно оценить качество управления, применение каких критериев и каких подходов здесь уместно. Одним из актуальных подходов является *концепция качественного управления*, разработанная в 1997 г. экспертами ООН. Концепция представляет собой и методику оценки эффективности работы органов власти различных уровней. Good governance обозначает «степень соответствия деятельности государственных служащих ключевым современным ценностям государственного управления» [6]. Перечень ценностей (принципов) следующий. Ценности *правового подхода* – следование закону; равенство и недискриминация (равный подход ко всем гражданам). Ценности *политического подхода* – партисипаторность, или участие граждан в принятии решений, как непосредственное, так и через структуры гражданского общества; оперативность (обратная связь) – реализация административных процессов за разумные сроки; ориентация на консенсус – достижение общего согласия в интересах всех членов общества через механизмы посредничества. Ценности *менеджериального подхода* – результативность и эффективность, то есть производство результатов, удовлетворяющих общественные ожидания, а также оптимальное использование ресурсов. Универсальные *организационные* ценности – прозрачность и подотчётность [6] (эффективная организационная культура).

Представляется возможным использовать данные принципы и как критерии оценки качества деятельности муниципальных органов власти по управлению городской системой школьного питания. Инструментом оценки в этом случае служит контент-анализ материалов нижегородских электронных изданий. Анализ источников помогает понять, в какой степени в публикациях СМИ, прямо или косвенно, отражена управленческая деятельность чиновников, ответственных за систему школьного питания, и в какой степени функционирование данной системы (как результат управленческих усилий) отвечает указанным принципам good governance. Представляет интерес, какие темы, вопросы и проблемы более всего освещаются представителями массмедиа. В той или иной мере пресса остаётся демократическим институтом, с помощью которого общественность может наблюдать и оценивать происходящее, делать выводы с учётом того, что в интернет-пространстве присутствуют СМИ, которые можно охарактеризовать и как ангажированные, и как оппозиционные (например, «Правда ПФО»). Принимая во внимание принципы качественного управления, стоит рассмотреть, в какой степени в публицистических материалах, посвящённых муниципальной системе школьного питания, раскрываются вопросы правового, политического, менеджериального, организационно-культурного характера, каков их вес в общем массиве публикаций, каково их соотношение. Концепция качественного управления является прежде всего универсальной схемой, сквозь призму которой можно и нужно смотреть на сложившиеся управленческие практики. Однако стоит предположить, что в материалах прессы одним вопросам уделяется больше внимания, а другим – меньше в силу социальной, культурной, политической специфики российского общества в целом и региональной среды в частности.

Контент-анализ источников электронных СМИ как инструмент исследования проблемы

Для решения сформулированных задач в рамках контент-анализа материалов нижегородской прессы, отобранных по запросу «школьное питание Нижний Новгород» с помощью новостных агрегаторов Google и Yandex за период 2017–2021 гг. (n=127), изначально из текстового массива базового словаря (в системе «Лекта») были отобраны понятия (и созданы семантические цепочки-фильтры), относящиеся к правовой, политической, менеджериальной и организационно-культурной проблематике. Например, ценности *правового подхода* (следование закону; равенство и недискриминация) были операционализированы с помощью таких категорий и словосочетаний (маркеров), как закон, стандарт, норма, закупка, конкурс (тендер), выбор организатора, конкуренция, сговор, картель, надзор, нарушение, правоохранительные органы, УФАС, прокуратура, следствие, суд, УК РФ, уголовное дело, коррупция. В целях операционализации ценностей *политического подхода* были использованы такие понятия, как участие, решение (принятие решений), круглый стол; мониторинг, контроль, проверка, обращение, жалоба, претензия, обратная связь, петиция, опрос мнения; договор, согласование. В рамках данной

статьи речь пойдёт об оценке качества управления с точки зрения именно первых двух подходов концепции good governance – правового и политического (партисипаторного).

По итогам контент-анализа материалов нижегородской электронной прессы был сделан вывод, что журналистское сообщество в большей степени уделяет внимание правовым вопросам функционирования городской системы (рынка) школьного питания в сравнении с политическими (партисипаторными), коэффициент факторной нагрузки по данному критерию (фильтру) – от 0.5 до 0.7. Более сложным представляется выделить в публикациях прессы смыслы, отражающие соблюдение муниципальными органами власти принципов партисипаторности, обратной связи, ориентации на консенсус; прозрачности и подотчётности. Однако в той или иной степени они также присутствуют в информационном пространстве и заслуживают особого внимания.

Оценка практик управления муниципальной системой школьного питания с точки зрения правового подхода (принципы следования закону; равенства и недискриминации)

Поскольку городская система школьного питания представляет собой институциональный механизм, в первую очередь важно охарактеризовать те *формальные правила*, которые определяют его функционирование. Ценность следования закону подразумевает понимание того, о каких именно законах идёт речь. Согласно схеме Д. Норта, институциональная среда регулируется правилами надконституционными, конституционными и экономическими (к последним относятся в том числе «национальные законы и другие формальные регуляции, упорядочивающие экономические отношения различных организаций и государства, организаций друг с другом и гражданами») [7]. Рассматривая вопросы работы системы (рынка) школьного питания, журналисты в 2017–2020 гг. чаще всего говорили о нормах законов, относящихся к ведению Федеральной антимонопольной службы, СК РФ, Роспотребнадзора. В данном случае информационное пространство правового подхода можно разбить *на три смысловых блока* – «соблюдение конкурентных норм», «следование нормам антикоррупционного законодательства», «соблюдение санитарно-эпидемиологических норм».

1. *Соблюдение конкурентных норм.* В современной России построение, регулирование и совершенствование системы школьного питания является ответственностью муниципальных органов власти, то есть, как отмечают эксперты, «несмотря на постоянное совершенствование законодательной базы, единого стандарта организации детского питания пока не существует. В каждом регионе вопрос решается в меру возможностей» [8]. В Нижегородском регионе действующим является Положение об организации питания детей в муниципальных общеобразовательных организациях г. Н. Новгорода № 140, принятое постановлением Городской думы от 19.12.2007 [9]. Именно данное Положение стало предметом острой публичной дискуссии, начавшейся, как это заметно из материалов прессы, в 2018 г. между мэрией и предприятием «Единый центр муниципального заказа» (ЕЦМЗ) с одной стороны и рядом депутатов Городской думы, чиновниками регионального УФАС – ЕЦМЗ – с другой. Подведомственный мэрии ЕЦМЗ, предприятие, созданное 5.02.2003 [10], все эти годы централизованно занималось обеспечением продуктами питания социальной сферы, в связи с чем приобрело неофициальный статус монополиста на рынке школьного питания. Основной предмет критики, прозвучавшей в 2018 г. в адрес мэрии, – отсутствие в упомянутом Положении «обязательного конкурсного определения исполнителей услуг и порядка его проведения. …Хотя, согласно пункту 2.7 Положения, организация питания в учреждениях открытой сети должна осуществляться предприятием, *победившим в конкурсе* в порядке, установленном настоящим Положением. До настоящего момента порядок проведения конкурса администрацией Нижнего Новгорода не утверждён, что ограничивает справедливую конкурентную борьбу между организациями, которые оказывают услуги по организации школьного питания» [11]. Бесконкурсная система функционировала в городе на протяжении десяти лет, и в марте 2018 г. УФАС на основании заявления гражданских активистов направило мэрии предупреждение о нарушении ФЗ «О защите конкуренции» (ст. 15), а прокуратура внесла главе города В. Панову соответствующее представление. В Положение были внесены изменения, летом 2018 г. началась подготовка к проведению публичных конкурсных процедур, в октябре конкурс был объявлен. Однако некоторые депутаты Городской думы раскритиковали положение о конкурсе в связи с тем, что его условия были выстроены под конкретную организацию – ЕЦМЗ, предприятие, которое все предыдущие годы обслуживало 110 школ районов Н. Новгорода, относящихся к так называемой открытой сети. При этом за 43 учебных заведения отвечал ТД «Народный», а 18 школ и ряд

детских садов решали вопросы организации питания самостоятельно (закрытая сеть). ЕЦМЗ действительно стал победителем конкурса и продолжил деятельность по предоставлению услуг питания в большинстве нижегородских школ (сроком на пять лет) под руководством нового директора В. Жмакина. Осенью 2018 г. региональное УФАС выявило возможный сговор ЕЦМЗ с рядом поставщиков (17 компаний) – антимонопольный регулятор провёл анализ практики проведения закупочных процедур с марта 2015 г., «эксперты пришли к выводу, что при заключении контрактов организатор питания применял схему искусственного дробления и раздельного оформления договоров поставки» [12]. В этот же период было возбуждено уголовное дело по ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» [13]. В 2019 г. ЕЦМЗ обратился в арбитражный суд с целью оспорить выводы ФАС России, однако уже в начале 2021 года суд поддержал решение антимонопольщиков о фактах картельного сговора ЕЦМЗ с поставщиками (ч. 4 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции») [13]. В 2020 г. региональное УФАС отменило итоги конкурсов (единственным победителем которых выступил ЕЦМЗ) по организации горячего питания в нижегородских школах, предписав организовать новые конкурсные процедуры [14].

Безусловный интерес представляет позиция мэрии Н. Новгорода относительно способов закупочной деятельности и проведения конкурсов в рамках управления муниципальной системой школьного питания. Основанием претензий УФАС к ЕЦМЗ явилось нарушение ФЗ № 44 – если «в финансировании присутствует хоть одна бюджетная копейка», закупка для муниципальных нужд должна проводиться только по данному закону, где «основным критерием при выборе поставщика является низкая цена» [15]. Однако в августе 2020 г. мэрия стала субсидировать школьников-льготников по новой утверждённой схеме, направляя средства не предприятию-организатору, а напрямую на счета родителей (деньги при этом теряют статус бюджетных). Кроме того, Решением Городской думы Н. Новгорода от 22.08.2019 № 137 [9] из Положения об организации питания детей в муниципальных общеобразовательных организациях был исключён тот самый пункт 2.7, содержащий ссылку на необходимость организации конкурсной процедуры. Теперь муниципалитет получил возможность самостоятельно устанавливать правила закупок, в мэрии тоже отмечают, что в стране «нет федеральных законов, обязывающих руководителей образовательных учреждений проводить конкурс на определение поставщиков еды» [16].

Помимо прочего, администрация публично отстаивает точку зрения, согласно которой организация питания школьников – вопрос слишком серьёзный, чтобы этот процесс был отдан в руки разнообразных частных предпринимателей, которые заинтересованы, по мнению мэрии, главным образом в собственной выгоде. Организатор питания должен быть один, это позволит властям осуществлять «качественный контроль и …облегчит работу властей по приведению в порядок школьных пищеблоков» [17]. В статье, где отстаивается данная позиция, помимо прочего, приводится мнение депутата ГД РФ А. Курдюмова, который отмечает, что «коммерсант практически не несёт ответственности за свою работу, так как отвечает только долей своего вложения в фирму. Мэр же отвечает своей репутацией перед гражданами, соседями, коллегами. Кроме того, по существующему законодательству в тендере будет выигрывать та частная организация, которая сможет предоставить услуги дешевле. Получается, что качество в этом случае не первостепенно» [17].

Подобная точка зрения вызывает ряд вопросов к администрации, в частности, если уже более десяти лет в Нижнем Новгороде действует один подконтрольный мэрии организатор питания, имеющий определённую доходность, почему же «работа по приведению в порядок школьных пищеблоков» и реформированию системы в целом за эти годы не была реализована должным образом? По оценкам других экспертов, для обновления оборудования в школах туда «необходимо привлечь бизнес, причём на выгодных для него условиях» [8]. Таким образом, вопрос о том, должна ли быть система школьного питания конкурентной, остаётся открытым, хотя бы для обсуждения на уровне общественных дискуссий.

2. *Следование нормам антикоррупционного законодательства.* Общий информационный массив публикаций нижегородской прессы за 2017–2020 гг., посвящённых системе школьного питания, характеризуется в том числе и такими словосочетаниями-маркерами, как «уголовное дело», «УК РФ», «получение взяток». Данная тема в рассматриваемый период освещалась журналистами пристально и активно, особенно это касается изданий оппозиционного блока, таких как «Koza.press» Ирины Славиной [18]. Речь идёт преимущественно о положениях уголовного законодательства, касающихся превышения должностных полномочий, получения и дачи взятки (ст. 286, 290, 291 УК РФ). Фигурантами данных разбирательств оказались двое руководителей ЕЦМЗ разных лет – М. Якимчев (2013–2017) [19], В. Немцев (2017–2018) [20], а

среди всех персон лидером по количеству упоминаний в прессе по рассматриваемому поводу является Е. Солонченко – глава Н. Новгорода с июня по декабрь 2017 г., ныне проживающая в Великобритании [21].

3. *Соблюдение санитарно-эпидемиологических норм.* Положение об организации питания детей в муниципальных общеобразовательных организациях г. Н. Новгорода содержит ссылки на ряд федеральных нормативно-правовых актов, где представлены санитарно-эпидемиологические требования к организации питания детей в школах. Это, например, ФЗ № 52 от 30.03.1999 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [22]. История функционирования муниципальной системы школьного питания в Н. Новгороде (2017–2020), зафиксированная прессой, включает несколько резонансных случаев, связанных с массовым отравлением детей вследствие антисанитарии. Так, «штрафы на сумму более 1.8 миллиона рублей наложены за 2018 г. управлением Роспотребнадзора по Нижегородской области за нарушения санитарного законодательства при организации питания в образовательных организациях. К административной ответственности привлечено около 350 должностных и юридических лиц» [23]. В октябре 2019 г. широкую огласку получил случай отравления детей в школе № 47 Советского района Н. Новгорода (пострадали 36 детей), по итогам разбирательства по ч. 1 ст. 236 УК РФ была осуждена завпроизводством, сотрудница ЕЦМЗ [24]. Ещё одно «ЧП случилось в школе № 139 Московского района, в общепите которой Роспотребнадзор обнаружил кишечную палочку и выписал по этому факту штраф в 150 тысяч рублей» [25]. 13.11.2020 – отравление учащихся в школе № 20 г. Дзержинска, где было подтверждено шесть случаев острого гастроэнтерита [26].

Наряду с принципом следования закону, правовой подход к оценке качества управления учитывает и соблюдение принципов равенства и недискриминации. Применительно к муниципальной системе школьного питания ценность равенства можно рассматривать как раз с точки зрения возможностей входа на рынок, участия в конкурсах других представителей малого и среднего бизнеса (помимо организаций-монополистов). Речь идёт и об участии в процессе принятия решений, касающихся вопросов школьного питания, других экономических субъектов (помимо мэрии города), в частности директоров школ, родителей и родительских комитетов. В идеале подобное участие должно поддерживаться законодательно. В этом контексте правовой подход пересекается с политическим подходом.

Оценка практик управления муниципальной системой школьного питания с точки зрения политического подхода (партисипаторность; обратная связь; ориентация на консенсус)

Очевидно, что ключевыми управленческими акторами централизованной системы школьного питания в Н. Новгороде являются администрация города и предприятие «ЕЦМЗ». Какова же в этой системе роль других социально-экономических субъектов, прежде всего родителей, оплачивающих завтраки и обеды, администраций школ, ответственных за здоровье и благополучие учащихся в период их пребывания в учебных заведениях? Согласно современной концепции, управление может быть качественным, если органы власти ориентированы на совместное с другими игроками принятие решений через достижение согласия по актуальным или неоднозначным поводам, а также динамичную обратную связь, реализуемую с помощью каналов коммуникации. Посредниками здесь можно считать депутатов, представляющих интересы своих избирателей, и общественные организации, объединяющие гражданских активистов.

1. *Участие представителей политических партий и общественных организаций.* Лидером по количеству упоминаний среди персон, представляющих политические партии, в публикациях нижегородской электронной прессы на тему школьного питания является депутат Гордумы от КПРФ (на данный момент вышел из партии) и предприниматель Евгений Лазарев. Тоже наиболее часто в массмедиа появляются имена депутатов от фракции «Справедливая Россия» И. Богданова (директор школы № 91 г. Н. Новгорода) и Е. Сабашникова. Стоит заметить, что именно эти депутаты образуют блок, оппозиционный мэрии города по теме питания школьников. Так, ещё в 2017 г. Е. Лазарев заявил, что решение о повышении стоимости школьных обедов и завтраков было принято администрацией без согласования с Гордумой [27], и в целом, как отмечалось в прессе, «повышение стоимости школьного питания в Нижнем Новгороде в ноябре вызвало, конечно, неоднозначную реакцию среди как родителей, так и учителей, но упрекали власти больше всего за «неожиданность» этого решения, за то, что не предупредили заранее» [28], несмотря на различные доводы и обстоятельства.

Депутаты Е. Лазарев, И. Богданов и Е. Сабашников являются ключевыми персонажами в Городской думе, в 2017–2021 гг. представляющими точку зрения о необходимости де-

монополизации нижегородского рынка школьного питания. Свою позицию они отстаивали и с помощью неоднократных обращений в региональное УФАС. Е. Лазарев: «Надо, чтобы малый бизнес также участвовал в конкурсах. …Никакой реформы мы не получили. Мы получили отрицательный результат» [29]. И. Богданов: «Ни одно решение депутата не проходит, а всё, что предлагают чиновники, проходит» [29]; «Директоров школ о подорожании питания заранее не предупреждали – поставили перед фактом. …Родители уже начали оплачивать за ноябрь по старым ценам. Нам придётся выдавать дополнительные квитанции, делать перерасчёт…» [30].

Наиболее часто в материалах СМИ, посвящённых школьному питанию, упоминаются названия двух политических партий – «Единая Россия», «Справедливая Россия». «СР» присутствует в информационном пространстве в связи с активностью названных выше депутатов. Региональное отделение партии власти реализует в рамках рассматриваемой темы ряд направлений. Это проект «Народный контроль» (2020), цель которого – мониторинг, проверка организации горячего питания в школах; акция «Здоровый образ жизни – основа национальных целей развития» (включает «Уроки здоровья» в нижегородских школах, стартовый урок состоялся в школе № 55), «конкурс «Лидер» среди учащихся школ, которые готовят авторские уроки, проекты и различные мероприятия по теме ЗОЖ» [31]. В начале ковид-пандемии губернатор Нижегородской области и секретарь НРО «Единой России» Г. Никитин заявил о том, что «в сложившейся ситуации мы одними из первых в стране приступили к выдаче продуктовых наборов школьникам льготных категорий» [32].

Движение «Общероссийский народный фронт» упоминается в публикациях нижегородской электронной прессы за 2018 г. в связи с деятельностью активиста проекта ОНФ «За честные закупки» А. Кулакова, который занимался анализом конкурсов на поставку продуктов питания в школы и детские сады Н. Новгорода, обнаружил там признаки ограничения конкуренции, вследствие чего составил ряд обращений в региональное УФАС. Эти обращения в определённой степени стали поводом для начала дискуссии о монопольном положении ЕЦМЗ.

Весной 2021 г. ярким событием стал визит в Н. Новгород амбассадора Российского движения школьников Константина Ивлева (движение создано в 2015 г. в соответствии с указом Президента РФ). В ноябре 2020 г. РДШ и знаменитый шеф-повар инициировали проект «Шеф в школе: перезагрузка школьного питания», «призванный полностью изменить подход к питанию в учебных заведениях» [33]. В марте 2021 г. К. Ивлев и представители РДШ «посетили нижегородскую школу № 118, где попробовали школьную еду, а также представили альтернативный вариант меню» [34]. Известно, что участники данного проекта направили письмо главе Роспотребнадзора А. Поповой «с предложениями по улучшению питания в школьных столовых» [35], а меню, разработанное РДШ с участием К. Ивлева, было передано министру образования Нижегородской области О. Петровой для внедрения в школах Н. Новгорода [36].

2. *Роль школьной администрации (директоров средних учебных заведений).* В публикациях нижегородских электронных изданий словосочетание «директор школы» является одним из центральных, школы и руководство школ, конечно же, являются субъектами экономической и управленческой деятельности, при этом возникает вопрос, каковы их полномочия и ответственность. На основе контент-анализа можно сформулировать ключевой вопрос, обсуждаемый в прессе: какие функции директоров (администрации) школ можно считать оптимальными в рамках управления системой школьного питания? Прежде всего, специфика данных функций зависит от того, к какому из двух системных типов относится школа – открытому или закрытому. «ЕЦМЗ выиграл конкурс по выбору единого организатора питания в 143 нижегородских школах в ноябре 2018 г. Всего в городе 167 школ, остальные 24 школы – это учебные учреждения так называемого «закрытого типа», где в штате есть повара, а директор сам заключает договоры» [37]. Журналисты в основном освещают факты, связанные с деятельностью школ открытого типа. Как именно организовано питание детей в школах закрытого типа – это вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Некоторое представление об этом можно получить из материала под названием «Ступени успеха. Репортаж из одной частной школы в Нижнем Новгороде» [38]. В интервью изданию NN.ru директор частной школы, расположенной в Приокском районе Н. Новгорода, Н. Сутырина отмечает, что дети находятся в учебном заведении весь день, заняты с 8 до 18 часов, поэтому «для детей организовано трёхразовое питание: плотный и вкусный завтрак, обед и полдник готовят на собственной кухне. Меню сбалансированное: в нём и сытные щи, и сладкие сырники. Такое разнообразие детям очень нравится». Домой ребёнок возвращается «довольным, сытым и с выпол-

ненными уроками» [38]. То есть, судя по данной информации, одной из «составляющих успеха» является, как минимум, наличие в школе собственной кухни и собственных поваров. В то же время «в школах, проектируемых в российское время, в большинстве случаев есть доготовочные, где готовят из полуфабрикатов высокой степени готовности, – рассказывает директор Института ресторанных технологий Карина Айситулина» [39]. В 2018 г. администрация города, как отмечали журналисты, под влиянием надзорных органов планировала провести некоторую реформу открытой системы школьного питания: «возвращение поваров и единого меню в школы и самостоятельный отбор поставщиков продуктов» [40] с помощью родительских комитетов. То есть в рассматриваемый период мэрия планировала расширить полномочия школьных администраций и активизировать родителей с целью контроля качества питания (для чего по инициативе главы города В. Панова был создан «Совет отцов»). «За» выступали и оппозиционные депутаты Городской думы. Возможно, это был некоторый шаг на пути создания модели соучаствующего управления. «Это очень большая ответственность, – но если кто-то из директоров 143 школ «открытой сети» захочет перейти на собственное обеспечение, то мы препятствовать не будем, напротив, сами предлагаем это сделать. Именно по «открытой сети» и будут проводиться конкурсы» [41]. Примечательно, что в 2018 г. директор школы № 91, депутат Городской думы («Справедливая Россия») Игорь Богданов придерживался точки зрения, согласно которой «питание школьников должны организовывать городские власти, так же как и закупки учебников, текущий и капитальный ремонты школ. …Учебные заведения должны учить детей, это их основная функция. Не следует перегружать школы решением административных вопросов, нагрузка на коллективы и так большая» [40]. По всей видимости, по тем или иным причинам данные реформаторские усилия не были реализованы в полной мере.

Уже в 2020 г. в нижегородской прессе было опубликовано открытое письмо Игоря Богданова в адрес и.о. мэра Н. Новгорода Ю. Шалабаева [42]. Автор письма, по-видимому, пересмотрев свою изначальную точку зрения, отмечает, что по ФЗ «Об образовании» ответственность за организацию питания возлагается на директоров школ. «К сожалению, в Нижнем Новгороде по линии администрации города в последний год проводилась целенаправленная работа по установлению монополии в школьном питании, и директора школ не имели возможности свободного выбора» [42]. «Получается, что ответственность по закону у нас есть, а права принимать решения нет, – рассказал он о положении директоров школ. – Поэтому предлагаю положиться на здравый смысл и практический опыт, которыми директора несомненно обладают, и предоставить им право выбора схем организации питания в своих школах» [42].

Одно из предложений И. Богданова – «отменить постановления, предписывающие директорам школ заключать договора исключительно с МП ЕЦМЗ», и «ввести процесс в нормальное законное русло» [42]. В 2020 г. с открытым письмом к Ю. Шалабаеву обратились и представители ТД «Народный»: в этот период целый ряд школ перешли от этой компании в ведение ЕЦМЗ как победителя конкурса на организацию питания (141 из 167) [43]. Руководитель ТД «Народный» Г. Калачёва в этом обращении заявила, что директора школ просили администрацию не отказываться от работы с данной компанией, но к их мнению не прислушались, и по указанию мэрии действующие договоры были расторгнуты в одностороннем порядке [43].

3. *Участие родителей и родительских комитетов.* До сентября 2020 г. питание детей в школах оплачивали полностью родители детей (с учётом специфики льготного питания). В настоящий момент учащиеся начальной школы питаются бесплатно. Так или иначе, именно нижегородские семьи, тратя средства из своего бюджета, более всего заинтересованы в том, чтобы завтраки и обеды были качественными и оправданными по стоимости. Как следует из концепции good governance, современный управленческий процесс основан на практиках участвующего управления. В какой степени нижегородские родители вовлечены в процессы принятия решений, процессы организации, контроля, оценки эффективности тех или иных административных усилий? Контент-анализ материалов нижегородской интернет-прессы позволяет получить некоторое представление о роли родителей в процессе функционирования муниципальной системы школьного питания. Прежде всего, родители, будучи потребителями услуг, высказывают свою неудовлетворённость их качеством. Это стало уже своего рода журналистским клише: «жалобы на качество школьных обедов и завтраков поступают регулярно». «С начала 2020 г. Центр управления регионом выявил в соцсетях около 150 жалоб по теме школьного питания, – сообщил руководитель ЦУР Нижегородской области Алексей Ушаков» [44]. «По данным федерального Министерства просвещения (май 2021 г.), за 9 предыдущих месяцев поступило около 2 тысяч обращений от родителей по вопросам орга-

низации питания в образовательных учреждениях. Почти 7 тыс. обращений получили активисты ОНФ, из них 2.5 тыс. – это жалобы на качество детского питания. В том числе 49% жалоб касалось того, что предоставляемое в школах горячее питание на самом деле холодное» [8]. Для формулирования своих претензий и вопросов родители используют различные каналы: кто-то публикует посты в соцсетях, кто-то обращается напрямую в ЕЦМЗ и к местным депутатам. В 2019 г. группа нижегородцев составила петицию в адрес Госдумы РФ и главы РФ с требованием «ужесточить ответственность чиновников за массовое отравление детей» [45]. Петиция набрала около 4 тысяч подписей, но в целом не привлекла внимания широкой общественности.

Претензии родителей к качеству питания стали уже обыденной практикой, в то же время пресса достаточно часто пишет о практиках родительского контроля, организации совместных с органами власти рейдов с целью проведения проверок школьных столовых. По инициативе В. Панова в 2017 г. была создана структура под названием «Совет отцов Нижнего Новгорода» во главе с А. Зарембой, дан старт проекту «Родительский контроль». Некоторое время спустя лидер совета отмечал, что «уже в каждой школе нашего города, а их 166, создан родительский контроль. Туда вошли представители родительских комитетов, диетологи, врачи». Предложения родителей собираются в специальном чате в мессенджере и передаются напрямую первому заместителю мэра Наталии Казачковой [46]. В длительной дискуссии о том, какой по содержанию должна быть система школьного питания – административно-ресурсной или конкурсно-рыночной, А. Заремба выступил на стороне мэрии, как отмечала пресса, он «видит в организации питания с помощью единого поставщика очевидные плюсы» [17]. В 2021 г. участники проекта «Родительский контроль» подвели некоторые итоги своей деятельности (за 4 года было организовано 10 тыс. проверок) [47]. Кроме проверок, как отмечают журналисты, активисты «Совета отцов» и «Родительского контроля» обсуждали с мэрией предложения по совершенствованию системы школьного питания, например выработали 14-дневное неповторяющееся цикличное меню, которое практикуется в нижегородских школах [48]. В 2020 г. партия «Единая Россия» реализовала совместный с родителями проект под названием «Народный контроль» [31], а с 1 сентября 2020 г. ученики начальных классов во всех российских школах начали получать горячее питание. «В составлении меню могут участвовать и родители учеников» [49]. В 2021 г. Роспотребнадзор разработал и представил адресованные родителям методические рекомендации: Порядок организации родительского (общественного контроля) за организацией питания детей и Рекомендации по организации горячего питания обучающихся в общеобразовательных организациях, которые конкретизируют требования к организации питания, регламентированные действующими санитарными нормами и правилами [50].

Заключение

В течение 2017–2021 гг. журналисты Н. Новгорода неоднократно освещали факты, связанные с разбирательствами по поводу нарушений норм проконкурентного, санитарного и антикоррупционного законодательства в системе городского школьного питания, регулируемой ЕЦМЗ и мэрией. *Вряд ли можно утверждать, что правовые принципы следования закону, равенства и недискриминации реализуются нижегородскими муниципальными управленцами в полной мере, то есть качество управления по этому критерию не является удовлетворительным.* Причины такой ситуации – это отдельная и сложная тема. Специфика функционирования локальной системы является прежде всего отражением общих объективных условий, сложившихся в стране [51]. Исследователи в сфере гуманитарных наук давно описали все риски, характерные для работы системы, где власть сосредоточена в едином центре, а решения спускаются «сверху вниз», поэтому люди считают себя исполнителями, винтиками системы, ответственность за нарушение правил размывается, обезличивается, превращается в той или иной мере в поиск и назначение «стрелочников». Правовой подход здесь напрямую связан с темой организационной культуры. Факторы добросовестности в следовании правилам – это ответственность лидеров; степень, в какой сотрудники организации понимают и разделяют её ценности (миссию), и мера соответствия коллективного поведения данным декларируемым ценностям (баланс между нормами формальными и неформальными). Значимыми критериями эффективности организационной культуры являются и упомянутые критерии good governance – прозрачность работы системы и её подотчётность (по отношению к потребителям продукции и обществу в целом). Очевидно, построение эффективной организационной культуры муниципального предприятия, обладающего определённой спецификой, – это кропотливая и длительная работа, которая, скорее всего, невозможна в сложившихся усло-

виях неконтролируемого доступа к финансовым потокам и постоянной смены руководства. Практика показывает, что почти каждый руководитель нижегородского ЕЦМЗ оказывался в центре тех или иных неоднозначных с этической точки зрения ситуаций и скандальных разбирательств. В июне 2021 г. ЕЦМЗ, по информации нижегородской прессы, был переименован в МБУ «Дирекция по организации питания», постановление о переименовании подписал и.о. главы Нижнего Новгорода Д. Сивохин [52]. В августе с должности главы предприятия за нарушения был уволен очередной директор [53]. Смену названия и назначение очередного руководителя следует рассматривать, по-видимому, как попытку начать всё «с чистого листа».

Отдельного изучения требует спектр причин нарушения санитарно-эпидемиологических норм, то есть массовых отравлений, которые раз за разом происходят в школах. Возможно, проблема не только в тех, кто работает в пищеблоках, а действительно в ветхом и неудовлетворительном, с точки зрения современных стандартов, состоянии самих пищеблоков и столовых, нуждающихся в модернизации, вложении средств. Поводом для обсуждений может стать отказ от практики кормления детей полуфабрикатами на базе так называемых «доготовочных», разогрева уже остывшей продукции. Для решения этих вопросов требуется чья-то управленческая воля и желание реформировать застрявшую в прошлом систему.

На основе рассмотренных материалов электронной прессы Н. Новгорода можно сделать ещё один вывод. Если муниципальные практики управления системой школьного питания не являются оптимальными, их корректировка сегодня невозможна из-за отсутствия или дефицита соответствующих федеральных законов. А если ответственность за организацию школьного питания, в соответствии с ФЗ «Об образовании», возлагается на директоров школ, получается, что муниципальная система услуг школьного питания работает вразрез с нормами федерального законодательства. Всё это свидетельствует о явных проблемах институциализации отношений в рассматриваемой сфере, и эти проблемы требуют решения.

Ключевой вопрос, который необходимо вынести на обсуждение общественности, был сформулирован самими представителями администрации Н. Новгорода: стоит ли допускать частников к питанию нижегородских школьников? По мнению мэрии, не стоит, так как предприниматели преследуют в первую очередь эгоистические интересы, из-за чего страдают потребители. Но точка зрения городских чиновников здесь не является единственной и абсолютной, и потребители точно так же не удовлетворены и в условиях действующей с 2003 года административно-централизованной системы. Могут ли механизмы добросовестной конкуренции что-либо изменить в данной сфере? Какая именно модель может быть оптимальной, сбалансированной, с точки зрения интересов различных участников хозяйственных отношений? Если государство выступает за построение социально ориентированной рыночной экономики, значит, задача муниципалитета – учитывать приоритеты государства.

Вопрос о степени реализации муниципалитетом ценностей партисипаторного подхода (обратная связь, ориентация на консенсус) является не менее сложным. С формальной точки зрения, как это отражено в электронной прессе, в Нижнем Новгороде сформированы некоторые предпосылки, имеются некоторые практики участвующего управления, работают каналы коммуникации между субъектами отношений по вопросам школьного питания. С другой стороны, в условиях вертикальной, субъект-объектной модели власти большинство инициатив и проектов исходит «сверху», предлагается в качестве готовых решений. В то же время есть и другая сторона реальности – когда запросы со стороны общественности (особенно если общественность не в состоянии консолидироваться) остаются без внимания и ответа. То есть каналы коммуникации работают односторонне и поэтому малоэффективно.

Примечательно, что широко освещаемое прессой взаимодействие органов власти с родителями в системе управления городским школьным питанием сосредоточено главным образом на реализации функции контроля, организации совместных и «внезапных» проверок предоставления услуг в средних учебных заведениях. Складывается впечатление о некотором смещении управленческого процесса именно в сторону контроля (и даже самоконтроля), в то время как большинство организационных вопросов остаются нерешёнными. Непрекращающиеся жалобы со стороны родителей на качество школьного питания и багаж разбирательств в организационной биографии ЕЦМЗ свидетельствуют скорее о том, что системный кризис вряд ли можно разрешить многочисленными проверочными рейдами, даже если родители искренне настроены на помощь властям.

По материалам прессы, в определённый момент администрация города была настроена на трансформацию локальной системы школьного питания и даже прозвучало понятие «реформа».

Следует задаться вопросом: почему данные планы не были реализованы в полной мере, что именно этому воспрепятствовало? Может ли так называемая закрытая система образовательных учреждений, в рамках которой школы не зависят от единого оператора, сами выбирают поставщиков, самостоятельно готовят завтраки и обеды, служить образцом для всех остальных? Получается, что в данной независимости, частности – и есть залог добросовестности при предоставлении услуг, баланса цены и качества?

Необходимо получить и объективную картину относительно мнения директоров (администрации) школ и, конечно же, родителей. Ключевой вопрос – хотим ли мы вообще участвующего управления, и если хотим, то в какой степени? Всё это – предмет отдельных исследований, в том числе социологических.

Школьное питание – тема злободневная, публичные лица очень много и часто говорят о здоровье подрастающего поколения и необходимости решения проблем, от которых зависят показатели уровня, качества жизни и её продолжительности. Журналисты постоянно пишут о различных инициативах, намерениях, декларациях, добрых начинаниях. Что в конечном итоге происходит с данными намерениями и декларациями, с учётом того, что люди, которые произносили те или иные слова, часто лишаются своих должностей и на смену им приходят другие? Здесь, например, предметом внимания могут стать заявления о необходимости изменений, которые были сделаны в процессе визита в Н. Новгород шеф-повара К. Ивлева. Появление публичной персоны (скорее из сферы культуры, нежели политики) вселяет надежду на то, что инновационное школьное меню (например, «крем-суп из овощей с гренками из судака под соусом из красных овощей» [36]) некоторым образом всё же будет представлено в обыденной жизни нижегородских учащихся. Городу, видимо, предстоит в этой связи решить ряд вопросов, ведь модернизация меню и реформирование системы – дело затратное.

Следующий этап исследования на базе контент-анализа материалов электронной нижегородской прессы (2017–2021) – рассмотрение качества муниципального управления предоставлением услуг школьного питания с точки зрения критериев менеджериального подхода (оценка результативности и эффективности) и критериев организационного подхода (оценка прозрачности и подотчётности).

Список литературы

1. Президент России предложил обеспечить всех младших школьников бесплатным горячим питанием // Официальный сайт Министерства просвещения РФ (15.01.2020). URL: https://edu.gov.ru/press/2081/prezident-rossii-predlozhil-obespechit-vseh-mladshih-shkolnikov-besplatnym-goryachim-pitaniem/ (дата обращения: 19.09.2021).

2. Колотушкина О. Школьное питание подорожало в Нижнем Новгороде // НТА – Приволжье. 8.11.2017. URL: https://www.nta-nn.ru/news/society/2017/news_575810/ (дата обращения: 19.09.2021).

3. Нестерова О. «Да вы зажрались!»: Сухие пайки, выданные школьникам-льготникам, перессорили нижегородцев // NN.ru 10.04.2020. URL: https://www.nn.ru/text/food/2020/04/10/69084922/ (дата обращения: 19.09.2021).

4. Более 146 тыс. младшеклассников в Нижегородской области обеспечат бесплатным горячим питанием с 1 сентября // НТА – Приволжье. 27.08.2020. URL: https://www.nta-nn.ru/news/society/2020/news _623033/ (дата обращения: 19.09.2021).

5. Константин Ивлев проверил питание в нижегородской школе // МК Нижний Новгород. 30.03.2021. URL: https://nn.mk.ru/social/2021/03/30/konstantin-ivlev-proveril-pitanie-v-nizhegorodskoy-shkole.html (дата обращения: 19.09.2021).

6. Понкин И.В. О понятии и концепте «хорошего управления» («good governance») // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 39–42.

7. Институциональная среда и институциональные соглашения. Институты // Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / Под общ. ред. А.А. Аузана. М.: Проспект, 2017. С. 45–46.

8. Розикова Д. Эксперты о решении проблем со школьным питанием: надо привести в школы заинтересованный бизнес. 20.05.2021. URL: https://7ooo.ru/2021/05/20/eksperty-o-reshenii-problem-so-shkolnym-pitaniem-nado-privesti-v-shkoly-zainteresovannyy-biznes-28636.html (дата обращения: 19.09.2021).

9. Об утверждении Положения об организации питания детей в муниципальных общеобразовательных организациях города Нижнего Новгорода. Постановление Городской думы Н. Новгорода от 19.12.2007. № 140. URL: https://docs.cntd.ru/document/944933064 (дата обращения: 19.09.2021).

10. МП «Единый центр муниципального заказа» // «За честный бизнес. Самый популярный портал о компаниях РФ». URL: https://zachestnyibiznes.ru/company/ul/1035205388129_5260114601_MP-EDINYY-CENTR-MUNICIPALYNOGO-ZAKAZA (дата обращения: 19.09.2021).

11. Колоскова Е. ФАС потребовала утвердить порядок организации питания в школах Нижнего Новгорода // МК Нижний Новгород. 23.05.2018. URL: https://nn.mk.ru/social/2018/05/23/fas-potrebovala-utverdit-poryadok-organizacii-pitaniya-v-shkolakh-nizhnego-novgoroda.html (дата обращения: 19.09.2021).

12. УФАС выявило возможный сговор организатора питания в школах и детсадах Н. Новгорода с поставщиками // НТА – Приволжье. 13.10.2018. URL: https://www.nta-nn.ru/news/economy/2018/news_592000/ (дата обращения: 19.09.2021).

13. Рыскаль Р. Картель кормился на школьном питании // Коммерсант Приволжье. 14.04.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4771948 (дата обращения: 19.09.2021).

14. Сергеев И. Отменены закупки школьного питания в пользу ЕЦМЗ // Коммерсант Приволжье. 28.12.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4636674 (дата обращения: 19.09.2021).

15. Видонова И. Школьное питание передают в руки ЕЦМЗ: разбираемся, почему организация со спорной репутацией может стать монополистом // Нижегородская правда. 10.01.2020. URL: https://pravda-nn.ru/news/shkolnoe-pitanie-peredayut-v-ruki-etsmz-razbiraemsya-pochemu-organizatsiya-so-spornoj-reputatsiej-mozhet-stat-monopolistom/ (дата обращения: 19.09.2021).

16. Репин А. Дорога ложка обеда. Нижегородских школьников кормят с нарушениями // Коммерсант Приволжье. 11.04.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3599558 (дата обращения: 19.09.2021).

17. Стоит ли допускать частников к питанию нижегородских школьников? // NEWS.NN 11.06.2020. URL: https://newsnn.ru/article/general/11-06-2020/stoit-li-dopuskat-chastnikov-k-pitaniyu-nizhegorodskih-shkolnikov (дата обращения: 19.09.2021).

18. Славина И. Иски ещё почти на 17 млн рублей поданы в суд к ЕЦМЗ Нижнего Новгорода // Koza.press. 19.12.2019. URL: https://koza.press/news/8673 (дата обращения: 19.09.2021).

19. Кряжев Р. В ЕЦМЗ ищут старые взятки // Приволжье Онлайн. 28.06.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4017137 (дата обращения: 19.09.2021).

20. Кряжев Р. Продуктовое дело прирастает обвиняемыми // Коммерсант Приволжье. 20.09.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4097131 (дата обращения: 19.09.2021).

21. Кряжев Р. В мутной питательной среде // Коммерсант Приволжье. 20.06.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4364823 (дата обращения: 19.09.2021).

22. ФЗ № 52-ФЗ от 20.03.1999 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 21.09.2021).

23. Репин А. Нижегородские школы оштрафованы на 1.8 млн руб. за нарушение санитарных норм // Коммерсант Приволжье. 13.11.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3798544 (дата обращения: 21.09.2021).

24. Сотрудницу ЕЦМЗ осудили из-за массового отравления в нижегородской школе // НИА Нижний Новгород. 18.11.2020. URL: https://www.niann.ru/?id=559130 (дата обращения: 21.09.2021).

25. Поляков С.В. Жмакин отключился от школьного питания под прицелом правоохранительных органов // Правда ПФО. 1.11.2019. URL: https://pravdapfo.ru/articles/94713-vladimir-zhmakin-otklyuchilsya-ot (дата обращения: 21.09.2021).

26. NN.ru узнал, могут ли родители нагрянуть с ревизией в столовую, где кормят их детей // Нижний Новгород онлайн. 16.03.21. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/247336974 (дата обращения: 21.09.2021).

27. Комиссия по соцполитике не стала рассматривать вопрос подорожания питания в нижегородских школах 9 ноября // НИА «Нижний Новгород». 9.11.2017. URL: https://www.niann.ru/?id=516347 (дата обращения: 21.09.2021).

28. Старов Г. Обедать в школах Нижнего Новгорода стало дороже // МК Нижний Новгород. 22.11.2017. URL: https://nn.mk.ru/articles/2017/11/22/obedat-v-shkolakh-nizhnego-novgoroda-stalo-dorozhe.html (дата обращения: 21.09.2021).

29. Депутаты раскритиковали положение об организации школьного питания // Zercalo.org 12.10.2018. URL: https://www.zercalo.org/news/18690-deputaty-raskritikovali-polozhenie-ob-organizatsii-shkolnogo-pitaniya (дата обращения: 21.09.2021).

30. «Директоров школ о подорожании питания заранее не предупреждали – «поставили перед фактом», – Игорь Богданов // НИА «Нижний Новгород». 9.11.2017. URL: https://www.niann.ru/?id=516353 (дата обращения: 21.09.2021).

31. Геннадий Онищенко вручил нижегородским школьникам путёвки в Артек // НИА «Нижний Новгород». 11.08.2021. URL: https://www.niann.ru/?id=5684 59 (дата обращения: 21.09.2021).

32. Школьников из нуждающихся семей обеспечат техникой для дистанционного обучения и питанием // НТА – Приволжье. 14.04.2020. URL: https://www.nta-nn.ru/news/society/2020/news_615898/ (дата обращения: 21.09.2021).

33. Шеф-повар Ивлев подключился к разработке нового школьного меню // Известия. 30.11.2020. URL: https://iz.ru/1094038/2020-11-30/shef-povar-ivlev-podkliuchilsia-k-razrabotke-novogo-shkolnogo-meniu (дата обращения: 21.09.2021).

34. Битулина Н. Эксперты оценили качество питания в нижегородской школе № 18 // Время Н. 29.03.2021. URL: https://www.vremyan.ru/news/kachestvo_shkolnogo_pitaniya_oczenili_v_nizhegoroskoj_oblasti.html (дата обращения: 21.09.2021).

35. РДШ обратилось в Роспотребнадзор с предложениями по изменению питания в школьных столовых // Seldon.News 16.04.2021. URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/249171753 (дата обращения: 21.09.2021).

36. РДШ и К. Ивлев проверили школьное меню в Н. Новгороде // 7000.Ru. 30.03.2021.URL: https://7ooo.ru/group/2021/03/30/754-rdsh-i-konstantin-ivlev-proverili-shkolnoe-menyu-v-nizhnem-novgorode-grss.html (дата обращения: 21.09.2021).

37. Депутат Нижегородской Думы Е. Сабашников предложил возродить конкуренцию в сфере закупок школьного питания // НИА «Нижний Новгород». 14.01.2020. URL: https://www.niann.ru/?id=547315 (дата обращения: 21.09.2021).

38. Ступени успеха. Репортаж из одной частной школы в Н. Новгороде // NN.ru. 15.05.2019. URL: https://www.nn.ru/text/gorod/2019/05/15/66087544/ (дата обращения: 21.09.2021).

39. Литой А. …Бесплатные школьные завтраки дорожают // Svoboda.org. 30.01.2020. URL: https://www.svoboda.org/a/30403861.html (дата обращения: 21.09.2021).

40. Зубарев В. Кушать продано // Коммерсант Приволжье. 8.06.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3652087 (дата обращения: 21.09.2021).

41. Колосова Е. Администрация Н. Новгорода готовит конкурс по школьному питанию // МК Нижний Новгород. 3.08.2018. URL: https://nn.mk.ru/social/2018/08/03/administraciya-nizhnego-novgoroda-gotovit-konkurs-po-shkolnomu-pitaniyu.html (дата обращения: 21.09.2021).

42. Депутат Богданов от имени нижегородских школ обратился с открытым письмом к и.о. мэра // News.NN. 8.05.2020. URL: https://newsnn.ru/news/society/18-05-2020/deputat-bogdanov-ot-imeni-nizhegorodskih-shkol-obratilsya-s-otkrytym-pismom-k-i-o-mera (дата обращения: 21.09.2021).

43. ТД «Народный» обжаловал закупки по организации питания в нижегородских школах // Нижний Сейчас. 11.12.2020. URL: https://nn-now.ru/td-na rodnyj-obzhaloval-zakupki-po-organizaczii-pitaniya-v-nizhegorodskih-shkolah/ (дата обращения: 21.09.2021).

44. Школа Н. Новгорода пожаловалась на качество продуктов ЕЦМЗ // НИА «Нижний Новгород». 27.03.2021. URL: https://www.niann.ru/?id=563462 (дата обращения: 21.09.2021).

45. Требуем ужесточить ответственность за массовое отравление детей // Change.org. URL: https://www.change.org/p/в-государственную-думу-рф-и-президенту-рф-требуем-ужесточить-ответственность-за-чп-с-массовыми-отравлениями-детей-2?redirect=false (дата обращения: 21.09.2021).

46. В нижегородских школах появились группы родительского контроля за питанием // Аргументы и факты Н. Новгород. 11.05.2018. URL: https://nn.aif.ru/education/details/v_nizhegorodskih_shkolah_poyavilis_gruppy_roditelskogo_kontrolya_za_pitaniem (дата обращения: 21.09.2021).

47. 10 тысяч проверок родительского контроля состоялись в школах и детских садах Нижнего Новгорода за четыре года // Н. Новгород.РФ. 2.04.2021. URL: https://нижнийновгород.рф/news/7811 (дата обращения: 21.09.2021).

48. Лайфхак для родителей: как разгневанный нижегородец заставил школьных поваров готовить вкусно // NN.ru. 22.02.2019. URL: https://www.nn.ru/text/food/2019/02/22/65978291/ (дата обращения: 21.09.2021).

49. Родители смогут принять участие в составлении школьного меню // Коммерсант. 15.08.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4457423 (дата обращения: 21.09.2021).

50. О методических рекомендациях по родительскому контролю за горячим питанием в общеобразовательных организациях / ФС по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. 12.12.2020. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/predpr/news_predpr.php?ELEMENT_ID=14669 (дата обращения: 21.09.2021).

51. Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.

52. Нижегородский ЕЦМЗ переименовали в «Дирекцию по организации питания» // NewsRoom.24. 19.06.2021. URL: http://newsroom24.ru/news/zhizn/231014/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 21.09.2021).

53. В Н. Новгороде уволили директора ЕЦМЗ А. Банцекина // NN.ru. 19.08.2021. URL: https://www.nn.ru/text/gorod/2021/08/19/70088333/ (дата обращения: 21.09.2021).

SCHOOL NUTRITION SYSTEM IN NIZHNY NOVGOROD: ASSESSMENT OF THE QUALITY OF MUNICIPAL GOVERNMENT ACCORDING TO THE CRITERIA OF THE GOOD GOVERNANCE CONCEPT (RULE OF LAW AND PARTICIPATION)

Y.L. Sofronova, M.L. Teodorovich

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The experience of assessing the quality of management of the municipal school nutrition system based on the criteria of the well-known concept of good governance (principles of effective management) is presented. To solve this problem, we used a content analysis of publications of the Nizhny Novgorod Internet press on the topic of school nutrition over the past five years. Media materials are considered through the prism of the first two good governance approaches – Rule of Law and Participation. Conclusions are drawn about the extent to which the provision of school nutrition by the municipal operator meets the standards of pro-competitive, sanitary-epidemiological and anti-corruption legislation of the Russian Federation. Practices of interaction between the administration and parental activists of Nizhny Novgorod in order to control the quality of catering services in schools allow us to conclude that there are some prerequisites for participating management. However, these practices are somewhat formal, and therefore it is premature to talk about the full implementation of the principles of participation and orientation towards consensus.

Keywords: school nutrition; the quality of public administration; criteria for assessing the quality of municipal government; rule of law; equity and inclusiveness; participation; responsiveness; consensus oriented.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2022_3_126

ПРАКТИКИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ПОСЛЕ COVID-19

© 2022 г.

К.А. Галкин

Галкин Константин Александрович, к.соц.н.;
старший научный сотрудник Социологического института РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.02.2022
Статья принята к публикации 19.07.2022

Рассматриваются особенности практик здоровьесбережения пожилых людей, перенёсших COVID-19 и проживающих в сельской местности. В исследовательском фокусе – повседневные практики и их социальные проекции в контексте жизни пожилых людей в сельской местности. Названы факторы, влияющие на формирование различных стратегий здоровьесбережения у пожилых людей. Наиболее опасными для всех стратегий здоровьесбережения пожилых людей после COVID-19 выступают: инфраструктурные сложности, проблемы, связанные с развитием сельской медицины, отсутствие поддержки, общения и коммуникации в локальном сообществе. Исследователи акцентируют внимание на особенностях переживаний пожилых людей и на том, как сами пожилые люди описывали в нарративах изменения в практиках и обращениях за медицинской помощью или за помощью местного сообщества после перенесения COVID-19.

Эмпирической базой исследования выступают полуструктурированные интервью, которые были собраны в трёх деревнях на юго-востоке Республики Карелия с инфраструктурным дефицитом, с проблемами развития инфраструктуры. Обозначенные в исследовании стратегии образуют своеобразный континуум от перехода к практикам самолечения и использования пожилыми людьми самолечения и до обращений за помощью, которые различаются в зависимости от того, к какой помощи прибегали пожилые люди, начиная от помощи местного сообщества и заканчивая медицинской помощью, которая была доступна в сельской местности.

Рассмотрение особенностей напряжённости в представлениях и переживаниях пожилых людей относительно практик здоровьесбережения может внести вклад в развитие актуальных дискуссий, существующих в социальной политике, относительно реформирования и трансформаций лечения пожилых людей, улучшения качества медицинского обслуживания для тех пожилых людей, которые перенесли COVID-19 и проходят стационарное лечение, обращаясь к сельской медицине и ожидая помощи от сельского сообщества.

Ключевые слова: пожилые люди в сельской местности, медицинские практики пожилых людей, сельская медицина, пандемия COVID-19, практики здоровьесбережения.

Введение

Особенностью новой коронавирусной инфекции с самого начала эпидемии COVID-19 выступает отчётливо фиксируемый возрастной сдвиг в сторону высокой смертности пожилых людей и риска смертности от COVID-19 в старших возрастных группах [1–3]. Другими немаловажными последствиями, создающими сложности для здоровья пожилых людей в период COVID-19, выступают: трудности с получением и доступностью медицинской помощи в зависимости от различных территорий (например, часто невозможность получить необходимую помощь в сельской местности), отсутствие квалифицированных специалистов в сельской местности для лечения тех или иных симптомов и последствий COVID-19 [4]. К тому же немаловажным фактором, который влияет на рост заболеваемости, как отмечают биологические исследования, выступает снижение иммунитета пожилых людей [5–7]. Это, как следствие, задаёт риски более тяжёлого перенесения пожилыми людьми инфекции с более высокой вероятностью получения осложнений, обострения хронических заболеваний, которые дополнительно усиливают у пожилых людей необходимость обращения за помощью, создают сложности с получением качественной медицинской помощи, исходя из необходимости лечения конкретного заболевания. При этом постоянные мутации самого вируса, появление различных вариаций COVID-19 усиливают вероятность новых эпидемических вспышек и, таким образом, способствуют угрозе для пожилых людей вновь заразиться инфекцией, а также повышению смертности пожилых от COVID-19.

Другим немаловажным аспектом, который может оказывать влияние на проблемы со здоровьем пожилых людей, выступают психологические эффекты и, как следствие, возникновение различных проблем с психологическим

здоровьем, к которым относятся, например, боязнь заразиться неизвестной инфекцией или проблема с получением пожилыми людьми лечения и медицинской помощи в сельской местности, где ресурсы самой медицинской помощи довольно ограниченны и в целом дифференцированны [8; 9].

Следовательно, здоровье пожилых людей, особенности практик здоровьесбережения пожилых в период пандемии COVID-19 вызывают существенный исследовательский интерес и открывают важную тему в исследованиях того, как пожилые люди воспринимают и переживают пандемию COVID-19 и какие при этом возникают трудности с переживанием этой ситуации. Немаловажным фактором в таком случае выступает фактор пространства, или среды, в рамках которой находится пожилой человек, и то, как среда обусловливает опасения, страхи и возможности пожилых людей заразиться заболеванием.

В настоящем исследовании на основании анализа эмпирических данных мы, применяя качественную социологическую оптику, рассматриваем повседневность пожилых людей, болеющих или перенёсших заболевание COVID-19, и то, как пожилые люди рассматривают возможности и эффективность сельской медицины во время заболевания COVID-19. В статье анализируются: доступность сельской медицины для лечения COVID-19 и стратегии здоровьесбережения пожилых людей, обусловленные особенностью пандемии COVID-19.

Теоретический контекст

Наступившая в 2020 г. пандемия COVID-19 способствовала развитию, во-первых, кризиса в концепции активного долголетия, которая долгое время была для пожилых людей доминирующей, а во-вторых, кризиса, связанного с тем, что пожилые люди стали группой риска, той группой, которую необходимо оберегать от различных опасностей, в частности опасностей заражения COVID-19 [10]. Лучший способ уберечь пожилых людей – это изолировать данную группу и минимизировать её активность, возможности для мобильности, ограничив её, как правило, замкнутым пространством деревенского/загородного дома, дачи или городской квартиры [11]. При таком состоянии дел борьба за инклюзию, за включение пожилых людей в активный образ жизни оказалась неэффективной и сменилась эксклюзией пожилых людей, которая способствовала рассмотрению пожилых как группы, подверженной различным рискам и проблемам в жизни, а также рассмотрению пожилых как потенциальной группы риска с точки зрения возможных проблем со здоровьем. При этом проблемы со здоровьем и наиболее опасные проблемы, связанные с возможностью заражения пожилых людей самим вирусом, рассматривались как фатальные и нередко дестабилизирующие, которые обусловлены тем, что пожилые люди, заразившиеся COVID-19, уже не могли восстановиться, и наибольший риск вызывали именно старшие возрастные когорты начиная от 75 лет.

Таким образом, ключевой трансформацией, вызванной пандемией COVID-19, выступает изменение прежнего, привычного социального порядка и роли, места пожилых людей в его рамках [12; 13]. Это обусловлено отчасти недифференцированными управленческими мерами, которые приводят к трансформациям в социальной политике в отношении пожилых людей, а также изменениям, связанным с необходимостью тотальной изоляции, которая также нанесла весомый вред здоровью пожилых [14; 15]. При этом возможности лечения, поддержания здоровья и оказания продолжительной медицинской помощи для пожилых людей весьма ограниченны, и в основном работа медицинских служб в период пандемии направлена на «быстрое реагирование», на оказание быстрой медицинской помощи для пожилых людей, как правило, без учёта долгосрочных перспектив лечения и долгосрочной медицинской помощи и реабилитации для пожилых. Так, возможности реабилитации пожилых в основном были доступными для тех, кто проживал в городе; при этом для пожилых людей, проживающих в сельской местности, реабилитация была недоступна. Нередки случаи, когда сами пожилые люди не знали о возможности получить своевременную реабилитацию, что усиливало их плохое самочувствие и создавало им проблемы со здоровьем.

В данной статье мы используем многочисленные теоретические подходы в социологии и социальной работе, цель которых заключается в изучении особенностей дифференциации пожилых людей, социального исключения и эксклюзии пожилых [16–18]. Мы рассматриваем особенности сельской медицины для пожилых людей, которые связаны прежде всего с её доступностью и с тем, что сельская медицина обычно направлена на оказание первичной помощи, но не на лечение серьёзных заболеваний, в особенности таких, как COVID-19, так как возможности сельской медицины, как и возможности лечения данного заболевания, остаются весьма ограниченными. Поэтому проблема обращения за помощью в сельскую амбулаторию или ФАП (фельдшерско-акушерский пункт) довольно за-

трудняет пожилым людям быстрое лечение и получение необходимой помощи. Также практики здоровьесбережения, сохранения своего здоровья после COVID-19 изменяются для пожилых людей, становятся иными.

В этом контексте важным выступает рассмотрение особенностей практик принятия лечения и поддержания здоровья пожилых людей. При этом лечение пожилых людей, как и их здоровьесбережение, если рассматривать его с позиций социальных наук, происходит в двух контекстах: в социокультурном, в рамках которого уделяется внимание гендерным, этническим и этическим особенностям оказания медицинской помощи, возможностям сохранения своего здоровья, и непосредственно в контексте здоровьесбережения, или здоровьесохранения (health context), – в рамках данного контекста рассматриваются особенности практики сохранения здоровья или лечения различных симптомов заболевания, а также доступность и возможность медицинской помощи [19; 20].

Таким образом, практики здоровьесбережения существуют в различных плоскостях повседневной жизни пожилых людей [21]. В исследованиях практик здоровьесбережения пожилых людей в России нерассмотренными остаются сюжеты, связанные с особенностями социальной жизни пожилых людей в сельской местности, и сюжеты, которые связаны именно с обозначением и рассмотрением смыслов и социокультурного аспекта практик здоровьесбережения пожилых, сюжеты относительно исследования того, как сами пожилые люди воспринимают симптомы, специфику течения заболевания, а также особенности социокультурного контекста и жизни в сельской местности, возможности и потенциал оказания там необходимой медицинской помощи.

Характерными для сёл особенностями жизни выступают: низкая плотность населения, высокая удалённость сёл от крупных населённых пунктов и друг от друга, а также нередко и дефицит медицинских кадров. Например, средний радиус района, который обслуживает один из фельдшеров, может достигать 60 километров. При этом лекарства и необходимые препараты для лечения пациенты получают либо в аптечных киосках при амбулаториях, либо в аптеках районных центров, как правило, расположенных в крупных сёлах, до которых необходимо добраться. Удалённость пациентов как от участкового терапевта, так и от аптечного пункта при ФАПе, где находится необходимое лекарство, может достигать 10 и более километров. При этом часто между районным центром и сёлами отсутствует какое-либо транспортное сообщение [22]. Исходя из данных Счётной палаты за 2015 год, 17.5 тысячи сельских населённых пунктов не имеют никакой медицинской инфраструктуры и расположены на удалении 20 километров от ближайшей медорганизации (амбулатории или ФАПа), где есть аптечные киоски [23]. В период пандемии COVID-19 ситуация с обеспечением медицинской помощи в сельской местности усиливается, что создаёт сложности для пожилых людей с тем, чтобы получать необходимую помощь; также она изменяет привычные практики здоровьесбережения, практики приёма лекарств и практики обращения пожилых людей за необходимой помощью.

В исследовании мы рассматриваем стратегии здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности, которые переносят или перенесли коронавирусную инфекцию, анализируем то, как различные существующие условия, особенности оказания медицинской помощи, а также недостаточность такой помощи в сельской местности способствуют (или не способствуют) здоровьесбережению пожилых людей в период пандемии COVID-19.

Методология и эмпирическая база

Исследование проводилось в сёлах Республики Карелия во время пандемии в период с апреля 2020 г. по январь 2021 г., во время вспышек коронавируса в этом регионе. Информантами были пожилые люди, которые перенесли коронавирус и были выписаны из больниц на дом. Всего было собрано 20 интервью (n=20). Исследование проводилось в трёх деревнях на юге и юго-востоке республики. Все деревни отличались инфраструктурным дефицитом: в них не было централизованного водоснабжения и канализации, отсутствовали ФАПы и амбулатории. Также в деревнях не было аптек, ближайшая к сёлам аптека находилась на расстоянии 15 и 10 километров от исследуемых деревень. При формировании выборки учитывались как схожести данных локаций по инфраструктурному и медицинскому обеспечению, так и различия данных локаций, в частности удалённость от ФАПов и амбулаторий, а также контингент врачей в ФАПе. В одном поселении ФАП был полностью укомплектован необходимыми врачами, там присутствовал терапевт; для двух других поселений было характерно отсутствие терапевта, ФАПы в них были укомплектованы лишь средним медицинским персоналом, фельдшерами, которые могли оказывать первичную помощь и доставлять пожилым людям необходимые лекарства.

В рамках полуструктурированных интервью с пожилыми людьми, которые проводились по

телефону, фиксировались особенности в восприятии жизни в сельской местности, того, как пожилые люди лечились от COVID-19, выполняли профилактические процедуры по его лечению. Интервью проводились по Skype: информанты рассказывали о медицинских практиках адаптации и лечения COVID-19. Сбор интервью осуществлялся в методологии феноменологического подхода. В задачи интервьюера входило исследование особенностей повседневных практик пожилых людей, а также исследование того, как пожилые люди организуют свою повседневность после перенесённого COVID-19. При работе с текстами полуструктурированных интервью нами использовался метод секвенционного анализа, который основан на исследовании социального мира в контексте различных взаимодействий [24–26]. Для работы с нарративами интервью мы использовали особый тип секвенционного анализа – конверсационный анализ, который подразумевает работу с рядом конкретных случаев, присутствующих в интервью, с целью их сравнения и генерализации. Руководствуясь настоящим принципом, в интервью мы рассматривали то, как пожилые люди описывали особенности своих повседневных практик [27; 28].

При анализе интервью большое внимание уделялось исследованию смыслов, вкладываемых в коммуникативные модели, в рамках которых участники исследования говорили об особенностях работы молодых сельских врачей в период пандемии COVID-19. Далее мы проанализировали темы и субтемы, посредством которых информанты описывали свою жизнь после перенесения COVID-19. Субтемы были выделены методом группировки данных в соответствии с семантико-смысловым содержанием высказываний и исходя из трёх ключевых тем исследования. Ограничения результатов исследования заключаются в небольшой выборке (сравнении двух регионов). Именно представленные субтемы легли в основу выделения стратегий здоровьесбережения пожилых людей после перенесения COVID-19 в сельской местности.

Стратегии здоровьесбережения пожилых после COVID-19

При описании повседневных практик здоровьесбережения пожилых людей в период пандемии COVID-19 в интервью можно выделить три основные стратегии. Для каждой из них характерны особенные практики здоровьесбережения, специфика в обращениях за медицинской помощью, а также особенности заботы и самозаботы, присутствующие в повседневности пожилых людей. При этом для каждой из практик характерны те или иные сложности и проблемы, которые возникают и существуют в рамках повседневной жизни пожилых в сельской местности. Данные стратегии были обозначены на основании анализа нарративов интервью с пожилыми людьми и рассмотрения ключевых тем, в рамках которых пожилые люди анализировали особенности здоровьесбережения в сельской местности.

Стратегия самолечения

Данный тип стратегии здоровьесбережения пожилых людей был характерен в основном для пожилых из сельской местности, которые перенесли COVID-19 и практически полностью не доверяли сельской медицине и возможностям лечения, которые предоставляла сельская медицина. В основном представители данной стратегии отмечали сложности с удалённостью аптек, отсутствием квалифицированных специалистов в сельской местности и получением необходимой медицинской помощи за сравнительно небольшой период времени или сразу. Примечательно, что для представителей данной стратегии характерно, что пожилые люди старались как можно дольше сохранить тот тип лечения, который был обусловлен и реализовывался ими при лечении в стационаре, и не обращались за медицинской помощью, за исключением редких случаев, которые связаны с резким ухудшением самочувствия и проблемами, которые возникали в рамках хронических заболеваний, обострившихся на фоне COVID-19.

Я знаю, что тут, как и в городе, в районной поликлинике, рассчитывать на какую-либо помощь в целом-то и не приходится. Следовательно, нам нужно и необходимо хоть как-то решать вопросы своего лечения. Вот и приходится лечиться, я вам скажу, по старой схеме, а по старой схеме – это как? Я, допустим, храню все предыдущие рецепты, которые были ранее выписаны в больнице, и вот, используя эти рецепты, я пытаюсь лечиться хоть как-то, хоть как-то стараться себя поддерживать витаминами. Потому что после ковида здоровье сразу пошатнулось и практически не восстанавливается. Вот это и есть ключевая проблема, как я думаю, этого в целом довольно ужасного заболевания (ж.,78, село, Карелия).

Проблема сельской инфраструктуры, таким образом, для пожилых людей – представителей настоящей стратегии задаёт трудности с получением необходимой медицинской помощи. Например, географическая удалённость аптек и ФАПов создаёт необходимость самостоятельно запасаться всеми необходимыми лекарствами,

самостоятельно решать проблемы, возникающие со здоровьем. Так, пожилые люди – представители настоящей стратегии нередко используют для своего лечения народные методы и те методы, которые передаются в семье «по наследству», для того чтобы вовремя вылечить то или иное возникающее заболевание, минимизировать проблемы с хроническими заболеваниями, обостренными на фоне COVID-19.

Я знаю, что есть куча лекарств, в общем-то, как и куча таблеток, чтобы вот так, быстро, раз – и ты вылечила ковид. Но вопросто всё равно остаётся один, и он всё равно остаётся нерешённым, так как всё же необходимо делать так, чтобы быстро вылечиться, быстро поправиться. Это сложно, часто очень трудно, если ты пожилой человек, и ещё труднее, если ты проживаешь здесь, в сельской местности, где, надо сказать честно, практически всё нормальное лечение недоступно. Вот тут и приходится в итоге импровизировать и искать различные замены, думать о побочных эффектах тех или иных лекарств, да и в целом думать, как относительно быстро и без вреда для здоровья возможно избавиться от болей. Вот поэтому мне и приходится травы, то, что есть с огорода, ту же малину и другие травы, использовать для того, чтобы самой себе помочь, чтобы не ждать помощи извне: из поликлиники, от соседей или родственников. Стараюсь сама лечиться и беречься. Самое главное – это просто беречься после этой заразы хорошо и за собой, коль ты одна, присматривать (ж., 68, село, Карелия).

Обращение к самолечению, в частности к траволечению, было нередким для пожилых людей – представителей данной стратегии. При этом, как правило, использовались как старые рецепты, которые хранились достаточно долго и были связаны с лечением, к примеру, хронических заболеваний, так и рецепты, которые появились относительно недавно и, например, были найдены пожилыми людьми или их родственниками в Интернете. Следует отметить определённый гендерный дисбаланс, который существовал для представителей настоящей стратегии. Так, представителями данной стратегии в основном были мужчины, что обусловливало необходимость выбора самолечения, следования стратегии самолечения тем, что они не доверяли сельской медицине в целом, не доверяли возможностям применения сельской медицины и всей существующей медицины для лечения хронических заболеваний, минимизации эффектов от хронических заболеваний и лечения возможных эффектов, связанных с ухудшением здоровья и самочувствия после перенесённого COVID-19.

Знаете, как не доверял, так не доверяю и продолжаю не доверять этим врачам. В городе всё проще бывает, там всё-таки есть, так скажем, врачи, которые платные. А здесь что? [Информант отмахивается рукой. – Прим. интервьюера.] *Здесь вообще ничего нет и никто тебя в принципе изначально лечить не собирается. Это и есть главная проблема во всём этом лечении, поэтому и приходится искать что-то самому. И я уж больше тем врачам доверяю, которые были в больнице, чем этим местным коновалам* (м., 73, село, Карелия).

Ощущение нехватки ресурсов приводит к тому, что представители стратегии самолечения существенно сокращают общение, взаимодействие с врачами и фельдшерами, работающими в ФАПах и сельских амбулаториях. При этом, как правило, представители подобной стратегии в целом стараются даже не обращаться к врачам и в целом обвиняют сельскую медицину и врачей сельской медицины в некомпетентности, в невозможности оказать необходимую помощь. Специфика российской ситуации лечения COVID-19 для представителей подобной стратегии проявляется в том, что лечение и профилактика, а также помощь после лечения данного заболевания связаны с существенными трудностями материально-технической базы, с квалификацией медицинского персонала в лечении этого заболевания. Следовательно, лечение и профилактика сводятся к регулярным осмотрам и назначению необходимых лекарств, но при этом отсутствуют возможности для проведения комплексных исследований, таких как КТ или МРТ лёгких, и для лечения пожилых людей современными медицинскими препаратами. Следовательно, пожилые люди – представители стратегии самолечения оценивали ситуацию в сельской местности с COVID-19 как безвыходную, и для того чтобы поддерживать себя, лечить себя, а также способствовать необходимой реабилитации, им приходилось прибегать к использованию собственных ресурсов, собственных знаний и полученных в клинике рецептов, в рамках которых рассматривались способы лечения этого заболевания. Композиционная структура повседневной жизни пожилых в таком случае замыкалась на практиках здоровьесбережения, нацеленных на преодоление и минимизацию проблем со здоровьем пожилых людей, возникающих в повседневности.

Стратегия обращения за помощью

Данная стратегия был характерна в основном для тех пожилых людей, которые ощущали резкие ухудшения самочувствия, и это создавало для пожилых необходимость обращения за

медицинской помощью. Как правило, именно ухудшение самочувствия для пожилых людей – представителей данной стратегии выступало наиболее проблемным и, как следствие, создавало необходимость обращения за помощью. При этом во время подобных обращений практически отсутствовали возможности выбора врачей для пожилых людей, поэтому помощь для этого категории граждан замыкалась на обращении в ФАП или амбулаторию. Именно резкие ухудшения самочувствия выступали в данной ситуации своеобразным барометром для того, чтобы вызывать врача или фельдшера из амбулатории и не ждать другой помощи, испытывая необходимость в скорейшей минимизации ухудшающегося самочувствия.

После ковида я практически постоянно испытываю различные серьёзные сложности со здоровьем, практически постоянно какие-то трудности возникают. И это понятное дело. В принципе можно было бы в город съездить и к другим врачам обратиться, хотя бы к платным, но всё равно особо-то в город и не наездишься. Вот поэтому мне и приходится в итоге самостоятельно вызывать местных врачей. И какими бы они ни были низкоквалифицированными, а всё равно обращаться к ним, если хочешь жить, надо, надо лечиться в целом (м., 70, село, Карелия).

Представители стратегии обращения за помощью нередко отмечали несостоятельность и некачественность медицинских услуг, которые существовали в сельской местности. Однако необходимость в данном случае играла важную роль, и в основном именно ухудшения самочувствия, вызванные COVID-19, создавали для них ситуации, когда было необходимо быстро получать медицинскую помощь. А одной из возможностей относительно быстрого получения медицинской помощи было именно обращение за медицинской помощью к сельским врачам, несмотря на проблемы с качеством получаемых услуг и лекарств, существующих в сельских амбулаториях.

Ну а что? Жить захочешь – и пойдёшь к любому, будешь помощь просить. Как подругому, как иначе в принципе? Верно, никак. Причём если раньше я жила и вообще не обращала внимание в целом на здешнюю сельскую медицину (просто знала, что она где-то там существует, и не более того), то теперь не так. Вот на прошлой неделе я обнаружила у себя в лёгких пусть и незначительные, но хрипы. Я сразу же обращалась за помощью, и подругому в принципе никак, потому что такова ситуация, такие проблемы, которые возникают. Что тут возможно поделать? Придётся идти туда, что есть здесь, в селе (ж., 69, село, Карелия).

В основном среди представителей стратегии обращения за помощью были женщины и те пожилые люди, которые не имели семей. Также в двух случаях представители стратегии обращения за помощью совсем недавно переехали в сельскую местность, и, следовательно, обращение за помощью в целом для пожилых людей – представителей этой стратегии выступало жизненной необходимостью. Кроме того, отличительной особенностью для представителей подобной стратегии было наличие того или иного хронического заболевания, и, как следствие, была необходимость относительно быстро реагировать на возникающие симптомы заболевания, что было обусловлено и самой сельской местностью, и тем, что сельская медицина и ФАПы, амбулатории были по факту единственными местами с относительно доступной помощью для пожилых людей в случаях ухудшения самочувствия и резких обострений хронических заболеваний, вызванных COVID-19. Также следует отметить, что среди представителей подобной стратегии были те пожилые люди, которые имели относительно хорошие отношения с сельскими врачами и сельскими фельдшерами, и для них компетенция сельского врача или фельдшера обычно не вызывала сомнений. Но при этом сама ситуация с лечением COVID-19, как и возможности медицины в целом в лечении COVID-19, рассматривались и описывались ими как незначительные, а само заболевание переходило в разряд трудноизлечимых, тех заболеваний, при лечении которых современная медицина относительно бессмысленна и бесполезна. И, следовательно, выбор лечащих врачей не играл весомой роли при лечении самой болезни, а врачи выполняли скорее инструментальную функцию поддержки для пожилых людей и в большей степени обеспечивали возможности для поддержания самочувствия и борьбы с резким ухудшением здоровья пожилых.

Стратегия обращения за заботой к местному сообществу

Данная стратегия располагается между стратегией самолечения, которая определена как осмысленное предпочтение и нежелание обращаться за помощью к сельским врачам, и стратегией относительного доверия сельским врачам – стратегией обращения за помощью. Ситуация с COVID-19 создаёт для пожилых людей особые условия, которые, с одной стороны, связаны с возрастающими потребностями в заботе. Если пожилые при этом проживают отдельно,

то подобные потребности не могут быть компенсированы родственниками. С другой стороны, ситуация перенесённой коронавирусной инфекции создаёт и задаёт особые контексты, когда пожилым приходится прибегать к публичной заботе, и в основном это забота о пожилых местного сообщества, обращение за помощью о заботе к местному сообществу. Обращение за помощью к местному сообществу после перенесённого COVID-19 может носить абсолютно различный характер, но ключевой целью подобных обращений выступает именно регуляция ситуации проблем со здоровьем, вызванных коронавирусной инфекций, а также обеспечение возможности получить альтернативную сельской медицине помощь, которая, как правило, доступна только в рамках взаимодействий в локальном сообществе сёл.

Надежда сейчас мало на кого. Но я не знала, что и ко мне может эта зараза привязаться. А она привязалась, и я переболела ей в итоге. Сейчас я скажу, что если бы не соседи, то и не знаю, как бы выживала. Только они, соседи, помогают и, можно сказать, спасают меня во всём. Мне необходимо специальное лекарство, а так как этого лекарства нет, то приходится ездить за ним. Вот я и прошу соседей, потому что никто, кроме них, и помочь не может. Но это хорошо, что соседи все примерно одной возрастной категории, хорошо, что долго их просить не нужно: достаточно быстро могут помочь (ж., 69, село, Карелия).

Важным для представителей данной стратегии выступает не обращение к коммерциализированной заботе, той заботе, которую можно купить или продать за деньги, заботе, которую оказывают профессионалы, разбирающиеся в особенностях оказания помощи и в том, как правильно оказывать медицинскую помощь для пожилых людей. В этой стратегии важным выступает обращение именно к неформальной заботе, использование сетей поддержки сёл, а также использование возможностей местного, локального сообщества села, для того чтобы обеспечить необходимую помощь пожилым людям. Контекст перенесённого заболевания COVID-19 создаёт и задаёт особые контексты помощи. В частности, основной при оказании подобной помощи выступает помощь с лекарствами. Не менее важна и психологическая помощь для пожилых людей в тех ситуациях, когда возникают проблемы с обострением или ухудшением хронического заболевания, а также в тех ситуациях, когда необходимы экстренная помощь и советы относительно лечения заболевания.

Всё время теперь, как наступило это заболевание, живёшь как на вулкане и не знаешь в принципе, что делать. Часто даже не знаешь, как правильно с ним справиться. Хорошо, что у нас соседка тоже старичьё: сама перенесла ковид и вот недавно выбралась, а лучше сказать, выкарабкалась из ковида. Так вот, мы к ней и обращаемся. В итоге я решаю какие-то свои проблемы, советы от неё получаю, как это лечить, как с тем справляться. И ей тоже хорошо, она от меня тоже и про рецепты необходимые узнаёт, и про то, как правильно заболевания лечить. В общем, все довольные обоюдно. Получается, что мы легко и, самое главное, сами, относительно без врачей что-то можем решить без проблем. Это как раз и хорошо – разобраться во всём (ж., 76, село, Карелия).

Важность соседской поддержки, обращений к соседскому сообществу для пожилых людей высока. Так, несмотря на проблемы, возникающие с качеством самой заботы местного сообщества (например, с незнанием соседями тех или иных лекарств или ситуаций относительно того, как правильно лечить ковид), пожилые люди всё равно продолжают обращаться за помощью к местному сообществу, создавая тем самым необходимые условия для коммуникации, взаимодействия, общения в рамках местного сообщества, а также удобные и комфортные условия для того, чтобы получить психологическую помощь, психологическую поддержку в локальном сообществе.

Таким образом, ресурс помощи локального сообщества важен и достаточно обширен. Он тоже может рассматриваться как одна из стратегий преодоления проблем, связанных с плохим самочувствием после пандемии COVID-19 в жизни пожилых людей. Стратегия обращения за заботой к местному сообществу была характерной для пожилых людей различного гендера, но в основном она была характерна для тех пожилых людей, которые проживали в сельской местности одни и не имели родственников (либо их родственники проживали относительно далеко). Местное сообщество в таком случае создавало дополнительные возможности для компенсации заботы пожилым людям, а также получения альтернативных советов относительно стратегии лечения COVID-19.

Заключение

В настоящей статье рассмотрены стратегии здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности после перенесения COVID-19. Мы рассматривали не только практики здоровьесбережения пожилых в сельской местности как особую повседневность, но и то, как эти практики встроены в сельскую жизнь, какие

стратегии возникают в рамках этих повседневных практик в целом.

Как это показало исследование, практики здоровьесбережения пожилых людей после COVID-19 действительно интегрированы в особенности инфраструктур, жизни в сельской местности, также они связаны со спецификой сельской жизни, развитием и, что немаловажно, качеством сельской медицины и возможностями лечения COVID-19. Следует отметить, что стратегии здоровьесбережения респондентов, обозначенные в исследовании, выступают хорошим показателем того, как через подобные практики конструируются особенности заботы пожилых людей о себе, а также определяют то, как через такие практики сами пожилые люди воспринимают и описывают смыслы новой коронавирусной инфекции, возможные пути лечения и сбережения своего здоровья. Истории респондентов, рассмотренные в исследовании, способствуют появлению выводов о необходимости реформирования системы медицинской помощи в сельской местности, а также о необходимости изменений в системе медицинской помощи, о расширении, развитии отдельного направления в рамках сельской медицины, а именно в рамках лечения новой коронавирусной инфекции, оказания своевременной помощи при этом для самих пожилых людей.

Стратегии здоровьесбережения пожилых людей после перенесённого заболевания связаны обычно не с необходимостью реабилитации и лечения последствий от заболевания, а с особыми сельским контекстами, которые задаёт сельская жизнь и способствует тому, что пожилые люди пытаются найти возможности для реализации и поиска необходимых способов лечения самого заболевания. При этом включается как потенциал самого локального сообщества сёл, так и потенциал прежних знаний, наличия рецептов и назначенных лекарств, которые характерны для стратегии самолечения и стратегии обращения за помощью к местному сообществу. В разных стратегиях существуют абсолютно разные оценки успешности возможностей самой сельской медицины в лечении COVID-19. При этом, как правило, потенциал сельской медицины для лечения новой коронавирусной инфекции в основном воспринимался и описывался пожилыми людьми как барьерный, и, следовательно, привычная повседневность изменялась и трансформировалась, а пожилые люди искали новые способы, новые практики в лечении самого заболевания и минимизации проблем со здоровьем, которые вызывала болезнь, хотя ресурсы сельской местности, как и возможности сельской медицины, для этого были предельно ограниченными.

Таким образом, локальная сцена жизни пожилых людей, которые перенесли COVID-19 и проживают в сельской местности, характеризуется рядом болезненных изменений, которые, по мнению респондентов, неизбежны в позднем возрасте и выступают ответами на усугубляющиеся условия здоровья, которые связаны с COVID-19. Стало быть, само старение с учётом перенесенного пожилыми людьми заболевания усугубляется и становится наиболее сложным, связанным с опасностью для пожилых людей не получить вовремя необходимую медицинскую помощь. Перенесённое заболевание COVID-19 создаёт для пожилых людей возрастающие потребности в медицинских и социальных услугах иного качества, которые отсутствуют в сельской местности. Это влечёт за собой изменения в конфигурациях и особенностях жизни в сельской местности, а также трансформирует, изменяет повседневность пожилых людей. Кроме того, отдельно существуют проблемы с нехваткой заботы для пожилых людей, и эти проблемы связаны с возможностями лечения данного заболевания в сельской местности.

Список литературы

1. Парфенова О.А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 6. С. 1027–1031.

2. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408.

3. Драпкина О.М., Самородская И.В., Сивцева М.Г. и др. COVID-19: неотложные вопросы оценки заболеваемости, распространенности, летальности и смертности // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 1. С. 7–13.

4. Галкин К.А. Социальное исключение пожилых людей в сельской местности в период пандемии COVID-19 в Республике Карелия // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 4. С. 193–210.

5. Appleby J. What is happening to non-COVID deaths? // Brit. Med. J. 2020. Vol. 369. URL: https://doi.org/ 10.1136/bmj.m1607

6. Boreskie K.F., Boreskie P.E., Melady D. Age is just a number – and so is frailty: Strategies to inform resource allocation during the COVID-19 pandemic // Canad. J. Emerg. Med. 2020. P. 1–3. URL: https://doi.org/10.1017/cem.2020.358

7. Drucker D.J. Coronavirus infections and type 2 diabetesshared pathways with therapeutic implications // Endocr. Rev. 2020. Vol. 41. № 3. URL: https://doi.org/10.1210/endrev/bnaa011

8. Mukhtar S. Psychological health during the coronavirus disease 2019 pandemic outbreak // International Journal of Social Psychiatry. 2020. Vol. 66. № 5. P. 512–516.

9. Malek Rivan N.F. et al. Mediation effect of coping strategies on general psychological health among middle-

aged and older adults during the COVID-19 pandemic //Aging & Mental Health. 2021. September. **26 (1)**. P. 1–9.

10. Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211.

11. Киенко Т.С. Вторичные следствия ограничений и изоляции в условиях рисков COVID-19 для людей старшего возраста: синдемический подход // Сохранение здоровья населения как глобальная проблема современности. Омск: Изд-во «Русь», 2021. С. 116–119.

12. Галкин К.А. Режимы заботы и самозаботы при отдельном проживании пожилых людей в периферийных поселениях // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 70–78.

13. Bianchetti A. et al. Improving the care of older patients during the COVID-19 pandemic // Aging Clinical and Experimental Research. 2020. Vol. 32. № 9. P. 1883–1888.

14. Dilawari A. et al. Medical care disruptions during the first six months of the COVID-19 pandemic: the experience of older breast cancer survivors // Breast Cancer Research and Treatment. 2021. Vol. 190. № 2. P. 287–293.

15. Галкин К.А. Ограниченное пространство: город в период пандемии в представлениях пожилых людей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 27–40.

16. Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 083–094.

17. Григорьева И.А. Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности // Мир России. Социология. Этнология. 2006. Т. 15. № 1. С. 29–49.

18. Григорьева И.А., Петухова И.С. Сокращение социального исключения лиц пожилого возраста // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 232–237.

19. Liau S.J. et al. Medication management in frail older people: Consensus principles for clinical practice, research, and education // Journal of the American Medical Directors Association. 2021. V. 22. № 1. P. 43–49.

20. Brandão G.R. et al. Self-medication in older european adults: Prevalence and predictive factors // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2020. V. 91. P. 104189.

21. Cecyli C., Pragathi T. Assessment of knowledge and practice of self-medication among urban and rural population // Drug Invention Today. 2020. **13 (6).** P. 1059–1064.

22. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней. Общество с ограниченной ответственностью «УРСС», 2002.

23. Грицюк М. Лучше быть умным и здоровым. Счетная палата проверила доступность качественной медпомощи и образования // Российская газета. 2015. URL: https://rg.ru/2015/04/14/optimizacyasite.html (дата обращения: 14.02.2022).

24. Miles M.B., Huberman A.M. Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. Sage, 1994.

25. Alhojailan M.I. Thematic analysis: A critical review of its process and evaluation // West East Journal of Social Sciences. 2012. Vol. 1. № 1. P. 39–47.

26. Kvale S. The 1,000-page question // Qualitative Inquiry. 1996. Vol. 2. № 3. P. 275–284.

27. Swain J. A hybrid approach to thematic analysis in qualitative research: Using a practical example. Sage Publications Ltd, 2018.

28. Lawless B., Chen Y.W. Developing a method of critical thematic analysis for qualitative communication inquiry // Howard Journal of Communications. 2019. Vol. 30. № 1. P. 92–106.

HEALTH-SAVING PRACTICES OF OLDER PEOPLE IN RURAL AREAS AFTER COVID-19

K.A. Galkin

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

The article discusses the features of health-saving practices of elderly people who have undergone COVID-19 and live in rural areas. The research focuses on everyday practices and their social projections in the context of the life of elderly people in rural areas. The factors influencing the formation of various health-saving strategies in the elderly are named. The most dangerous for all health-saving strategies of the elderly after COVID-19 are: infrastructural difficulties, problems associated with the development of rural medicine, lack of support, communication and communication in the local community. The researchers focus on the peculiarities of the experiences of the elderly and how the elderly themselves described in narratives changes in practices and requests for medical help or for the help of the local community after the COVID-19.

The empirical basis of the study is semi-structured interviews that were collected in three villages in the south-east of the Republic of Karelia with an infrastructure deficit, with infrastructure development problems. The strategies outlined in the study form a kind of continuum from the transition to self-medication practices and the use of self-medication by older people to requests for help, which differ depending on what kind of help older people resorted to, starting from the help of the local community and ending with medical care that was available in rural areas.

Consideration of the peculiarities of tension in the perceptions and experiences of older people regarding health-saving practices can contribute to the development of topical discussions existing in social policy regarding the reform and transformation of the treatment of older people, improving the quality of medical care for those elderly people who have suffered COVID-19 and are undergoing inpatient treatment, turning to rural medicine and waiting for help from the rural community.

Keywords: older people in rural areas, orderly medical practices, rural medicine, COVID-19 pandemic, health-saving practices.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_135

СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЭКОКУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ЭКОАКТИВИЗМА)

© 2022 г.

Н.В. Шалютина, Я.В. Кавлис

Шалютина Надежда Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shalyutina@fsn.unn.ru
Кавлис Яна Вячеславовна, студентка факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
yanettis@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.03.2022
Статья принята к публикации 26.07.2022

Представлены результаты социологического исследования экологической культуры нижегородцев. Концепт «экокультура» операционализируется через понятия «экологическое сознание», «экологическое образование» и «экопрактика». Авторы рассматривают социальные факторы процесса формирования экокультуры через выявление мотивов и экопрактик нижегородских экоактивистов, участников онлайн-сообщества «Нижний Новгород – экологическая столица». Подтверждается дисбаланс в осознании важности экологических проблем и самостоятельной активности, направленной на их решение, что связывается авторами с общим уровнем социального недоверия к деятельности экоорганизаций и нежеланием жертвовать личным комфортом.

Ключевые слова экологическая культура; ценностно-мотивационные компоненты экокультуры, онлайн-сообщество, институциональное доверие, экоактивист.

Введение

Экокультура как базовая ценность и форма деятельности приобретает новую значимость в условиях информационного общества. Повышенное внимание к взаимодействию человека и природы связано, с одной стороны, с информированностью о последствиях воздействия антропогенных факторов на окружающую среду; с другой – с расширением возможностей гражданской активности в различных экопрактиках благодаря участию в онлайн-экосообществах. Результаты социологических исследований отношения россиян к экологическим проблемам носят противоречивый характер: по данным ВЦИОМ, оценивая обстановку в своем городе за последние 5 лет, 23% опрошенных говорят об улучшении состояния экологии, 31% – об ухудшении [1]. Все больше россиян осознают необходимость регулирования процессов воздействия человеческой деятельности на окружающую среду. Данные исследования, проведённого ВЦИОМ совместно с Фондом национальной энергетической безопасности, демонстрируют, что россияне стали больше думать об экологии, но при этом не готовы жертвовать своим комфортом ради природы [2].

Отмеченный дисбаланс между информированностью об экологических проблемах и деятельностью, направленной на их решение, связан, по нашему мнению, с недостаточным развитием экологической культуры как части общечеловеческой культуры.

По мнению ряда исследователей [3; 4], коммуникация в социальных сетях оказывает непосредственное влияние на формирование ценностно-смыслового содержания культуры, особенно молодежной. Сравнивая ценностные системы поколений, исследователи отмечают культурный поворот в сторону изменения роли и значения личности, повышения ее активности, самостоятельности и субъектности [5, с. 35]. Информационные технологии предоставляют возможность реализовать свою субъектность, найти единомышленников и осуществить совместные социальные практики в социальных сетях и в офлайн-жизни. Это касается и онлайн-сообществ, посвящённых проблемам экологии и различным экопрактикам. Цель данной работы – выяснить, каким образом пользователи приобщаются к онлайн-экосообществам и как формируются на этих площадках ценностно-мотивационные компоненты экокультуры участников.

Теоретико-методологические подходы

Проблематика экологической культуры начинает разрабатываться отечественными исследователями с середины 1970-х гг. в рамках различных дисциплин, что способствовало развитию междисциплинарных исследований экологических идей. Российскими исследователями структура экологической культуры анализируется через концепты экологического сознания [6], экообразования [7], экологических ценностей [8], а также общественных экологических движений [9].

Понятие «экокультуры» подразумевает способ жизнеобеспечения, при котором общество формирует потребности и способы их реализации, не создающие угрозы жизни на Земле [10, с. 7]; её можно определить как систему, включающую экологические знания, нормы, ценности и стандарты, вырабатываемые в общественном сознании и реализуемые в экологическом поведении [11]. То есть экологическая культура обусловливается не только информированностью об экологической ситуации, но и развитием ценностно-мотивационного компонента, результатом чего становится формирование определенного образа жизни и социального поведения.

В целях эмпирического исследования экокультуры нижегородских экоактивистов в социальных сетях мы операционализируем концепт экокультуры как триаду, включающую экологическую образованность, экологическое сознание и экологическую деятельность. Выделенные компоненты модели экокультуры позволяют трактовать её с точки зрения трех концептуальных подходов.

Социальный подход [12] определяет ее как систему норм, знаний и взглядов, связанных с ценностями экологической субъектности и ответственности. С этой точки зрения, важнейшим компонентом экокультуры является экообразованность, которая включает как минимум осведомленность (информированность) об основных экологических проблемах, о состоянии окружающей среды и влиянии на нее человека. Как максимум – усвоенные, инкультурированные знания о способах реализации экологической деятельности, различных экологических практиках, что подразумевает высокий уровень субъектности и личной ответственности [13, с. 136]. Однако в настоящий момент формирование и сохранение необходимой для развития экологической культуры степени экологической образованности несколько затруднено: с одной стороны, занятость людей личными проблемами повседневной жизни притупляет их интерес к информации, касающейся экологии, с другой стороны, переизбыток несистемной информации об экологических вопросах создает искаженную картину экологической деятельности. Таким образом, неосведомленность, недостаточное или искаженное понимание могут вызвать значимые пробелы в развитии экологического сознания личности.

Ценностный подход [14] рассматривает ценностные установки, которые лежат в основе деятельности человека. При этом важно понимать, что экокультура, являясь частью общечеловеческой культуры, находится в динамическом взаимодействии с непосредственным окружением индивида и социальной средой, представленной различными институтами. Ценностные установки воплощаются в сформированном экологическом сознании как компоненте триады экокультуры. Экологическое сознание подразумевает понимание неразрывной связи человеческого общества с природой, зависимость благополучия людей от природной среды, а также использование этого понимания в практической деятельности [15, с. 59]. Кроме того, оно олицетворяет ценностное отношение к природе и окружающей среде как важной категории развития общества. Несмотря на то что люди часто воспринимают природу как некую абстрактную ценность, не прилагая особых усилий для ее сбережения, по данным всемирного опроса ценностей (World Values Survey, 2017–2020 гг.), 44.5% россиян считают защиту окружающей среды проблемой более приоритетной, чем экономический рост (42.1% высказываются за приоритет последнего) [16].

Ценностное отношение к природе включает ценностно-когнитивный, эмоционально-ценностный и ценностно-деятельный аспекты [17, с. 19]. Первый аспект, в социологическом смысле, связан с обнаружением в ценностном наборе человека ценности природы как системы жизнеобеспечения, ценности здоровья и экологической безопасности жизненной среды. Эмоционально-ценностный компонент олицетворяет развитость чувств и эмоциональных переживаний по отношению к красоте жизненной среды, восприятие окружающей обстановки с точки зрения эстетики, разнообразия форм, цветов и проявлений жизни. Третий же, ценностно-деятельный, компонент напрямую граничит с реализацией экологической деятельности. Он направлен на способность соизмерения потребностей человека и возможностей природы, следование осознанным ограничениям и использование ресурсосберегающих технологий. Инкультурированные ценностные компоненты становятся основой и мотивацией для практической деятельности.

Поведенческий подход [18] трактует экологическую культуру как совокупность поступков и конкретных действий. Главным способом развития социальных практик экологической культуры является активное участие в экосообществах и проведение общественных экологических мероприятий: самостоятельная или групповая уборка территорий, посадка деревьев или цветов, сортировка мусора и эксплуатация специализированных контейнеров, участие в эколого-просветительских акциях (тематических лекциях и конкурсах) или их организация. Несмотря на осознание важности экологических проблем, россияне пока неактивны в этом направлении деятельности. По данным World Values Survey, только 2.1% россиян причисляют себя к членам экологических сообществ (с разной степенью активности) и демонстрируют относительно невысокий (по сравнению с другими общественными организациями) уровень институционального доверия к экоорганизациям: 45.6% опрошенных россиян сообщают о доверии этим организациям [19].

Указанные теоретические подходы на практике находят свое отражение в концепции «Zero waste» («Ноль отходов»), являющейся глобальным трендом экологического образа жизни на основе безотходного потребления. Эта концепция базируется на принципах «5R» (Refuse, Reduce, Reuse, Recycle, Rot) [20]. Суть первого принципа – refuse («откажись») заключается в отказе от лишних покупок, одноразовых вещей и упаковок и замене их многоразовыми аналогами. Reduce – «сократи потребление». Это касается как покупок, так и использования воды и света. Третий принцип – reuse – «используй повторно». Это сократит объемы потребления и выбросов. Далее идет принцип переработки – recycle. Суть его в том, чтобы раздельно собирать мусор и сдавать на переработку. Последний принцип – rot – «компостируй»: органический мусор следует закапывать или компостировать, чтобы создавать удобрения. Есть и другие принципы реализации экопрактик, например существуют площадки по обмену вещами – «свопы», на которые можно принести ненужную вещь или обменять её. По мнению экспертов, концепция «Ноль отходов» является самой популярной экологической концепцией среди россиян [21], её активно продвигают экологические организации, проекты и экоблогеры.

Как правило, экологические мероприятия организуются на платформах социальных сетей: в соседских чатах или в онлайн-сообществах экоактивистов. Именно эти сообщества, собирающие людей, готовых активно участвовать в экологической деятельности, и стали объектом нашего анализа. В Нижнем Новгороде на базе различных социальных сетей действует 4 экологических онлайн-сообщества, самое активное и масштабное из которых – группа «ВКонтакте» «Нижний Новгород – экологическая столица», ее аудитория достигает трех тысяч человек.

Методология

В статье приводятся результаты исследования, проведенного в апреле–мае 2021 г. На первом этапе исследования на основе изучения вторичных данных, полученных в исследованиях по смежной проблематике, были выделены маркеры экокультуры: ценностно-мотивационные установки, побудительные мотивы приобщения к экологической деятельности, экоактивность в сети и вне её, практики экозаботы о себе.

На втором этапе было осуществлено исследование методом онлайнового анкетирования наиболее активных участников онлайн-сообщества «Нижний Новгород – экологическая столица» (n=200), возраст респондентов от 18 до 56 лет. В данном случае онлайн-опрос представлялся наиболее приемлемым методом в связи со спецификой темы исследования. В опросе использована стихийная (доступная) выборка, основанная на самоотборе респондентов. Очевидным недостатком подобной выборки является несоответствие генеральной совокупности, но она позволяет наметить общие тенденции и дает информацию о наиболее активных членах экологических сетевых сообществ.

Результаты

Мы исходили из гипотезы, согласно которой пользователи, являющиеся членами экологических онлайн-сообществ, уже обладают определенным уровнем экосознания и экообразованности, а социальные сети являются площадкой, где можно легко найти единомышленников, поделиться информацией и организовать совместные экопрактики; эта деятельность способствуют развитию экокультуры.

Онлайн-сообщества являются наиболее удобной формой распространения и продвижения экокультуры «снизу» (как гражданской инициативы): 93% опрошенных узнают о различных экологических мероприятиях из социальных сетей.

Стоит отметить, что вполне предсказуемо, абсолютное большинство опрошенных (98%) считают, что проблема экологии – одна из наиболее серьезных в настоящее время. Конкретизируя, в качестве наиболее актуальной для Нижнего Новгорода проблемы опрошенные выделили: проблему мусора и свалок (83%),

чистоты воды (26%), а также чистоту дворов и улиц, выбросы автотранспорта (по 18%). Опрошенными отмечались и такие проблемы, как выбросы промышленных предприятий, вырубка деревьев, отсутствие экоориентированной социальной среды, пропаганды экологичного образа жизни и неинформированность людей об экологических проблемах в целом.

Важным вопросом формирования экокультуры является сама трактовка участниками сообществ термина «экологическая культура». Каждый из предложенных вариантов определений раскрывал один из аспектов триады экокультуры: экообразованность, экосознание и экодеятельность. Лидирующую позицию, 28%, в выборе респондентов заняло определение, описывающее экокультуру через деятельность, «совокупность поступков и конкретных действий, связанных с положительным воздействием на окружающую среду». Вполне естественно, что люди, уже обладающие определённым уровнем экосознания и образованности, особое значение придают деятельности как способу реализации экокультуры. Вполне закономерен и тот факт, что 99% опрошенных считают себя причастными к экокультуре и отмечают, что совершают поступки, связанные с положительным воздействием на окружающую среду.

Что касается конкретных экопрактик, осуществляемых опрошенными, самой частой является сдача мусора на переработку в пункты приема вторсырья (81% занимаются этим регулярно). На втором месте осуществляемых экопрактик – минимизация использования одноразовых вещей и пластика (77%), на третьем – сдача одежды на переработку (61% опрошенных занимаются этим регулярно). Сортировкой мусора с использованием специализированных уличных контейнеров, а также сбором мусора на природе часто занимается чуть меньше половины опрошенных (46% и 42% соответственно). Распространенность практик сдачи мусора или вещей на переработку можно объяснить тем, что именно организация приема мусора является наиболее популярным мероприятием, организуемым создателями сообщества «Нижний Новгород – экологическая столица».

Минимизация использования одноразовых вещей – практика повседневного характера, являющаяся модным трендом среди горожан [22], наиболее явно свидетельствующая о распространении среди нижегородских экоактивистов «зеленого» образа жизни и сознания. Этот образ мышления, «sustainability» («устойчивый рост») [23], включает в себя различные меры по установлению экологического баланса и осознанию гражданами ответственности за окружающую среду.

Следовательно, путем приобщения к данному образу жизни является самоограничение уровня потребления. Как показывают результаты исследования ФОМ [24], россияне стараются экономно расходовать природные ресурсы, наиболее распространенными являются практики экономии воды, газа и электричества в быту (83%). Таким образом, экопрактика «sustainability» описывает специфическую форму самоограничения горожан, приобретение ими экологичных бытовых привычек. Эта деятельность не требует особых денежных вложений и является максимально удобной формой экологического поведения.

Что касается других видов экодеятельности, отмеченных опрошенными, 25% экоактивистов регулярно посещают экологические лектории не только для того, чтобы узнать что-то новое, но и с целью расширить круг единомышленников, что позволяет общаться на интересующую тему, идентифицировать себя с экоактивизмом, доставляет удовольствие от причастности к экокультуре, к современным глобальным городским трендам.

Как выяснилось, самыми нечасто совершаемыми экологическими поступками оказались: посадка деревьев и цветов, сбор мусора на общественном участке (всего 11% и 14% соответственно занимаются этим регулярно). Это можно объяснить тем, что какие-либо действия в отношении общественных участков реализовать в индивидуальном порядке достаточно сложно, так как часто их нужно согласовывать с администрацией города.

Общий перечень практик экоактивистов Нижнего Новгорода сами респонденты дополнили следующим: компостирование пищевых отходов; ведение экоблога; участие в экологических митингах и пикетах; покупка и продажа вещей на сайтах, в комиссионных магазинах (с целью повторного использования вещей – «апсайклинга»); экообразование взрослых и школьников; экопросвещение близких и знакомых; минимизация использования личного транспорта; организация пунктов приема батареек и другого вторсырья на работе, в подъезде и других местах; использование многоразовых вещей вместо одноразовых; создание экотроп; волонтерская деятельность на экологических акциях. Как итог, наиболее часто среди перечисленных практик упоминалось просвещение окружающих, волонтерская деятельность на экологических мероприятиях и апсайклинг (покупка и продажа вещей с рук).

Результаты исследования демонстрируют недостаточную развитость субъектности нижегородских экоактивистов: они в большей степени готовы действовать, если мероприятие орга-

низовано другими: администрацией города, онлайн-сообществами, другими организациями. 47% опрошенных отмечают, что они участвуют в экологических мероприятиях, организованных тем предприятием, на котором они работают или учатся. Опрошенные экоактивисты участвует в официально организованных акциях и субботниках, хотя и с разной периодичностью (51% – часто, 21% – редко). Экоактивисты, перечисляя акции и мероприятия, в которых они участвовали за последние пару лет, упоминают акции по сбору вторсырья «Электронный сбор», «Раздельно». Социальные практики, осуществляемые совместно с другими, в рамках социальных институтов, требуют от участников не так много ресурсов, как индивидуальные практики. Поэтому участники сообщества, не готовые жертвовать большими ресурсами денег и времени, охотно включаются в мероприятия, организованные другими субъектами. Наши выводы согласуются с данными, полученными ВЦИОМ: существует определенный дисбаланс между признанием важности проблемы и готовностью самостоятельно действовать в направлении её решения. По данным ВЦИОМ, многие люди (66%) считают загрязнение воздуха основной проблемой экологии, в то же время не могут сократить поездки на личном транспорте (только 15% готовы пожертвовать поездками на личном автомобиле). Ради сбережения водных ресурсов только 15% опрошенных согласились ограничиться использованием душа и перестать принимать ванну. Кроме того, большинство опрошенных (69%) считают, что для борьбы с изменением климата необходимы институциональные решения и системный подход на законодательном уровне [25]. Все это тоже свидетельствует о неготовности действовать самостоятельно и ответственно, а также поступиться собственными интересами ради сохранения природных ресурсов.

Важным результатом нашего исследования является выяснение причин неучастия людей, причисляющих себя к экоактивистам, в некоторых экоакциях, например в официально организованных администрацией города субботниках (28% опрошенных в них не участвуют). В качестве одной из причин (наряду с нехваткой времени и недостаточной информированностью) называют «стеснение» и бессмысленность субботников, так как «люди видят, что мусор убирают, значит, понимают, что можно продолжать мусорить». Такое социальное поведение является результатом и показателем низкой субъектности и степени институционального доверия у опрошенных.

Основной целью участия в экологических практиках нижегородских экоактивистов является «улучшение окружающей среды и нанесение ей меньшего вреда» – 96% опрошенных. В качестве одной их главных целей экопрактик выделили «получение новых знаний» – 20% опрошенных, расширение круга общения – 15%. Среди других целей единично упоминалось «показать пример своему ребенку», «забота о Родине».

Наше исследование показывает, что коллективистские мотивы деятельности важны для нижегородских экоактивистов. Желание идентифицировать себя с социально одобряемой группой, ощутить причастность к благому делу, расширить круг общения важны для участников сообщества. Именно поэтому социальные онлайн-практики трансформируются в офлайн-активность, а виртуальные связи становятся, благодаря совместной деятельности, реальными. 87% опрошенных имеют знакомых, занимающихся экологической деятельностью; до вступления в сообщество они уже посещали экологические мероприятия, общались с другими участниками группы и обрели в этой сфере знакомых. Для большинства экоактивистов важна поддержка и общение по тревожащим их вопросам экологии с друзьями и близкими: 98% рассказывают другим о своей деятельности, а 55% из них призывают свое окружение совершать экологические поступки. Многие указывают на то, что они активно просвещают близких и знакомых людей, некоторые даже проводят экологические уроки для детей и взрослых.

Что касается побудительного мотива к экологической деятельности и включения в экопроблематику, наиболее часто отмечаемой оказалась ситуация, когда человек узнавал какой-то негативный факт об окружающей среде и осознал, что хочет что-то изменить, – 55% опрошенных указали на этот побудительный мотив. Для 23% опрошенных приобщение к экоактивизму было связано с интересом к экопроблематике и желанием попробовать свои силы в этой деятельности. Среди единично дополняемых вариантов встречались такие ситуации, как воспитание и влияние родителей, осознание важности минимизации своего экоследа и наличие образования эколога.

Большая часть экоактивистов, 89% опрошенных, утверждают, что вступили на этот путь самостоятельно, а на 11% повлияло окружение: они начали свою экологическую деятельность благодаря призыву третьих лиц (друзья, работа, учеба или университет). У каждого из отметивших данный вариант в рабочей или учебной организации проводятся экологические мероприятия и есть знакомые, занимающиеся экологической деятельностью.

Рассматривая некоторые социально-демографические характеристики участников исследования, можно отметить, что подавляющим большинством участников являются женщины (91%) от 18 до 38 лет. Большинство – с высшим образованием – 75%. Важно отметить, что экопрактики опрошенных распространяются не только вовне, но и на себя – опрошенные трактуют экокультуру и как экопрактику заботы о себе: 89% экоактивистов Нижнего Новгорода являются некурящими людьми; 32% никогда не употребляют алкоголь; 35% употребляют алкоголь раз в год и реже. С разной регулярностью занимаются спортом 82%, 12% опрошенных не употребляют в пищу мяса. Можно констатировать, что люди, заботящиеся об окружающей среде и считающие себя частью этой среды, обладают сформированным экосознанием. В своей экодеятельности они начинают с себя: ведут здоровый образ жизни и осуществляют экопрактики не только в публичной жизни, но и в приватной.

Анализ ценностно-мотивационной сферы опрошенных показывает, что у них преобладает ценностно-деятельный (64%) и ценностно-когнитивный (56%) компонент ценностного отношения к природе (опрошенным было предложено выбрать наиболее близкое для них продолжение утверждения «Я стараюсь положительно воздействовать на окружающую среду, потому что...»). Участники сообщества, по всей видимости, способны соизмерить потребности человека и возможности природы и следовать осознанным ограничениям, проявляя таким образом коллективистский мотив своей деятельности, а также воспринимают окружающую среду как систему жизнеобеспечения, осознавая взаимозависимость состояния природы и собственного здоровья, что составляет мотив безопасности экологической деятельности. Эмоционально-ценностный компонент, олицетворяющий развитость чувств и эмоциональных переживаний по отношению к красоте жизненной среды, ценность ее эстетичности, не является приоритетным в сознании большинства нижегородских экоактивистов (39% указывают на это).

Результаты

Рассматривая экокультуру как триаду, включающую информированность, сознание и деятельность, можно констатировать, что выделенные элементы у нижегородских экоактивистов развиты в разной степени. Формирование ценностно-мотивационного компонента экосознания связано, с одной стороны, с осознанием важности решения проблем экологии, с другой – с желанием «соучаствовать», приобщиться к социально одобряемой деятельности, расширить круг знакомых. Экокультура участников сообщества «Нижний Новгород – экологическая столица» формируется благодаря онлайн-коммуникации в сообществе по вопросам экологии и транспонированию этих связей в офлайн: участию в различных экопрактиках, организованных сообществом. Нижегородские экоактивисты обладают высоким уровнем экосознания, направленного в том числе и на собственное поведение и образ жизни; и высоким уровнем осведомленности об экологических проблемах, в том числе благодаря коммуникации, осуществляемой как в онлайн-режиме, так и в офлайн (посещение лекториев и экомероприятий).

Нижегородские экоактивисты активно практикуют образ жизни, связанный с «sustainability», выражающийся в стремлении к «нулевым отходам». Основная ценностно-поведенческая установка – экологичный образ жизни. При этом для нижегородских экоактивистов характерен тот же дисбаланс, что и для россиян в целом: осознание важности экологических проблем выражено в большей степени, чем самостоятельная активность, направленная на их решение. Это связано с общим уровнем социального недоверия к деятельности экоорганизаций и нежеланием жертвовать собственным комфортом. Возможно, в процесс развития деятельностного компонента экокультуры должны активнее включаться представители городской администрации, как это происходит в крупнейших мегаполисах мира. В современном обществе именно города становятся субъектом «зеленого движения», например, всемирная организация «С-40», включающая 96 агломераций, которая активно содействует экостратегиям и инклюзии горожан в решение экологических проблем и формирование практик экологичного самоограничения.

Экологическая позиция индивида требует убежденности в собственной причастности к деятельности по защите природы, по улучшению экологической составляющей жизни, а за ней твердое желание сводить негативное влияние на окружающую среду к минимуму и ставить экологически соразмерные цели и задачи. Людям необходимо кардинально изменить образ жизни, чтобы сохранять и восстанавливать окружающую среду, посредством ограничения потребительских установок и усиления активной экодеятельности. Таким образом, необходимо делать акцент на практическую реализацию получаемых знаний, преобразовать их в общественные инициативы и движения.

Чтобы достичь весомых результатов деятельности, экологическое мышление должно вписаться в систему ценностей каждого человека и стать частью общественного сознания, а достичь этого можно посредством массовых общественных инициатив, продвигаемых в том числе через социальные сети и носящих локальный практический характер.

Список литературы

1. Экологическая ситуация в России: мониторинг // Аналитический обзор ВЦИОМ 06.02.2019. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ekologicheskaya-situacziya-v-rossii-monitoring (дата обращения: 24.01.2022).

2. Забота об окружающей среде: хотим, но не можем? // Аналитический обзор ВЦИОМ 10.01.2019. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zabota-ob-okruzhayushhej-srede-khotim-no-ne-mozhem (дата обращения: 24.01.2022).

3. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 322–329.

4. Козырьков В.П., Ушакова Я.В., Шалютина Н.В. Особенности формирования доверия учащейся молодёжи к информации в медиасетях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46229030 (дата обращения: 02.02.2022).

5. Ядов В.А. Политическая институционализация российского общества // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 30–42.

6. Яо Л.М. Опыт создания модели экологического сознания российского общества // Социологические исследования. 2004. № 9 (245). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17687840_66238686.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

7. Гирусов Э.В. Социальная экология в системе современного научного знания // Философские науки. 2011. № 6. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16443083_64026315.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

8. Мельник Н.Б., Пургина Е.И. Экологические ценности как основа экологического образования для устойчивого развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9. URL: http://www.nauteh-journal.ru/files/deea41e1-a2cd-4926-8915-1c3531704380 (дата обращения: 02.02.2022).

9. Яницкий О.Н. Критический социально-экологический метаболизм города // Социологический ежегодник 2015–2016: Сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-sotsialno-ekologicheskiy-metabolizm-goroda/viewer (дата обращения: 02.02.2022).

10. Глазачев С.Н. Экологическая культура в международной парадигме развития // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: Социально-экологические технологии. 2013. № 1. С. 5–12.

11. Марар О.И. Экологическая культура в современном российском обществе: Автореф. дис. … доктора социологических наук. М., 2012. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005007712?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 02.02.2022).

12. Яницкий О.Н. Экологическая парадигма как элемент культуры // Социологические исследования. 2006. № 7. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/yanicki.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

13. Захарова Е.Ю. Естественные и социальные факторы формирования экологической культуры человека и общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2010. № 4 (33). С. 134–137.

14. Каган М.С. Философия культуры / Акад. гуманитар. наук и др. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. URL: https://www.vir.nw.ru/wp-content/uploads/2018/09/Kagan-M.S.-Filosofiya-kultury_filosofiya.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

15. Толмачева Л.В. Основные показатели и мотивы формирования экологической культуры в педагогическом проектировании культуры безопасности жизнедеятельности // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. №6. С. 58–62.

16. WVS Обзор мировых ценностей. Волна 7 (2017–2020) Российская Федерация. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (дата обращения: 03.02.2022).

17. Болдина М.Ю. Экологическая культура жителей волгоградской городской агломерации: комплексный социологический анализ // Социология города. 2013. № 4. С. 18–32.

18. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. URL: https://lib.bsu.edu.ge/e-books/book_171.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

19. WVS Обзор мировых ценностей. Волна 7 (2017–2020) Российская Федерация. URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (дата обращения: 03.02.2022).

20. 5R: как жить по принципу ноль отходов. URL: https://greenpeace.ru/blogs/2019/07/08/5r-kak-zhit-po-principu-nol-othodov (дата обращения: 02.02.2022).

21. Zero Waste стал самой популярной экологической концепцией среди россиян // OrganicWoman: Новости. 21.06.2019. URL: https://organicwoman.ru/zero-waste (дата обращения: 02.02.2022).

22. Трухан В.Д. Экологическое поведение потребителей: новая эра // Практический маркетинг. 2014. № 9 (211). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-povedenie-potrebiteley-novaya-era/viewer (дата обращения: 02.02.2022).

23. Rifkin J. Biosphere Politics: A New Consciousness for a New Century. URL: https://archive.org/details/ biospherepoliti000rifk (дата обращения: 02.02.2022).

24. Экология и энергетика. О новых видах энергетики и экономии электроэнергии. URL: fom.ru/Obraz-zhizni/14589 (дата обращения: 02.30.2022).

25. Жизнь после Греты Тунберг, или Потребление на фоне глобального потепления // Аналитический обзор ВЦИОМ 09.18.2020. URL: https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/zhizn-posle-grety-tunberg-ili-potreblenie-na-fone-globalnogo-potepleniya (дата обращения: 02.02.2022).

COMMUNITIES IN SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF VALUE-MOTIVATIONAL AND BEHAVIORAL COMPONENTS OF ECO-CULTURE (THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD ECO-ACTIVISM)

N.V. Shalyutina, Y.V. Kavlis

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of a sociological study of ecological culture of Nizhny Novgorod residents. The concept "eco-culture" is operationalized through the concepts of "environmental consciousness", "environmental education" and "eco-practice". The authors consider social factors of the eco-culture formation process through identifying motives and eco-practices of Nizhny Novgorod eco-activists, participants of online community "Nizhny Novgorod – eco-capital".

Keywords: ecological culture; value-motivational components of eco-culture, online community, institutional trust, eco-activist.

УДК 316.354:351/354
DOI 10.52452/18115942_2022_3_143

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ НАЦПРОЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2022 г.

Т.А. Криворотова

Криворотова Татьяна Анатольевна, к.пед.н.; доцент кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
krivorotova2018tatyana@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.03.2022
Статья принята к публикации 18.07.2022

Главным фокусом исследования является феномен правового просвещения населения как способ активизации диалога между населением и властью на территориях муниципальных образований в ходе реализации национальных проектов. На основании результатов исследования ряда муниципальных районов Нижегородской области автор показывает основные аспекты системы правового просвещения, её роль в развитии жизненного пространства территорий, определяет направления эффективной организации правового просвещения населения в современных условиях.

Ключевые слова: правовое просвещение, население, национальный проект, муниципальное образование.

Введение

Успешность реализации национальных проектов в последние годы все чаще связывают с возможностью непосредственного участия населения как главного актора преобразований. Стремление к качественным изменениям привычного уклада жизни территорий за счет использования прорывных технологий, создание возможностей для самореализации граждан в новых условиях [1] невозможно без активизации зоны социального участия. По сути, речь идет о коллективной деятельности людей, так называемой «горизонтальной активности, которая осуществляется в рамках повседневной жизни» [2, с. 136], где происходит пересечение личной заинтересованности с решением задач, имеющих общественное значение. Было бы несколько поверхностно трактовать этот процесс только лишь как элемент «организованного взаимодействия между властью и обществом» [3, с. 45].

В современной социальной практике участие населения в проектной деятельности на территории проживания следует понимать как возможность верификации выбора механизма воплощения образа будущего через осмысление, сопереживание, принятие новых способов поведения и организации деятельности, построение системы совместных действий в правовом пространстве отношений людей и групп. Большое значение в решении этой задачи принадлежит системе правового просвещения населения.

Правовое просвещение населения выступает одним из способов активизации социальной энергии действия. Понимание человеком закономерностей функционирования правового поля социальной системы вселяет в него уверенность в правильности и своевременности принимаемых решений, а также усиливает чувство защищенности в условиях социальных изменений. Правовая осведомленность жителей территорий в зоне реализации национальных проектов делает прозрачным диалог между властью и обществом, вследствие:

– повышения степени осознанности и ответственности за действия, которые предпринимают представители социальных групп, что способствует формированию рефлексивной позиции по отношению к процессу развития территории;

– снижения уровня напряженности в ходе проявления диалоговых позиций между властью и обществом по решению ключевых вопросов жизнеобеспечения;

– обеспечения понимания правовых границ в зоне развития социального пространства территорий.

Традиционно под правовым просвещением понималась «система мер, направленная на распространение правовых знаний для всех категорий граждан с дифференциацией по возрасту, профессии и социальному положению» [4]. Од-

нако в современных условиях постоянных крупномасштабных изменений привычного состояния социальных систем человек вынужден постоянно наращивать и использовать собственные ресурсы для расширения своих возможностей адаптации к новым условиям и осуществления более осознанного выбора действий. Таким образом, правовое просвещение превращается из сугубо когнитивного ресурса в инструмент, позволяющий населению территорий осознанно, уверенно и решительно действовать в эпоху перемен.

Следует заметить, что организация правового просвещения лежит в плоскости решения вопросов развития общественно-государственного партнерства на территориях муниципальных образований субъектов РФ, которое направлено на привлечение «внимания населения к стратегическому развитию регионов России на перспективу до 2030 года» [5]. Как показывает сравнительный анализ территорий географически удаленных друг от друга субъектов РФ, основу механизма правового просвещения составляют прежде всего детерминанты социально-экономического, социально-политического и культурно-исторического свойства. Многие из них продиктованы совокупностью проблем, которые в первую очередь требуют обязательного правового регулирования. Так, в пределах Северо-Кавказского региона одним из главных направлений правового просвещения часто являются вопросы регулирования межнациональных отношений [6]; на Дальнем Востоке – идеи антикоррупционного просвещения населения [7]; в регионах Центральной России [8] и ПФО [9] – решение главных социальных вопросов жизнеобеспечения граждан. Если взаимосвязь содержания работы по правовому просвещению граждан с приоритетами территориального развития очевидна, то возможности рассмотрения механизма правового просвещения как способа повышения уровня сопричастности населения к вопросам развития зон проживания остаются открытыми.

Попытка осмыслить роль правового просвещения как способа повышения социальной активности населения и его включенности в решение задач развития территорий стала основной идеей исследования, проведенного в период с марта по ноябрь 2019 г. на территории Нижегородской области.

Нижегородская область представляет собой одну из наиболее крупных территорий Центральной России, численность постоянного населения которой, по данным Росстата, на 1 января 2022 г. составила 3 141 015 человек, где городское население составляет 81.27%. Плотность населения на территории региона 40.99 человек на километр [10].

В рамках административно-территориальных единиц области с 13 июня 2017 г. по настоящее время регион насчитывает 389 муниципальных образований, в числе которых 14 городских округов и 38 муниципальных районов (54 городских и 283 сельских поселения). По ряду причин граждане, особенно проживающие в удаленных районах области, не имеют возможности обратиться в правозащитные организации, которые чаще всего территориально расположены в г. Нижнем Новгороде.

Уровень осведомленности о мерах государственной и общественной поддержки в области правового просвещения, возможностях разрешения проблем посредством правового регулирования определяет степень удовлетворенности населения качеством жизни в пределах территории, влияет на уверенность граждан в завтрашнем дне.

Исследовательская база охватывала шесть муниципальных образований:

– Лукояновский муниципальный район;
– Краснобаковский муниципальный район;
– Кстовский муниципальный район;
– Городской округ г. Выкса;
– Городецкий муниципальный район;
– Городской округ г. Арзамас.

Выбор территорий был обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, все районы обладают различной степенью удаленности от центра (г. Нижний Новгород), что позволяет сделать выводы с максимальным охватом территории Нижегородской области, приняв во внимание специфику ресурсной базы, которая свойственна для каждой территории, и возможностей максимального использования имеющихся ресурсов в решении задач правового просвещения.

Во-вторых, подбор муниципальных образований обусловлен существенными различиями численности и плотности населения, размеров территории, особенностями социально-экономического развития.

В-третьих, указанные территории имеют статус «пилотных» для ряда проектов по правовому просвещению и правовой поддержке граждан в Нижегородской области.

Подобный выбор позволил максимально полно проанализировать ситуацию с состоянием правового просвещения населения, принимая во внимание разнообразие факторов экономического, политического и социального свойства.

Исследование в первую очередь предполагало анкетирование граждан (в основном участников внедрения инноваций), проживающих в

указанных районах Нижегородской области, не обладающих профессиональными знаниями, умениями, навыками в системе правовых отношений и юриспруденции, как имеющих, так и не имеющих опыт обращения за юридической консультацией в соответствующие организации.

Структурная декомпозиция исследования предполагала решение комплекса исследовательских задач, которые позволили бы определить основные компоненты правового просвещения на основе:

– анализа уровня организации системы правового просвещения на территориях муниципальных образований Нижегородской области с учетом использования инновационных практик и цифровых технологий;

– выявления степени осведомленности о своих правах представителей различных категорий населения и социальных групп, находящихся в зоне реализации национальных проектов;

– изучения потребностей в правовой информации в соотношении с качеством предоставляемых услуг;

– обозначения детерминанты законопослушного поведения в представлении населения муниципальных образований;

– определения направления развития правового просвещения населения в условиях реализации национальных проектов.

Методология

В основу методологического концепта исследования легла идея формирования зоны взаимной ответственности представителей социальной общности (людей и групп) в период социальных преобразований, которая имеет неоднозначные толкования в трудах основоположников социологической мысли.

Рассматривая сущность и значение моральных фактов для развития общества, Э. Дюркгейм подчеркивал необходимость подчинения индивида силам общественного развития «как условия его освобождения». Именно эти силы определяют границы поведения, познав которые человек получает «великую интеллектуальную защиту… – это общество» [11, с. 62–63].

Объяснение, что́ следует понимать под силами общественного развития, мы можем почерпнуть в концепции общественных связей Ф. Тённиса. Выделяя два типа общественных связей – общинные и общественные, социолог обращает внимание на роль государства, которое «для любой общности выступает как средство для достижения своих целей, то есть в первую очередь, как орган защиты её личности и собственности, в том числе духовной собственности, высоко ценимой и почитаемой её носителями» [12, с. 244]. Чувство защищенности сопряжено с жизнедеятельностью так называемой «социальной корпорации», которая живет и изменяется по правилам и законам в рамках исторической эволюции. К одной из форм социальной корпорации автор относит *городскую общину*, чье предназначение сокрыто в организации взаимодействия населения, прежде всего для того, чтобы «…защитить себя, а потом и для того, чтобы установить или сохранять мир и порядок» [12, с. 242]. Рассуждая о социальной корпорации, Ф. Тённис утверждал, что развитию территории содействует «способность к единому волению и деянию – способность, которая наиболее явно представлена в способности принятия решений…», выраженная «в заранее установленных формах» [12, с. 241].

Изучение механизмов социально значимого поведения представителей различных социальных групп было в фокусе внимания ряда работ П.А. Сорокина. По мнению ученого, социальная эволюция тесно связана с созданием условий для проявления социально активной природы человека. Он обращал внимание на необходимость постоянного стимулирования проявлений социально полезного поведения, социально желаемых действий, которые постепенно становятся естественным и привычным для представителей социальной общности [13, с. 448]. Причем сами по себе благоприятные условия формирования социально ответственного поведения должны включать множество аспектов, «которые определяют устройство, организацию, внутреннюю жизнь общества» [14], и находить отражение в системе правовых норм пространства жизнедеятельности людей и групп.

Понимание правил взаимодействия, законов и правовых норм, которые предопределяют поведение человека, позволяет повысить уровень ответственности за принимаемые решения и осуществить осознанный выбор желаемого направления деятельности.

Исследование изначально было построено на декомпозиции предмета изучения в рамках структурного анализа, изучении отдельных компонентов и характера взаимосвязи между ними, а также определении внешних факторов влияния общего и специфического порядка в ходе функционального анализа. Основным форматом проведения исследования являлся анкетный опрос.

Основные результаты исследования

В исследовании приняли участие 750 человек. В каждом из 7 пилотных регионов было опрошено не менее 100 респондентов (таблица).

Таблица

Сведения о количестве респондентов, принявших участие в опросе

Наименование района	Количество респондентов
Лукояновский муниципальный район	125
Краснобаковский муниципальный район	135
Кстовский муниципальный район	137
Городской округ г. Выкса	100
Городецкий муниципальный район	125
Городской округ г. Арзамас	129

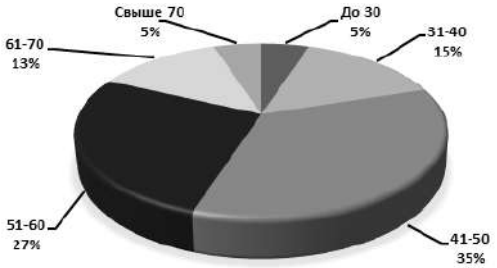


Рис. 1. Характеристика возрастного уровня респондентов, %

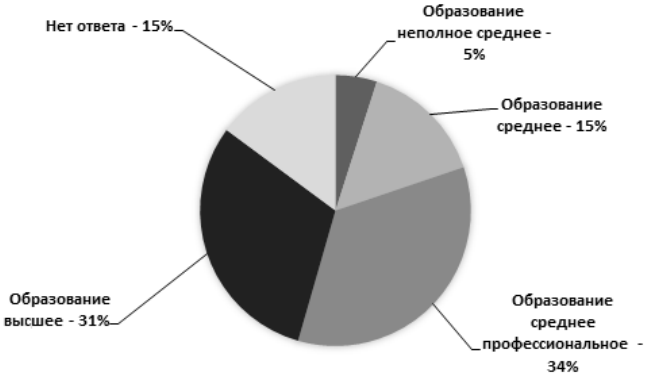


Рис. 2. Характеристика уровня образования респондентов, %

Для достижения наибольшей объективности были охвачены все возрастные категории граждан (рис. 1). Основную массу респондентов составили лица в возрасте 31–40 лет, 41–50 лет и 51–60 лет (113 чел., 263 чел. и 202 чел., соответственно). В опросе приняли участие также 38 человек из числа молодежи и 36 лиц пожилого возраста (старше 70 лет).

Главным критерием отбора респондентов было умение занять рефлексивную позицию по отношению к существующим проблемам среды проживания, способность осуществлять осознанный выбор при решении вопросов по защите прав и свобод, что во многом определяется наличием образовательных компетенций. К сожалению, не все участники опроса из числа респондентов сочли необходимым заполнить графу «Образование», тем не менее удалось выявить преобладающие показатели уровня образования внутри выборки (рис. 2).

Согласно полученным сведениям, большее количество респондентов имеют среднее профессиональное (263 чел.) и высшее (232 чел.) образование.

Важным аспектом исследования было определение целевых групп, для которых информация по правовым вопросам рассматривается как руководство к действию в решении жизненно важных ситуаций. Эти позиции в дальнейшем были рассмотрены как предпосылки базовых направлений содержания работы по правовому просвещению на местах (рис. 3).

По итогам проведенного исследования одной из наиболее многочисленных групп стала совокупность респондентов, относящих себя к гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, и категории малоимущих. Практически во всех пилотных районах представлена группа инвалидов. Довольно четко была выявлена группа многодетных семей и законных представителей несовершеннолетних граждан.

Весьма опрометчиво полагать, что в пределах муниципальных образований работа по правовому просвещению населения является инновационной практикой. Вопросы правовой поддержки населения чаще всего упоминаются в контексте традиционного формата мероприятий по поддержке граждан. Однако ре-

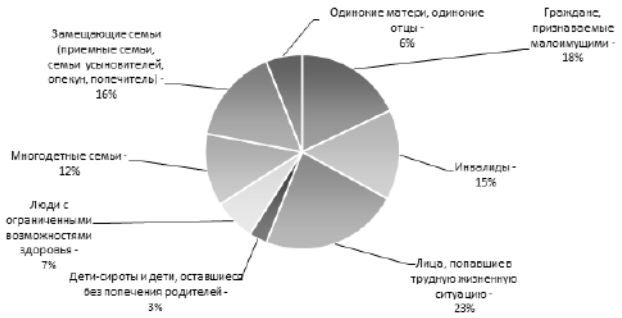


Рис. 3. Определение целевых групп по муниципальным образованиям Нижегородской области, %

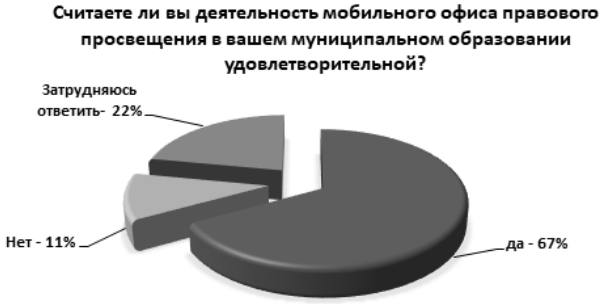


Рис. 4. Оценка эффективности функционирования мобильных офисов правового просвещения, %

зультативность работы в этом направлении связана с границами доверия населения представителям власти и готовности к сотрудничеству и взаимодействию в решении проблем развития территории. Таким образом, в ходе исследования было необходимо установить, насколько существующая система правового просвещения граждан в муниципальных образованиях Нижегородской области, с учетом появления новых форматов взаимодействия с населением, является эффективной.

Одновременно с исследованием была запущена инновация по созданию на территории муниципальных образований мобильных офисов правового просвещения граждан. Система мобильных офисов ориентирована на осуществление взаимодействия и сотрудничества с органами местного самоуправления муниципальных образований и органами государственной власти Нижегородской области, их должностными лицами, ответственными за обеспечение и защиту прав, свобод, законных интересов граждан, а также организациями вне зависимости от форм собственности, некоммерческими организациями и физическими лицами. По сути, следует говорить о создании на территории муниципального района (городского округа) условий для повышения уровня правовой компетентности населения через развитие социального партнерства некоммерческих организаций с органами власти и местного самоуправления, что увеличивает «зону доверия» друг другу в рамках реализации нацпроектов.

Деятельность офиса правового просвещения в целом ориентирована на обеспечение информационной доступности в рамках современной системы коммуникаций, которая увеличивает возможность получения необходимой консультации с участием экспертов различного уровня в зависимости от сложности решаемой проблемы. Как показали результаты опроса, более половины респондентов (67%) высказались за продолжение работы по внедрению проектных офисов, определив её как эффективную (рис. 4). Ряд респондентов (22%) затруднились с ответом, что, по всей вероятности, можно было объяснить проблемами организационного или технического характера, например, связанными с доступностью интернет-ресурсов. Лишь 11% опрашиваемых не увидели преимущества в работе мобильных офисов. Результаты опроса указывают на необходимость развития подобного формата в системе работы с населением Нижегородской области и требуют устранения ограничений технического и технологического порядка.

Весьма неоднозначно сложилась ситуация относительно использования информационно-правового ресурса «Правозащитная карта Нижегородской области» (рис. 5). Среди опрашиваемых прослеживается довольно устойчивая группа сторонников платформы (44%). Однако весьма значимое количество респондентов принадлежит к числу неопределившихся в своём отношении к данному ресурсу. В их числе те, кто затруднялись с ответом (26%) и ничего не знали о его существовании (19%). Возможно,

Рис. 5. Определение степени полезности для респондентов использования электронного ресурса «Правозащитная карта Нижегородской области», %

подобная ситуация складывается из-за недостаточного уровня осведомленности, а порой и навыков работы с электронной системой правовой информации у граждан, использовавших данный ресурс.

Активное участие населения в жизнедеятельности территорий непосредственно связано с уровнем осведомленности граждан о своих правах. Специалисты связывают знание человеком своих прав и свобод с возможностью «требовать справедливости, ответственности и выбора эффективных средств» [15] решения жизненно важных вопросов на всех уровнях. По результатам опроса, более четверти респондентов заявили о том, что знают свои права (37%). Ровно столько же опрашиваемых (37%) не определились с ответом, в том числе часть опрашиваемых, которая оставила вопрос без ответа (9%). Кроме того, в результате опроса была выявлена группа, которая высказала свою определенно отрицательную позицию (17%) в области знания своих прав. Результаты исследования указывают на необходимость продолжения работы в направлении развития системы правового просвещения и правовой культуры граждан, используя механизмы обновления традиционных форм взаимодействия.

Желание населения участвовать в изменении привычного уклада жизни территории находит отражение в практике, если жители понимают и поддерживают необходимость грядущих преобразований, оценивают собственные выгоды, а также чувствуют себя защищенными системой правовых норм. Гарантия правильности действий в рамках норм, определенных законом, находится в прямой зависимости от степени осведомленности актора о возможностях и последствиях, которые влечет за собой правовая некомпетентность. Согласно результатам исследования, показатель осведомленности в пилотных районах области весьма неоднороден и зависит от специфики условий территории, характера и направленности работы с населением. Например, для Кстовского и Краснобаковского районов характерен недостаточный уровень информированности прежде всего в сфере трудоустройства и образования. Жители Лукояновского района испытывают потребность в правовой информации относительно сфер здравоохранения и ЖКХ; Городецкого и г.о. г. Выкса – в сфере здравоохранения и образования. Кроме того, жители г.о. г. Выкса и г.о. г. Арзамас испытывают дефицит правовой информации в сфере личной безопасности.

В целом по Нижегородской области наиболее низкий показатель осведомленности населения указан в сферах трудоустройства населения (24%), ЖКХ (26%) и пенсионного обеспечения (21%). Приблизительно одинаковые показатели в сферах личной безопасности (27%), здравоохранения (29%) и защиты прав потребителей (29%). По результатам опроса, респонденты считают себя наиболее осведомленными в сферах образования (37%) и социальной поддержки семей с детьми (43%).

Таким образом, результаты опроса указывают, с одной стороны, на область интересов населения как зону вероятного взаимодействия с субъектами территории в рамках правового поля; с другой стороны, обращают внимание на наличие возможных проблем, которые требуют разрешения и могут служить тормозящим фактором развития в контексте решаемых задач. Правовое просвещение в данном случае может способствовать совместному решению задач территориального развития в рамках национальных проектов, делая прозрачным диалог между властью и обществом. Его эффективность определяется укреплением веры в справедливость и своевременность принимаемых представителями муниципальных органов власти мер, созданием условий для удовлетворения потребностей в правовой информации, полнотой использования ресурсов и качеством пре-

Рис. 6. Оценка качества оказания юридических услуг, %

доставляемых услуг в пределах территории проживания.

Как показывает практика, использование правового просвещения как инструмента, обеспечивающего для субъектов социальных отношений понимание своего места в системе текущих преобразований, остается недооцененным. Жители территорий чаще всего решают возникающие вопросы самостоятельно либо на основе интуиции и личного опыта, либо при помощи консультантов, которые ведут частную юридическую практику. Бесспорно, подобная ситуация допустима. Однако довольно часто в ходе реализации национальных проектов перспективы и выгоды нововведений для населения являются весьма туманными или вовсе неизвестными, совершенно не привязанными к рамкам правового поля. Так происходило с раздельным сбором отходов в рамках реализации национального проекта «Экология». Крайне сложно было сформировать положительное отношение населения к этому нововведению в муниципальных образованиях и вовлекать население в раздельный сбор ТКО. Ситуация стала несколько меняться, когда местные власти, со ссылкой на мнение экспертов Региональной службы по тарифам Нижегородской области, прояснили ситуацию с правами и обязанностями жителей, показав, что при раздельном сборе отходов ежемесячный тариф значительно ниже, что является крайне выгодным для семейного бюджета.

В ходе исследования было установлено, что по вопросам правового просвещения основная часть населения прибегает к услугам юридических фирм. Следует заметить, что большинство респондентов считали оказываемые юридические услуги весьма эффективными (36%). В то же время при выборе специалистов-консультантов особое значение среди прочих ориентиров имела их компетентность (23%), а также приемлемая стоимость услуг (24%).

На первый взгляд, столь весомую оценку предпочтений могут сделать граждане, обладающие весьма обширным опытом обращений в юридические консультации. Однако, как показывает анализ ответов, касающихся оценки оказания юридических услуг (рис. 6), более трети респондентов вообще не обращались за правовой помощью (32%), а искали альтернативные пути получения ответов на свои вопросы (СМИ, Интернет, показательный опыт соседа и прочее). Среди посещавших юридические клиники 44% опрошенных сталкивались с низким качеством предоставляемых услуг.

Подобная ситуация свидетельствует о необходимости предоставления альтернативных форм юридической помощи в контексте развития системы общественно-государственного партнерства на местах, развития института общественных помощников, а также включения в организацию деятельности по правовому просвещению общественных организаций, способных обеспечить развитие системы правовой поддержки граждан.

Подчеркивая значение правового просвещения в жизнедеятельности территорий (рис. 7), участники опроса назвали его определяющим фактором законопослушания граждан (29.5%), наряду с повышением доступности и качества юридических услуг (28.7%). Кроме того, в ходе опроса большое внимание респонденты обратили на необходимость развития системы правового просвещения на территории Нижегородской области в первую очередь на уровне муниципальных образований в тесном взаимодействии с общественными организациями, НКО.

Развитие системы правового просвещения связано с соответствием содержания и выбора адекватных форм оказания правовой помощи в условиях различной территориальной удаленности от центра и особенностей проживания. Рассуждая об организации правового просвещения на местах, население муниципальных образований отдало предпочтение необходимости развития системы взаимодействия некоммерческих организаций (НКО), органов государственной, региональной и муниципальной власти (42%); возможному расширению сферы деятельности государственных и муниципальных структур (37%); реализации некоммерче-

Рис. 7. Детерминанты законопослушного поведения
в представлениях населения муниципальных образований, %

скими организациями (НКО) просветительских проектов (13%). Обращая внимание на формы организации правовой помощи и использования возможностей для правового просвещения, большинство опрашиваемых сосредоточились на использовании цифровых технологий и возможностей СМИ, а также расширении сети приемных, где оказывается адресная юридическая помощь.

Основная часть респондентов в ходе опроса обратили внимание на значимость правового просвещения для территорий, реализующих национальные проекты. По мнению участников опроса, правовое просвещение, с одной стороны, является показателем эффективности правовой поддержки населения со стороны муниципальной власти, с другой – способствует осознанности действий людей и групп в условиях реализации национальных проектов.

Результаты исследования показали, что развитие системы правового просвещения в условиях муниципальных образований должно быть направлено в первую очередь на расширение сети приемных по оказанию правовой поддержки, а также использование медиаресурсов, Интернета и СМИ как источников адресной помощи населению территории (эту идею поддержали 22% опрашиваемых). Кроме того, по мнению респондентов, необходимо обращать внимание на качество предоставляемых юридических услуг, в том числе платных (18%).

Основу современной модели правового просвещения, по мнению участников опроса, должна составлять просветительская работа со взрослым населением на добровольной основе (14%) и, одновременно, изменения в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций, расширение объема практико-ориентированых заданий курса «Правоведение» (12%). Необходимым форматом работы в современных условиях респонденты назвали дистанционные формы правового консультирования (12%).

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

Эффективное функционирование системы правового просвещения и правовой поддержки граждан как инструмента вовлечения населения в решение задач национальных проектов должно осуществляться с опорой на активное участие общественности, поддержку гражданской инициативы, а также укрепление и содействие развитию института общественных помощников на местах.

Следует обратить внимание на обеспечение доступности, информационной открытости, а также поступательного характера мероприятий за счет использования ресурсов мобильных офисов правового просвещения, цифровых и коммуникационных технологий и иных форматов инновационных практик управления.

Особое значение в развитии системы принадлежит умению согласовывать действия представителей органов государственной власти и общественных организаций регионального (муниципального) уровня, определяя формы и механизмы совместной деятельности, средства и способы решения общезначимых проблем, а также мероприятий по реализации прав граждан.

Развитие системы правового просвещения и правовой поддержки граждан зависит от умения адаптировать имеющиеся в муниципальных образованиях и городских округах региона ресурсы к изменяющимся условиям, способности обеспечивать эффективность функционирования и целостность системы на основе принципов:

– коммуникации в режиме обратной связи;

– адекватности организации деятельности по правовому просвещению вызовам социального мира и инновационной практике развития сферы консалтинговых услуг;

– открытых межличностных коммуникаций участников процесса правового просвещения и правовой поддержки граждан на территории Нижегородской области;

– доверия, своевременности и достоверности используемой информации.

Заключение

Правовое просвещение в системе работы с населением территорий, реализующих национальные проекты, обретает особое значение. Оно выступает инструментом, способным обеспечить, с одной стороны, прозрачность и легитимность диалога населения с властью, с другой – активизирует стремление к осознанности и осуществлению необходимого выбора действий в рамках правового поля. Решение этой задачи на территории Нижегородской области находилось в фокусе ряда проектов, реализуемых за период 2018–2019 гг.

Текущее состояние характеризуется обновлением системы правового просвещения, консультирования граждан с учетом расширения зоны доступности правовых информационных ресурсов, введения и использования дополнительных настроек в ходе эксплуатации мобильных офисов правового просвещения, а также информационно-правового ресурса «Правозащитная карта Нижегородской области».

Пролонгация работы в этом направлении позволит создавать и поддерживать активную информационную среду в муниципальных образованиях Нижегородской области, способную осуществлять защиту населения в рамках правового поля на основе цифровых и коммуникационных технологий, использования инновационных практик управления.

Деятельность муниципальных образований по организации правового просвещения граждан должна быть направлена на создание условий для эффективного диалога с властью, где представлена взаимосвязь ряда ключевых векторов развития системы с использованием местных ресурсов.

1. *Гражданская инициатива и участие общественности*. Гражданская инициатива представляет собой одну из наиболее перспективных форм реализации гражданами своих прав и решения актуальных проблем на местном, региональном и федеральном уровнях. Главной характеристикой гражданской инициативы является социально-политическая активность граждан, их поведение, связанное с проявлением определенной позиции по отношению к происходящим социальным процессам. Это прослеживается сквозь призму участия населения в деятельности добровольных общественных организаций для отстаивания индивидуальных и групповых интересов, достижения поставленных целей.

Для современной ситуации в России свойственна высокая степень неоднородности развития социальных институтов гражданского общества. В этих условиях весьма нестабильным является желание граждан проявлять инициативу и вступать в диалог с властью. Одной из причин подобной ситуации является отсутствие навыка конструктивного диалога, а также недостаточный уровень правовой грамотности. Организация работы муниципальных образований в этом направлении должна быть ориентирована на использование лучших практик в сфере правового просвещения и поддержки граждан.

2. *Доступность и регулярность*. Реализуемые органами муниципальной власти меры по повышению общего уровня правовой грамотности, решению вопросов правового просвещения должны быть доступными для любой категории граждан независимо от уровня удаленности субъектов социально-правовых отношений друг от друга. Программы, материалы, качество информативного материала и способов коммуникации в правовом поле должны учитывать специфику целевой группы, не просто не обладающей специальной подготовкой, но не имеющей высшего, а зачастую и среднего профессионального образования. Принимая во внимание это направление, следует отметить необходимость развития системы работы мобильных офисов через включение в организацию деятельности по правовому просвещению общественных организаций (в том числе НКО), обеспечивающих реализацию основной идеи государственно-общественного партнерства по правовой поддержке граждан на основе анализа текущей ситуации на местах.

3. *Информационная открытость*. Осуществление механизма открытого доступа к информации происходит в соответствии с реализацией конституционного права каждого члена общества на свободу получения информации. Правовой основой такого механизма должны стать:

– четкие правила, условия и порядок получения гражданами правовой помощи и поддержки на местном уровне, где главную организационную функцию выполняют органы государственной власти и местного самоуправления, обеспечивая прямой доступ к государственным и негосударственным информационным ресурсам, а также осуществляя сопровождение консалтинговой деятельности по вопросам правового просвещения и правовой помощи населению;

– внесение корректировок в муниципальные (городские) программы (подпрограммы, планы) противодействия преступности (профилактики правонарушений), предусмотрев проведение и ресурсное обеспечение мероприятий по правовому просвещению населения, в т.ч. разработку специальных проектов для СМИ и интернет-ресурсов, направленных на освещение проблемных вопросов правозащитной тематики в целях информирования населения о способах защиты своих законных интересов в рамках действующего законодательства.

4. *Межведомственный характер взаимодействий.* Эффективность развития системы правовой помощи населению в условиях многозадачности предопределяет значимость и актуальность согласованных действий представителей органов государственной власти и общественных организаций регионального (муниципального) уровня, определения форм совместной деятельности, средств и способов решения общезначимых проблем, а также мероприятий по реализации прав граждан Нижегородской области.

5. *Системность и технологичность.* Деятельность по развитию правового просвещения и правовой поддержки граждан в Нижегородской области должна обладать всеми признаками системы (логикой процесса, взаимосвязью всех его частей, целостностью), став стратегическим ориентиром развития территорий в ближайшей перспективе. При построении системы работы в сфере правового просвещения граждан необходимо учитывать адекватность выбора форм и методов деятельности с учетом особенностей целевой аудитории и изменяемости условий внешней среды, а также мер, способствующих сохранению заданного состояния системы.

6. *Инновационность и современность.* Продуктивность решения задач правового просвещения в условиях информационного общества зависит от полноты использования цифровых технологий, а также инновационных механизмов проектирования на региональном и муниципальном уровнях. Это способствует повышению эффективности консалтинговых услуг по вопросам правовой поддержки населения, росту профессионализма экспертов, увеличению возможностей предлагаемых сервисов, гибкости в построении работы с целевой аудиторией.

Статья подготовлена на основе материалов проекта «Развитие общественно-государственного партнерства как эффективного инструмента правовой поддержки и просвещения малоимущих и социально незащищенных граждан Нижегородской области», получившего грант Президента РФ (заявка № 18-2-0415250).

Список литературы

1. Национальные проекты: что это такое и как они изменят Россию, 2019 // Финанс.Рамблер.ру. URL: https://finance.rambler.ru/realty/41705177-natsionalnye-proekty-chto-eto-takoe-i-kak-oni-izmenyat-rossiyu/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.02.2022).

2. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 133–139.

3. Игошев Б.М. Гражданская активность студенческой молодежи: концептуальный словарь // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 41–49.

4. Полханов А.А. Правовое просвещение населения как компонент социальной работы и социального образования // КиберЛенинка.ру. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-prosveschenie-naseleniya-kak-komponent-sotsialnoy-raboty-i-sotsialnogo-obrazovaniya/viewer (дата обращения: 09.02.2022).

5. Всероссийский сводный обзор: Общественно-государственное партнерство в субъектах РФ, 2021 // Сайт РИА «Новости регионов России». URL: https://regioninformburo.ru/vserossijskij-svodnyj-obzor-obshhestvenno-gosudarstvennoe-partnerstvo-v-subektah-rf-2021/ (дата обращения: 09.02.2022).

6. Гаджиев М.М. Перспективы партнерской модели в регулировании межнациональных и межэтнических отношений на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан) // КиберЛенинка.ру. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-partnerskoy-modeli-v-regulirovanii-mezhnatsionalnyh-i-mezhetnicheskih-otnosheniy-na-severnom-kavkaze-na/viewer (дата обращения: 10.02.2022).

7. Зинятова М.Н., Клейменов Е.А. Перспективы антикоррупционного просвещения населения на Дальнем Востоке: социологический анализ // КиберЛенинка.ру. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-antikorruptsionnogo-prosvescheniya-naseleniya-na-dalnem-vostoke-sotsiologicheskiy-analiz/viewer (дата обращения: 15.01.2022).

8. Новости управления, 2022 // Сайт Управления Генеральной прокуратуры РФ по Центральному федеральному округу. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo (дата обращения: 10.02.2022).

9. Худойкина Т.В. Формирование системы бесплатной юридической помощи в регионах Приволжского федерального округа // КиберЛенинка.ру. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoschi-v-regionah-privolzhskogo-federalnogo-okruga/viewer (дата обращения: 10.02.2022).

10. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2022 года и в среднем за 2021 год // Демография.rosstat.gov.ru. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1056152420/ (дата обращения: 05.03.2022).

11. Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит., сост. и общ. ред. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 25–69.

12. Тённис Ф. Общность и общество // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит., сост. и общ. ред. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 216–245.

13. Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Я.Г. Долбышев, 1914. 456 с.

14. Архипов С.И. Теория социально-правового прогресса // КиберЛенинка.ру. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialno-pravovogo-progressa-pitirima-sorokina/viewer (дата обращения: 20.01.2022).

15. Правовая осведомленность // W-Энциклопедия.ру. URL: https://wikijaa.ru/wiki/Legal_awareness (дата обращения: 18.02.2022).

LEGAL EDUCATION AS A TOOL FOR INVOLVING THE POPULATION IN SOLVING THE TASKS OF NATIONAL PROJECTS IN THE TERRITORY OF MUNICIPALITIES OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

T.A. Krivorotova

Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

The main focus of the story is the phenomenon of legal education of the population as a way of intensifying dialogue between the population and the authorities in the territories of municipalities during the implementation of national projects. Based on the results of a study of a number of municipal districts of the Nizhny Novgorod region, the author shows the main aspects of the legal education system, its role in the development of the living space of territories, determines the directions of effective organization of legal education of the population in modern conditions.

Keywords: legal education, population, national project, municipality.

УДК 316.44.3
DOI 10.52452/18115942_2022_3_154

МОЛОДЕЖНЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ

© 2022 г.

П.А. Трескин

Трескин Петр Андреевич, старший преподаватель Дзержинского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
treskin-ne@ya.ru

Статья поступила в редакцию 14.02.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

Рассматриваются ресурсы и возможности построения социальных лифтов через молодежные некоммерческие организации. Анализируются условия использования молодежной некоммерческой организации для построения карьеры и социальной реализации в общественной деятельности, бизнесе, власти, иных институтах гражданского общества, взаимодействующих с работой той или иной некоммерческой организации. На основе экспертного и фокус-группового интервью выделяются основные способы и возможности, предоставляемые общественными организациями для построения социальных лифтов волонтеров, а также мотивы волонтеров, участвующих в работе некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социальные лифты, молодежные организации, общественные организации, мотивы, социальная реализация, личная реализация.

Введение

Создавать социальные условия для развития молодежи – одна из приоритетных задач любого региона. Некоммерческие организации, выступая одним из инструментов развития гражданского общества, создают пространство новых возможностей, альтернативных получаемому образованию, профилю учебы и будущей работы для молодежи.

Благодаря опыту, навыкам и умениям, получаемым молодыми людьми в некоммерческих организациях, формируется новое пространство социальных связей, возможностей реализации и форм социализации. Чем большую социальную активность имеют молодежные некоммерческие организации, тем больше молодых людей имеют возможности в использовании дополнительных социальных лифтов, как горизонтальных, так и вертикальных.

Социальная мобильность молодежи тоже способствует расширению возможностей социальных лифтов молодежных некоммерческих организаций, так как дает участникам последних больше формальных практик и неформальных стратегий. Формальные практики закреплены на уровне организации или объединения, они рассмотрены в исследованиях И.В. Мерсияновой и Н.В. Ивановой [1], С.С. Аносова [2], К.А. Черкесса [3]. Неформальные стратегии (индивидуальные практики просоциального поведения, социализации и социальной активности) отражены в работах О.А. Полюшкевич [4–6], Е.Р. Ярской-Смирновой и О.А. Бодровой [7], Р.В. Иванова [8], П.А. Трескина [9; 10]. Молодежные некоммерческие организации выступают связующим элементом для создания условий и развития новых возможностей для разнообразных групп молодежи, а также социальным лифтом – инструментом вхождения и адаптации в новых социальных или профессиональных кругах, в которые было бы сложно войти и стать своим.

Методика исследования

Целью исследования являлось изучение молодежных некоммерческих организаций как социального лифта, позволяющего адаптироваться к новым социальным реалиям молодым людям, упрощать способы вхождения в новые социальные и профессиональные круги, получать и закреплять за собой социальный капитал, который позволяет находить свое место мире.

Для этого мы провели в 2021 г. экспертное интервью руководителей молодежных некоммерческих организаций на тему социальных лифтов для молодежи в рамках участия в некоммерческой деятельности. В интервью приняли участие 12 руководителей в возрасте от 25 до 55 лет, 60% женщин и 40% мужчин, занимающих руководящую должность в молодежной некоммерческой организации более трех лет.

Помимо этого, мы провели 6 фокус-групп, в которых приняли участие 52 человека – участники молодежных общественных организаций в

возрасте от 18 до 35 лет, 52% женщин и 48% мужчин.

Экспертное интервью проводилось через Zoom, а фокус-группы проводились в разных городах России очно (Иркутск, Улан-Удэ, Тюмень, Хабаровск, Нижний Новгород, Москва). Скрипты материалов исследования анализировались через программу AskNET.

Анализ результатов исследования

Результаты фокус-группового и экспертного интервью показали схожую картину. НКО в России – это инструмент активизации осознанности и общественной включенности в различные пространства развития общества различных социальных групп, а также проводник решения социальных проблем. Но молодежные общественные организации – это не просто организации, которые решают социальные задачи, это организации, расширяющие возможности молодежи. Они выполняют функции социализации, альтернативной профессиональной ориентации, увеличения коммуникабельности и повышения социальной активности различных групп молодежи.

Если работа общественных организаций любой направленности нацелена на решение одной или нескольких социальных проблем – в сфере экологии, культуры, социальной защиты разных групп населения, то работа молодежной общественной организации, помимо этих же функций, ... с самой молодежью, занимаясь ее воспитанием, социализацией, развивая внутреннюю смысловую наполненность и рефлексивность (С.Ю., 28 лет, руководитель региональной общественной организации волонтеров, Иркутск); *Молодежные общественные организации делают самое важное – формируют мировоззрение молодежи, ее ценности через разные сферы деятельности (в зависимости от профиля работы: от помощи детским домам и бездомным до сохранения памятников культуры и сдачи крови)* (А.В., 32 года, ведущий специалист молодежного центра по донорству крови, Улан-Удэ).

Молодежные общественные организации увеличивают социальную мобильность и социальную компетентность молодых людей, что позволяет им быть более успешными в личном и профессиональном плане.

Участие в молодежных общественных организациях создает внутреннюю сеть коммуникации между молодыми людьми, а это повышает их социальную активность, гибкость и мобильность. Нет внутренних ограничений, есть только новые возможности и перспективы (Р.О., 35 лет, руководитель молодежного экологического центра, Москва); *Быть мобильным и гибким – позволяет не базовое образование, которое получают студенты по своей специальности, а именно навыки живой коммуникации, социальной включенности и личной ответственности за участие в том, что позволяет выходить за пределы, в том, что позволяет не следовать правилам, а создавать их* (Д.А., 27 лет, руководитель волонтерской организации студентов, Нижний Новгород).

Некоммерческие организации масштабно влияют не на всю молодежь, а на социально активную, которая интересуется окружающей реальностью, хочет себя проявить, что-то узнать и чему-то научиться. Давая эту возможность, некоммерческие организации, во-первых, создают для себя лояльных волонтеров, готовых откликнуться в любой момент, во-вторых, расширяют возможности для молодых людей в получении навыков и квалификаций, которые в будущем станут для них ориентиром и одной из возможных стратегий социального продвижения.

Привлекая умных и талантливых молодых людей для реализации культурных, политических, социальных проектов, мы создаем среду для того, чтобы они знакомились с людьми из других социальных кругов, других профессий, опыта и знаний. Это дает им возможность в будущем иначе смотреть на себя и на мир, иметь больше возможностей для трудоустройства и личной и социальной реализации (Л.Н., 33 года, руководитель ассоциации волонтеров Тюмени, Тюмень); *Социальные связи формируются через сеть знакомств активных молодых людей с уже добившимися успеха представителями власти, бизнеса, культуры. Это дает молодым людям на пункт больше возможностей, чем другим их сверстникам. Работа в некоммерческой организации создает пространство для контакта с теми, с кем в обычной жизни даже и не встретились бы* (О.Р., 35 лет, руководитель Хабаровского регионального центра волонтеров, Хабаровск).

Но условия, которые создают некоммерческие организации для молодежи, могут касаться и пассивной части молодежного сообщества. Если активная часть молодежи участвует в качестве организаторов и помощников в проведении различных мероприятий, то пассивная часть чаще принимает участие в качестве субъекта воздействия или участника того или иного мероприятия, например конкурса или проекта.

Пассивная молодежь не рвется показать свои лидерские и организаторские навыки, но это не значит, что они неталантливы. С ними-то и надо работать, привлекая в различные

Таблица 1

Сфера реализации волонтеров различных молодежных некоммерческих организаций, %

Сфера реализации	Процент	Период (время)	Что помогло
Власть и государственные органы	18.2	6 лет	Амбициозность, тщеславие, харизма, желание изменить систему (личные взгляды)
Собственный бизнес	6.8	5 лет	Желание быть независимым, самостоятельно регулировать процессы социальной и экономической жизни значимой сферы
Наемный сотрудник в бизнесе	21.6	4 года	Личные качества, харизма, коммуникативные навыки, умение убеждать
Образование	18.5	3 года	Вовлеченность, увлеченность, инициативность, готовность активно взаимодействовать со всеми, кто может решить вопрос
Медицина	9.1	3 года	
Культура	12.2	3 года	
НКО	13.6	1 год	Идейность, прямолинейность, целеустремленность, коммуникабельность, умение убеждать, созидательность

публичные мероприятия – конкурсы, конференции, выставки. Ее выражение опирается на внутренние процессы и таланты, и с ними надо работать, так как организовать возможность роста, развития и реализации того или иного таланта – задача как государственных органов, так и общественных организаций (С.С. руководитель центра поддержки талантливой молодежи, Иркутск); *Далеко не каждый молодой человек нуждается в социально активных проектах и действиях, но у большей части молодых людей есть свои таланты. Вот если их поддерживать, давать возможность проявлять и получать общественное признание, тогда не просто социальные лифты, а социальные взрывы реализации инициатив молодых людей станут основой общественного воспроизводства* (Д.Д., руководитель центра творческой молодежи, Улан-Удэ).

Далеко не каждая некоммерческая организация ведет учет и отслеживает судьбу своих волонтеров, поэтому мы опирались на субъективные впечатления и личный опыт участников исследования – как и в какой сфере лучше реализуются участники волонтерского движения. По их оценкам, около 35–40% реализуются в той области, где выступают волонтерами (далеко не всегда в сфере общественной работы – чаще используют ее как площадку для дальнейшего роста). Иными словами, только 35–40% волонтеров используют эту работу как возможность социального лифта, остальные не используют эту сферу своей деятельности как инструмент социального развития, оставаясь в поле только личных интересов. Более подробные данные представлены в таблице 1.

Временной период нами специально был введен как косвенный субъективный показатель реализации социального капитала, позволяющего использовать возможность социальных лифтов для молодых людей, участвующих в качестве волонтеров в некоммерческих организациях. И то, что в разных социальных нишах социальные лифты обладают различной временной перспективой (от НКО – в 1 год до власти – до 6 лет), указывает на то, что внутренняя структура их неоднородна, профессиональная наполненность также предполагает свои особенности, что необходимо учитывать, начиная данную работу.

Наиболее длительные карьерные стратегические возможности получают волонтеры, стремящиеся попасть во власть и на государственную или муниципальную службу (6 лет). Для успехов в данной сфере нужны как особые личные характеристики, так и готовность встраиваться в уже имеющиеся правила игры. Чаще всего данная деятельность наиболее привлекательна для участников молодежной думы среди школьников и молодежного парламента для студентов.

На втором месте по временному интервалу находится собственный и наемный бизнес (4–5 лет). Из личных качеств, помогающих в реализации данных сфер, может быть инициативность, готовность рисковать, начинать что-то новое, не бояться экспериментов. При этом долгосрочные проекты рассматриваются гораздо реже, нежели краткосрочные стартапы и прочие современные бизнес-модели.

На третьем месте реализация волонтеров общественных организаций в сфере образования, медицины, культуры в зависимости от того, в какой сфере их волонтерская деятельность разворачивалась. Срок реализации тут значительно меньше – 3 года, так как более тесно связан с работой что в качестве волонтера, что в качестве специалиста рассматриваемой сферы. Важно не просто проявить себя, а показать заинтересованность данной сферой.

Таблица 2

Сравнительный семантический анализ ключевых лексем мотивации волонтеров

Волонтеры, ориентированные на использование социальных лифтов НКО		Волонтеры, работающие в НКО ради процесса	
Лексемы	%	Лексемы	%
Нужные знакомства	23.2	Помощь конкретным людям	26.2
Перспективные контакты	21.5	Быть нужным здесь и сейчас	23.4
Личные связи	19.3	Важен поступок	21.2
Социальное доверие	18.6	Важно настоящее и делание в настоящем	17.8
Социальная известность	17.4	Решать вопросы сейчас	11.4

Отдельно стоит сфера карьерной и социальной реализации в некоммерческом секторе – быть успешным, значимым, авторитетным человеком в сфере общественной деятельности. В перспективе – быть экспертом в определенном секторе гражданского общества и существующих общественных инициатив некоммерческого взаимодействия. Эта сфера наименее затратна по времени – до года, но и менее оплачиваемая, хотя сферой оценки и реализации успехов в ней являются далеко не финансы в чистом виде, а благодаря личному участию победы в грантовых конкурсах Фонда Президентских грантов, грантов Губернского собрания и прочее. Тут важна активность, инициативность – приоритет в социальной и личной реализации и служении общественному делу, в реализации просоциальных практик, а не в личных экономических и иных выгодах.

В результате анализа ответов молодых волонтеров, которые мы получили в ходе фокус-группового исследования, мы выяснили, что каждый второй из них рассчитывает использовать возможности некоммерческой организации для построения своей карьеры (в сфере, часто не связанной напрямую с получаемой или уже полученной специальностью в вузе). Это позволяет нам говорить о готовности использовать НКО как социальный лифт.

Я понимаю всю ресурсность для моего будущего моей нынешней активности в волонтерском центре студентов – я знакомлюсь с множеством людей из бизнеса, власти, я могу быть нужным всем. Это и есть возможность найти Свое место в жизни (С.В., 20 лет, член волонтерского студенческого центра, Хабаровск); *Я пришла в экологическую некоммерческую организацию, потому что не безразлична экология в принципе, но также я понимаю, что это наиболее комфортный способ войти в органы власти, я в будущем хочу стать депутатом, а для этого мне необходима социально активная, интересная и наполненная жизнь. И я это использую, занимаюсь тем, что мне интересно и взаимодействую с теми, кто мне интересен – представители власти, СМИ, НКО. Я нарабатываю свой социальный ресурс, который поможет мне выстроить карьеру, открыть двери, которые для многих навсегда останутся закрытыми* (О.В., 25 лет, член экологической некоммерческой организации, Иркутск).

При помощи программы AskNET мы провели сравнительный семантический анализ экспертных и фокус-групповых интервью, который позволил выделить лексемы, определяющие ключевые мотивы волонтеров. Интересным выступает тот факт, что они отличаются для тех, кто планирует использовать свою работу волонтеров в некоммерческой организации в качестве социального лифта, и тех, кто не планирует это делать, так как работает волонтером ради самого процесса (изменения ситуации, проблемы, вопроса и т.д.). В таблице 2 представлены полученные данные.

Как видно из таблицы 2, волонтеры, ориентированные на использование социальных лифтов НКО, используют чаще лексемы действия, нацеленного на будущий результат без конкретной привязки к сфере деятельности, тогда как волонтеры, работающие в НКО ради процесса, указывают на такие цели и мотивы своей деятельности, которые ощутимы и измеримы прямо сейчас и могут в будущем никак себя не проявить.

Безусловно, не все волонтеры используют волонтерскую деятельность для построения социального лифта будущей реализации. Тут сказывается многообразие как мотивации самих участников волонтерской деятельности, так и условий организации работы некоммерческой организации, привлекающей волонтеров. Соединение внешних условий и внутренних ожиданий и мотивов волонтеров является возможностью для активизации социальных лифтов некоммерческих организаций.

Заключение

Выявленные нами закономерности показывают, что молодежные некоммерческие организации могут выступать в качестве социальных лифтов для активной молодежи, участвующей в

их работе в качестве волонтеров. Но только 35–40% используют этот ресурс как шанс социального горизонтального или вертикального развития, большая часть опирается на работу в молодежных некоммерческих организациях как на хобби, способствующее реализации личных интересов, не имеющих вариантов дальнейшего использования в профессиональной и карьерной сфере.

Проанализированные комментарии и ответы руководителей молодежных некоммерческих общественных организаций по мотивам и оценкам использования ресурсов НКО для личного социального роста говорят о том, что далеко не все молодые люди ими пользуются, хотя те, кто опирается на них, достигает успехов в общественной и смежных сферах развития институтов гражданского общества. Можно утверждать, что на современном этапе общественного развития молодежные общественные организации выступают инструментом социального лифта для одних, для остальных же это форма реализации личных интересов и хобби; использование молодежных некоммерческих организаций как социального лифта во многом зависит от мотивации участия молодых людей в их работе.

Список литературы

1. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361.

2. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.

3. Черкесс К.А. Роль молодежных НКО в формировании и развитии социальных лифтов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11(79). С. 45–50.

4. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.

5. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VI Международной научно-практической интернет-конференции. В 2 частях. Вологда, 2021. С. 20–23.

6. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.

7. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24 (1). С. 45–78.

8. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.

9. Трескин П.А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.

10. Трескин П.А. Некоммерческие организации в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 159–164.

YOUTH NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS A MODERN SOCIAL LIFTS

P.A. Treskin

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The resources and possibilities of building social lifts through youth non-profit organizations are considered. The conditions for using a youth non-profit organization for building a career and social realization in social activities, business, government and other civil society institutions that interact with the work of a particular non-profit organization are analyzed. Based on expert and focus group interviews, the main methods and opportunities provided by public organizations for building social elevators for volunteers, as well as the motives of volunteers participating in the work of non-profit organizations, are highlighted.

Keywords: social lifts, youth organizations, public organizations, motives, social realization, personal realization.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_159

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА НА ДОМУ

© 2022 г.

Г.В. Колосова

Колосова Галина Владимировна, заместитель председателя
Комитета по социальной политике Правительства Санкт-Петербурга
kolosova@ksp.gov.spb.ru

Статья поступила в редакцию 09.03.2022
Статья принята к публикации 18.07.2022

Социальное обслуживание в Петербурге развивается с 1987 г., буквально с первых дней появления надомного ухода за пожилыми в СССР, но в сегодняшних условиях многие его функции обогащаются и развиваются, в первую очередь за счет новых стационарозамещающих технологий. Если сначала надомное обслуживание рассматривалось в контексте предотвращения раннего попадания в дом престарелых, т.е. интернатное, закрытое учреждение, то в настоящее время на повестке задачи более радикальные – построить систему долговременного ухода (СДУ), которая в большинстве случаев заменит интернат, позволит пожилому человеку оставаться включенным в обычную жизнь, живя дома. В России уже 34 пилотных субъекта РФ, которые внедрили отдельные элементы СДУ. Петербург присоединится к СДУ в 2023 г., несмотря на активное предоставление услуг служб сиделок начиная с 2009 г. в качестве регионального пилотного проекта, с 2010 г. в качестве мер социальной поддержки пожилых.

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442 существенно изменил порядок оказания социальных услуг населению, поскольку за счет привлечения организаций различных форм собственности обеспечивается расширение рынка социальных услуг. При этом в него до настоящего времени не внесены изменения в части дополнения перечня социальных услуг услугами, предусматривающими социальный пакет долговременного ухода. Однако для этого нужно отрегулировать взаимодействие ряда формальных и неформальных субъектов сложившейся системы помощи и ухода за пожилыми, преодолеть барьеры межведомственного взаимодействия между ними. Мы рассматриваем социальное обслуживание и СДУ исходя из того, что многие сложившиеся раньше социальные институты отстают от «текучей действительности» и создают риски не демографического, а управленческого развития. Как пример управленческого решения анализируется работа Центра организации социального обслуживания (ЦОСО) в Санкт-Петербурге по социальному сопровождению пожилых, начатая в 2020 г.

Ключевые слова: социальное обслуживание, пожилые, межведомственное взаимодействие, система долговременного ухода, неформальная социальная помощь, семья.

Теоретические подходы

Сегодня каждый седьмой россиянин – человек старшего возраста (численность населения в возрасте 65 лет и старше на 1 января 2021 года, по данным Росстата, в России составила более 23 миллионов человек, или 15.8% от всего населения) [1], и этот показатель растет. Он выше, чем среднемировой, однако существенно ниже, чем в развитых странах Европы и Японии [2].

В условиях старения населения здоровое долголетие становится важнейшей из задач социальной политики, однако в России пока недостаточно вариантов решения проблем включенной и здоровой жизни пожилых. Внимание государства и СМИ фокусируется на бедности, слабости, болезненности пожилых. Социально-экономические проблемы не решаются, а приоритетом является восприятие пожилых с позиций медицины и в последние десятилетия социальной работы, маркирующей всех пенсионеров как нуждающихся в особой заботе и уходе. Такой, унифицирующий людей через возраст подход давно обозначается как эйджизм и критикуется учеными, например И.С. Леоновой, утверждающей, что интерпретативный потенциал возраста близок к исчерпанию [3]; И.А. Григорьевой и В.Н. Келасьевым, призывавшими к смене парадигмы в отношении старения [4], и другими учеными.

Критика «возрастного» подхода активизировалась из-за глобальных мер по изоляции пожилых 65+ в начале пандемии COVID-19. Особенно это заметно, когда пожилой человек все же начинает нуждаться в долговременном уходе. Нуждаются в нем 5–6% пожилых [5], но степень нуждаемости зачастую преувеличивается. Во многих случаях пожилые люди не хотят пе-

ремещаться в стационар, где ряд задач ухода решается «под одной крышей». Большинство пожилых предпочитают стареть дома, но задача обеспечения им квалифицированного и достаточного ухода требует согласования взаимодействий и интересов множества субъектов социального взаимодействия. Исторически первая попытка медико-социального надомного обслуживания оказалась неэффективной, отмечают Т.К. Ростовская, М.А. Королев: «Следует отметить, что в России работа медико-социальной службы организована недостаточно эффективно. И если раньше проблема была только в недостаточном финансовом обеспечении, то сегодня возник ряд иных сложностей, основной из которых является несогласованность работы медицинского персонала и социальных работников… Проблемы также обусловлены различиями в характере медико-социальной работы в учреждениях социальной защиты и учреждениях здравоохранения» [6].

Барьером для роста числа пожилых потребителей социальных и социально-медицинских услуг является также платность социальных услуг, активно внедряемая с 2015 г. Более того, в стране работает 630 тыс. социальных работников и 714.1 тыс. врачей + 1314.0 тыс. медицинских сестер. Суммирование показывает, что это более 2.7 млн работников из более чем 71 млн занятых, т.е. без малого 4% занятых, значительная часть которых обслуживает именно пожилых [7]. Однако некоторые подсчеты свидетельствуют о нашей недооценке рынка услуг для пожилых и инвалидов, он имеет резерв роста. Так, 11.5% от общего числа занятых в мире, или 381 млн человек, заняты в экономике ухода, 37% прогнозируемых предложений вакансий в новых профессиях в 2020–2022 гг. связаны с экономикой ухода [8]. Проблемы в развитии СДУ, которая начала в последние годы быстро развиваться, связаны еще с тем, что отсутствие связей и отраслевое управление как медициной, так и социальным обслуживанием привело к дублированию услуг, неэффективности и завышению стоимости обслуживания и числа клиентов. Во всем мире СДУ функционирует по общим принципам и называется long-term care. Уход понимается не в узком смысле – как уход за лежачим больным, а как комплексная система поддержки самого высокого качества жизни для всех людей с устойчивыми ограничениями жизнедеятельности.

Сегодня, т.е. с 2017 г., в российской политике обслуживания пожилых приоритетом был выбран именно долговременный уход при условии оказания социальных услуг взаимодействующими социальными институтами. Из управленческих решений о поддержке пожилых развитие СДУ – самое традиционное и не вызывающее сомнений. Плюсом его видится привычность, моральная позитивность и расширение числа инстанций – участников обслуживания. Среди последних можно выделить государство, бизнес, гражданское общество и неформальные сети, такие как соседство и семья, обозначающие необходимость межсекторального взаимодействия указанных выше институтов/агентов в поле социального обслуживания, с консолидирующей ролью семьи, что убедительно проанализировано З.Х. Саралиевой [9]. Минусом – отсутствие ориентации на перспективу, поскольку СДУ закрепляет эйджистские установки, не предполагает интенсивной профилактики хронических заболеваний и развития технологий реабилитации пожилых.

В настоящее время реализация «плюсов» непроста. Е.Р. Ярская-Смирнова, О.А. Бодрова отмечают, что «вхождение НКО и коммерческих организаций в поле социального обслуживания, плотно занятое государственными провайдерами, – сложная, даже болезненная проблема. Многим организациям приходится себя «легитимировать» в глазах потребителей, чиновников, доноров, представителей третьего сектора – объяснять, подстраиваться под новые условия, лавировать. И от региона к региону ситуация может сильно различаться…» [10]. О.А. Парфенова и И.С. Петухова прямо пишут о конкуренции за клиентов на материале нескольких регионов [11]. Мы исходим из того, что несогласованность в управлении – это отсутствие необходимых регламентов межведомственного взаимодействия, отсутствие системности во взаимодействиях организационных структур и процессов, о чем убедительно писала З.Х. Саралиева с соавторами [12, 13]. Взаимодействие разных агентов осуществляется с помощью трансферта и синтезирования знаний из медицины, социологии, психологии и педагогики, что тоже непросто, интерсекциональность в изучении пожилых еще только поставлена как задача [14]. Но ориентация на взаимодействие позволяет в какой-то степени компенсировать дефицит теоретических и технологических знаний непосредственно в геронтологическом социальном обслуживании/работе [15].

Социальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную и интегрированную благодаря наличию общей ценностной ориентации, которой в данном случае должно стать повышение качества жизни пожилых людей, нуждающихся в долговременном уходе. Но в российской системе управления на всех уровнях межведомственного взаи-

модействия они, как правило, выстроены плохо. Связано это с тем, что преобладающая модель вертикального и централизованного управления и воздействия государства сталкивается с реальным разнообразием современной социальной жизни в России, требующим горизонтальных взаимодействий и координации разнонаправленных агентов. Подчеркнем, что направленные вертикально управленческие воздействия в социальных системах работают иначе, чем в технических [16]. В социальных системах необходим учет «обратной связи», которая может требовать разнообразных корректировок ранее принятых решений, чтобы они были эффективными, а не «уходили в песок».

Особенно отсутствие налаженных социальных взаимодействий сказывается в больших городах, где социальные отрасли (образование, медицина, социальное облуживание) разделены законодательно установленной распределенной ответственностью в отношении получателя социальных услуг, в связи с чем решения принимаются изолированно. Неформальные агенты помощи пока тоже не слишком хорошо координируются, так как привычки к горизонтальным, и тем более партнерским, взаимодействиям недостаточно. При этом отсутствие межведомственного взаимодействия наиболее заметно в относительно новом виде воздействия на получателя социальных услуг в дополнении к социальному обслуживанию, а именно «социальном сопровождении», нормы которого определены в ФЗ № 442, ст. 22 [17]. Это содействие гражданам при необходимости в предоставлении им услуг смежных отраслей, с которыми может столкнуться человек, при признании его нуждающимся в социальном обслуживании либо уже при получении социальных услуг. Конечно, развитие института негосударственных поставщиков социальных услуг, включающих в себя СО НКО и частных поставщиков, с которыми государственные органы социальной защиты работают на постоянной основе, определило направление развития межсекторального взаимодействия. Законодательно закреплено, что мероприятия по социальному сопровождению должны отражаться в индивидуальных программах предоставления социальных услуг (ИППСУ). Восемь видов социальных услуг с тремя формами социального обслуживания чётко прописаны на федеральном уровне. Рекомендательно закреплён типовой перечень социальных услуг, который может быть расширен на уровне регионов их законодательными актами. Вот тут-то и начинается разнообразие регионов по самым разным причинам и обоснованиям.

Методы и материалы

В качестве исследовательского кейса мы рассмотрим барьеры и достижения во взаимодействии различных управленческих субъектов, занимающихся организацией СДУ в Петербурге. Город является «модельным» в плане как развития государственной системы социального обслуживания, так и представленности группы пожилых в составе населения. В Петербурге население даже более старое, чем в стране в целом (943.0 тыс. людей старше 65 лет, 17.5% от всего населения [18]), и давно существуют разные, но слабо координированные организации, взаимодействующие в поле обслуживания пожилых и СДУ. Гражданам предоставляется 105 индивидуальных наименований социальных услуг, в то время как рекомендуемый федеральный перечень содержит всего 45 социальных услуг. Но задача координации и взаимодействия агентов социального обслуживания является тем более актуальной. Таким образом, в статье представлен Петербург как объект case-study развития СДУ на основании собственного уникального опыта по интеграции с 2017 г. социальных услуг, предоставляемых службами сиделок (начиная с 2009 г.), в перечень социальных услуг, утверждаемый региональным законом в соответствии с новыми требованиями ФЗ № 442.

Будет проведен анализ законодательства о социальном обслуживании, начиная с федеральных законов и заканчивая нормативными актами, регулирующими порядки предоставления различных форм социального обслуживания, внедрение стационарозамещающих технологий, деятельность организаций социального обслуживания.

В 2021 г. в Санкт-Петербурге утвержден План мероприятий по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ, включающий реализацию основных направлений Регионального проекта «Старшее поколение» федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» и Стратегии [19].

Анализ документов дополнен значительным количеством статистических данных о динамике старения и социального обслуживания пожилых, используемых в рамках достижения показателей регионального проекта «Старшее поколение».

Первое направление предусматривает мониторинг достижения пяти показателей в части повышения качества и доступности медицинской помощи для лиц старше трудоспособного возраста.

Второе направление – включение Петербурга в федеральную систему долговременного

ухода для лиц старше трудоспособного возраста и инвалидов, нуждающихся в социальном обслуживании. В настоящее время этот показатель отражает охват пожилых граждан социальными услугами в различных формах социального обслуживания. Данный показатель в Санкт-Петербурге выше среднего общероссийского, который составляет по итогам 2021 г. 11.0%. В Санкт-Петербурге – 14.9%. Это около 232 тысяч человек, получивших социальные услуги по итогам 2021 г., из которых более 8.3 тысячи человек получили услуги социально-медицинского ухода на дому (5.3 тысячи человек в государственных организациях согласно сведениям, представленным на государственном сайте с информацией о государственных муниципальных учреждениях, и 3.0 тысячи человек в 13 негосударственных организациях) [20].

Несмотря на то, что Санкт-Петербург не является пилотным регионом СДУ, его ресурсные возможности позволяют реализовывать все предусмотренные СДУ технологии: служба сиделок, пункты проката ТСР, школы ухода, развитие полустационарного и стационарного обслуживания с учетом специализации в зависимости от гериатрических синдромов. Для сравнения – Республика Татарстан, являющаяся пилотным регионом по СДУ с 2019 г., по итогам 2021 г.: показатель обслуженных граждан пожилого возраста от их общего числа составил всего 3.6% (38 тысяч человек); показатель охваченных системой СДУ – 25% (4.8 тысячи человек) [21].

Результаты и обсуждение

Естественно, что социальное обслуживание в Петербурге имеет ряд общих черт с другими регионами, обусловленных федеральным законодательством о социальном обслуживании. Ряд специфических особенностей связан со статусом города федерального подчинения (как Москва и Севастополь), т.е. субъекта РФ. Объединяет все варианты социального обслуживания, существующие в разных субъектах РФ, то, что различия стали возможны в рамках неолиберального подхода в социальной политике, который реализует в последние годы государство. Собственно, определенную самостоятельность в развитии именно социального обслуживания, но государственными сервисами, регионы получили с 2005 г., когда им были переданы необходимые полномочия и соответствующее финансирование с федерального уровня на уровень субъектов РФ, в соответствии с ФЗ № 122 от 22.08.2004 [22]. Этот подход, получивший развитие в ФЗ № 442, стимулировал увеличение числа «смешанных», т.е. негосударственных, субъектов социального обслуживания в каждом регионе. Конечно, «разгосударствление», даже медленное, оказалось непростым делом, что убедительно проанализировано С.Г. Климовой [23], как и введение платности обслуживания на дому. Национальный проект «Демография» и региональные проекты «Старшее поколение» направлены на перспективную реализацию системы долговременного ухода и развитие активного долголетия в рамках Стратегии в интересах граждан пожилого возраста [24]. Однако они декларируют, «что нужно делать», но оставляют регионам решать вопрос, «как», т.е. управленческую технологию.

Вопросы межведомственного взаимодействия в решении проблем конкретного пожилого человека, которые лежат на стыке систем социального обслуживания и системы здравоохранения, постепенно стали регулироваться с 2018 г. приказами Минтруда и Минздрава. Эти приказы легитимировали конкретные методические рекомендации по организации социального обслуживания и предоставления медицинской помощи гражданам, основным обстоятельством нуждаемости которых в социальном обслуживании является полная или частичная утрата способности к самообслуживанию.

Естественно, Санкт-Петербург в этот период принимает свои регламенты для реализации комплексного подхода к решению проблем граждан пожилого возраста с учетом их индивидуальных потребностей и межведомственного взаимодействия. Постепенно складывались взаимодействия Комитета по социальной политике Петербурга с множеством социально ориентированных НКО. Подробно эти взаимодействия на городском материале разобраны И.А. Григорьевой и О.А. Парфеновой [25].

К одному из таких видов межведомственного взаимодействия для помощи относится социальное сопровождение клиентов, в том числе пожилых, которое получило свое активное развитие в Петербурге благодаря созданию в июле 2019 г. Службы социальных участковых на базе Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр организации социального обслуживания населения» (далее – ГКУ «ЦОСО») [26]. Основными задачами специалистов Службы социальных участковых являются: выявление граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, определение их индивидуальной потребности при составлении индивидуальной программы предоставления социальных услуг (далее – ИППСУ) и координация действий участников межведомственного взаимодействия в целях маршрутизации и организации

социального сопровождения нуждающихся граждан. Передача полномочий по признанию граждан нуждающимися в социальном обслуживании от органов социальной защиты населения Санкт-Петербурга, которыми являлись Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга и 18 администраций районов Санкт-Петербурга, специализированной организации (ГКУ «ЦОСО») потребовала внесения изменений в региональный закон о социальном обслуживании [27]. Деятельность ГКУ «ЦОСО» является в настоящее время востребованной у граждан пожилого возраста. Так, по вопросам признания права на социальное обслуживание в Службу социальных участковых в 2020 г. обратились более 100 тыс. жителей Петербурга, 70 тыс. из которых граждане пожилого возраста [28]. Служба социальных участковых способствует тому, что участковые обеспечивают выявление, выходя по месту жительства гражданина, и оценивают его нуждаемость как в социальных услугах, так и медицинской помощи, преодолевая барьеры межведомственного взаимодействия. Благодаря созданию ГКУ «ЦОСО» обеспечена возможность постоянного мониторинга включения мероприятий по социальному сопровождению в составляемые ИППСУ, направленных на совершенствование межведомственного взаимодействия с учреждениями здравоохранения и медико-социальной экспертизы для поддержки здоровья, получения индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида и т.д. В 2021 г. в 6 раз увеличилось включение мероприятий по социальному сопровождению, что позволило обеспечить комплексное решение проблем пожилых людей, нуждающихся не только в социальном обслуживании, но и в различных видах медицинской помощи в рамках межведомственного взаимодействия.

Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга в декабре 2021 г. проведено исследование, направленное на изучение мнений работников организаций социального обслуживания о развитии межведомственного взаимодействия в рамках внедрения СДУ. В ходе исследования респондентам предлагалось оценить результаты, измеряющие эффективность межведомственного взаимодействия. Результаты экспертного опроса подтвердили гипотезу о высокой значимости выделенных факторов, среди которых основными являются: координация деятельности участников межведомственного взаимодействия; формирование профессиональной базы лучших практик и технологий; развитие профессиональных компетенций участников межведомственного взаимодействия; развитие электронного информационного обмена о получателях социальных услуг; совершенствование региональных нормативных правовых документов в сфере регулирования межведомственного взаимодействия органов и учреждений разных ведомств. Начиная с 2015 г. в управленческой практике разных субъектов РФ можно заметить попытки более адресного, клиентоориентированного подхода к предоставлению социальных услуг, формирование которого усложняется в связи с неполнотой нормативной базы, регулирующей сферу социального сопровождения. Сегодня в Федеральном законе № 442, который уже претерпел массу изменений в направлении усиления категоризации взаимодействия через новые редакции (ред. Федеральных законов от 21.07.2014 № 256-ФЗ, от 14.11.2017 № 324-ФЗ, от 05.12.2017 № 392-ФЗ, от 05.02.2018 № 15-ФЗ, от 07.03.2018 № 56-ФЗ, от 01.05.2019 № 91-ФЗ, от 13.07.2020 № 190-ФЗ, от 11.06.2021 № 170-ФЗ), содержится определение понятия «социальное сопровождение». Также перечислены обязательные региональные нормативные акты, которые необходимо принять, в которых описывается порядок межведомственного взаимодействия. Согласно приказу Минтруда России о примерной форме ИППСУ, заключение о ее выполнении включает в себя оценку как результатов предоставления социальных услуг, так и мероприятий по социальному сопровождению [29]. Но в то же время ни в законе, ни в приказе Минтруда не дано описание механизма предоставления социального сопровождения, перечня мероприятий и административных процедур для его организации. Это влияет на многообразие моделей организации и правоприменительную практику в субъектах Российской Федерации.

Это приводит к тому, что каждый субъект РФ и региональные органы власти практически самостоятельно разрабатывают регламенты для участников межведомственного взаимодействия [30]. Каждый регион с учетом своей специфики предоставляет услугу социального сопровождения, пользуясь самостоятельно разработанной технологией и правилами. Какие ожидания есть в этом отношении от каждого участника взаимодействия, начиная от федерального законодателя и далее бизнеса, гражданского общества в лице НКО/НГО, неформальных сетей поддержки, в которое входит семья, соседство и дружеские связи, то есть всего того, что составляет современный формат «welfare/economic mix», авторы описали в своей недавно вышедшей статье [31]. Из нее понятно, что Петербург, как каждый регион РФ, включает необходимые мероприятия по видам помощи, в получении которых оказывается содействие, в том числе их объем, срок и условия мероприятий по соци-

альному сопровождению. Сопровождение обеспечивает «старение на привычном месте», которое считается наилучшим для пожилых в разных странах мира, несмотря на то, что объем внешней помощи при старении на месте снижается или передоверяется неформальной помощи семьи и соседей [32].

Поэтому для более взаимосвязанного формата развития на федеральном уровне необходимо разработать дополнительное методическое обеспечение организации социального сопровождения. Целью стандартизации технологий социального сопровождения в Петербурге является повышение эффективности и скоординированности действий участников межведомственного взаимодействия между исполнительными органами государственной власти и организациями в сфере социального обслуживания, здравоохранения, образования, труда и занятости. В настоящие время Служба социальных участковых – это нововведение в сфере социального обслуживания Санкт-Петербурга, механизм реализации мероприятий по социальному сопровождению в зависимости от категорий получателей социальных услуг и имеющихся у них обстоятельств нуждаемости совершенствуется путем создания классификатора мероприятий.

Для дальнейшего развития социального сопровождения необходимо сформировать профессиональные компетенции сторонних участников межведомственного взаимодействия при оказании гражданам необходимых видов помощи, обеспечить создание электронного справочника (классификатора) пакетов мероприятий по социальному сопровождению для включения в ИППСУ в различных формах социального обслуживания.

Необходимо обеспечить возможность контроля со стороны социальных служб за вовлеченностью пожилого человека в ежегодную диспансеризацию, в проведение комплексной гериатрической оценки, в диспансерное наблюдение, в том числе в рамках дневного стационара, получение медицинских услуг или выездной патронажной службы (это в дополнение к тому набору социальных услуг, которые, как правило, в рамках развития стационарозамещающих технологий гражданин получает в надомной форме социального обслуживания). Возможно, результаты такого контроля позволят более обоснованно судить об эффективности социального сопровождения.

В то же время увлечение технологическими решениями проблемы может ослабить внимание к другим аспектам обслуживания пожилых, которые по факту могут быть не менее рентабельными и эффективными. Например, какое-то время назад много говорили о «приемной семье» для пожилого человека [33]. Конечно, в городских условиях реализация совместного проживания двух пожилых женщин с хозяйственной точки зрения выглядит менее целесообразной, чем в сельских. Однако если смотреть на такое проживание с точки зрения профилактики одиночества и активизации пожилых, то оно имеет хороший потенциал. Но самих пожилых нужно к нему психологически подготовить, чтобы не получалось, что «одному скучно, а вдвоем тесно».

Что дала пожилым в Петербурге возможность внедрения такой технологии, как Служба социальных участковых? Прежде всего, специалистами (социальными участковыми) обеспечено посещение граждан по адресу проживания, которые не могут самостоятельно выйти из дома, это называется выявлением, выстраиванием маршрута (маршрутизация), определением их индивидуальных потребностей (типизация). В публичную дискуссию была включена ситуация, когда поликлиники не сообщают районным социальным службам о необходимости надомного обслуживания пожилого человека, который зачастую не знает, что можно и нужно сообщить о своей нужде в социальную службу. Естественно, именно преодоление такого барьера на районном уровне совершенно необходимо. Благодаря социальным участковым вовлечены в обслуживание наиболее тяжёлые сложные, не получающие даже медицинской помощи, пожилые. Сейчас первый этап в рамках социального сопровождения – это получение пакета социальных гарантий в медицинской отрасли, далее составление ИППСУ, подбор уже тех поставщиков социальных услуг, которые гарантированно могут предоставить те или иные социальные услуги в соответствующих формах. Для пожилых самой востребованной формой, конечно же, является социальное обслуживание на дому. Сегодня более 5 тыс. социальных работников и сиделок Санкт-Петербурга, почти 30 организаций различных форм собственности предоставляют эти услуги в Санкт-Петербурге.

Однако, чтобы вовлечь в помощь пожилым семьи, в которых они проживают, необходимо обучить родственников уходу, приемам взаимопомощи и самопомощи. «В организации долговременного ухода большую роль играют близкие пожилого человека. Зачастую консультация, помощь, психологическая поддержка требуются родственникам, которые осуществляют уход. Специально для этого созданы «школы родственного ухода». Такие занятия и консультации могут проходить как в очном

формате, так и в дистанционном. Обучение позволяет более рационально и эффективно организовывать работу по сопровождению пожилого человека, обеспечивать непрерывный цикл реабилитационных мероприятий при необходимости», – поясняет замминистра труда и социальной защиты РФ Ольга Баталина [34]. К весне 2021 г. в рамках создания системы долговременного ухода в стране открыто более 400 школ родственного ухода. Там учат правильно оказывать необходимую помощь, облегчая родственникам этот ежедневный труд. При этом важно проявлять заботу не только о физическом, но и о психологическом состоянии близкого человека. В Петербурге открываются подобные школы в районах, при каждом КЦСОН, а также есть НКО, где учат родственников, например «Хэсэд Авраам». Как мы отметили выше, численность людей старше 65 лет в городе высокая и растет. Результаты обследования 2019 г. показывают, что львиная доля помощи (70.6% случаев) по оказанию медицинских или санитарно-гигиенических процедур на дому была предоставлена нуждающимся родственниками и знакомыми (в зарубежной литературе их называют неформальными опекунами) пожилых людей. В наиболее же сложных и тяжелых случаях (для лиц, почти или полностью прикованных к постели) на долю помощи родственников и знакомых пришлось 93% всего объема оказанных услуг. Примерно на тот же уровень обеспечения неформального ухода – 75–90% всех потребностей – указывают и документы, касающиеся 56 государств-членов региона ЕЭК ООН [35]. Таким образом, помощь «помогающей семье» становится приоритетом СДУ, которая пока плохо финансово и организационно поддержана, что не раз отмечено в литературе, в частности С.А. Судьиным [36].

Заключение

Своевременное выявление граждан и их дальнейшее социальное сопровождение являются основными составляющими регионального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография», который предусматривает включение в 2023 г. Санкт-Петербурга в федеральную систему долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами. С учетом имеющегося кадрового потенциала и ресурсности Службы социальных участковых Санкт-Петербурга Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга было принято решение создать на его базе Координационный центр системы долговременного ухода, предусмотренный рекомендациями Минтруда России.

В то же время мониторинг охвата граждан пожилого возраста социальными услугами в настоящее время на федеральном уровне не предполагает использование ресурсных возможностей ГИС «ЕГИССО», включающей информацию о предоставлении мер социальной поддержки и социального обслуживания гражданам Российской Федерации.

Кроме того, порядок организации мониторинга социального обслуживания граждан в субъектах Российской Федерации, утвержденный Приказом Минтруда России от 18.09.2014 № 651н «Об утверждении Порядка осуществления мониторинга социального обслуживания граждан в субъектах Российской Федерации, а также форм документов, необходимых для осуществления такого мониторинга», не предусматривает учет численности получателей социальных услуг по формам социального обслуживания. Это удивительно: получается, что использование и эффективность определенных услуг невозможно учесть. Это препятствует получению объективной оценки степени удовлетворения потребности нуждающихся граждан в социальном обслуживании в соответствующих формах.

Опыт показал, что пакеты мероприятий социального сопровождения должны быть сформированы на основе проведения типизации мероприятий по социальному сопровождению в зависимости от обстоятельств, обусловливающих нуждаемость гражданина. А электронный справочник в перспективе позволит упростить процессы составления и отслеживания реализации индивидуального плана социального сопровождения, исходя из пакета мероприятий по социальному сопровождению, в том числе в автоматизированном порядке. Это повысит оперативность работы специалистов и гибкость реагирования на запросы граждан в получении необходимой помощи, в том числе не относящейся к социальным услугам.

Всем регионам, и Петербургу тоже, нужны расчеты вариантов развития новых технологий и возникающих взаимодействий, понимание роли научной экспертизы в принятии политических решений. Больше, чем когда-либо, стало очевидно, что люди сами могут решать, как им стареть, сочинять свой сценарий старения и выбирать те виды услуги и формы обслуживания, которые им самим нужны.

Список литературы

1. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). М., 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf.

2. Всемирный банк. Данные по демографическому старению Земли. URL: https://data.worldbank.org/

indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS?name_desc=false&view=chart (дата обращения: 07.04.2022).

3. Леонова И.С. Социальный возраст персонала старшего хронологического возраста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 1 (61). С. 110–115.

4. Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 2. С. 243–247.

5. Олескина Е. «Человек не должен быть узником квартиры, комнаты, кровати»: как волонтеры фонда «Старость в радость» меняют жизнь одиноких стариков // WWW.KP.RU. 10 августа 2018. URL: https://www.kp.ru/daily/26867.7/3909286/ (дата обращения: 18.01.2022).

6. Ростовская Т.К., Королев М.А. Особенности организации медико-социальной службы в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 88–95.

7. Минтруд: число занятого населения к концу 2021 года должно составлять почти 72 млн человек. URL: https://tass.ru/ekonomika/9456597 (дата обращения: 15.01.2022).

8. Экономика ухода. Обзор международных практик и опыта России. Департамент многостороннего экономического сотрудничества минэкономразвития России. URL: https://yandex.ru/search/?text=Экономика+ухода+Обзор+международных+практик+и+опыта+России&lr=2&clid=2261452&win=425. (дата обращения: 21.01.2022).

9. Саралиева З.Х. Роль семьи в межинституциональном взаимодействии // В сб.: Взаимодействие семьи с другими социальными институтами как возможность преодоления социокультурных угроз в России: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саранск, 2019. Саранск: Изд-во Инд. предприниматель Афанасьев В.С., 2020. С. 1–4.

10. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 1. С. 45–78.

11. Парфенова О.А., Петухова И.С. Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4 (152). С. 173–186.

12. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е. и др. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник для вузов / Под общей ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: ННГУ, 2011. 410 с.

13. Саралиева З.Х., Петрова И.Э. Пожилые в российской негосударственной социальной работе // The Journal of Social Policy Studies. 2018. Т. 16. № 1. С. 95–108.

14. Фирсов М.В., Саралиева З.Х., Судьин С.А. и др. Основы клинической геронтологической социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. 189 с.

15. Holman D. & Walker A. Understanding unequal ageing: towards a synthesis of intersectionality and life course analyses // European Journal of Ageing. 2021. № 18. P. 239–255.

16. Социология управления: Учебник для бакалавров / Под ред. проф. А.Ф. Борисова. М.: Академия, 2014. 388 с.

17. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 28.08.2021).

18. Возрасто-половой состав населения Санкт-Петербурга. Статистический бюллетень / Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ПЕТРОСТАТ). 2021.

19. Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 23.11.2021 № 37-рп «О Плане мероприятий на 2021–2025 годы по реализации в Санкт-Петербурге второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» / Законодательное собрание Санкт-Петербурга. URL: https://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/727149339?print=0/ (дата обращения: 18.03.2022).

20. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. URL: https://bus.gov.ru/ (дата обращения: 18.03.2022).

21. Системой долговременного ухода в 2021 году охвачено 4770 татарстанцев. URL: https://mtsz.tatarstan.ru/index.htm/news/2047996.htm (дата обращения: 18.03.2022).

22. Федеральный закон от 22.08.04 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW49025 (дата обращения: 18.01.2022).

23. Климова С.Г. Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 48–56.

24. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ba70babae5b5a71024b6822fa9a3d01fb739c37d/. (дата обращения: 21.01.2022).

25. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // The Journal of Social Policy Studies. 2021. Т. 19. № 1. С. 7–22.

26. Колосова Г.В. Опыт Санкт-Петербурга в рамках реализации мероприятий, направленных на развитие системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста: проектный подход // Организация и управление в социальной работе / Под ред. М.Г. Гильдингерш, В.С. Тестовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 6–12.

27. Федеральный закон от 14.11.2017 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/

document/cons_doc_LAW_282611/? (дата обращения: 18.05.2022).

28. Деятельность ГКУ «ЦОСО». URL: http://coso.ksp.gov.spb.ru/ (дата обращения: 19.01.2022).

29. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10.11.2014 № 874-н «О примерной форме договора о предоставлении социальных услуг, а также о форме ИППСУ». URL: https://base.garant.ru/70791482/ (дата обращения: 28.08.2021).

30. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2014 № 1290 «О Порядке межведомственного взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при предоставлении социальных услуг и социального сопровождения». URL: https://base.garant.ru/22921595/ (дата обращения: 28.08.2021).

31. Григорьева И.А., Колосова Г.В. Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми // Успехи геронтологии. 2021. Т. 34. № 6. С. 919–927.

32. Галкин К.А. Сборки старения в различных средах: применение материальной оптики // Социологическое обозрение. 2021. № 3. С. 244–260.

33. Голубева Е.Ю., Хабарова Л.Г., Соловьев А.Г. Приёмная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях // Экология человека. 2017. № 11. С. 42–46.

34. Ухаживать по правилам. В стране создаются школы родственного ухода. Обзор Ю. Ильиной // Аргументы и факты. 09.04.2021. URL: https://spb.aif.ru/?utm_source=fed.aif&utm_medium=redirect&utm_campaign=spb. (дата обращения: 21.01.2022).

35. The challenging roles of informal carers // UNECE Policy Brief on Ageing No. 22 (September 2019). 20 p. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Policy_briefs/ECE_WG1_31 (дата обращения: 21.01.2022).

36. Судьин С.А. «Family care» и «family caregivers» как категории социологии труда // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса. Нижний Новгород: ННГУ, 2022. С. 59–66.

37. Федеральный проект «Старшее поколение» / Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3 (дата обращения: 21.08.2021).

TRANSFORMATION OF SOCIAL SERVICES FOR THE ELDERLY IN ST.PETERSBURG IN THE DIRECTION OF ORGANIZING LONG-TERM CARE AT HOME

G.V. Kolosova

The Committee for Social Policy of the Government of St. Petersburg

Social services in St. Petersburg have been developing since 1987, literally from the first days of home care for the elderly in the USSR, but in today's conditions, many of its functions are enriched and developed in the 1st place, due to new, out-of-hospital, forms of care. If home care was first considered in the context of preventing early entry into the nursing home, i.e. residential, closed institution, then more radical tasks are currently on the agenda – to build a long-term care system (LTC), which in most cases will replace the boarding school, will allow an elderly person to remain included in ordinary life while living at home. In Russia, 34 constituent entities of the Russian Federation have already implemented the LTC, but St. Petersburg will begin its implementation in 2023. The city is going through a difficult process of overcoming the established, departmental organization of services for the elderly in order to build out-of-boarding, home-based forms of long-term care. Federal Law No. 442 dated December 28, 2013 significantly changed the procedure for providing social services to the population, since by attracting organizations of various forms of ownership, the social services market is expanded. At the same time, no changes have been made to it so far in terms of supplementing the List of Social Services with services providing for a social package of long-term care.

However, for this it is necessary to regulate the interaction of a number of formal and informal subjects of the existing system of assistance and care for the elderly, to overcome the barriers of interaction between them. We consider social services and LCS based on the fact that many previously established social institutions lag behind the “fluid reality” and create risks not for demographic, but for managerial development. As an example of a successful management decision, the work of the Center for the Organization of Social Services in St. Petersburg on social support for the elderly, launched in 2020, is analyzed.

Keywords: social services, elderly, interdepartmental interaction, long-term care system, informal social support, family.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_3_168

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СРЕДЫ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2022 г.

Т.А. Терешонок

Терешонок Татьяна Андреевна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва
tanyusha.tereshonok@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.04.2022
Статья принята к публикации 26.07.2022

Функционирование мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности имеет ряд проблем, что диктует необходимость оптимизации ее регулирования. Однако в настоящее время системная модель регулирования мотивационной среды в нормативных правовых актах и научной литературе отсутствует, в связи с чем в статье предложено собственное видение составляющих элементов данного процесса.

Для достижения вышеназванной исследовательской цели прежде всего внесена ясность в понятие «институциональное регулирование формирования мотивационной среды курсантов военных вузов» с точки зрения социолого-управленческого знания. Отмечается, что институциональное регулирование является одним из видов социального регулирования.

Институциональное регулирование, по мнению автора, должно осуществляться на трех уровнях: на уровне законодательной власти, органов управления Вооруженных сил Российской Федерации, образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации, а также быть основано на следующих принципах: специфики этапа прохождения военно-образовательного процесса, уникальности объекта регулирования, разнообразия инструментов регулятивной системы, обратной связи, учета внешних факторов. Вместе с тем институциональное регулирование, согласно предложенной модели, должно реализовываться посредством формирования и координации следующих механизмов: отбора, предписания, контроля, условий.

Теоретические выводы настоящей статьи сопровождаются эмпирическими данными, в том числе и собственного социологического исследования (исследование проведено в I квартале 2020 года, опрошено 472 курсанта 2–4 курсов из 7 вузов Министерства обороны).

Ключевые слова: курсант, военнослужащий, военный вуз, мотивация, мотивационная среда, мотивационная среда военного вуза, социология управления, военная социология, институциональное регулирование, социальное регулирование.

Введение

Мотивация курсантов военных вузов к военно-профессиональной деятельности имеет важное общегосударственное значение, так как неустойчивая жизненная ориентация на военную службу приводит к значительному оттоку курсантов из военных вузов и молодых офицеров из состава Вооруженных сил, оборачиваясь для государства и армии серьезными последствиями, сводящимися к перманентному состоянию недоукомплектованности офицерских должностей кадрами, подготовленными в военных вузах.

В работе «Американский университет» Т. Парсонс пишет, что именно среда, тесно связанная с высшим учебным заведением, является той совокупностью факторов, которая первоочередно определяет процессы формирования поведенческих моделей ее участников [1, p.10]. Данное обстоятельство позволяет нам утверждать, что в институциональном пространстве военной службы необходимо поддерживать высокую эффективность среды, предусматривающей благоприятные условия для повышения и поддержания на стабильно высоком уровне мотивации курсантов.

Однако анализ прикладных исследований демонстрирует существенные проблемы в функционировании мотивационной среды курсантов военных вузов. Так, согласно авторскому социологическому исследованию, некоторые курсанты не получили должного полноценного объема информации о профессии офицера (включая специфику условий обучения в конкретном вузе) до поступления в высшее военное учебное заведение, что могло сказаться на их мотивации к военно-профессиональной деятельности. Подтверждение данного вывода можно найти и в социологическом исследовании Ю.В Микрюкова, где констатируется, что

основными причинами отчисления курсантов из военных вузов выступают разлука с родителями, сложность совмещения учебы и службы, а также бытовые трудности, связанные с изменениями условий жизни и распорядка дня [2]. Данные выводы свидетельствуют о неполной готовности некоторых курсантов к поступлению в высшее военное учебное заведение. Вместе с тем наблюдаются проблемы и с организацией отдельных условий образовательного процесса внутри военных вузов. К примеру, Н.Н. Романов, Г.А. Романова, Е.Ю. Шакирова среди факторов, негативно влияющих на мотивацию будущих офицеров, выделяют организацию досуга (около трети опрошенных (34%) недовольны организацией досуга) [3].

Приведенные выше обстоятельства диктуют необходимость оптимизации регулирования мотивационной среды курсантов, в результате чего должны вырабатываться и реализовываться грамотные управленческие решения, способствующие повышению эффективности функционирования мотивационной среды. Анализ научной литературы и нормативно-правовой базы показал, что в настоящее время системная модель регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности отсутствует, что свидетельствует о необходимости разработки данной модели, базирующейся на научных исследованиях, имеющей систематический характер, включающей в себя всесторонний анализ базисных оснований поведения военнослужащих, а также предусматривающей выявление факторов, оказывающих воздействие на мотивацию будущих офицеров к дальнейшей военно-профессиональной деятельности.

Теоретико-методологические подходы

Тематика настоящей статьи диктует необходимость внесения ясности в понятие «институциональное регулирование мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности» с точки зрения социолого-управленческой науки.

В настоящей статье мотивационная среда курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности понимается, с одной стороны, как часть мотивационного пространства, находящаяся в постоянном непосредственном взаимодействии с курсантами и побуждающая их на постоянное саморазвитие, получение профессиональных знаний, умений и навыков, развитие личностного интереса к своей специальности, с другой стороны, как результат практик и усилий этих же курсантов, реализующих свою деятельность в рамках института военной службы [4]. Согласно приведенному определению, мотивационная среда характеризуется двойственным характером. Так, мотивационная среда предполагает субъективный аспект своего формирования, то есть когда курсанты только поступили в военный вуз, какая-либо мотивационная среда уже сформирована (совокупность мотиваций курсантов), при этом она является не застывшей догмой, а находится в положении постоянной трансформации под воздействием комплекса инструментов по ее регулированию, нацеленного на преобразование по заданному институтом военной службы образцу.

Теория институционального регулирования – одно из направлений современной социологической теории социального поведения индивидов, изучаемое в тесной связи со спецификой и закономерностями функционирования социальных институтов (А.И. Ажмухамедов и Т.А. Копытина [5], Д.А. Новиков [6]). Институциональное регулирование является одним из видов социального регулирования, потому целесообразно остановиться на термине «социальное регулирование». Современный этап развития научного знания предполагает исследование социального регулирования с позиции следующих основных теорий: теории регулирования, общей теории социального управления, теории социального контроля, где разработана и обоснована специфика видения оснований данного понятия.

В научных исследованиях понятия «социальное регулирование» и «социальное управление» нередко отождествляются (например, в трудах В.С. Белых [7], С.Н. Братановского и С.А. Кочерги [8]). Однако, на наш взгляд, они означают не одно и то же, в связи с чем далее мы считаем необходимым дифференцировать указанные понятия.

Социальное управление выражается в организованном, планомерном, методическом воздействии субъекта на объект управления с целью сохранения порядка в последнем, обеспечения его устойчивого и прогнозируемого развития [9]. В общеизвестном учебном пособии в области военно-социального управления сообщается следующее: «Всякое управление, независимо от того, в какой сфере оно осуществляется, предпринимается для достижения основной цели – уменьшение беспорядка, сокращение отступлений от установленных норм, правил, нарушений, сохранение качественной целостности организации» [10, с. 23].

Достаточно схожим теоретическим определением характеризуется и понятие «социальное

регулирование» (от лат. regulare – устраиваю, привожу в порядок). Так, известные российские ученые Г.В. Осипов и Л.Н. Москвичев под социальным регулированием понимают «целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте и развитие его посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей)» [11, с. 474].

Н.Н. Гриценко, Н.А. Волгин и Е.В. Охотский определяют социальное регулирование как организацию и реализацию влияний на объект управления для достижения заранее заданных целей организации, предписывая ей целенаправленный и корректирующий характер. Вместе с тем они подчеркивают, что траектория, предметное содержание и интенсивность воздействий должны детерминироваться исходя из полученного через обратную связь актуального знания об объекте регулирования [12].

Мы будем следовать позиции, что социальное управление предусматривает полный контроль над процессом формирования мотивационной среды курсантов военных вузов, в то время как социальное регулирование означает работу с некоторыми факторами этого процесса (проблемными, недостаточно эффективными) при осуществлении управления. Управление в таком понимании является высшей формой регулирования.

При ограничении социального регулирования институциональными рамками мы руководствуемся прежде всего тем, что цель в виде оптимального функционирования мотивационной среды преследуют прежде всего институты, заинтересованные в профессионально подготовленных офицерах (ранее мы приписали регулированию целенаправленный и осознанный характер). Образовательный процесс вузов Министерства обороны сочетает в себе такие социализирующие институты, как военная служба (подробнее о данном институте в трудах Н.А. Чугунова [13], Д.А. Долговой, М.А. Кириллова [14]) и образование, что во многом определяет специфику обучения будущих офицеров, а также характер и практические возможности регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов. Образовательный процесс курсантов военных вузов значительно отличается от обучения студентов «гражданских» вузов и выражается в следующих специфических характеристиках (А.В. Кравец, А.А. Утюганов [15], В.Н. Лымарев, Б.И. Гонцов [16], Т.А. Терешонок [17]):

– высокая степень регламентации организации образовательного процесса внутри высшего военного учебного заведения, предусматривающая нормативно закреплённые образцы взаимодействия, предписание границ поведения военнослужащего, строгую дисциплинированность и постоянный контроль;

– курсанты – это действующие военнослужащие, потому на них распространяются законодательство Российской Федерации, ведомственные приказы и директивы, находящиеся в рамках института военной службы, несоблюдение которых влечет за собой ответственность от административной до уголовной;

– полное государственное обеспечение курсантов (бюджетное обучение, проживание, медицинское и вещевое обеспечение и пр.);

– закрытость образовательного процесса курсантов, характеризующаяся ограничением взаимодействий военнослужащих с внешней средой;

– переплетение учебной и служебной деятельности (несение суточных нарядов и боевых дежурств, выполнение различных видов хозяйственных работ и пр.), что обусловливает более высокий, чем у студентов, уровень физического и психологического напряжения.

1. Вместе с тем стоит отметить, что в рамках военных вузов существует «вертикальная» соподчиненность элементов организации военно-образовательного процесса, где нормативно закреплено строгое преимущество деятельности и право интерцессии органов военного управления институционального уровня (центральные органы военного управления) в деятельность органов военного управления организационного уровня (управление на уровне высшего учебного заведения).

2. Цель и основные задачи институционального регулирования можно свести к тому, чтобы путем целенаправленного воздействия на объект регулирования добиться его функционирования в желательном для управляющей системы направлении и всячески способствовать формированию позитивной, устойчивой предсказуемой среды поведения участников этой системы. Институциональное регулирование включает различного рода воздействия (посредственные и непосредственные) на сферу потребностей, интересов и ценностей военнослужащих с целью получения устойчивой заинтересованности и активных действий в требуемом институтом военной службы направлении.

Стоит обратить внимание, что институциональное регулирование задает траекторию формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности, но не предопределяет поведения каждого отдельно взятого военнослужащего. В таком случае весомым аргументом в пользу использования в настоя-

щей статье понятия «институциональное регулирование» (а не «институциональное управление») выступает тот факт, что мотивационная среда курсантов, согласно предложенному теоретическому определению, предполагает субъективный аспект своего формирования, то есть обладает относительно самостоятельной формой существования и не поддается полной алгоритмизации, потому вести речь о полном ее управлении не представляется обоснованным.

Исходя из вышесказанного, можно умозаключить, что, несмотря на всесторонние возможности и организованность институционального регулирования процесса формирования мотивационной среды курсантов военных вузов, необходимо учитывать, что большая часть регулируемой сферы находится в ведении самих курсантов (саморегулирование), решение об итоговой собственной модели поведения принимают сами военнослужащие.

Базисная основа саморегулирования курсантов существует в виде внутренних мотивационных комплексов, определяющих смысловое содержание и направленность их поведения. Смысловое значение выражается в видении военнослужащим окружающего мира, а также в понимании собственного поведения и действий других участников военно-образовательного процесса – товарищей, коллективов и различных сообществ. Данное осознание формируется в процессе самоопределения будущих офицеров, осмысления ими своих потребностей, интересов и ценностей. Подробнее о внутреннем процессе формирования мотивации – в трудах А.А. Савенко [18], В.Е. Талынёва [19], Р.В. Ткачева [20].

В таком понимании регулирование формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности не является обособленно действующим процессом, а выступает производной функцией системы самоорганизации и контролируется ею. Из этого следует, что максимальная эффективность институционального регулирования может быть достигнута только тогда, когда оно будет ориентировано на стимулирование процессов самоорганизации формирования мотивационной среды курсантов военных вузов.

Объект и субъект институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов

Объектом институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности выступает мотивационная среда курсантов военных вузов и факторы, влияющие на ее формирование. Основываясь на анализе основных нормативных правовых актов, определяющих организацию образовательного процесса будущих офицеров (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [21], ФЗ «О статусе военнослужащих» [22], Общевоинские уставы Вооруженных Сил [23]), в качестве субъектов регулирования мы рассматриваем органы военного управления: это Управление военного образования Главного управления кадров Министерства обороны Российский Федерации, Главное военно-политическое управление Вооруженных сил Российской Федерации, военно-политические и учебно-методические отделы высших военных учебных заведений, военные комиссариаты, командиры и начальники всех степеней, преподаватели, курсантские коллективы, общественные организации, наделенные управленческими функциями и осуществляющие целенаправленное воздействие на формирование мотивации курсантов.

Механизмы регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов

Субъектам институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов необходимо сосредоточивать свое внимание на организации слаженного, эффективного функционирования механизмов указанного регулирования. Социологический энциклопедический словарь определяет социальный механизм как «взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения, посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [24, с. 253].

Под механизмами институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов мы понимаем специальные инструменты, выражающиеся в практических мерах, средствах, рычагах, стимулах, социальных технологиях, посредством которых органы военного управления воздействуют на мотивационную среду и ее членов, обеспечивая устойчивость социальных отношений и других взаимодействий различного рода между участниками военно-образовательного процесса. Посредством грамотной организации институциональных механизмов регулирования объективные требования института военной службы переводятся на практику организаторской деятельности органов военного управления.

Во избежание хаотичности представления об интересующих нас институциональных меха-

низмах регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности считаем целесообразным их классифицировать, отражая многомерность и сложность решаемых данными механизмами задач. За основу классификации примем разновидность основных средовых механизмов регулирования мотивационного поведения курсантов, разработанных В.И. Веремчуком [25]. Первостепенным механизмом регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов выступает *механизм отбора*, который можно охарактеризовать как «барьерный» механизм. Его основная цель – выявление мотивационной готовности абитуриентов к обучению и прохождению военной службы, диагностика способностей, социально-психологических качеств и в целом предрасположенности к военно-профессиональной деятельности. В соответствии с полученной информацией органы военного управления осуществляют отбор наиболее подходящих и мотивированных кандидатов на поступление в высшее военное учебное заведение.

Второй механизм именуется *механизм предписывания,* существующий в виде установления в военно-социальной среде образцов выполнения социальной роли курсанта, закрепленного в социальной структуре. Функционал названного механизма включает осуществление регламентации нормативно закреплённых и традиционных правил социальных взаимодействий участников военно-образовательного процесса.

Не менее значимым механизмом институционального регулирования выступает *механизм контроля,* который В.И. Веремчук и М.В. Барановский характеризуют как подчинение поведения курсантов нормам, ожиданиям, регламентированным в конкретном социальном институте. Подчинение может быть детерминировано как внешними формальными предписаниями и возможными последствиями их несоблюдения (санкциями), так и формированием типичных социальных установок в соответствии с принятыми в институте военной службы ценностями [26]. Однако нам хотелось бы расширить эти представления.

По нашему мнению, механизм контроля не только включает в себя различного рода воздействия на курсанта, но и предполагает диагностическую функцию как в объективном плане – контроль за соблюдением со стороны военного вуза положений нормативных правовых актов, так и в субъективном – постоянный мониторинг удовлетворенности курсантов условиями организации образовательного процесса посредством проведения социологических исследований. Стоит отметить, что методология социологического исследования не предполагает точную оценку воздействия мотивационной среды курсантов на качество их военно-профессиональной подготовленности и предрасположенности. Однако могут быть исследованы отдельные факторы, информация о состоянии которых может задать траекторию управляющих воздействий.

В перечень механизмов регулирования формирования мотивационной среды курсантов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности мы считаем целесообразным добавить четвертый механизм – *механизм условий,* содержание которого включает создание комфортных благоприятных условий образовательного процесса, оказывающих положительное влияние на мотивацию будущих офицеров к военно-профессиональной деятельности.

Следует иметь в виду, что указанные механизмы мотивационной среды курсантов военных вузов выступают не некоторыми автономными, не зависящими друг от друга элементами институционального регулирования, их функционирование характеризуется одновременностью, обусловленностью и взаимодополняемостью. И только в совокупности своего взаимодействия механизмы регулирования обеспечивают изменения в формировании мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности.

Принципы институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов

При реализации процесса институционального регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов органы военного управления должны руководствоваться правилами, положениями, принципами, определяющими требования к организации работы механизмов регулирования мотивационной среды курсантов. Анализ теоретических разработок по указанной проблеме (Д.Г. Передня [27], А.Н. Галкин [28]) и собственное видение модели регулирования позволили сформулировать следующие принципы институционального регулирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности.

1. *Принцип специфики этапа прохождения военно-образовательного процесса.* Предполагает необходимость учета конкретных условий и социально-демографических характеристик

курсантов (возраст, курс, место постоянного проживания). Многообразие социальных контекстов каждого этапа прохождения образовательного процесса диктует необходимость признания целесообразности применения ранее разработанных и доказавших свою эффективность типовых моделей институционального регулирования мотивационной среды курсантов с учетом формирующих возможностей отдельных условий и характеристик, в том числе и курсов.

Например, военные исследователи (Е.Н. Карлова, В.Н. Машин, А.Ю. Григоров, Е.В. Дрозд [29]) констатируют, что на первом курсе большинство курсантов осознают себя как субъектов военно-образовательного процесса и имеют достаточно высокий уровень мотивации. Обучение на втором курсе характеризуется затуханием эйфории от поступления и значимой трансформацией первостепенных представлений о военной службе (мотивационно-ценностной дезориентацией), потому снижение мотивации к военно-профессиональной деятельности на данном периоде обучения является в некотором роде нормальным явлением. Третий курс в высшем военном учебном заведении выступает переходным этапом формирования мотивации к военно-профессиональной деятельности, сопровождающимся началом процесса интериоризации будущими офицерами терминальных (определяющих) ценностей военной службы (воинская честь и достоинство, важность мужских качеств, патриотизм). И только к четвертому курсу у курсанта «образ Я» как объект подготовки к военно-профессиональной деятельности интегрирует образ курсанта не только как обучающегося, но и как образ будущего специалиста-профессионала, предусматривающего следование духовным и нравственным ценностям.

2. *Принцип уникальности объекта регулирования*. При реализации регулирования формирования мотивационной среды следует иметь в виду, что личностные факторы (потребности, интересы, ценности, ожидания) у каждого курсанта свои. Специфика регулирования мотивационной среды должна детерминироваться характером и личностными особенностями военнослужащих. Данный факт говорит о том, что субъекты регулирования должны располагать определенными знаниями об объекте. Применение стимулов без учета мотивов выступает зоной рассогласования актуальных потребностей и интересов курсантов с действиями органов военного управления по их удовлетворению, потому не всегда является действенным, а порой может выступать демотивирующим фактором.

3. *Принцип разнообразия инструментов регулятивной системы*. Различные институциональные условия, социально-демографические характеристики, многообразие индивидуальных мотиваций внутри мотивационной среды курсантов военных вузов диктуют необходимость использования расширенного диапазона регулирующих инструментов, повышения гибкости и компетенции со стороны органов военного управления, их грамотного практического применения. Мотивация курсанта к военно-профессиональной деятельности на различных этапах профессионального становления всегда различна. На указанных этапах развивается стремление к исполнению служебных обязанностей в рамках института военной службы, формируется осознание офицерского призвания, что говорит о том, что применение каждого отдельного инструмента должно решаться с учетом этапа профессионального становления военнослужащего.

4. *Принцип обратной связи*, выражающийся в мониторинге и оценке удовлетворенности курсантов условиями организации образовательного процесса, а также в ценностно-ролевом реагировании курсантов на управляющие воздействия. Организация работы в траектории данного направления в своем функциональном предназначении должна быть сосредоточена на сборе, обработке, анализе и обобщении эмпирической информации. Полученные результаты необходимо соотносить с целевыми показателями и на основе этого принимать корректирующие меры регулирования формирования мотивационной среды курсантов.

5. *Принцип учета внешних факторов*. Знанием о внешних факторах необходимо обладать с целью предупреждения угроз отклонения поведения будущего офицера от требуемых институтом военной службы норм и ценностей. В этой связи сложность и многочисленность взаимосвязей военнослужащего с другими социальными институтами переопределяет невозможность обеспечения полного контроля над функционированием мотивационной среды курсантов военных вузов. Но при этом полученные знания о внешних тенденциях представляют собой ценный ресурс для грамотного регулирования мотивационной среды курсантов.

Уровни и институциональные условия регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов

Теоретический анализ регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности обосновывает

утверждение, что формирование мотивационной среды в той или иной степени обусловлено воздействиями, исходящими от органов военного управления трех уровней:

– на уровне законодательной власти (федеральное законодательство, указы Президента РФ и другие нормативно-правовые акты высшего уровня);

– на уровне органов управления института военной службы (нормативные правовые акты, административные, социально-экономические и иные решения, принимаемые на уровне Министерства обороны Российской Федерации и других органов военного управления);

– на уровне военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации (административные решения, социально-организационные практики).

Логика предложенной нами модели предполагает, что действия институциональных субъектов социального регулирования реализуют посредством трех основных компонентов регулирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности:

– юридических обязательств, принимаемых на себя курсантами, руководством вуза, Министерством обороны Российской Федерации и другими субъектами военно-социального регулирования при реализации своей деятельности в рамках института военной службы;

– нормативно-ролевой модели курсанта, которая в отличие от прямых юридических обязательств выступает более сложным конструктом институциональных условий, включающим как военно-профессиональную подготовленность, так и военно-профессиональную предрасположенность военнослужащего к военно-профессиональной деятельности;

– ресурсной обеспеченности аспектов военно-образовательного процесса курсантов, призванной обеспечить, с одной стороны, полноценную готовность курсантов к военно-профессиональной деятельности, с другой стороны, комфортные условия жизнедеятельности военнослужащих, учитывающие их актуальные потребности и непосредственно влияющие на мотивацию.

Цели институционального регулирования подчинены основным целям института военной службы, в частности целям высшего военного учебного заведения. Осуществление управленческих решений должно исходить из полученной информации относительно состояния мотивации курсантов, направляющих определенную часть своих внутренних ресурсов на типы деятельности, положительно или отрицательно влияющие на формирование мотивационной среды. Вместе с тем все внешние воздействия детерминируются субъективным восприятием курсантом условий, сформированных под воздействием предложенных нами механизмов, и опосредуются личностными и социально-демографическими характеристиками военнослужащих.

Обсуждение

Недостаточно эффективное функционированием мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности может привести к нарушению устойчивости, стабильного функционирования и развития высших военных учебных заведений и в целом института военной службы. Данный факт вполне может быть связан с патологиями регулирования формирования мотивационной среды курсантов военных вузов. По нашему мнению, патологии регулирования, исходя из предложенного видения институционального регулирования формирования мотивационной среды, могут быть разделены на две группы: в создании условий и в управленческих решениях. Первое означает чрезмерное господство целей и задач институтов военной службы и военного образования над потребностями и интересами будущих офицеров. Данное обстоятельство может выражаться в необоснованной бюрократии и излишней объективности, что может послужить почвой для множества конфликтов. Патологии в управленческих решениях связаны с нечеткостью решений субъектов регулирования (маятниковые решения), с полным отсутствием личностно ориентированного аспекта в руководстве, а также с расхождением между решениями и действиями.

Заключение

Мотивационная среда курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности предполагает субъективный аспект ее формирования, то есть обладает относительно самостоятельной формой существования и не поддается полной алгоритмизации, потому вести речь о полном ее управлении не представляется обоснованным. При этом имеет место организация процессов воздействий на отдельные факторы ее формирования, которые в совокупности обеспечивают регулирование всей мотивационной среды курсантов по заданному институтом военной службы образцу.

Социальное регулирование формирования мотивационной среды курсантов военных вузов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности включает два вида регулирования, где институциональное регулирование основано на целенаправленной выработке и имплементации субъектами регулирования формализованных решений, а саморегулирование базируется на механизмах выбора военнослужащим собственной модели поведения.

Институциональное регулирование мотивационной среды курсантов военных вузов, препятствуя спонтанному развитию и задавая рамки формирования мотивации курсантов к военно-профессиональной деятельности, выступает в качестве основного сдерживающего и стабилизирующего обстоятельства развития института военного образования и в целом Вооруженных сил. В соответствии с предложенной моделью, оптимальное институциональное регулирование должно быть основано на следующих принципах: специфики этапа прохождения военно-образовательного процесса, уникальности объекта регулирования, разнообразия инструментов регулятивной системы, обратной связи, учета внешних факторов, а также осуществляться посредством требующих постоянной актуализации следующих механизмов: отбора, предписания, контроля, условий.

Список литературы

1. Parsons T., Platt G.M. The American university. Cambridge: Harvard University Press, 1973. 463 p.

2. Микрюков Ю.В. Факторы, влияющие на нарушение процессов адаптации курсантов первого года обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. №1 (41). С. 128–135.

3. Романова Н.Н., Романова Г.А., Шакирова Е.Ю. и др. Система мотивации и планирование военной карьеры курсантами-вертолетчиками: Монография. Ульяновск: Зебра, 2018. 184 с.

4. Терешонок Т.А. Мотивационная среда военного вуза: сущность, основные понятия и концепция исследования в рамках социологии управления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 4 (64). С. 127–135.

5. Ажмухамедов А.И., Копытина Т.А. Особенности мотивационного, институционального и информационного управления персоналом коммерческого банка // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 26–33.

6. Новиков Д.А. Институциональное управление организационными системами: Монография. М.: ИПУ РАН, 2004. 68 с.

7. Российское предпринимательское право. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. В.С. Белых. М.: Проспект, 2022. 768 с.

8. Братановский С.Н., Кочерга С.А. Административно-правовые аспекты образовательной деятельности в России: Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 228 с.

9. Шарков Ф.И., Аверин А.Н. Основы социального управления: Учебник. М.: КНОРУС, 2016. 312 с.

10. Военно-социальное управление: проблемы теории и практики: Учебник / Под ред. И.И. Ефремова. М.: ВУ МО РФ, 2001. 268 с.

11. Социология. Основы общей теории: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; Акад. учебно-науч. центр РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2008. 911 с.

12. Гриценко Н.Н., Волгин Н.А., Охотский Е.В. и др. Основы социального государства: Учебник / Под ред. Н.Н. Кузьминой, Ф.И. Шаркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. 420 с.

13. Чугунов Н.А. Институт военной службы в Российской Федерации: становление и современные проблемы // Военно-юридический журнал. 2008. № 1. С. 22–24.

14. Долгова Д.А., Кириллов М.А. Военная служба как социальный институт и ее роль в обеспечении и защите прав и свобод граждан Российской Федерации // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого. 2022. С. 150–153.

15. Кравец А.В., Утюганов А.А. Социальный институт военного образования в условиях глобализации // Вестник университета. 2015. № 12. С. 303–306.

16. Лымарев В.Н., Гонцов Б.И. Теоретические аспекты формирования мотива военно-профессиональной деятельности у курсантов военных вузов: Монография. Пермь: Пермский ВИ ВНГ РФ, 2020. 117 с.

17. Терешонок Т.А. Структура процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности: социолого-управленческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 85–89.

18. Савенко А.А. Мотивация служебно-трудовой деятельности военнослужащих национальной гвардии России: Дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2018. 224 с.

19. Талынёв В.Е. Социальный механизм формирования ценностно-мотивационной структуры личности руководителя органов государственной военной службы: Дис. ... док. соц. наук. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т., 2009. 456 с.

20. Ткачев Р.В. Мотивация военно-профессиональной деятельности офицеров Военно-воздушных сил Российской Федерации: социолого-управленческий аспект: Дис. ... канд. соц. наук. М.: Соврем. гуманит. акад., 2013. 239 с.

21. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция).

22. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ (последняя редакция).

23. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»).

24. Лубский А.В. и др. Социология: словарь-справочник / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. М.–Краснодар: Диапазон-В, 2006. 347 с.

25. Веремчук В.И. Социализация курсанта в процессе обучения в высшем военно-морском учебном заведении: Дис. ... канд. соц. наук. М.: Воен. ун-т МО РФ, 1999. 246 с.

26. Веремчук В.И., Барановский М.В. Социальные характеристики и особенности процесса социализации личности офицера в условиях модернизации Вооружённых Сил Российской Федерации // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 104–110.

27. Передня Д.Г. Самообразование курсантов высших военно-учебных заведений МО РФ и его институциональное регулирование: Социологический анализ. Дис. ... канд. соц. наук. М.: Воен. ун-т МО РФ, 2003. 217 с.

28. Галкин А.Н. Свободное время курсантов военных вузов Российской Федерации и его институциональное регулирование: Дис. ... канд. соц. наук. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2017. 220 с.

29. Карлова Е.Н., Машин В.Н., Григоров А.Ю., Дрозд Е.В. Мотивация военно-профессионального выбора молодежи: от профориентации к обучению в военном вузе: Монография. Воронеж: Научная книга, 2018. 195 с.

INSTITUTIONAL REGULATION OF THE FORMATION OF THE MOTIVATIONAL ENVIRONMENT OF CADETS OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF PREPARATION FOR MILITARY PROFESSIONAL ACTIVITIES

T.A. Tereshonok

Research Department (military and humanitarian studies) Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The functioning of the motivational environment of cadets of military universities in the process of preparing for military professional activity has a number of problems, which dictates the need to optimize its regulation. However, at present, there is no systematic model for regulating the motivational environment in regulatory legal acts and scientific literature, and therefore the article proposes its own vision of the constituent elements of this process.

To achieve the above research goal, first of all, clarity was introduced into the concept of «institutional regulation of the formation of the motivational environment of cadets of military universities» from the point of view of sociological and managerial knowledge. It is said that institutional regulation is one of the types of social regulation.

Institutional regulation, according to the author, should be carried out at three levels: at the level of the legislature, governing bodies of the Armed Forces of the Russian Federation, educational organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation, and also be based on the following principles: the specifics of the stage of the military educational process, the uniqueness of the object regulation, variety of instruments of the regulatory system, feedback, the principle of accounting for external factors. At the same time, institutional regulation, according to the proposed model, should be implemented through the formation and coordination of the following mechanisms: selection, prescription, control, conditions.

The theoretical conclusions of this article are accompanied by empirical data, both from our own sociological study (the study was conducted in the 1st quarter of 2020, 472 cadets of 2–4 courses from 7 universities of the Ministry of Defense were interviewed) and other empirical studies.

Keywords: cadet, serviceman, military university, motivation, motivational environment, motivational environment of a military university, management sociology, military sociology, institutional regulation, social regulation.

УДК 316.334:37
DOI 10.52452/18115942_2022_3_177

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ

© 2022 г.

Г.С. Широкалова, Е.И. Пронина

Широкалова Галина Сергеевна, д.соц.н.; проф.; старший научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ведущий научный сотрудник
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
shirokalova@list.ru
Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
eipronina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.03.2022
Статья принята к публикации 20.07.2022

Представлен обзор докладов круглого стола «Образование как лифт», проведенного 28.02.2022 ИС ФНИСЦ РАН совместно с журналом «Социологические исследования». Образование, будучи одним из основных социальных институтов, всегда было условием и фактором вертикальной мобильности. В то же время рост многообразия рынка труда столь стремителен, что система образования не успевает соответствовать его запросам. Ее реформирование под отмеченную в 2007 г. министром образования Фурсенко цель – «взращивание квалифицированного потребителя», переход на Болонскую систему, увеличение числа молодежи, поступающей в вузы, в том числе на коммерческой основе, – все это уменьшило возможность вертикального старта и актуализировало горизонтальную мобильность. Для большинства образовательный лифт стал «беговой дорожкой».

Ключевые слова: образование, школьники, студенты, аспиранты, социальная мобильность, жизненные планы.

28 февраля 2022 г. в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН прошло заседание ежегодного круглого стола «Российское образование сегодня», организаторами которого выступили Российское общество социологов и журнал «Социологические исследования». В этом году стержневой была выбрана тема «Образование как лифт». Участники круглого стола представили итоги своих исследований рынка труда, образовательной инфраструктуры и качества образования как факторов, определяющих мобильность молодежи.

Первое слово руководитель Отдела социологии образования Института социологии ФНИСЦ РАН, председатель Исследовательского комитета «Социология образования» Российского общества социологов *д.соц.н., профессор Д.Л. Константиновский* предоставил **В.А. Мансу-рову, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИС ФНИСЦ РАН (Москва).** В своем докладе **«Социальное неравенство в российском образовании» В.А. Мансуров** подчеркнул, что проявление социального неравенства в системе образования является частным случаем общей проблемы социального неравенства. Больше всего людей раздражает экономическое неравенство, что фиксируется в соответствующих экономических коэффициентах. В частности, более 90% всего социального богатства принадлежит менее чем 10% населения.

Второй очень важный момент: российская образовательная система полностью скопирована с одной из западных систем, так называемой Болонской системы. В свое время люди, руководившие и правительством, и страной, имели не только политический, но и личный интерес в снятии барьеров между советской и западной системой образования для того, чтобы их дети без всяких проблем могли продолжать образование на Западе. С самого начала было ясно, что все российские дети и молодежь, во-первых, не смогут и, во-вторых, что не менее важно, не захотят уезжать из страны, практически отказываясь от своего российского будущего. Начавшееся экономическое неравенство проявилось через политические управленческие решения в системе образования. Так был создан еще один барьер доступности знаний, который непреодолим для значительного большинства российских граждан, которые были и есть патриоты своей страны.

Начальной и первой ступеням образования были посвящены доклады «**Новые тенденции в дошкольном образовании» Н.П. Гришаевой, ст.н.с. ИС ФНИСЦ РАН и «Школьное образование как подготовка к профессиональной деятельности» Е.И. Прониной, ст.н.с. ИС ФНИСЦ РАН (Москва).**

Н.П. Гришаева отметила, что в дошкольной сфере наметилась новая тенденция: увеличение

числа семей, которые хотели бы не только качественно готовить детей к школе, но и социализировать детей, развивая социальные навыки и формируя нравственные ценности. В мегаполисе число таких семей за последние 3–4 года увеличилось на 15%.

Кроме того, растет интерес самих дошкольных работников к новым методикам и технологиям, позволяющим развивать социальные навыки у дошкольников. Однако в педагогических колледжах и педвузах обучение ведется по старым программам и технологиям, в которых по-прежнему главное внимание уделяется интеллектуальному развитию детей. Данное противоречие может быть разрешено лишь кардинальной перестройкой учебного процесса в системе подготовки кадров.

Е.И. Пронина предложила взглянуть на проблему подготовки учащихся к дальнейшей трудовой, профессиональной деятельности с позиции возможностей школьного образования и ответов на вызовы сегодняшней ситуации. Векторы профессиональной ориентации старшеклассников зависят от многих факторов: изменяются характер и содержание труда, появляются новые требования к профессиям. Чтобы иметь конкурентоспособных работников на рынке труда, важно знать, какие навыки, умения и качества обеспечат будущую конкурентоспособность. Исследование Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест» зафиксировало: 84% работодателей настроены на быструю цифровизацию производственных процессов с возможностью перевода 44% сотрудников на удаленную работу. Но глобальные компании не могут использовать потенциал внедрения новых технологий из-за недостатка навыков у современных кадров. Среди основных функциональных умений, которые будут востребованы в 2025 г., преобладают критическое мышление, анализ, способность решения проблем. В 2020 г. впервые обозначились как востребованные навыки активного обучения, устойчивости, стрессоустойчивости и гибкости.

Результаты наших исследований учащихся 8–11-х классов московских школ в 2018–2020 гг. свидетельствуют, что под влиянием школы в значительной степени вырабатываются умения творчески мыслить, решать нестандартные проблемы, разрешать конфликты, ставить цели и достигать их. В процессе обучения формируются такие качества, как ответственность и добросовестность, коллективизм, дисциплинированность, и в значительно меньшей степени стрессоустойчивость, независимость и самоуважение.

Большинство выступлений традиционно были посвящены проблемам высшего образования. Тема неравенства возможностей была продолжена в выступлении **«Образование и свобода выбора в обществе (не)равных возможностей» к.соц.н., доц., зав. кафедрой Института деловой карьеры И.А. Грошевой (Тюмень).**

Исследование свободы выбора образовательных стратегий и траекторий профессионального самоопределения у выпускников вузов позволяет выявить соотношение потребностей молодежи и возможностей их реализации в регионах. Вывод сделан на основании таких показателей, как затраты на высшее образование (индекс финансово-ресурсной доступности выше 60%), степень охвата высшим образованием (для рисковых регионов менее 20%), отсутствие предложения качественного высшего образования, доля отличников. Это позволило НИУ ВШЭ отнести ряд регионов к группе риска доступности высшего образования. Наряду с Республикой Тыва, Забайкальским краем и другими к ним отнесена и Тюменская область.

Основным заказчиком кадров выступает государство, однако государственная кадровая политика существует на уровне концепции, не имея планов реализации. Контрольные цифры приема на обучение в высшие учебные заведения формируются, исходя из *ощущений* необходимости в кадрах на производстве. Опираясь на классификацию: «регионы-доноры», «регионы-магниты» и «регионы-вокзалы», Тюменскую область можно отнести к последнему, который «перетягивает» выпускников из других, менее обеспеченных регионов, но после окончания обучения они стремятся уехать в крупные мегаполисы.

В.Ф. Пугач, д.соц.н., профессор НИТУ «МИСиС» в докладе «Привлекательность образования в России: особенности динамики в постсоветский период» (Москва) провела сравнение образования как социального лифта в первые годы советской власти и современной России. После Октябрьской революции задача пролетаризации высшей школы была объявлена одной из главных в политике государства. Для ее выполнения были организованы рабфаки с социальным критерием приема. А.В. Луначарский называл рабфаки «своего рода пожарными лестницами, которые приставили к окнам вузов и по которым рабоче-крестьянская молодежь поднималась к высшему образованию». Открытие подготовительных отделений, вечерней и заочной форм обучения, приоритет при зачислении так называемых «стажников» – эти и другие меры поддерживали функции образования как социального лифта в течение всего советского периода.

Согласно американскому исследователю М. Троу, высшее образование делится на три

группы: элитное – до 15%, массовое – от 16 до 50% и всеобщее – свыше 50%. Анализ динамики доли студентов вузов России от численности населения в возрасте от 17 до 25 лет с 1995 г. показывает, что с исходных почти 15% эта доля выросла и с 2005 г. составляет около трети. Вывод: высшее образование в России в середине 1990-х гг. из элитного перешло в массовое, и с середины нулевых годов уверенно находится примерно на середине интервала охвата, соответствующего массовому высшему образованию.

Тема высшего образования была продолжена в докладе **«Образование как лифт: региональное измерение» С.П. Барматовой, д.соц.н., профессором БФ РАНХиГС (Брянск).** По ее мнению, образование как социальный лифт необходимо оценивать не только анализируя изменения, происходящие в нормативном поле, новые образовательные стандарты или качество планов профессиональной подготовки. Не менее важна оценка кадрового обеспечения высшего образования, и в первую очередь в регионах. Накопившиеся в региональном высшем образовании кадровые проблемы не обеспечивают возможностей социального лифта и ставят под сомнение достижение показателей национального проекта «Образование». Такими проблемами являются: 1) средний возраст преподавателей вузов – за 48 лет, при этом 20% преподавателей – старше 50 лет, в регионах этот показатель еще выше, что ставит под вопрос возможность преподавательского состава обеспечить требования, обозначенные в докладе «Россия 2025: от кадров к талантам»; 2) неоправданно высокие нормативы учебной нагрузки преподавателей при дополнительной обязательной работе с многочисленной документацией, что снижает возможности прямого коммуникативного взаимодействия со студентами, повышения уровня профессионального мастерства; 3) неэффективная политика публикационной активности, особенно в региональных вузах. Необходимая для проведения научной работы база минимальна, а показатели даже для преподавателей вузов, принимающих участие в проекте «5–100», не превышают 68%. Обязательность для преподавателя ежегодной отчетности по публикациям в количестве не менее 2–3 статей приводит к профанированию самой идеи научных публикаций.

Весьма своевременным было бы проведение ИС ФНИСЦ исследования «Кадровое обеспечение системы высшего образования в Российской Федерации: состояние, риски, необходимость реформирования» для выработки предложений Министерству науки и высшего образования России по решению обозначенных проблем.

Доклад **«Дефекты системы социальных лифтов, с точки зрения образовательных карьер сибирской молодежи»** был подготовлен **сотрудниками ИЭОПП СО РАН: к.соц.н. И.И. Харченко, к.э.н. Г.П. Гвоздевой, Н.М. Арсентьевой, Е.А. Мальневой, С.Ю. Дуткиной (Новосибирск).** На основании исследований, проведенных среди старшеклассников, студентов вузов и СПО, экономически активного населения молодого и среднего возраста, были сделаны следующие выводы: а) образование в современных условиях меняет свое место в иерархии факторов социальной мобильности, но, утрачивая ведущее место, остается одним из самых доступных каналов социальной мобильности; б) образование из достаточного становится лишь необходимым условием достижения желаемого социального статуса, жизненного успеха; в) роль образования как социального лифта усиливается фактором мотивации/стремления, напротив, уменьшается – существующей низкой отдачей (материальной, карьерной) на высшее образование, на полученную специальность, на дополнительное образование; г) молодежь склонна отождествлять социальный лифт с материальным успехом. Среди молодежи стали популярны индивидуальные стратегии, более успешные, чем получение высшего образования. Наличие высшего образования и миграция в регионы с большими затратами на развитие проявились как драйверы роста зарплаты. Продолжается отток населения РФ из северных и восточных регионов страны и концентрация его в регионах с наиболее благоприятными условиями жизни, что усиливает социальное неравенство.

Особенностям подготовки специалистов для российской армии посвящен доклад **«Проблемы военного образования» к.соц.н. профессора ТВВИКУ им. маршала А.И. Прошлякова И.Л. Грошева и к.соц.н. доцента ТВВИКУ Л.И. Грошевой (Тюмень).**

Целеполагание в системе многополярного мира предопределяется социально-экономической и военно-политической конъюнктурой, которая интегрирует в проблемное поле образования элементы неопределенности, риска и интегрального нарастания стоимости объективных и субъективных ошибок. Военное образование, обладая объективной спецификой, способно нивелировать ряд негативных тенденций, присутствующих в эволюции образовательной среды. Однако возникает ряд проблем, в числе которых следует обозначить:

1) дробление информационных массивов (стандартных дисциплин) на секторальные обслуживающие фрагменты;

2) необоснованную флуктуацию образовательных курсов по годам обучения и специальностям;

3) отсутствие логической взаимосвязи образовательных циклов, в связи с чем происходит утрата ценности и значимости получаемых обучаемыми знаний;

4) спонтанное сочетание учебной, служебной и научной деятельности с учетом всего разнообразия и несопоставимости набора оперативно решаемых задач;

5) необходимость сокрытия части информационного массива (защита государственной тайны) априори формирует как минимум две образовательные стратегии: собственно военно-профессиональную и социально-гуманитарную без возможности их системного согласования;

6) отсутствие аналитических центров, способных качественно обобщать имеющиеся текущие данные в систему целевых показателей, что затрудняет развитие механизмов саморегулирования и вносит в общий образовательный процесс элементы неопределенности.

В докладе **Г.С. Широкаловой, д.соц.н., проф., ст.н.с. ПФ ФНИСЦ РАН, вед.н.с. НГЛУ (Нижний Новгород)** были представлены мнения иностранных студентов (*n*=372), обучающихся в российских вузах (Исследования РОС, 2020 г., «Российское студенчество о Великой Отечественной войне»).

Докладчик подчеркнул, что иностранные студенты – это «мягкая сила», которая связывает страны десятилетиями не только через межличностные отношения, но в сферах науки, технологий, культуры. Один из показателей наличия «мягкой силы» России в этих странах – аналогичное отношение к событиям общей истории Советского Союза. Большинство студентов, приехавших в Россию, имеют положительное отношение к исторической памяти о Великой Отечественной войне, во многом основанной на опыте прошлых поколений, «осколков» той «мягкой силы», которая еще остается в СНГ, но постепенно уходит в силу возраста.

Но насколько современная Россия соответствует тому образу, который сформировался у них в детстве и юности? Россия стала иной, россияне во многом утратили те черты, о которых рассказывали студентам на их родине, памятуя о прошлом.

Станут ли эти студенты «новой мягкой силой», вернувшись к себе на родину, зависит от качества образования, условий жизни в общежитиях, программ знакомства с новой для них культурой, форм организации досуга. К сожалению, в ряде вузов «иностранцы» рассматриваются как «нагрузка», необходимая для прохождения аккредитации. В новых геополитических условиях формирование «мягкой силы» из иностранных студентов становится задачей номер один на федеральном уровне.

Проблемы иностранных студентов были подняты в выступлении «**Иностранные студенты в России в условиях западных санкций и информационной войны» доктора культурологии, проф. НГСХА Е.М. Кирюхиной (Н. Новгород).** Ею подчеркнута необходимость доведения правдивой информации до молодежи в условиях информационной войны. В школах РФ на уроках обществознания проводятся видеозанятия «Моя страна», на классных часах – «Историческая правда»; отрабатываются навыки, позволяющие отличить правду от фейков. Безусловно, такая работа всецело востребована в вузах. Ведется ли она для студентов-иностранцев, зависит от того, насколько они интегрированы в учебно-воспитательный процесс вузов. А это зависит от цели вуза — получение коммерческой прибыли или воспитание «мягкой силы», позволяющей привлечь на свою сторону другие страны мира. Отсутствие такой работы приводит к дезориентации и паническим настроениям. Воспитательная работа с иностранцами исключительно в виде экскурсий, концертов и фотосессий, кто бы ее ни проводил, не может заменить воспитательную работу педагога-профессионала, особенно в сложное для страны время.

Аспиранты редко становятся объектом социологических исследований, поэтому особый интерес вызвал доклад **«Исследователь в сфере образования: к вопросу о социальных лифтах» В.С. Собкина, д.психол.н., академика РАО, научного руководителя Центра развития образования РАО и М.М. Смысловой, аналитика этого Центра (Москва).**

В докладе были рассмотрены три сюжета: мотивация работы в сфере науки; барьеры, препятствующие выбору работы в сфере науки; наличие миграционных установок. Анкетный опрос 803 аспирантов Москвы и регионов РФ показал, что для них высока значимость профессиональной самореализации и развития.

Желание работать в сфере науки зависит и от материального положения, и от возраста аспирантов. Учащиеся из малообеспеченных семей рассматривают обучение в аспирантуре как эффективный социальный лифт для дальнейшей карьеры. Поступление в аспирантуру сразу после окончания института в большей степени обусловлено карьерными устремлениями, в то время как обучение в аспирантуре в зрелом возрасте вызвано потребностью в творческой самореализации.

Препятствует выбору научной карьеры неудовлетворенность финансированием научной дея-

тельности. С возрастом происходит снижение значимости размера заработной платы, плохих условий труда, напряженных отношений с руководством при параллельном повышении мотивации, касающейся творческой самореализации.

Половина аспирантов имеют установки, связанные с переездом за границу временно или на постоянное место жительства; 88.9% аспирантов, чьи родители имеют ученую степень, хотели бы работать за рубежом по контракту; каждый пятый из них рассматривает возможность эмиграции в США на постоянное место жительства. Эти результаты показывают высокую вероятность разрушения российских научных династий.

Г.Н. Чиликина, **к.э.н., директор МИНРГУ (Москва)** в докладе **«Особенности эпохи и необходимость модернизации образовательно-воспитательной системы России»** предложила ряд направлений прогрессивного развития общества: 1) разработка идеологии на фундаменте общечеловеческой системы ценностей; 2) тщательный отбор и подготовка управленческих и педагогических кадров; 3) модернизация образовательной и воспитательной системы с целью максимального раскрытия творческого потенциала личности; 4) использование имеющегося в России опыта совмещения общеобразовательной подготовки в средней школе с профессиональной подготовкой; 5) создание психологически и физически комфортной, творческой среды; 6) формирование в обществе культуры управления, культуры труда; 7) использование в государственных и частных учреждениях методик самопознания, самореализации, профессиональной ориентации.

Важность непрерывности экологического образования подчеркивалась в докладе **«Экологизация образования: правовой аспект» О.В. Устьянцевой, к.ю.н., доцента ТГУ (Тюмень).** По ее мнению, в России нарушен принцип непрерывности экологического образования. Наличие экологических рисков, их обострение требуют от каждого человека обновления экологических знаний для ориентации на экологически ответственный тип поведения. Экологический аспект должен быть в программах образования дополнительного типа. Необходимо совмещать экологическое воспитание и обучение при использовании гибридной и дистанционной форм в образовании, экологизировать цифровую культуру образовательной среды в соответствии с экологическими ориентирами, утвержденными Конституцией РФ.

***

Начиная с 2011 г. ежегодный круглый стол «Российское образование сегодня», организуемый Исследовательским комитетом «Социология образования» Российского общества социологов и Отделом социологии образования ИС РАН, собирает социологов, психологов, философов, педагогов со всей страны. За эти годы анализировались специфика финансирования школ и вузов, мотивация к образованию, особенности ориентаций абитуриентов и студентов, оценки мультикультурного и негосударственного образования, преподавание основ религиозной культуры и светской этики. Особое внимание уделялось социокультурным и профессиональным ориентирам современной молодежи. Не раз на круглых столах выступали представители крупного бизнеса, поднимающие реальные проблемы взаимодействия производства и образования. Круглый стол – та площадка, где в общей дискуссии рождаются новые направления исследований, обсуждаются самые значимые проблемы**, актуализируются прогнозы ученых и практиков, оценивается вероятность возможных последствий принимаемых решений**.

В 2022 г. Российское общество социологов провело среди студентов исследование «Культурное наследие и связь поколений», посвященное объявленному Содружеством Независимых Государств Году народного творчества и культурного наследия, в котором приняли участие более 12 тысяч респондентов российских и зарубежных вузов, СПО. Анализу его итогов планируется посвятить следующее заседание круглого стола зимой 2022 г.

EDUCATION AS A SOCIAL LIFTS

***G.S. Shirokalova*[1,2], *E.I. Pronina*[3]**

[1]The Volga branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
[2]Linguistics University of Nizhny Novgorod
[3]Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The publication provides an overview of the reports of the round table discussion «Education as an lifts», held on 28.02.2022 IS of the FRSC RAS together with the journal «Sociological Research». Education, being one of the main social institutions, has always been a condition and factor of vertical mobility. At the same time, the growth of the diversity of the labor market is so rapid that the education system does not have time to meet its needs. Its reformation, under the goal announced in 2007 by the Minister of Education Fursenko – "nurturing a qualified consumer", the transition to the Bologna system, an increase in young people entering universities, including on a commercial basis – all this reduced the possibility of a vertical start and actualized horizontal mobility. For most, the educational elevator has become a treadmill.

Keywords: education, school children, students, postgraduates, social mobility, life plans.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2022_3_182

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ НОВЫХ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2022 г.

С.П. Акутина, И.С. Беганцова, Т.Т. Щелина

Акутина Светлана Петровна, д.пед.н.; доц.; профессор, заведующий кафедрой социальной работы, сервиса и туризма Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
akutina@arz.unn.ru
Беганцова Ирина Серафимовна, к.психол.н.; доц.; доцент, заведующий кафедрой общей и практической психологии Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bis@arz.unn.ru
Щелина Тамара Тимофеевна, д.пед.н.; проф.; профессор, заведующий кафедрой общей педагогики и педагогики профессионального образования, директор Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ppf@arz.unn.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

Рассматривается проблема организации воспитательной работы в рамках функционирования кафедры как структурного подразделения вуза. Воспитательная работа на кафедре понимается как социально-педагогическая и психологическая деятельность, ориентированная на формирование и развитие востребованного на рынке труда конкурентоспособного специалиста, обладающего профессиональными компетенциями в той или иной области.

Авторами описываются и анализируются направления работы кафедры с учетом возможностей их воспитательного потенциала и его реализации в контексте концепции воспитательной работы Арзамасского филиала ННГУ в целом. Четко сформулированные индикаторы профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры позволяют оценивать решение задач, связанных с организацией воспитательной работы и ее эффективностью, хотя как таковая воспитательная работа не выделяется отдельным блоком, но она логично вписана в каждое направление деятельности кафедры. Особенностью является приоритет мероприятий, связанных со спецификой кафедры и научной деятельностью ее преподавателей.

Показано, что целенаправленно организованная воспитательная работа на уровне кафедры способствует не только формированию разнообразных компетенций будущего специалиста, но и его активной гражданской позиции, что соответствует целям и духу образовательного процесса современного инновационного вуза. Несмотря на имеющийся опыт и выстроенную систему, перспективным направлением в развитии кафедры является разработка новых программ воспитания в подготовке будущих специалистов.

Ключевые слова: кафедра, воспитательная деятельность, учебная работа, инновационная деятельность, профориентация, преподаватели, студенты.

Введение

Традиции и опыт воспитательной работы в высших учебных заведениях нашей страны имеют давнюю историю еще с советских времен. На современном этапе развития российского образования этот вид деятельности приобретает новый формат, является должностной обязанностью преподавателей вуза и регулируется рядом нормативно-правовых документов: федеральным законом «Об образовании» [1], «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», постановлением Правительства РФ «О национальной доктрине образования в РФ», Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года от 29 мая

2015 г. № 996-р и др. В этих документах поставлена задача воспитания нового поколения специалистов, способных осуществлять профессиональную деятельность в условиях многозадачности, востребованных на рынке труда, обладающих нравственными ценностями, высокой ответственностью, гражданской позицией, которая вытекает из насущных потребностей развития России. Основными составляющими принципов высшего образования являются обучение и воспитание будущих специалистов. Результаты взаимодействия со студенческой молодежью, передовые практики и проблемы воспитательной работы в вузах Российской Федерации отражены в публикациях и диссертационных исследованиях на эту тему (А.А. Колчина «Организация воспитательной деятельности в современном вузе» (2012), М.А. Горошкова «Модель воспитательной деятельности куратора студенческой группы в педагогическом вузе» (2011), Т.Т. Щелина, С.П. Акутина «Современные модели кураторства в высшем образовании» (2016)) [2; 3] и др. Значительная часть изученных нами научных трудов содержит анализ структурно-функциональных моделей организации воспитательной работы на уровне вуза или по крайней мере факультета, и лишь отдельные статьи посвящены опыту работы конкретной кафедры. Поэтому мы полагаем, данная статья позволит найти новый ракурс работы кафедры в вузе по воспитанию будущего специалиста.

Сама по себе воспитательная работа представляет собой отдельный вид деятельности кафедры. Именно она обеспечивает налаживание эффективного взаимодействия сотрудников кафедры друг с другом, со студентами и их родителями через использование инновационных форм и методов межличностного взаимодействия, обеспечивающих профессионально-личностную подготовку молодого специалиста.

Постановка проблемы

Управление воспитательной деятельностью осуществляется на различных уровнях: вуз – факультет – кафедра. Н.Н. Белогорцев [4], А.А. Дробязько [5], У.Г. Егорова [6], Л.А. Камалова [7], С.В. Куликова, Н.Н. Мальчукова, И.Е. Шемякина [8], Н.П. Макаркин [9], Т.Т. Щелина [10] и др. выделяют следующие уровни (звенья) системы внеучебной деятельности в вузе: ректорат, деканат, куратор студенческой группы. Каждое звено этой системы имеет свои полномочия, обязанности по отношению к системе в целом.

Однако, на наш взгляд, необходимо включить в эту систему еще один уровень – уровень кафедры. Именно кафедра представляет собой не только некое профессиональное сообщество, но коллектив единомышленников, осуществляющих работу в различных направлениях, в частности в организации целостного учебно-воспитательного процесса, а именно:

– сотрудники кафедры не просто взаимодействуют со студентами, но в определенной степени оказывают им психолого-педагогическое и методическое сопровождение в течение всего периода обучения в конкретных видах учебной и внеучебной деятельности;

– они мотивируют их собственным примером, вводя в широкий круг научных интересов в целом и свой личный круг научных интересов, предлагая темы для научных исследований, проектов и др.;

– сама по себе работа кафедры раскрывает возможности для личностного и профессионального роста педагогов через различные виды внеучебного взаимодействия как с внешним социальным окружением, связанным с подготовкой контурных специалистов (социальными партнерами, работодателями и др.), так и студенческим сообществом в целом [2; 3];

– творческое сотрудничество преподавателей кафедры и студентов дает синхронизирующий эффект, проявляющийся в устранении формализованных отношений и выстраивании отношений эмоционально-личностных, «побочным эффектом» которых является развитие творческих инициатив, а также повышение уровня креативности преподавательско-студенческого сообщества;

– воспитательная работа на уровне кафедры содействует не только внутреннему командообразованию среди ее сотрудников, но образованию студенческих коллективов, объединенных единой кафедральной темой, а также кругом научных и социальных интересов.

Имея в виду все вышесказанное, считаем вполне доказанным тезис о недостаточной изученности вопроса о роли кафедр вуза в организации его целостного учебно-воспитательного процесса, в частности в аспекте анализа педагогического, организаторского, воспитательного потенциала кафедры как его основного структурного подразделения.

Исследование направлений деятельности кафедры

С учетом тенденций развития современного образования и приоритетов современной России в данном вопросе проблема организации системной воспитательной работы на уровне кафедры выступает в приоритете. Процесс воспитания в

вузе идет по двум направлениям: через учебный процесс – во время аудиторных занятий и через внеучебную работу – в свободное от учебных занятий время студента и преподавателя.

Оба обозначенных направления нацелены на подготовку специалиста, востребованного на рынке труда, понимающего и стремящегося к выполнению своей профессиональной миссии. Специалиста, не только владеющего необходимыми компетенциями, но способного выстраивать свой профессиональный маршрут в соответствии с требованиями актуального рынка труда и своими профессионально-личностными возможностями. В связи с этим возникает актуальная необходимость в формулировании современной концепции воспитания, учитывающей реалии высшего образования и потребности рынка труда, создающей благоприятные условия для личностного и профессионального развития будущего специалиста, ориентированного на нравственные, духовные и гражданско-патриотические ценности нашего общества, развивающегося в инновационных процессах политики, экономики, социальной сферы.

Планируя воспитательную деятельность, преподаватели кафедры понимают, что в вуз пришли, с одной стороны, взрослые люди, а с другой – студенты с еще не оформившимися профессиональными взглядами. Процесс воспитания студентов в ходе профессиональной подготовки складывается через «поступок» (М.М. Бахтин), «диалог с инакомыслящим» (С.В. Белова), со-бытие (Е.В. Бондаревская), единение с Другим (В.И. Слободчиков), «самопреодоление» и самоорганизацию (В.В. Сериков). Помогая студенту решать сложные профессиональные задачи, профессорско-преподавательский состав кафедры способствует становлению его как профессионала [11].

С целью разработки стратегии развития вуза в целом и кафедры как его основного структурного подразделения в Арзамасском филиале ННГУ была разработана концепция воспитательной работы, цель которой состоит в том, чтобы сохранить и приумножить традиции и положительный опыт кафедр, накопленный за годы существования вуза, а также побудить опытных педагогов и молодых коллег к поиску новых разнообразных видов и форм взаимодействия со студентами. Кроме того, разработаны перспективные планы развития кафедр. В них как таковая воспитательная работа не выделяется отдельным блоком (направлением), но она логично вписана в каждое направление и осуществляется в ходе решения целого ряда задач, выполнение которых выявляется с помощью четко сформулированных индикаторов профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры.

В рамках учебной деятельности на кафедре решаются такие задачи, как реализация содержательно оформленного практико-ориентированного подхода к обучению; трансляция и презентация инновационных технологий в преподавании дисциплин; использование механизмов внутренней независимой оценки качества образования; расширение связей с социальными партнерами Нижегородской области, подписание долгосрочных договоров и соглашений о стратегическом партнерстве, менеджмент активных образовательных технологий (проблемно-ориентированного, проектного, дистанционного обучения; повышение квалификации ППС в области современных технологий обучения, проведение руководителями ООП ежегодной самооценки по критериям модели оценки качества образования: мониторинг актуальности РПД, РПП, ФОС, программ ГИА на моменты проектирования, разработки и реализации). Тесное взаимодействие с работодателями позволяет реализовать практико-ориентированное обучение, сформировать у обучающихся определенный набор профессиональных компетенций, ускорить адаптацию выпускников к корпоративной культуре, а также формировать у студентов навыки разработки и реализации социально значимых проектов. Все это позволяет студентам сформировать представление о том, каким должен быть современный специалист, как должны соотноситься его личностные и профессиональные качества и компетенции.

В рамках научной деятельности решаются следующие задачи: разработка и реализация перспективных научных тем с учетом потенциала сотрудников кафедры совместно со студентами и возможности ведения исследований в кооперации с другими кафедрами, вузами, а также общественными организациями; формирование научных групп преподавателей и студентов и их плановая деятельность; публикационная и грантовая активность; проведение актуальных научных мероприятий (конференций различного уровня и научного статуса, форумов, стратегических сессий, публикаций в сборниках трудов конференций и научных журналах, в индексируемой научной периодике). Важную роль в приобщении студентов к науке играет привлечение их к научным исследованиям, закрепленным в статьях, курсовых и выпускных квалификационных работах, совместная разработка и внедрение в образовательный процесс вуза социальных технологий волонтерства в рамках освоения помогающих профессий; продвижение результатов научных исследований

на олимпиадах (конкурсах), выставках, фестивалях, участие в исследовательских грантах.

Инновационная деятельность как отдельное направление включает в себя реализацию актуальных для кафедры социальных трендов современного российского общества; разработку проектных решений в рамках национальных (федеральных) проектов; разработку проектных решений в рамках программ инновационного развития города и области; формирование и развитие наставнического сопровождения деятельности общественных объединений студенческой молодежи (НСО, творческие студии, КВН, команда волонтеров), поддержку общественных инициатив и проектов студентов («Открытый Арзамас»); организацию участия студентов во Всероссийской олимпиаде «Я – профессионал».

Внедрение в учебно-воспитательный процесс технологий здоровьесбережения, безопасной и комфортной образовательной среды и профилактика разного рода зависимостей осуществляется через организацию встреч со специалистами-медиками, подготовкой и распространением просветительских материалов, брошюр, мейлеров по формированию здоровой жизнедеятельности через спортивные и оздоровительные конкурсы, игры, походы, соревнования.

Немаловажную роль в организации работы кафедры по воспитанию профессионала играет профориентационная деятельность, которая включает четкое содержание и конкретные формы деятельности по привлечению абитуриентов; по профильному трудоустройству выпускников; по содержанию и формам пиар-деятельности (участие студентов совместно со школьниками города и района в ежегодной акции «Каникулы по-взрослому!», в Дне открытых дверей в различных форматах, проведение конкурса социальных проектов «Социальная инициатива – помочь может каждый!», «Познавая других – познаю себя», в социальной сети «ВКонтакте» специальных бесед для абитуриентов и их родителей с целью консультационной работы с абитуриентами с использованием интернет-технологий), проведение фестиваля педагогического мастерства, участие преподавателей и студентов в молодежном форуме «Протяни руку жизни», обучение выпускников (совместно со специалистами службы занятости населения) правилам поведения на рынке труда; участие в обучающих семинарах «Правила составления эффективного резюме», «Стратегия поиска работы» для выпускников вуза, организация встречи студентов с выпускниками факультета, работающими в профильных организациях, расширение спектра партнеров для взаимодействия по организации профориентационной деятельности с учетом потребности в молодых специалистах. Регулярное проведение мастер-классов, обучающих вебинаров (онлайн) с приглашением профессиональных специалистов из разных компаний, в том числе самой крупной IT-компании по подбору персонала и поиска работы Superjob, которые рассказывают о тенденциях рынка труда, имеет воспитательный аспект подготовки обучающихся, помогает студентам сориентироваться в мире новых профессий, грамотно оценивать свои профессиональные возможности и серьезно относиться к выбору профессионального пути.

Продвижение результатов деятельности студентов осуществляется на конкурсах, выставках, фестивалях, что создает условия для самореализации творческого потенциала личности каждого студента в контексте конкретной деятельности. Обобщение опыта эффективной организации психолого-педагогического сопровождения самоопределения и профессиональной ориентации обучающихся дает возможность его трансляции посредством семинаров и мастер-классов. Организация и проведение совместных мероприятий для учащихся и студентов дает возможность последним получить позитивный первичный опыт профессиональной деятельности. Разноплановая воспитательная деятельность преподавателей кафедры позволяет формировать у студентов «личностно-профессиональную позицию, в которой интегрированы ценности профессиональной этики и собственно профессиональные компетенции» (Н.Л. Селиванова).

Методы оценки деятельности кафедры

Воспитательная работа на кафедре связана с деятельностью конкретных представителей преподавательско-студенческого сообщества, которые осуществляют планирование и реализацию деятельности по тому или иному направлению. Мониторинг данной деятельности логично проводится в конце учебного года посредством анализа качественных и количественных показателей, формально закрепленных в кафедральной документации.

Мы поддерживаем точку зрения ученых О.А. Мусориной, С.Г. Сорокиной [12], которые выделяют на кафедральном уровне следующие методы оценки и самооценки эффективности деятельности преподавателей в сфере воспитательной работы: формальный, который включает наличие ежегодного плана воспитательной работы, отчета о воспитательной работе, регламентирующих этот вид деятельности; статистический, включающий статистические данные о количестве и качестве проводимых мероприятий, число участников со стороны преподавателей и студентов; метод качественного анализа –

актуальность и востребованность проводимых мероприятий; информационный, который включает анонсы мероприятий, размещение информации в печатных и электронных СМИ, социальных сетях, сбор и подробный анализ отзывов участников мероприятий с оценкой эффективности, проблем, трудностей и путей выхода из неудачно проведенных досуговых мероприятий, праздников. Впоследствии на заседаниях кафедры анализируются удачные воспитательные дела и проблемы с конкретными предложениями по их улучшению и эффективности. На методических совещаниях кураторов студенческих групп с приглашением актива студентов составляется перспективный план воспитательной работы кафедры на следующий год с учетом ошибок.

Необходимо отметить, что еще одной не менее важной оценкой результативности деятельности кафедры является процент трудоустройства выпускников по выбранной специальности, «интенция к самостроительству» (Л.С. Пастухова, В.В. Сериков). В целом при организации воспитательных мероприятий преподаватели ориентируются на идеи субъектного подхода, согласно которому любое воздействие на значимого другого сопряжено с взаимным встраиванием в ценностную систему друг друга взаимодействующих субъектов, что способствует взаимному развитию личностных и профессиональных ресурсов в диаде «преподаватель–студент».

Выводы

Целенаправленная профессионально-направленная воспитательная работа кафедры как одного из важных структурных подразделений вуза обеспечивает не только подготовку грамотного специалиста, но и способствует формированию его личностной и гражданской позиции в контексте выбранного направления подготовки и возможностей ближайшего трудоустройства, профессионального самоопределения и саморазвития. Несмотря на имеющийся опыт и выстроенную систему, перспективным направлением в развитии кафедры является разработка новых программ воспитания в подготовке будущих специалистов. Содержание перспективных программ воспитания должно включать в себя не только описание и логически выстроенный индивидуальный воспитательный маршрут каждого студента в период обучения в вузе, но и роль кафедры как важного звена в осуществлении целостной траектории развития будущего специалиста. При этом необходимо не просто заложить критерии оценки деятельности кафедры по рассматриваемым выше направлениям, но обеспечить их валидность и надежность через систему предлагаемых форм, технологий и методов работы, способствующих повышению результативности воспитательной работы кафедры как структурного подразделения вуза.

Список литературы

1. Закон РФ №273-ФЗ «Об образовании» (ред. от 12.05.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://dogovor-urist.ru/законы/закон_об_образовании/ (дата обращения: 21.04.2022).

2. Акутина С.П., Калинина Т.В. Формирование смысложизненной концепции современного студенчества в процессе профессионального воспитания в вузе // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 255–266.

3. Акутина С.П., Щелина Т.Т. Современные модели кураторства в высшем образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 173–178.

4. Белогорцев Н.Н. Воспитательная работа как форма развития общекультурных компетенций у студентов гуманитарных вузов // Инновационная наука. 2017. № 2–2. С. 166–168.

5. Дробязько А.А. Воспитательная работа в вузах: государственное регулирование и опыт организации // Вестник ФГОУ ВПО «Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина». 2010. № 3 (42). С. 51–53.

6. Егорова У.Г. Психологическая работа с родителями студентов в контексте воспитательного процесса в вузе // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Красноярск, 27 ноября – 5 декабря 2014 г.). Красноярск, 2014. С. 69–72.

7. Камалова Л.А. Критерии оценки воспитательной работы в современном российском вузе // Образование и саморазвитие. 2015. № 4 (46). С. 105–111.

8. Куликова С.В., Мальчукова Н.Н., Шемякина И.Е. Воспитательная работа вуза в современной образовательной системе // Мир науки. 2018. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://mirnauki.com/PDF/66PDMN518.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

9. Макаркин Н.П., Мартынова М.Д. Воспитательная работа в вузе: проблема инноватики // Аккредитация в образовании. 2006. № 11. С. 32–33.

10. Shchelina T., Akutina S., Begantsova I. et al. Psychological-Pedagogical Diagnostics of the Development of Individuals and Groups in the Education of Modern Students // Revista ESPACIOS. Año 2017. Vol. 38 (Nº 35). P. 33. URL: http://www.revistaespacios.com/a17v38n35/17383533.html

11. Аширов Д.В., Пастухова Л.С., Турлакова О.Е. Воспитание в высшей школе: поиск современной модели // Ценности и смыслы. 2021. № 2 (72). С. 78–94.

12. Мусорина О.А., Сорокина С.Г. Организация воспитательной работы в вузе на уровне кафедры: концепция, содержание, методы оценки эффективности // Образование: опыт и перспективы развития / Чувашский республиканский институт образования. Чебоксары: Изд-во ООО «Издательский дом «Среда», 2019. С. 72–81.

ORGANIZING THE EDUCATIONAL ACTIVITIES AT THE DEPARTMENT OF A MODERN UNIVERSITY: PROBLEMS, SEARCH FOR NEW FORMS OF INTERACTION

S.P. Akutina, I.S. Begantsova, T.T. Shchelina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch

The article deals with the question of organising educational work within the functioning of the department being a structural unit of the University. The educational workof at the department is understood as a type of social, pedagogic and psychological activity focused on organising a comfortable, safe environment for students and teachers, as well as managing diverse types, forms, methods and technologies of their activities in order to form and prepare a competitive specialist.

The authors describe and analyze the fields of work of the department, taking into account the possibilities of their educational potential and its implementation in the context of the Concept of educational work of the Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod as a whole. Clearly formulated indicators of the department teachers' make it possible to assess the solution of tasks related to organizing educational work and its effectiveness, although as such educational work is not allocated a separate block, but it is logically inscribed in each area of the department's activities. The peculiarity of the department's activities in this direction is the priority of activities related to the specifics of the department's activities and the scientific activities of the department's teachers.

It is revealed that purposefully organized educational work at the department level contributes not only to forming various competencies of a future specialist, but also to his active civic position, corresponding to the goals and spirit of the educational process at a modern innovative university. Despite the existing experience and the built-up system, a promising direction concerning department development is creating the new educational programs for training future specialists.

Keywords: department, educational activity, educational work, innovative activity, career guidance, teachers, students.

УДК 378.046.4
DOI 10.52452/18115942_2022_3_188

ПРОЕКТ EXTEND КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

© 2022 г.

Н.Н. Зеркина, Ю.А. Савинова

Зеркина Наталья Николаевна, к.филол.н.; доц.; заведующий кафедрой иностранных языков по техническим направлениям
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
agatik01@mail.ru
Савинова Юлия Анатольевна, к.пед.н.; доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
savinova_july@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.11.2021
Статья принята к публикации 29.07.2022

Статья посвящена теоретическому обоснованию, изучению, систематизации и рассмотрению возможности масштабирования опыта международных образовательных проектов, реализуемых в консорциумах вузов из разных стран, которые выступают практическими инструментами изменения процессов подготовки инженерных кадров, способных адаптироваться к изменениям рынка труда и требованиям времени.

Разработка теоретических основ улучшения системы педагогической подготовки преподавателей и аспирантов университета по инженерным дисциплинам в России и Таджикистане посредством модернизации программ аспирантуры, разработки устойчивой системы переподготовки преподавателей и их консультационной поддержки со стороны сети EXTEND-центров совершенствования по инженерному образованию является одной из задач проекта. Проект представляет собой международную площадку для теоретической разработки и практической апробации лучших методико-педагогических практик в области преподавания инженерии, которые могут масштабироваться, применяться в процессе преподавания и влиять на качественное повышение уровня инженерного образования студентов, аспирантов и преподавателей, а также интернационализацию инженерного образования.

Ключевые слова: инженерное образование, проект EXTEND, интернационализация, компетенции преподавателя инженерных дисциплин, дескрипторы компетенций, улучшение качества инженерного образования, информационно-коммуникативные технологии.

Введение

Улучшение качества инженерного образования является одной из актуальных проблем современности. Реалии сегодняшнего дня требуют от современного инженера владения не только широким спектром ключевых компетенций в области узкоспециализированных научно-технических и инженерных дисциплин, но и гибкими навыками (так называемыми soft skills). Однако основной акцент в обучении инженерных кадров в технических университетах делается именно на развитие профессиональных навыков будущих инженеров, в то время как развитию гибких навыков уделяется недостаточное внимание.

Согласно Ю.Н. Зиятдиновой, международная интеграция, возрастание доли высокотехнологичного производства, глобальная рыночная экономика ставят перед национальными системами образования принципиально новую задачу – подготовку кадров для создания и использования инноваций. Значительное влияние на интернационализацию инженерного образования оказывает деятельность национальных и международных сообществ, разрабатывающих профессиональные стандарты инженера на основе требований работодателя к качеству выпускников. В этой связи международная интеграция вузов становится необходимым условием повышения качества инженерного образования и предоставляет новые позитивные возможности для развития высшего образования [1].

Одним из реальных способов решить проблему улучшения качества инженерного образования является изучение, систематизация и масштабирование опыта международных образовательных проектов, реализуемых в консорциумах вузов из разных стран, которые выступают практическим инструментом изменения процессов, требующих доработок, с видимыми и значимыми результатами и дальнейшими перспективами.

Авторы статьи являются членами международного проекта Erasmus+ KA2 Capacity Building in Higher Education Project 586060-EPP-1-2017-1-RO-EPPKA2-CBHE-JP «Excellence in Engineering Education through Teacher Training and New Pedagogic Approaches in Russia and Tajikistan» («Повышение качества инженерного образования через обучение преподавателей и новые педагогические подходы в России и Таджикистане»; акроним – EXTEND), который занимается как вопросами научно-теоретического исследования проблемы улучшения качества инженерного образования в технических вузах, так и вопросами прикладного характера методической и дидактической имплементации результатов и др.

В 2017 г. консорциум, состоящий из 12 вузов, выиграл грант на проведение международного образовательного проекта EXTEND. Данный консорциум включает в себя европейские вузы, являющиеся тьюторами проекта, и вузы-исполнители, такие как Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Таджикский национальный университет, Технологический университет Таджикистана, Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова, Кулябский государственный университет им. А. Рудаки.

Как теоретическая, так и практическая составляющие проекта EXTEND направлены на улучшение системы педагогической подготовки преподавателей и аспирантов университета по инженерным дисциплинам в России и Таджикистане посредством «модернизации программ аспирантуры, разработки устойчивой системы переподготовки преподавателей и их консультационной поддержки со стороны сети EXTEND-центров совершенствования по инженерному образованию» [2]. Проект имеет возможность параллельной работы: практической имплементации лучших практик в области преподавания инженерии и их научно-педагогического осмысления, трактования, выявления закономерностей и определения более перспективных векторов развития в научно-педагогическом и методическом плане.

Гипотеза исследования заключается в следующем: выполнение проекта EXTEND является международной площадкой для теоретической разработки и практической апробации лучших методико-педагогических практик в области преподавания инженерии, которые могут масштабироваться, применяться в процессе преподавания и влиять на качественное повышение уровня инженерного образования студентов, аспирантов и преподавателей, а также интернационализацию инженерного образования.

Цель исследования – описать теоретические предпосылки, методико-педагогические разработки международного образовательного проекта, направленного на улучшение качества инженерного образования, интернационализацию в технических вузах и инженерного образования в целом.

Задачи исследования:

1) дать научно-теоретическое обоснование, систематизацию и рассмотреть возможности масштабирования опыта международных образовательных проектов в научно-образовательных целях;

2) охарактеризовать интернационализацию современного инженерного образования как площадку для научных методических, педагогических, лингвистических и других исследований;

3) проиллюстрировать научно-теоретические результаты исследования основными мероприятиями международного проекта EXTEND.

Интернационализация инженерного образования

Процессы глобализации ведут к расширению сферы международных контактов, в том числе и в образовании: в России повышается академическая мобильность преподавателей и студентов, российские университеты занимают престижные места в международных университетских рейтингах, все больше ученых публикуют свои исследования в журналах, индексируемых в международных базах данных, участвуют в международных конференциях, форумах, симпозиумах и т.д., то есть интернационализация является одним из основных векторов развития образования.

В настоящее время интернационализация инженерного образования имеет огромный потенциал для повышения качества инженерного образования в целом. Вопросами интернационализации систем высшего образования в развитых странах занимались многие ученые: Ф. Альтбах, Э. Биркенс, М. ван дер Венде, Х. де Вит, Р. Найду, Дж. Найт, Д. Салми, Дж. Сутар, J. Aigner, Ch. Broaden, C. Christensen, D. Hastings, R. Scott, U. Teichler и др.

Российские же исследователи проблем интернационализации высшего образования (И.В. Аржанова, С.И. Герасимов, А.Н. Джуринский, В.М. Жураковский, Е.А. Князева, П.Ф. Кубрушко,

В.М. Кутузов, М.В. Ларионова, М.М. Лебедева, М.Г. Минин, Г.Н. Мотова, О.Н. Олейникова, О.В. Перфильева, С.А. Подлесный, Ю.П. Похолков, Д.В. Пузанков, Ф.Л. Ратнер, А.С. Сигов, Т.М. Трегубова, В.М. Филиппов, И.Д. Фрумин, А.И. Чучалин, М.М. Юдкевич и др.) не столько уделяют внимание инженерному образованию, сколько описывают опыт отдельно взятого университета.

Мы разделяем точку зрения Ю.Н. Зиятдиновой, что интернационализация инженерного образования – происходящий вследствие глобализации объективный, сложный, противоречивый, динамический, многоуровневый, поэтапный процесс, пронизывающий все сферы жизнедеятельности университета, включая образование, науку, проектно-предпринимательскую деятельность и социальную роль, в результате которого происходит интенсивное слияние мировых знаний, диффузия идей, людей и ресурсов, а международная направленность образования становится не целью, а средством обеспечения качества образовательного процесса и научных исследований [1, с. 10].

Интернационализация инженерного образования является важнейшим средством достижения устойчивого развития современного общества, при котором эксплуатация природных ресурсов, внедрение инноваций, направление инвестиций, развитие личности и взаимодействие разных стран и культур согласованы друг с другом и способствуют обеспечению качества жизни настоящего и будущего поколений [3].

Мотивы интернационализации включают коммерческую выгоду, приобретение языковых знаний, расширение учебной программы международным содержанием, повышение международной академической мобильности преподавателей и студентов и многие другие. В проекте EXTEND такими мотивами являлись получение языковых знаний и расширение учебной программы международным содержанием.

Влияние международного проекта EXTEND на улучшение качества инженерного образования и его интернационализацию в технических вузах России и Таджикистана

В ходе выполнения международного проекта EXTEND его участники были вовлечены в рабочие сессии в университетах-партнерах, где получили опыт ведения лекционных и практических занятий, ознакомились и переняли лучшие образовательные практики. Так, иностранные вузы-партнеры детально описали такие практики, как активные обучающие стратегии, обучение, основанное на проекте, цифровые инструменты, методы оценки и т.д., которые преподаватели впоследствии использовали в своей работе, и в частности при разработке инновационных курсов в рамках проведения проекта, что являлось одной из его задач.

Прежде чем приступить к разработке данных курсов, был проведен тщательный анализ образовательных программ аспирантуры и курсов повышения квалификации для преподавателей инженерных дисциплин. Анализ анкет, программ и курсов повышения квалификации выявил тот факт, что студенты и преподаватели наряду с технической составляющей хотели бы, чтобы в программах присутствовали курсы, развивающие гибкие навыки.

Между университетами-партнерами также были выявлены существенные различия в описании компетенций преподавателей инженерных дисциплин. С одной стороны, это позволяет достичь разнообразия в подходах к подготовке преподавателей, но, с другой стороны, снижает совместимость и переносимость педагогических компетенций, уменьшает возможности для мобильности аспирантов и признания периодов обучения в другом университете. Модель компетенций университетского преподавателя может быть использована также для разработки программ повышения квалификации преподавателей. Это помогло бы повысить непрерывность подготовки учителей и улучшить возможности для карьерного роста.

В процессе работы над проектом в рамках создания научно-теоретического базиса были разработаны пять основных групп компетенций преподавателя инженерных дисциплин.

1. *Профессиональные педагогические компетенции* относятся к способности разрабатывать и внедрять учебную программу с использованием соответствующих средств обучения. Дальнейшая классификация может включать следующие типы компетенций: полевые компетенции (чему учить), компетенции в области разработки учебных программ и технологические компетенции.

2. *Управленческие компетенции* относятся к способности создавать среду, подходящую для образования, с целью достижения ожидаемого в конечном итоге успеха в образовании и для реализации эффективного периода обучения в классе, физического или виртуального [4].

3. *Исследовательские компетенции* включают способность использовать методы исследования, проектировать и проводить исследования в областях, связанных с преподаванием.

4. *Коммуникативные педагогические компетенции* относятся к способности использовать

Таблица

Курсы, разработанные в рамках проекта EXTEND, и их краткое описание

Название курса	Краткое описание
Project Based Learning (Обучение на основе проектов)	Направлен на внедрение проектов в инженерные программы с учетом различных подходов и контекстов (междисциплинарный, сотрудничество с промышленностью и т.д.)
E-learning and ICT Tools (Электронное обучение и инструменты ИКТ)	Основное внимание уделяется тому, как использовать различные инструменты ИКТ в практике преподавания и как подготовить курс электронного обучения
Foreign Languages for Engineering. Academic Writing (Иностранные языки для инженеров. Академическое письмо)	Фокусируется на том, как внедрять иностранные языки в инженерные программы (например, академическое письмо, межкультурные контексты и т.д.)
Research Based Learning (Обучение, основанное на исследованиях)	Сосредоточено на обучении с использованием исследовательских подходов и обучении использованию методов исследования
Active Learning Strategies (Стратегии активного обучения)	Направлен на внедрение различных стратегий активного обучения для улучшения практики преподавания (командное обучение + «перевернутое» обучение (flipped learning) + геймификация)
Curriculum Development (Разработка учебной программы)	Фокусируется на процессах, которые необходимо учитывать для планирования, разработки и реализации учебной программы (результаты обучения и компетенции, виды деятельности, содержание, ресурсы, оценка и т.д.)
Assessment (Оценка)	Фокусируется на альтернативных методах оценки в инженерном образовании – «оценка для обучения»
Коммуникация (Communication)	Фокусируется на коммуникативных методах и инструментах для практики преподавания: составление историй, диалогов, полилогов и др.

различные модели коммуникации и инструменты для взаимодействия между преподавателями, студентами и социальной средой по темам обучения. Они включают коммуникативные навыки в области внутриличностной и межличностной обработки информации, слушания, наблюдения, говорения, опроса, анализа и оценки.

5. *Личные педагогические компетенции* относятся к способности к самоорганизации, самоуправлению и образованию на протяжении всей жизни [5].

Дальнейшее научно-педагогическое осмысление строилось на детальном описании дескрипторов данных компетенций, что послужило стимулом для интенсивного освоения новых профессиональных компетенций, анализа квалификационного содержания своего должностного уровня, отчетливого осознания своих пробелов и их скорейшей ликвидации.

В рамках имплементации проекта EXTEND были разработаны восемь инновационных курсов (табл.).

Вышеперечисленные курсы для преподавателей и аспирантов разрабатывались в соответствии с их текущими потребностями и реальным уровнем педагогических компетенций, в курсах заложена вариативность и возможность быть адаптированными для определенных образовательных целей. Для разных уровней педагогических компетенций следует предлагать разные курсы, поскольку неэффективно предлагать один и тот же курс преподавателям с разным опытом. Кроме того, для преподавателей из разных областей обучения должны быть предложены различные курсы, поскольку средства обучения по инженерным дисциплинам значительно отличаются от тех, которые применяются в гуманитарных науках.

На данном этапе работы проекта было дано научно-теоретическое обоснование подходов к разработке курсов: общее и частное, актуальное и традиционное и др.; методическое сопровождение и содержание курсов было изложено в «Книге курсов» (Course Book). Полученная теоретическая и практическая информация может быть полезна для прогнозирования развития инженерного образования в целом и преподавания отдельных дисциплин в частности, организации аудиторной и внеаудиторной работы.

Участниками проекта в течение года проводилось пилотная офлайн-апробация данных курсов, в результате чего были устранены недочеты, выслушаны пожелания обучаемых и сделаны выводы о необходимости и своевременности данных курсов. Сам масштабный подход по количеству и качеству участников является методико-педагогической находкой для проведения исследований подобного рода, так как затрагивает разные международные практики и опыт преподавания инженерии и может быть принят и полезен для дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

В процессе разработки курсов был внедрен модульный подход, обеспечивающий гибкость и масштабируемость курсов. Анализ учебных компетенций и реального содержания курсов позволил определить основные модули, которые необходимо разработать. Также данные курсы были откорректированы для онлайн-апробации и загружены на платформы вузов-партеров проекта. В онлайн-апробации данных курсов участвовали аспиранты и преподаватели инженерных дисциплин и другие заинтересованные лица.

В настоящее время курсы полностью или частично внедрены в образовательный процесс вузов России и Таджикистана. Таким образом, проект EXTEND способствовал не только интернационализации инженерного образования, так как учебные программы курсов были расширены международным содержанием (лучшими международными образовательными практиками), но и предложил «рабочий», апробированный формат масштабной, разновекторной научно-теоретической работы в области аккумуляции знаний по улучшению инженерного образования.

Одним из мероприятий имплементации проекта, наглядно демонстрирующим тесную связь теории и практики, стала «Школа для аспирантов EXTEND». Более 30 аспирантов из России и Таджикистана встретились, чтобы ознакомиться с лучшими практиками проектной деятельности в области преподавания инженерии от вузов-партнеров проекта.

Цель мероприятия «Школа для аспирантов EXTEND» была не только ознакомить аспирантов технических вузов России и Таджикистана как новое поколение преподавателей инженерных дисциплин с лучшими образовательными практиками, нацеленными на улучшение инженерного образования и в плане содержания, и в плане методики преподавания, но и наработать практический материал для дальнейшей систематизации разработки новых подходов, форматов, содержания работы для массовых мероприятий, посвященных улучшению инженерного образования. Вся информация и предоставленный партнерами проекта цифровой контент полезны, актуальны и приемлемы для разработки и совершенствования существующих инженерных курсов и дисциплин.

Вузы-партнеры ежедневно проводили онлайн-наставничество и читали лекции по лучшим обучающим стратегиям, проблемному обучению, цифровым инструментам, оценке и др., предоставляя доступ к учебному материалу и теоретическим источникам, отвечали на вопросы участников школы, комментировали их выступления и делились идеями дальнейшего развития и применения данной практики.

В рамках рабочих семинаров «Школы для аспирантов EXTEND» делегация каждого вуза занималась модификацией и доработкой собственных инженерных курсов под наставничеством вузов-партнеров проекта. Рабочей площадкой взаимодействия и контроля тьюторов и участников «Школы для аспирантов EXTEND» был Padlet, онлайн-доска, сервис, позволяющий работать одновременно из разных точек доступа.

По окончании программы каждая команда представила трансформацию своего курса в формате case studies. Итогом работы стало усовершенствование вышеперечисленных курсов главным образом по следующим параметрам: активные обучающие стратегии, ИКТ, проблемное обучение, оценивание. В целом, формат работы по усовершенствованию курсов имеет методико-педагогическое обоснование и является приемлемым для обновления любого университетского курса.

Учебные программы читаемых в университетах России и Таджикистана курсов были дополнены международным содержанием, что, несомненно, способствует улучшению качества инженерного образования и повышению его интернационализации.

В рамках выполнения проекта в восьми вузах России и Таджикистана была создана сеть EXTEND-центров совершенствования инженерного образования, способная обеспечить базу для исследований, обучающие курсы и консультационную поддержку по преподаванию инженерных дисциплин в России и Таджикистане. EXTEND-центры сначала были открыты как отдельные структурные подразделения, аккумулирующие последние достижения инженерной педагогики и опыт преподавания для:

1) исследования, развития и внедрения современных методов и подходов в области инженерных, педагогических инноваций в соответствии с приоритетными направлениями мировой науки;

2) применения современных педагогических подходов в развитии и формировании психолого-педагогической, иноязычной профессиональной компетенции, ИКТ-компетенции и др.;

3) совершенствования процесса формирования и развития у обучающихся и молодых ученых навыков и опыта работы в сфере педагогических инноваций с опорой на передовой международный опыт;

4) привлечения научно-педагогических работников и других заинтересованных лиц к программам повышения квалификации, профессиональной переподготовки, программам

повышения психолого-педагогической, языковой компетентности и участию в научно-практических конференциях, семинарах и дискуссионных площадках;

5) развития сотрудничества с отечественными и зарубежными учебными заведениями и научными организациями;

6) проведения научно-методических исследований;

7) организации, проведения и участия в конференциях, совещаниях, симпозиумах, семинарах, мастер-классах, школах и других научных и образовательных мероприятиях и др.

Но впоследствии отдельные центры превратились в сеть EXTEND-центров, и было подписано соглашение о сотрудничестве данной сети, которое направлено на взаимодействие и расширение кооперации между вузами-партнерами, обмен и использование ресурсов, обучение технических специалистов и привлечение других заинтересованных сторон.

Стратегической целью сети является повышение качества подготовки специалистов в области инженерного образования средствами инженерной педагогики, путем развития и формирования психолого-педагогической, иноязычной профессиональной компетенции, ИКТ-компетенции и др. В настоящее время все EXTEND-центры, оснащенные современным оборудованием за счет средств проекта, ведут интенсивную работу, направленную на повышение качества инженерного образования.

Создание сетевого взаимодействия между университетами-партнерами способствует объединению усилий и достижению синергетического эффекта в разработке и реализации полноценных программ подготовки и переподготовки преподавателей и аспирантов инженерных дисциплин. Сеть позволит каждому университету преуспеть в выбранной области, тем самым повысив качество всей программы. Привлечение иностранных партнеров в этой связи также способствует интернационализации инженерного образования.

Также в рамках проекта были проведены две международные научно-практические конференции: «Development of Engineering Teaching through the New Pedagogy Approaches in Higher Education Institutions of Tajikistan» в национальном университете Таджикистана (г. Душанбе) и «Modern Engineering Education: Challenges and Perspectives» в Магнитогорском техническом университете им. Г.И. Носова. По результатам конференций были изданы сборники трудов, в которые вошли более 100 статей на русском и английском языках. Работы авторов затрагивают различные аспекты улучшения качества инженерного образования в России и Таджикистане. В результате работы над проектом был создан сайт (http:/extend-erasmusplus.ru), где аккумулируется вся информация по проекту и проходит диссеминация его результатов.

Выводы

В заключение подведем итог, каким образом проект EXTEND повлиял на улучшение качества инженерного образования и его интернационализацию в технических вузах России и Таджикистана.

Во-первых, проект дал новый импульс международному сотрудничеству вузов-партнеров: были подписаны несколько соглашений о сотрудничестве, что вылилось в академическую мобильность студентов и преподавателей. Совместная работа в рамках проекта EXTEND привела к подаче заявки в новых международных проектах, в процессе имплементации проекта была организована и запущена в работу секция EXTEND на международной конференции «eLearning and Software for Education» («Электронное обучение и программное обеспечение для образования»), в которой члены проекта и другие заинтересованные лица публикуют свои статьи по улучшению качества инженерного образования с помощью инструментов ИКТ. Публикуются совместные статьи российских и зарубежных коллег, некоторые члены команды проекта, владеющие иностранным языком на профессиональном уровне, являются ревьюерами данной секции. Также публикуются электронные образовательные ресурсы по тематике проекта, таким образом, можно сделать вывод о том, что проект EXTEND помог достичь нового, более высокого уровня совместной научной работы.

Во-вторых, преподаватели России и Таджикистана получили не только уникальную возможность ознакомиться с устройством и работой зарубежных вузов, но и бесценный опыт альтернативного преподавания, прослушали лекции ведущих ученых и посетили их мастер-классы. Были наглядно продемонстрированы возможные техники и методики преподавания, внедрение игровых форм в образовательный инженерный контекст, таких как Kahoot!, Gallery Walk и др., которые успешно применяются за рубежом. Лучшие практики вошли в новые обучающие курсы, созданные в рамках проекта. Данные курсы были полностью или частично внедрены в учебные планы университетов.

В-третьих, инновационные курсы, разработанные в рамках проекта после пройденного обучения в вузах-партнерах, были апробирова-

ны офлайн и онлайн в группах преподавателей и аспирантов и получили большой общественный резонанс. Данные курсы включали в себя лучшие образовательные практики, полученные в ходе выполнения проекта. Все курсы были загружены на образовательные платформы вузов, некоторые из них будут реализованы как МООК. «Книга курсов», в которую входят основные моменты разработанных курсов, методические указания к ним, контрольные вопросы и задания, планируется к изданию в центральных издательствах России и Таджикистана. Данное издание представляет большую теоретическую и практическую ценность как для преподавателей, так и для студентов технических вузов, так как в нем представлены теоретические обоснования и лучшие практики обучения для инженерного образования, полученные и апробированные членами проекта во время их обучающих визитов и совместной работы с университетами-партнерами.

В-четвертых, сеть EXTEND-центров, действующая в восьми вузах-партнерах проекта и имеющая официальное соглашение о сотрудничестве, выступает современной площадкой для проведения научно-образовательных и просветительских мероприятий как институционального, так и международного уровня.

Проект EXTEND имеет уже не только видимые результаты, но и долгосрочный потенциал, который будет развиваться на региональном, национальном и международном уровнях и открывает новые возможности для сотрудничества, обмена опытом, что является значимым для интеграции как России, так и Таджикистана в мировое сообщество в целом и способствует улучшению качества инженерного образования и его интернационализации.

Авторы выражают признательность всем членам большой команды проекта EXTEND за плодотворную работу по решению проблемы улучшения качества инженерного образования в России и Таджикистане.

Список литературы

1. Зиятдинова Ю.Н. Концептуальная модель интернационализации инженерного образования: Автореф. дис. … д. пед. н. Казань, 2016. 44 с.

2. Зеркина Н.Н., Савинова Ю.А. Международные образовательные проекты как способ улучшения инженерного образования: проект EXTEND // Сборник Международной научной конференции «Латинский алфавит: гуманитарные науки и глобальная интеграция». Актобе, 2018. С. 215–218.

3. Осипов Н.Н., Иванов В.Г., Зиятдинова Ю.Н. По пути интернационализации инженерного образования (опыт КНИТУ) // Высшее образование в России. 2014. № 3. С. 117–123.

4. Gülşes C., Ulku T., Tas B. Opinions of the secondary education teachers on the classroom management competences. URL: https://www.researchgate.net/publication/321242458_OPINIONS_OF_THE_SECONDARY_EDUCATION_TEACHERS_ON_THE_CLASSROOM_MANAGEMENT_COMPETENCES (дата обращения: 23.09.2021).

5. Selvi K. Teachers' Competencies. URL: https://www.researchgate.net/publication/283961538_Teachers'_Competencies (дата обращения: 23.09.2021).

6. Clark R. University Self-Assessment Survey Results for Russian & Tajik Universities/ Key Points. URL: http://mgsu.ru/universityabout/Mezdunar-deyat/mezhdunarodnye-projects/EXTEND_Self-Assessment.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

7. Зеркина Н.Н., Савинова Ю.А. Технологии иноязычной профессиональной коммуникации: проект EXTEND // 77-я Международная научно-техническая конференция «Актуальные проблемы современной науки, техники и образования». Магнитогорск, 22–26 апреля 2019. С. 379–380.

8. Кисель О.В., Зеркина Н.Н. Подходы, формы и методы обучения взрослых // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования», 2018. С. 71–74.

9. Зеркина Н.Н., Дубских А.И. Проект EXTEND: роль преподавателя высшей школы в организации научно-исследовательской работы студентов // Современное инженерное образование: актуальные международные проблемы и перспективы. Conference Proceedings. Foreign Languages for Engineering Chair. Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2019. С. 105–108.

10. Ивкина Ю.А. Развитие коммуникативного потенциала студентов технического университета: Дис. ... канд. пед. наук / Магнитогор. гос. ун-т. Магнитогорск [б.и.], 2002. 182 с. На правах рукоп.

11. Зеркина Н.Н. Формирование профессиональной компетенции HR-менеджеров средствами английского языка // Язык, культура, речевое общение: Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха. М., 2015. Ч. 2. С. 24–28.

12. Zerkina N.N, SavinovaYu.A. Techniques of International Communication: EXTEND Project // Actual Problems of Modern Science, Technique and Education. Nosov Magnitogorsk State Technical University. 2019. Vol. 10. № 2. P. 84–87.

13. SavinovaYu.A., Zerkina N.N. EXTEND Project: Elaboration of the Course «Foreign Languages for Engineering and Academic Writing» // Modern Engineering Education: Contemporary International Challenges and Perspectives. Conference Proceedings. Foreign Languages for Engineering Chair. Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2019. P. 111–113.

14. Lazaro E., Zerkina N.N., Savinova Yu.A. EXTEND Project: Systematic Approach to Curricula Development // 9th Balkan Region Conference on Engineering and Business Education (BRCEBE) and 12th International Conference on Engineering and Business

Education (ICEBE). Conference proceedings. 2019. P. 282–289.

15. Кисель О.В., Зеркина Н.Н., Босик Г.А. Принципы, функции и средства оценки качества обучения в вузе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 40.

16. Zerkina N.N., Lomakina E.A., Kisel O.V., Elisabeth L. EXTEND Centre's Resources for Increasing General Digital Literacy // In: New technology and redesigning learning spaces. Proceedings of the 15th International Scientific Conference eLearning and Software for Education. 2019. P. 140–145.

EXTEND PROJECT AS ONE OF THE WAYS TO IMPROVE QUALITY ENGINEERING EDUCATION AND ITS INTERNATIONALIZATION

N.N. Zerkina, Yu.A. Savinova

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

This article is devoted to the theoretical substantiation, study, systematization and consideration of the possibility of scaling the experience of international educational projects implemented in consortia of universities from different countries, which act as practical tools for changing the processes of training engineering personnel capable of adapting to changes in the labor market and the requirements of the time.

The development of theoretical foundations for improving the system of pedagogical training of university teachers and graduate students in engineering disciplines in Russia and Tajikistan through the modernization of postgraduate programs, the development of a sustainable system of retraining of teachers and their consulting support from the network of EXTEND Centers for Improvement in Engineering education, are one of the objectives of the project, which is an international platform for the theoretical development and practical testing of the best pedagogical practices in the field of teaching in engineering, which can be scaled, applied in the teaching process and influence the qualitative improvement of the level of engineering education of students, PhD students and teachers, as well as the internationalization of engineering education.

Keywords: engineering education, EXTEND project, internationalization, competencies of a teacher of engineering disciplines, descriptors of competencies, improvement of the quality of engineering education, information and communication technologies.

УДК 378.4
DOI 10.52452/18115942_2022_3_196

СОДЕРЖАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ОЦЕНКА ИХ ЗНАЧИМОСТИ СТУДЕНТАМИ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

© 2022 г.

Г.А. Кручинина, Д.С. Седов

Кручинина Галина Александровна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры педагогики и управления образовательными системами
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinakruchinina2009@rambler.ru
Седов Дмитрий Станиславович, преподаватель кафедры управления в спорте
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dimasedov94@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.06.2022
Статья принята к публикации 21.07.2022

Представлен теоретический анализ по оценке значимости составляющих управленческих компетенций. Рассматривается возможность адаптации универсальных и общепрофессиональных компетенций с ориентиром на профиль обучения студентов, а также их будущую профессиональную деятельность с возможностью включения в их содержание средств цифровых технологий. Приведена оценка весового вклада управленческих компетенций в сформированность управленческой компетентности. Представлены результаты экспериментального исследования значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций, необходимых для формирования управленческой компетентности студентов направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» и их анализ.

Ключевые слова: управленческие компетенции, цифровая информационно-образовательная среда, универсальные компетенции, общепрофессиональные компетенции.

Введение

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС 3++) сформулирована цель, стоящая перед образовательными организациями высшего образования, – самостоятельная разработка структуры образования и профессиональных компетенций, необходимых для формирования профессиональной компетентности студентов. При разработке содержания профессиональных компетенций появляется уникальная возможность ориентации на профиль обучения студентов, а также их будущую профессиональную деятельность. Однако для формирования профессиональной компетентности необходимо делать акцент не только на профессиональных компетенциях, разрабатываемых в образовательной организации высшего образования, но и на универсальных и общепрофессиональных компетенциях, которые зафиксированы в ФГОС 3++, требующих, на наш взгляд, адаптации под конкретный профиль обучения. Соответствующая адаптация реализована нами при обучении студентов направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) с учетом цифровой информационно-образовательной среды.

Изменения, происходящие в современном обществе, в том числе в сфере высшего образования, с каждым годом подтверждают недостаточную эффективность традиционного образования [1]. Адаптируя компетенции из ФГОС 3++ под конкретный профиль обучения, необходимо не только учитывать будущую профессиональную деятельность студентов, но и ориентироваться на цифровые технологии в образовании, актуальные в настоящее время.

Для совершенствования образовательного процесса при формировании управленческих компетенций студентов направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» нами адаптирован ряд универсальных и общепрофессиональных компетенций в соответствии с контекстом их будущей профессиональной деятельности и возможностями применения в ней цифровых технологий. Мы считаем, что для внедрения адаптированных

нами универсальных и общепрофессиональных компетенций в процесс обучения необходимо оценить их значимость для студентов.

Обзор литературы

Проанализируем взгляды исследователей в области методологии и технологии профессионального образования на значимость универсальных и общепрофессиональных компетенций в обучении, а также наличие средств цифровых технологий в их содержании.

В статье С.Г. Радько и В.Ю. Мишакова «Компетенции как инструмент формирования имиджа в управлении персоналом» рассматривается значимость управленческих компетенций. Анализируя содержание основных компетенций, значимых для формирования имиджа, в управлении персоналом, авторы выделяют следующие качества личности, которые необходимо сформировать: амбициозность, наличие творческих способностей, открытость в общении с людьми, организаторские способности, самоконтроль в трудных ситуациях, стремление к самосовершенствованию, способность к межличностному общению и др. [2]. Е.П. Гетман в работе «Зарубежный и отечественный опыт подготовки спортивного менеджера», оценивая значимость подготовки студентов с учетом компетентностного подхода в образовании, отмечала проблемы в их управленческой и предпринимательской подготовке. Она указывала на отсутствие использования зарубежного опыта экономической и управленческой подготовки студентов, а также недостаточное изучение предпринимательской деятельности в нашей стране [3]. При рассмотрении вопросов значимости формирования управленческих компетенций ею выделены важные управленческие дисциплины профессионального цикла, такие как «Менеджмент физической культуры и спорта», «Экономика физической культуры и спорта» и др. Автор указывает на важность присутствия данных дисциплин как в бакалавриате, специалитете, так и в магистратуре [4].

О.А. Митрахович и М.А. Пономарева в исследовании оценки развития функциональных управленческих компетенций применяли метод case-study, в котором основной целью являлась оценка развития управленческих компетенций у обучающихся, опираясь на современные требования их будущей профессиональной деятельности [5].

Внедрение в образовательный процесс адаптированных нами универсальных и общепрофессиональных компетенций становится невозможным в настоящее время без включения в их содержание средств цифровых технологий. Цифровые образовательные технологии являются необходимым инструментом в образовательном процессе, ориентированном на формирование актуальных компетенций для будущей профессиональной деятельности [6]. Также стоит отметить, что «важную роль в подготовке управленческих кадров в условиях цифровой трансформации играют современные методы и технологии обучения, которые могут способствовать не только освоению предметных знаний, но и развитию практико-ориентированных навыков, творческого и критического мышления, самореализации, адаптации к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды» [7, с. 100]. Г.А. Кручинина и Д.С. Седов в работе «Применение игрового метода в сочетании с цифровыми технологиями при формировании управленческих компетенций будущих бакалавров», оценивая значимость игрового метода при формировании управленческих компетенций, утверждают, что студенты «заинтересованы в изучении управленческих дисциплин в новом формате смешанного обучения», и значимость управленческих компетенций у студентов находится на высоком уровне [8, с. 51]. Развитие цифровой информационно-образовательной среды создает условия образовательным организациям высшего образования выстраивать процесс обучения с применением средств цифровых технологий, среди которых самыми популярными являются видео-конференц-связь, сервисы для совместной и групповой работы, вебинары, интерактивные опросы, а также чаще используемые в зарубежной практике наставничество, кейс-метод, деловые симуляции, проблемное обучение [7]. С.Б. Вениг и С.А. Винокурова в исследовании анализа возможностей использования цифровых технологий для формирования компетенций по управлению качеством образования решают проблему формирования управленческих компетенций в условиях ограниченных зачетных единиц и аудиторных занятий путем введения в учебный процесс электронного курса с вопросами для самоконтроля и практических заданий с рекомендациями по их выполнению. Авторы утверждают, что при включении средств цифровых технологий в образовательный процесс формируются требуемые образовательным стандартом управленческие и профессиональные компетенции, а также развиваются навыки использования средств цифровых технологий [9].

Методы и материалы

В своем исследовании мы использовали следующие методы исследования: теоретиче-

Таблица 1

Универсальные и общепрофессиональные компетенции, как составляющие управленческой компетентности, студентов направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент в области физической культуры и спорта», адаптированные для решения управленческих задач с применением цифровых технологий

№	Код компетенции (ФГОС 3++)	Содержание компетенции	Весовой коэффициент (в баллах)
Универсальные компетенции			
1	УК-2а	Способен определять круг управленческих задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов, ограничений и возможностей цифровых технологий	0.25
2	УК-6а	Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования, в том числе с применением цифровых технологий, в области менеджмента в течение всей жизни	0.25
Общепрофессиональные компетенции			
1	ОПК-1а	Способен планировать содержание занятий по учебным дисциплинам в области менеджмента с учётом положений теории физической культуры и материалов, представленных на профессионально-ориентированных порталах и сайтах сети Интернет	0.5
2	ОПК-10а	Способен организовать совместную деятельность и взаимодействие при изучении дисциплин управленческого цикла для участников деятельности в области физической культуры и спорта с возможностью применения цифровых технологий	0.5
3	ОПК-14а	Способен осуществлять методическое обеспечение и контроль образовательного процесса по дисциплинам управленческого цикла с применением средств цифровых технологий	1

ские (изучение и анализ научно-педагогической литературы, государственных образовательных стандартов, программ подготовки студентов в университете, нормативных документов, определяющих направление и технологии реализации образовательного процесса в условиях цифровой информационно-образовательной среды, анализ, синтез, обобщение); эмпирические (анкетирование); методы математической статистики (количественный анализ результатов экспериментального исследования и его качественная оценка). В теоретической составляющей исследования нами была разработана шкала «весовых» коэффициентов вклада каждой из выделенных нами компетенций в сформированность управленческой компетентности, где минимальное значение «веса» конкретной компетенции, то есть её весовой коэффициент, – 0.25, а максимальное – 1, с шагом в 0.25 (0.25 – косвенное влияние; 0.5 – пороговое влияние; 0.75 – базовое влияние; 1 – полноценное влияние). В экспериментальной части исследования – оценка значимости данных компетенций.

Результаты исследования, их анализ и выводы

Рассматривая компетенции, составляющие управленческую компетентность, стоит отметить, что она включает ряд универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Универсальные и общепрофессиональные компетенции входят в федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 49.03.01 «Физическая культура», профессиональные компетенции разработаны нами. Они адаптированы нами для решения управленческих задач с включением цифровых технологий. Мы считаем, что не каждая из вышеуказанных компетенций оказывает влияние на содержание управленческой компетентности в полной степени.

В таблице 1 представлены адаптированные нами универсальные и общепрофессиональные компетенции ФГОС 3++ (обозначенные нами индексом «а»).

Среди универсальных компетенций, составляющих управленческую компетентность, нами адаптированы: УК-2 (способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений) и УК-6 (способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни). В адаптированном виде они выглядят так: УК-2а – способен определять круг управленческих задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из дей-

ствующих правовых норм, имеющихся ресурсов, ограничений и возможностей цифровых технологий; УК-6а – способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования, в том числе с применением цифровых технологий, в области менеджмента в течение всей жизни. Обе компетенции являются составляющими управленческой компетентности с весовыми коэффициентами 0.25 балла каждая, так как они раскрывают управленческие качества студента косвенно, без прямого указания на взаимодействия в каждом конкретном случае.

Из числа общепрофессиональных компетенций мы адаптировали ОПК-1 (способен планировать содержание занятий с учётом положений теории физической культуры, физиологической характеристики нагрузки, анатомо-морфологических и психологических особенностей занимающихся различного пола и возраста), ОПК-10 (способен организовать совместную деятельность и взаимодействие участников деятельности в области физической культуры и спорта) и ОПК-14 (способен осуществлять методическое обеспечение и контроль тренировочного и образовательного процессов). В адаптированном виде они выглядят так: ОПК-1а – способен планировать содержание занятий по учебным дисциплинам в области менеджмента с учётом положений теории физической культуры и материалов, представленных на профессионально-ориентированных порталах и сайтах сети Интернет; ОПК-10а – способен организовать совместную деятельность и взаимодействие при изучении дисциплин управленческого цикла для участников деятельности в области физической культуры и спорта с возможностью применения цифровых технологий; ОПК-14а – способен осуществлять методическое обеспечение и контроль образовательного процесса по дисциплинам управленческого цикла с применением средств цифровых технологий. Компетенции ОПК-1а и ОПК-10а составляют управленческую компетентность с весовым коэффициентом 0.5, так как затрагивают одни из основных функций менеджмента, такие как планирование и контроль соответственно, но не всё содержание компетенций ориентировано на управление. Общепрофессиональная компетенция ОПК-14а составляет управленческую компетентность с весовым коэффициентом 1, потому что содержание компетенции основывается на одной из основных функций управления – организация и в полной мере ориентировано на сферу управления.

Результаты экспериментальной составляющей исследования по оценке значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций, адаптированных для решения управленческих задач с включением цифровых технологий, составляющих управленческую компетентность, студентами направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» представлены в таблице 2.

Студенты достаточно высоко оценивают значимость универсальных компетенций УК-2а ($M = 4.14$ балла, $G = 0.75$, $\Delta = 0.13$) и УК-6а ($M = 4.12$ балла, $G = 0.38$, $\Delta = 0.06$) в обучении. Оценки значимости данных компетенций практически равны между собой. У студентов есть понимание важности формирования в обучении универсальных компетенций, рассматриваемых нами, – несмотря на то, что они косвенно влияют на формирование управленческой компетентности.

Общепрофессиональные компетенции, ОПК-1а ($M = 4.28$ балла, $G = 0.57$, $\Delta = 0.10$) и ОПК-10а ($M = 4.43$ балла, $G = 0.59$, $\Delta = 0.10$) с пороговым вкладом в сформированность управленческой компетентности оцениваются студентами выше, чем универсальные компетенции. Присутствует понимание важности компетенций, раскрывающих основные функции управления (планирование и организация) с возможностью применения цифровых технологий.

Способность осуществления методического обеспечения и контроля образовательного процесса по дисциплинам управленческого цикла с применением средств цифровых технологий (ОПК-14а) оценивается обучающимися значительно выше, чем рассматриваемые нами ранее компетенции ($M = 4.54$ балла, $G = 0.50$, $\Delta = 0.09$). Данная компетенция является комплексной и имеет полноценный вклад в сформированность управленческой компетентности, что указывает на важность формирования её в процесс обучения, а также понимание этого студентами.

Универсальная компетенция УК-2а достоверно различна с общепрофессиональными компетенциями ОПК-10а и ОПК-14а, а универсальная компетенция УК-6а – со всеми рассматриваемыми нами общепрофессиональными компетенциями, что указывает на достоверную разницу в степени вклада каждой компетенции в сформированность управленческой компетентности. Достоверность различий также наблюдается между общепрофессиональными компетенциями ОПК-1а и ОПК-14а, что также отображает различие весового вклада каждой из этих компетенций в сформированность управленческой компетентности (ОПК-1а – 0.5; ОПК-14а – 1).

Таблица 2

Оценка значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций, адаптированных для решения управленческих задач с включением цифровых технологий, составляющих управленческую компетентность, студентами направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» (*n* = 130)

№	Компетенции	Среднее значение оценки M	Стандартное отклонение G	Доверительный интервал Δ	Достоверность различий
1	УК-2а. Способен определять круг управленческих задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов, ограничений и цифровых технологий	4.14	0.75	0.13	1/4* ,5*
2	УК-6а. Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования, в том числе с применением цифровых технологий, в области менеджмента в течение всей жизни	4.12	0.38	0.06	2/3*,4*,5*
3	ОПК-1а. Способен планировать содержание занятий по учебным дисциплинам в области менеджмента с учётом положений теории физической культуры и материалов, представленных на профессионально-ориентированных порталах и сайтах сети Интернет	4.28	0.57	0.10	3/5*
4	ОПК-10а. Способен организовать совместную деятельность и взаимодействие при изучении дисциплин управленческого цикла для участников деятельности в области физической культуры и спорта с возможностью применения цифровых технологий	4.43	0.59	0.10	4/1*, 2*
5	ОПК-14а. Способен осуществлять методическое обеспечение и контроль образовательного процесса по дисциплинам управленческого цикла с применением средств цифровых технологий	4.54	0.50	0.09	5/1*, 2*,3*

Примечание: M – среднее значение оценки при пятибалльной шкале, где 1 балл – минимальное значение оценки, 5 баллов – максимальное; * – достоверность различий при $p \leq 0.05$.

Адаптированные нами под профиль обучения «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» универсальные и общепрофессиональные компетенции достаточно высоко оцениваются студентами данного профиля обучения, что говорит об актуальности внесения подобных изменений. При сопоставлении оценок студентов по степени значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций со шкалой оценки весовых коэффициентов вклада каждой компетенции в сформированность управленческой компетентности можно сделать следующий вывод: оценка значимости универсальных и общепрофессиональных компетенций равноценна оценке вклада в сформированность управленческой компетентности рассматриваемых компетенций. Чем ниже весовой коэффициент каждой компетенции, тем в меньшей степени студенты оценивают значимость данной компетенции (УК-2а: 0.25 – 4.14 балла, УК-6а: 0.25 – 4.12 балла; ОПК-1а: 0.5 – 4.28 балла, ОПК-10а: 0.5 – 4.43 балла; ОПК-14а: 1 – 4.54 балла).

Ориентация на профиль обучения студентов, а также их будущую профессиональную деятельность необходима не только при разработке содержания профессиональных компетенций, но также универсальных и общепрофессиональных. При этом становится необходимым включение средств цифровых технологий в содержание всех формируемых у студентов направления подготовки «Физическая культура» профиля «Менеджмент и экономика в области физической культуры и спорта» управленческих компетенций и формирование их в условиях цифровой информационно-образовательной среды.

Список литературы

1. Чуланова О.Л. Кадровый консалтинг: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 358 с.

2. Радько С.Г., Мишаков В.Ю. Компетенции как инструмент формирования имиджа в управлении пер-

соналом // Дизайн и технологии. 2018. № 67 (109). С. 120–126.

3. Гетман Е.П. Зарубежный и отечественный опыт подготовки спортивного менеджера // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2011. № 2. С. 56–58.

4. Гетман Е.П. Роль экономико-управленческих дисциплин в развитии профессиональных компетенций выпускников физкультурного вуза // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. 2015. Т. 17. С. 146–149.

5. Митрахович О.А., Пономарева М.А. Кейс-стади как метод оценки инвариантов управленческой компетентности специалиста // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21-4. С. 258–267.

6. Hernández-Lara A.B. Students' perception of the impact of competences on learning: An analysis with business simulations // Computers in Human Behavior. 2019. P. 311–319.

7. Можаева Г.В., Селиванова М.А. Влияние методов и технологий обучения на эффективность подготовки управленческих кадров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-1. С. 100–110.

8. Кручинина Г.А., Седов Д.С. Применение игрового метода в сочетании с цифровыми технологиями при формировании управленческих компетенций будущих бакалавров // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12. № 2 (46). С. 47–53.

9. Вениг С.Б., Винокурова С.А. Анализ возможности использования цифровых технологий для формирования компетенций по управлению качеством в магистерской программе инженерного направления подготовки // Инженерное образование. 2019. № 25. С. 7–12.

THE CONTENT OF MANAGEMENT COMPETENCES AND ASSESSMENT OF THEIR SIGNIFICANCE BY STUDENTS OF THE TRAINING DIRECTION «PHYSICAL EDUCATION» IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

G.A. Kruchinina, D.S. Sedov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents a theoretical analysis to assess the significance of the components of managerial competencies. The possibility of adapting universal and general professional competencies with a focus on the profile of students' education, as well as their future professional activities with the possibility of including digital technologies in their content, is considered. An assessment of the weight contribution of managerial competencies to the formation of managerial competence is given. An assessment of the weight contribution of managerial competencies to the formation of managerial competence is given. The results of an experimental study of the significance of universal and general professional competencies necessary for the formation of managerial competence of students in the direction of training «Physical culture» of the profile «Management and economics in the field of physical culture and sports» and their analysis are presented.

Keywords: managerial competencies, digital information and educational environment, universal competencies, general professional competencies.

УДК 378.147.31
DOI 10.52452/18115942_2022_3_202

ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ РОЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

© 2022 г.

Л. Цзинцзюань

Лю Цзинцзюань, д.филол.н.; старший преподаватель, заведующий кафедрой русского языка Шанхайского политико-юридического университета, Шанхай, Китай
jingjuan1203@163.com

Статья поступила в редакцию 31.05.2022
Статья принята к публикации 19.07.2022

Во время пандемии дистанционное обучение в вузах вступило в новую стадию развития, и именно это находится в центре внимания ученых в современном мире. Различные онлайн-классы, как перевернутые классы, микрокурсы и МООК предоставили возможность достичь цели «пропускать занятия, не пропуская обучение» во время пандемии. Показано, что при переходе от очного обучения к дистанционному преподаватели сталкиваются со многими проблемами. Например, необходимо переопределить профессиональную идентичность, и соответственно изменились различные факторы: субъект, характер обучения и распределение учебной нагрузки. В отношении дистанционного обучения преподаватели проходят путь от сомнений и отказа до полной адаптации и стремления к инновации. И роль преподавателя значительно усложняется, так как в основе дистанционного обучения стоит еще взаимодействие между преподавателем и студентами вне класса. Итак, преподаватель из одного просветителя сделался идейно-политическим наставником в противоэпидемический период, защитником психического здоровья обучающихся, куратором онлайн-обучения, консультантом по обучению в открытых классах, стимулятором учебных интересов и т.д. Выявлено, что для решения практических проблем в обучении преподаватель должен изменить концепцию обучения и активно встречать новый вызов, идя по новой тенденции развития обучения. К тому же, как можно скорее завершая трансформацию ролей преподавателя на основе характеристик дистанционного обучения, следует активно использовать новые методы обучения в информационную эпоху, что позволяет расширить границы режима традиционного обучения, преодолеть ограничение учебного пространства. Причем следует уделять большое внимание реорганизации и планированию учебного проекта, выделить доминирующее положение обучающихся и усилить роль организации и контроля в управлении учебными программами для того, чтобы сделать дистанционное обучение эффективным дополнением к традиционному режиму и, наконец, реализовать информатизацию образования и улучшить эффективность и качество обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение; роль преподавателя; путь трансформации; период пандемии.

Введение

Новые современные информационные технологии, как искусственный интеллект, виртуальная реальность, большие данные и т.д., способствуют превращению информационного общества в интеллектуальное общество и вызывают изменения спроса на таланты, реформы обучения и формирования экологического образования при реконструкции учебной среды в современном мире. Особенно в контексте борьбы с пандемией, одной из самых распространенных форм организации учебной деятельности учащихся становится дистанционное обучение, что требует от преподавателя завершения соответствующей ролевой трансформации на уровнях мультимедийных технологий, инновационного интерактивного обучения, взаимодействия человека и машины, интеграции ресурсов, применения данных и обеспечения этической безопасности и др.

Именно на этой основе обсуждены вопросы о требованиях к ролевому позиционированию преподавателя и его путь трансформации в среде дистанционного обучения, а также выявлена тенденция развития профессиональной деятельности преподавателя.

Требования к ролевому позиционированию преподавателя в дистанционном обучении

В последние годы ученые в стране и за рубежом уделяли большое внимание проблеме о ролях преподавателя в процессе обучения и в основном отвечали на ключевые вопросы «Кто такой преподаватель?» и «Какую роль преподаватель должен играть в образовательном процессе?» [1–3]. В частности, модель обучения «перевернутый класс» в США и теория шаблон-ориентированного подхода (POA) [4] в Китае

внесли революционные инновации обучения в вузах с точки зрения современных образовательных концепций, связей обучения, отношения между обучающими и учащимися и методов оценки эффективности обучения. Причем в большой степени расширено определение роли обучающих «проповедь и учение», пересмотрена роль обучающих при разработке модели формирования гуманистической позиции, и подчеркнуто развитие автономности и самостоятельности учащихся в учебной деятельности. В таких условиях дистанционное обучение требует от преподавателя не только соответствия новым требованиям к образовательной реформе, но и внимания к органической интеграции информационных технологий и содержания обучения [5]. Новое интерактивное позиционирование ролей преподавателя и создание образовательной ролевой системы на основе традиционного обучения имеет актуальное значение во время пандемии.

Важным моментом для развития способностей учащихся в процессе дистанционного обучения является роль преподавателя как «инструктора» и «стимулятора» в рамках модели «преподавание после самообучения», выполняющего функции руководства, проектирования и кураторства в процессе педагогической практики. Конкретные требования к ролевому позиционированию преподавателя в дистанционном обучении представлены ниже.

1) Необходимо правильно понимать роли преподавателя и студента в процессе обучения, рассматривать их как равноправных субъектов образовательной программы. С одной стороны, необходимо позволять студентам выражать свое нестандартное мнение, с другой стороны, нельзя игнорировать основные функции педагогической деятельности преподавателя. Здесь речь идет как об организации учебной деятельности студентов, так и об умении контроля и оценки результатов обучения в учебном процессе.

2) Компетентному преподавателю необходим педагогический профессионализм и ответственность в профессиональной деятельности. Во-первых, следует хорошо понимать учебную ситуацию перед уроком, отобрать подходящие учебные материалы к содержанию, правильно ставить и формулировать цели и задачи урока. Во-вторых, надлежащим образом организовывать групповые работы на уроке, активно взаимодействовать со студентами и получать обратную связь от них. В-третьих, контролировать успеваемость студентов и своевременно вносить коррективы в соответствии с обратной связью после урока.

3) Необходимо продолжать получать дополнительное профессиональное образование и самосовершенствование, внедрять инновационные методы обучения с учетом определения оптимального содержания учебных материалов в соответствии с требованиями к развитию интеллекта, мышления и личности студентов и в соответствии с реальной ситуацией для стимулирования их интереса к учебе. И в то же время интегрировать идейно-политические элементы для эффективного развития личностных качеств учащихся и формирования критического и креативного мышления.

4) Необходимо уметь использовать информационные технологии и программное обеспечение для онлайн-обучения при создании микровидео, разработке микрокурсов и использовать инструменты «умные классы» в процессе дистанционного обучения, выходящего из пространственно-временного ограничения, для обеспечения индивидуализации обучения с учетом потребностей и возможностей студентов. Поскольку сетевые характеристики онлайн-обучения определяют, что студенты имеют большую степень учебной автономии, преподавателям не нужно контролировать каждое звено учебного процесса, а нужно только оказать соответствующую помощь и руководство, когда студенты сталкиваются с трудностями или проблемами в процессе обучения.

5) Необходимо изучать и осваивать теорию и методы оценки обучения, своевременно проводить эффективную и обоснованную оценку студентов и повысить их учебную мотивацию и вовлеченность в дистанционный учебный процесс. В таких условиях необходимо не только уделять большое внимание итоговой оценке, но и проводить комплексный анализ эффективности целенаправленного учебного процесса. В 2019 году Европейская ассоциация по обеспечению качества высшего образования (ENQA) опубликовала результаты исследования «Оценка адаптивности онлайн-обучения на основе доверия» – «Европейская рамка обеспечения качества электронного обучения». Данная рамка разработана с учетом специфических характеристик электронного обучения и электронного оценивания, в частности, с основной целью улучшения и расширения образовательных стандартов в различных формах электронного оценивания. Она применима ко всем средам онлайнового и смешанного обучения, включающим электронную оценку [6]. Эти исследования по эффективному обеспечению качества онлайн-обучения подчеркивают необходимость создания образовательной ролевой системы.

Путь трансформации ролей преподавателя в дистанционном обучении

Путь трансформации ролей преподавателя в дистанционном обучении всегда находится в центре внимания ученых. С одной стороны, постоянное обновление образовательных концепций и изучение новых образовательных технологий стали важными базовыми требованиями к качествам преподавателей. Для успешной трансформации ролей необходимо четко определить существенную разницу между распространителями и делителями знаний. В ходе дистанционного обучения необходимо определить студента субъектом урока и организовать адаптивный гибкий учебный процесс, чтобы привлечь их внимание и стимулировать их энтузиазм к обсуждению и обмену мнениями. С другой стороны, в дистанционном обучении необходимо эффективно решать основные проблемы адаптации студентов к условиям онлайн-курсов. Основная роль преподавателя в этой модели онлайн-обучения состоит в том, чтобы контролировать прогресс учащихся и проверить эффекты обучения. В то же время необходимо проводить исправление домашних заданий и оценку эффективности обучения студентов на платформе дистанционного обучения, собрать обратную связь у них на всех этапах учебного процесса и своевременно принимать совершенствование и коррекции уроков в обратной связи.

Китайские ученые составили конкретную классификацию трансформации ролей преподавателя в интеллектуальную эпоху с точки зрения образования, учебных услуг, технологических приложений и предметных атрибутов. Подчеркнуто, что преподаватель должен превращаться в проводника знаний, учителя мудрости, интегратора ресурсов, проектанта учебных программ, организатора обучения, сотрудника по обучению, информационного консультанта, помощника учебного процесса, человеко-машинного координатора, разработчика приложений, этического лидера, участника обучения, исследователя и ученика на протяжении всей жизни, и именно на этом основе определены профессиональные качества преподавателя [7]. Эти подходы применимы как к офлайн-обучению, так и к дистанционному и даже к смешанному обучению. Для дистанционного обучения также необходимы психологическая готовность преподавателя, выбор подходящего режима и содержания обучения, улучшение навыков преподавания и вовлечение в онлайн-взаимодействие, разработка методологии и принципов оценивания результатов обучения во избежание возникновения серьезных последствий в виде неэффективности обучения, отвлекаемости и рассеянности внимания в дистанционном обучении.

Дистанционное обучение требует, чтобы преподаватель как можно скорее завершил переход от единообразной роли к интегрированной в учебном процессе. Конкретные пути трансформации ролей перечислим ниже.

1) Стимулирование преподавателя обновить образовательную концепцию управления учебным процессом.

Дистанционное обучение – это широко распространяемая модель обучения «пропускать занятия, не пропуская обучение» в период пандемии. При эффективном продвижении и реализации дистанционного обучения от преподавателя требуются кардинальные изменения в традиционном педагогическом мышлении, сочетание преимуществ дистанционного и традиционного обучения, эффективное интегрирование учебных ресурсов для достижения цели качественного обучения студентов и удовлетворения реальных потребностей общества в прикладных и универсальных специалистах.

2) Развитие способности к проектированию и разработке образовательных программ в среде цифровой грамотности.

Способность к проектированию и разработке образовательных программ в среде цифровой грамотности – это способность преподавателя использовать мультимедийные технологии, интегрировать аудио, видео, графику и другие информационные технологии для создания учебных онлайн-курсов и обеспечивать взаимодействие человека и компьютера в онлайн-классах. В действительности, у многих преподавателей есть еще пространство для совершенствования профессионального уровня и педагогического мастерства по разработке мультимедийных курсов при практической подготовке студентов. А именно эта способность является основной технической гарантией эффективного осуществления дистанционного обучения в век информации, а также основным требованием повышения эффективности и качества образования.

3) Развитие способности к созданию учебной ситуации в процессе онлайн-обучения.

Эта способность имеет большое значение для дистанционного обучения. Ученые указали, что учебная ситуация является носителем, объединяющим когнитивные и некогнитивные факторы: знания, навыки, эмоции, отношения и ценности – и позволяющим реализовать всестороннее применение знаний. Она играет важную роль в развитии компетентности студентов [8]. Для создания учебной ситуации в первую очередь необходимо сосредоточиться на соедине-

нии обучения с реальной жизнью студентов с целью стимулирования их познавательного интереса к учению. В то же время при создании учебной ситуации необходимо обратить внимание на определенную расширяемость знаний с образно-эмоциональной основой и оставлять студентам достаточное время и место для размышления, чтобы развивать их самостоятельное и творческое мышление и потенциал личности.

4) Развитие способности к взаимодействию и руководству в онлайн-классе.

Эта способность дает возможность проводить синхронное взаимодействие преподавателя и студентов в одном времени и пространстве. Сложность дистанционного обучения требует, что преподаватель должен не только активно участвовать в учебной деятельности в качестве важной стороны интерактивного процесса, но и оказывать определенную техническую поддержку и проводить организационно-управленческую деятельность, в полной мере раскрыть свои способности мобилизовать атмосферу в классе и помочь студентам освоить и применить полученные знания.

5) Развитие координационной способности в чрезвычайных ситуациях в онлайн-классе.

Дистанционное обучение требует от преподавателя развития гибкости и способности к адаптации к чрезвычайным ситуациям в процессе обучения. При дистанционном обучении платформы онлайн-обучения ограничивают поле зрения и дальность наблюдения преподавателя, а также могут быть ограничены возможности контролировать класс. Кроме того, технические проблемы могут привести к нарушению работы онлайн-класса или возникновению других чрезвычайных ситуаций. Тогда координационные способности позволяют преподавателю проводить своевременное и активное реагирование на такие чрезвычайные ситуации и внести соответствующее регулирование обучения, чтобы в максимальной степени обеспечить порядок и успехи в организации и осуществлении учебной деятельности, преодолевая ограничения и недостатки дистанционного обучения.

6) Развитие острой наблюдательности и творческого воображения в онлайн-классе.

Онлайн-класс отличается от традиционного тем, что это не очное объяснение и общение между преподавателем и учащимися, а весь процесс осуществляется в онлайн-режиме на платформе онлайн-обучения с помощью современных технических средств, которые далеки от эффекта живого общения. Преподаватель должен иметь острую наблюдательность, чтобы своевременно обнаруживать эмоции учащихся и проблемы с обучением в учебной деятельности, а также предсказывать возможные ошибки учащихся и давать целенаправленные рекомендации и эффективные корректирующие меры. Это может способствовать выстроить доверительное отношение между преподавателем и учащимися. К тому же способность преподавателя к воображению может эффективно гарантировать инновационность в обучении, а также может обеспечить оживление интереса учащихся в классе. Это требует от преподавателя применения новых методов и средств обучения, оптимизации и интеграции учебных ресурсов, преодоления инерции традиционного педагогического мышления, разработки планов индивидуального обучения и достижения лучших результатов обучения в соответствии с реальными потребностями учащихся.

7) Развитие способности преподавателя к идейно-политическому воспитанию.

Степень управления преподавателя в дистанционном обучении относительно слабее, чем в традиционном обучении, что делает роли и функции преподавателя более разнообразными. В частности, мощный стресс и психологическая тревога, вызванные пандемией, заставляют студентов и их родителей сильно беспокоиться о негативном влиянии на эффективность обучения, так что преподаватель должен активно проводить психологическое консультирование через онлайн-платформы, а также внести содержание обучения в области охраны здоровья и безопасности в учебный процесс. В то же время при холодном мышлении и горячей реакции преподавателя мыслительные и новаторские способности студентов интегрируются в учебные цели учебной программы, а общественный психологический кризис общественных чрезвычайных ситуаций разрешается с научной точки зрения.

Тенденция развития профессиональной деятельности преподавателя

Дистанционное обучение изменяет текущую модель обучения и станет неотъемлемой частью системы образования в будущем. Это требует необходимой трансформации ролей преподавателя в мультимедийном обучении. Китайские ученые указали, что это тесно связано с тем, что «мультимедийная среда обучения соответствует среде обучения, отстаиваемой конструктивистской теорией обучения, а концепция мультимедийного обучения находится в соответствии с идеей субъективного образования развития личности» [9].

Прежде всего, в будущем дистанционном обучении важность осуществлять индивидуаль-

ное обучение будет подчеркиваться, что потребует от преподавателя принятия соответствующих стратегий обучения в соответствии с интересом, особенностью и способностью студентов, поощрения их к обнаружению, анализу и решению проблем в процессе взаимопомощи. В онлайн-классе преподаватель сокращает время на чтение лекции, а проводит консультацию в зависимости от их индивидуальных склонностей и на основе учебного результата, полученного с помощью больших данных.

Кроме того, в будущем дистанционном обучении преподаватель не будет просто носителем знаний, а превращается в ролевой кластер, объединяющий ряд ролей с разнообразными обязанностями и задачами. Тогда необходимо поставить студентов в доминирующее положение в качестве учебного субъекта, стремиться помочь им найти эффективные методы обучения, оказать дистанционные консультации по требованию и тем самым улучшить их собственный режим обучения, научить их усваивать знания и решать проблемы своими способами.

К тому же преподавателю необходимо уделять больше внимания развитию у студентов способности критического и творческого мышления. При дистанционном обучении преподаватель способствует тому, чтобы студенты отбирали, оценивали, применяли и даже создавали знания. Это выделяет предметные проблемы студентов в процессе обучения, в полной мере активизирует их самостоятельность, субъективность и интересы к обучению, а также позволяет им обнаруживать и решать проблемы в проблемной ситуации. В будущем преподаватель будет нести больше ответственности за стимулирование энтузиазма и интереса студентов к учебе, развитие у них новаторских и мыслительных способностей, а также за развитие их творчества и инициативы.

Конечно, нынешнее дистанционное обучение на основе современных технологий все же имеет некоторые недостатки. Например, из-за ограничения терминальным оборудованием – мобильным телефоном и компьютером – управленческая роль преподавателя в обучении значительно ослаблена. Во время онлайн-обучения, возможно, студенты могут заниматься тем, что не связано с обучением, что плохо повлияет на эффект обучения и приведет к недостижению установленных целей обучения. Поэтому необходимо усилить управление обучением на уровне распределения времени, чтобы эффективно компенсировать недостатки дистанционного обучения в этом плане. Необходимо сформировать команду дистанционного обучения, которая совместно несет ответственность за процесс обучения.

Выводы

Таким образом, в период пандемии дистанционное обучение расширяет границы модели традиционного обучения, преодолевает пространственные ограничения обучения и становится эффективным дополнением к традиционному обучению. Доказано, что популяризация дистанционного обучения повысила требования студентов и их родителей к качеству обучения и способностям преподавателей, на первый план выдвинуты самотрансформация их ролей и создание персонализированного обучения, что не только снижает влияние информационных технологий на педагогическую профессию, но и предоставляет возможность персонализации организации обучения [10]. В новых условиях преподаватель должен активно встречать вызовы, своевременно приспосабливаться к трансформации ролей, обновлять образовательные концепции, осваивать методы дистанционного обучения, приобрести навыки использовать мультимедийные методы обучения и адаптироваться к новому интерактивному режиму обучения. В то же время в дистанционном обучении необходимо эффективно реализовать реорганизацию и планирование дизайна курсов, разработать и интегрировать ресурсы онлайн-обучения, а также укрепить контроль над курсами, чтобы эффективно улучшить качество дистанционного обучения.

Работа выполнена при поддержке Отдела международных связей (Офиса иностранных студентов) Шанхайского политико-юридического университета.

Список литературы

1. Лесин С.М. Организация сетевого взаимодействия педагогических сообществ как фактор совершенствования системы повышения квалификации в вузе // Профессиональное развитие педагогических и управленческих кадров в московском мегаполисе. М.: МГПУ, 2014. С. 111–114.

2. Чернобай Е.В., Давлатова М.А. Изменение профессиональных ролей учителя в условиях дистанционного обучения школьников: актуальный взгляд // Педагогика. 2020. № 11. С. 100–106.

3. Kang G.P., Zhou D.F., Gong H. The responsibilities and roles of teachers as well as their capacity development in the responses to emergencies // Teacher Education Research. 2020. Vol. 32 (3). P. 10–16.

4. Wen Q. F. Developing a theoretical system of production-oriented approach in language teaching // Foreign Language Teaching and Research. 2015. Vol. 47 (04). P. 547–558+640.

5. Руководство Министерства образования КНР по эффективной работе по организации и управлению онлайн-обучением в вузах в период пандемии. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-02/05/content_547473 1.htm (дата обращения: 20.04.2022).

6. Martin F., Anaisais G. Framework for the quality assurance of E-assessment. URL: http://www.enqua.org (дата обращения: 05.03.2022).

7. Guo J., Hao J.J. Teacher's role orientation and accomplishment demand in the age of intelligence // China Educational Technology. 2021. № 6. P. 121–127.

8. Guo Y.Y. Duality of situation and its mediation effect: An exploration of the situational teaching approach to promote students development // Journal of Sichuan Normal University (Social Sciences Edition). 2021. Vol. 48 (04). P. 126–131.

9. Yang F. Teacher's role change – the necessity of multimedia teaching // Education Exploration. 2002. № 12. P. 96–98.

10. Cai L.Y., Han Q.Q. Study on the integration of artificial intelligence and education: A programmatic exploration // e-Education Research. 2018. Vol. 39 (10). P. 27–32.

THE PATH OF TRANSFORMING THE ROLE OF A TEACHER IN DISTANCE LEARNING DURING THE PANDEMIC

Liu Jingjuan

Shanghai University of Political Science and Law

During the pandemic, distance learning in universities has entered a new stage of development, and this is precisely what is in the focus of attention of scientists in the modern world. Various online classes such as flipped classrooms, micro-courses and MOOCs have provided an opportunity to achieve the goal of "skip classes without skipping learning" during the epidemic. It is shown that during the transition from full-time education to distance learning, teachers face many problems. For example, professional identity needs to be redefined, and various factors have changed accordingly, such as the subject of training, the nature of training, and the distribution of training. With regard to distance learning, educators go from hesitation and rejection to full adaptation and commitment to innovation. And the role of the teacher becomes much more complicated, since distance learning is based on the interaction between the teacher and the student outside the classroom. So, the teacher is made from one educator of knowledge into an ideological and political mentor in the anti-epidemic period, an advocate for the mental health of students, a curator of learning and discussions, a consultant in teaching in open classes, a stimulator of learning interests, etc. It was revealed that in order to solve practical problems in teaching, the teacher must change the concept of teaching, and actively meet the new challenge, following the new trend in the development of teaching. In addition, completing the change of teacher roles as soon as possible based on the characteristics of distance learning, one should actively use new teaching methods in the information age, which allows expanding the boundaries of the traditional learning mode and overcoming the limitation of the learning space. Moreover, it is necessary to pay great attention to the reorganization and planning of the educational project, highlight the dominant position of students, and strengthen the role of organization and control in the management of educational programs, in order to make distance learning an effective addition to the traditional mode of education, and finally, realize the informatization of education and improve efficiency and quality of the education.

Keywords: distance learning; the role of the teacher; path of transformation; the pandemic period.

УДК 37.01
DOI 10.52452/18115942_2022_3_208

ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИДНОГО ПЕДАГОГА-ТЕОРЕТИКА Н.Х. ВЕССЕЛЯ И ЕГО УВЛЕЧЕНИЕ ИСКУССТВОМ

© 2022 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.02.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

На основе анализа опубликованных источников делается вывод о необходимости комплексного исследования трудов, подготовленных проектов реформирования школы, публицистики, результатов в культурологической и собирательской деятельности Н.Х. Весселя с целью написания объективной биографии этого видного деятеля отечественной педагогики второй половины XIX в.

Вводится в научный оборот неизвестный архивный документ – отзыв С.Ф. Платонова на альбомы картин, представляющих собой объемную и интересную коллекцию по истории России и зарубежных стран. Это новое направление творческой деятельности Н.Х. Весселя, остающееся неизвестным. Черновик отзыва, представляющий ценный историографический источник, позволяет расширить наши представления о тематике произведений, на которые составлялись рецензии выдающимся отечественным историком.

Основными методами исследования являются анализ статей, посвященных педагогу-теоретику, ретроспективный, хронологический, системный, сравнительный, которые позволили автору прийти к логически построенным умозаключениям.

Ключевые слова: Н.Х. Вессель, С.Ф. Платонов, научные труды, педагогика, периодизация, архивный документ, отзыв, альбомы по искусству.

К 180-летию со дня рождения
Н.Х. Весселя

Введение

Труды и полувековая деятельность Н.Х. Весселя давно интересует исследователей отечественной педагогики, хотя и эпизодически. Например, в 1959 г. В.Я. Струминский, названный М.В. Богуславским «главным биографом» [1, с. 18] Н.Х. Весселя, сетовал, что имя «русского педагога второй половины XIX в…. почти не упоминается в современных курсах истории русской педагогики» [2, с. 5], хотя на протяжении второй половины XIX в. он был известен «энергичной и широкой практической и теоретической деятельностью в области педагогики, получил значительную известность в педагогическом мире как прогрессивный и оригинальный педагог своей эпохи» [2, с. 5]. Видный советский ученый вскользь упоминал Н.Х. Весселя и в монографии, посвященной К.Д. Ушинскому [3, с. 164, 287], называя первого «достаточно видным педагогом» [3, с. 164].

Цель публикации: не касаясь педагогических и теоретических взглядов Н.Х. Весселя на реформу образования, ввести в научный оборот архивный документ, раскрывающий новое неизвестное ранее направление; оно не затрагивает профессиональных устремлений, а скорее отражает его увлечение всей жизни в культурологической сфере – интерес к искусству, иллюстрациям по истории России и зарубежных стран.

Изученность вопроса

Объемная статья В.Я. Струминского является лучшей из немногочисленных, посвященных «мыслителю-теоретику в области педагогики» [2, с. 18] за весь XX в. Автор первым указал на ошибочность в дате его рождения, которая называлась в двух опубликованных некрологах [4; 5]. Будущий авторитетный деятель образования родился 22 января 1837 г. [2, с. 6]. В.Я. Струминский дал и универсальную периодизацию творческой и организаторской деятельности Н.Х. Весселя. Он выделяет два периода: первый – с конца 60-х годов до 1882 г. и характеризует его «широким развитием теоретической и практической деятельности» [2, с. 12], второй – с 1882 г. до смерти в 1906 г. «постепенного сокращения прежней широкой и практической деятельности» [2, с. 12]. А рубежом между пе-

риодами В.Я. Струминский считает прекращение редакторской деятельности в «Педагогическом сборнике» [2, с. 12].

Публикация же трудов Н.Х. Весселя [6], по сути, вернула забытое имя в исследовательское поле и укрепила за ним славу знатока истории педагогики. Важным достоинством книги с исследованиями Н.Х. Весселя следует считать помещенную в ней первую, хотя и неполную библиографию статей известного публициста.

Но следует не согласиться с утверждением В.Я. Струминского, что «в дореволюционные курсы этой истории (русской педагогики. – *В.М.*) он не успел войти» [2, с. 5]. Но еще М.И. Демков в своей книге не раз упоминает Н.Х. Весселя: «появились серьёзные журналы… «Учитель» Весселя и Паульсона» [7, с. 212, 265–268]; он назван в числе ряда педагогов, которые готовили «проект положения о народных училищах, выработанный в ученом комитете…» [7, с. 219], и среди «довольно известных педагогов», которые принимали участие в педагогических курсах военного ведомства» [7, с. 317]; упомянуто Положение о новых городских училищах и учительских институтах, разработанное авторитетным ученым [7, с. 266]. Поэтому очевидно, что столь значимую фигуру в области реформирования российской школы обойти вниманием было невозможно. Хотя следует заметить, что сведения эти несистемны и не объединены в отдельный параграф или главу.

Следует отметить, что интерес к творческому наследию Н.Х. Весселя оживился в последние годы, свидетельством тому являются многочисленные исследования, предметом которых стала его многогранная деятельность. Среди них обращает внимание широтой затронутых вопросов, глубиной исследования и кропотливого анализа работа М.В. Богуславского, где Н.Х. Вессель именуется «просветителем, видным теоретиком и историком педагогики, основателем российской компаративистики и школоведения, талантливым публицистом и литератором, замечательным этнографом… профессиональным экспертом в сфере управления образовательными системами» [1, с. 9].

Среди достоинств исследования следует обратить внимание на новый вариант периодизации деятельности Н.Х. Весселя. М.В. Богуславский выделяет, в отличие от В.Я. Струминского, четыре этапа: первый датируется первой половиной 1860-х гг. и называется экспертно-проективный (при этом заметим, что автор всю активную работу датирует с 1856 по 1903 г. [1, с. 21], следовательно, выпадают первые 5 лет, после университета. Логичнее было бы начинать период со второй половины 1850-х гг. Об этом пишет и сам автор: «… по сути, в 1856 году… уже становится экспертом-аналитиком по вопросам образования» [1, с. 11], да и время начала «наибольшей востребованности» [1, с. 17] Н.Х. Весселя М.В. Богуславский определяет второй половиной 1850-х гг.); второй – экспертно-консультационный (1866–1874 гг.); третий – экспертно-аналитический (1874–1883 гг.) и четвёртый – экспертно-рефлексивный (1884–1901) [1, с. 11, 13]. Как видим, названия периодов основаны на последних достижениях педагогической науки и, конечно, автор пошёл дальше своего предшественника, выделив главные направления деятельности Н.Х. Весселя в конкретный временной отрезок. Но эту периодизацию трудно применить к редакторской и публицистической деятельности, которая продолжалась на протяжении более 40 лет. Известно, что Н.Х. Вессель в 1861–1864 гг. редактировал (с И.И. Паульсоном) «Учитель», в 1864–1882 гг. «Педагогический сборник», «Задушевное слово» в 1885–1900 гг. и с 1887 г. приложение «Педагогический листок», сотрудничал в газетах «Голос», «Новое время». В этих изданиях были опубликованы многочисленные его исследования, статьи и заметки, он являлся «ведущим автором журнала «Педагогический сборник», очень авторитетного в общественно-педагогических кругах» [1, с. 13]. И эта творческая публицистическая работа характерна для всех названных периодов. Что же касается разработки предложений по реформированию системы образования, проектов Положений и созданию основных трудов Н.Х. Весселем, то они вполне вписываются в предложенную схему.

Кроме того, в карьерной траектории авторитетного педагога М.В. Богуславский выделяет «два периода наибольшей его (Н.Х. Весселя.– *В.М.*) востребованности: вторая половина 1850-х – начало 1870-х гг. и со второй половины 1880-х до конца XIX века», при этом выделено «десятилетие фактической опалы с 1874-го по 1883 г.» [1, с. 17], которое хронологически совпадает с третьим периодом.

Согласимся, что предложенная периодизация, основанная на современных достижениях педагогической науки, является более конкретной, даже сама терминология свидетельствует о продуманности названий периодов, которые подтверждаются сведениями и фактами из научно-организаторской деятельности Н.Х. Весселя.

Важно отметить, что М.В. Богуславский указал причины, почему имя Н.Х. Весселя «потерялось на более чем 50-летний период» [1, с. 18], т. е. после смерти и до выхода его трудов в СССР.

Среди работ советского времени, посвященных творческому наследию и научно-педагоги-

ческой деятельности Н.Х. Весселя, укажем на статью А.А. Никольской, где констатируется, что «его психологические взгляды до сих пор нигде не получили освещения, его роль в развитии русской психологии не нашла никакой оценки» [8, с. 139]. С таким утверждением трудно согласиться, для подтверждения этого мнения следует вспомнить слова В.Я. Струминского, что Н.Х. Вессель «был одновременно и незаурядным историком педагогики, *и психологом* (курсив мой. – *В.М.*), и практиком дидактики, и знатоком теории начального обучения» [2, с. 40]. Если посмотреть целиком упомянутую статью, то слово «психология» и производные от него встречаются там 30 раз. Поэтому психологический подход в сфере образования, высказанный Н.Х. Весселем, уже был предметом серьёзного анализа.

Краткие, словарного типа статьи были помещены в авторитетных педагогических изданиях [9, с. 158; 10, с. 323–324]. К 180-летию со дня рождения именитого теоретика педагогики вышли интересные работы [11–13]. Упоминается мимоходом Н.Х. Вессель в диссертационных исследованиях [14, с. 4], исключением является работа Л.В. Белецкой[1] [15]. Л.В. Гаращенко ссылается на его работу о гимназиях в ракурсе заявленной темы [16].

Видного деятеля образования упоминают в специальной педагогической литературе, например А.П. Сманцер пишет о нём как о внесшем «значительный вклад в развитие проблемы преемственности в обучении» [17, с. 35].

В ряде публикаций Н.Х. Весселя причисляют к последователям К. Ушинского. Об этом пишет, например, Ф.Л. Ратнер: «Совместная работа в Смольном институте под руководством К. Ушинского сплотила Д. Семенова, Н. Весселя, В. Водовозова и мн. др. И можно с уверенностью говорить о научной школе К. Ушинского. Их совместная деятельность привела к тому, что они разработали новые методы преподавания и обучения и, в частности, метод эвристической беседы» [18, с. 238]. Хотя, по наблюдениям М.В. Богуславского, «в статьях самого Н.Х. Весселя нет ни одного упоминания – ни прямого, ни косвенного – имени Константина Дмитриевича» [1, с. 19]. Да и В.Я. Струминский, трижды упоминая великого отечественного педагога, пишет только о близости их взглядов (о разработке новой системы образования: «…и Ушинский, хотя он несколько по-иному подходил к вопросу, но в существе его аргументация… совпадала с аргументацией Весселя» [2, с. 22]; касаясь народной школы: «По тому же пути направлялась и творческая мысль К.Д. Ушинского» [2, с. 28]; «…его идеи своеобразно совпадали с аналогичными, в другой форме высказанными идеями П.Г. Редкина, К.Д. Ушинского и др.» [2, с. 28]).

Примечательно, что теоретическими взглядами столь известного педагога интересуются и молодые исследователи, что можно только приветствовать. Например, небольшая статья К.А. Балашовой хотя и носит во многом реферативный характер, где перечислены известные факты, но само обращение к знаковой фигуре отечественной педагогики принципиально важно [19]. При этом автор допускает ряд погрешностей. Например, статья профессора В.Я. Струминского «Н.Х. Вессель как историк и теоретик «общественного училищеведения», которая и цитируется, не названа. Публикация Н.М. Федоровой [20] приписана Е.М. Колосовой. В этом сборнике всего одна статья посвящена Н.Х. Весселю, автор же статьи утверждает, что весь «сборник Е.М. Колосовой, И.А. Свиридовой, Н.М. Фёдоровой (это редакторы сборника. – *В.М.*) предназначен для самостоятельного изучения Н.Х. Весселя студентами…» [20, с. 140]. Как видно, мысль сформулирована неудачно. Необоснованно сокращено библиографическое описание сборника материалов, предназначенного для студентов.

После краткого библиографического раздела, который свидетельствует о развитии интереса к столь масштабной личности в области педагогики, становится понятным, что идеи и принципы построения отечественной школы и воспитания, выдвинутые и отстаивавшиеся Н.Х. Весселем, остаются востребованными и актуальными. А объединяет их одна, во все времена актуальная идея – патриотическая направленность. Так, еще в 1862 г. он предложил ввести в школьный курс «отчизноведение», включавший сведения о местной географии, естествознании и истории края. И вскоре появилась методическая рекомендация «Местный элемент в обучении» [6, с. 129–162]. Замечательная идея остается целесообразной и в наше время.

Перспективы исследования

В упомянутых исследованиях не получил детального рассмотрения вопрос о политической ориентации Н.Х. Весселя, при этом существуют различные мнения. В.Я. Струминский сомневается в его переходе на сторону реакционного министра Н.П. Толстого. Такое мнение было основано только на слухах и обнаруживается в статье сначала его соратника, а затем оппонента Паульсона [21]. М.В. Богуславский полагает, что Н.Х. Вессель был «убежденным монархистом» [1, с. 18], Л.В. Белецкая относит его к «педагогам-демократам» [15, с. 80].

Обратим внимание на одну и ту же мысль, высказанную в разные эпохи. Так, в 1959 г. в предисловии к упомянутой книге и предваряющей переиздание трудов Н.Х. Весселя говорилось о «…еще не разработанной биографии» [6, с. 4] крупного педагога. Об этом же спустя многие десятилетия вновь пишет М.В. Богуславский, что ряд неточностей, присутствующих в публикациях, посвященных Н.Х. Весселю, «… указывает на неразработанность его научной биографии» [1, с. 10].

Следовательно, биография, труды, проекты по реформированию российской школы и публицистика Н.Х. Весселя по-прежнему ждут своего заинтересованного исследователя. Для полноты сведений, помимо опубликованных источников, необходимо будет обратиться и к архивным материалам.

Об отзыве С.Ф. Платонова

Н.Х. Вессель был страстным любителем искусства и всю жизнь занимался собирательством, в этом проявлялись его культурологические и просветительские устремления. Увлечение этнографией способствовало выходу в свет известных песенных сборников [22; 23].

Сейчас становится известно еще одно направление его занятий, которому он посвятил не одно десятилетие. Об этой ненаписанной странице его жизни и свидетельствует отзыв С.Ф. Платонова, составленный по просьбе Министра народного просвещения И.Д. Делянова. Он 6 июня 1891 г. обратился к молодому историку с предложением рассмотреть с профессором Н.П. Кондаковым (историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. Академик Петербургской АН и Императорской академии художеств) коллекцию «исторических картин» Н.Х. Весселя, которую он намеривался поднести императору, а о «заключении уведомить» его. В фонде академика хранится черновой вариант незавершенного отзыва, в рукописи многочисленные исправления, вставки и неоконченные фрагменты, например, на л. 2 об. [24, л. 1–6]. Чистовой вариант его явно хранится в одном из архивов.

Через две недели после получения письма С.Ф. Платонов сообщал в департамент народного просвещения по существу изложенного вопроса следующее: где находится коллекция, ему неизвестно, профессора Н.П. Кондакова не будет в столице до января следующего года и «испрашивал» дополнительных указаний [25, л. 3–4].

Не дождавшись академика, С.Ф. Платонов сам набрасывает текст отзыва, не предназначенного для публикации, представляющий историографический интерес. Во-первых, предметом рассмотрения являются пять альбомов с собранными вырезками репродукций, рисунков разного художественного значения, в том числе и простых, лубочных или вырезок из журналов. Во-вторых, поражает количество собранных изображений – более 8000. О скрупулёзности собирателя говорит следующий факт: все карты и рисунки расположены в хронологическом порядке. Интерес проявлялся к истории вообще, тематически альбомы разделены на две неравные части – отечественная и зарубежная. Собранная коллекция отличается поразительной полнотой.

Отзыв позволяет изучать формирование мастерства написания кратких отзывов и рецензий С.Ф. Платоновым, эта часть его творческого наследия остается малоизученной, многие такие работы остаются неизвестными, другие постепенно вводятся в научный оборот [26]. Публикация очередного интересного, написанного на несвойственную ученому тему, отзыва позволяет и далее расшифровывать лабораторию составления лаконичных материалов.

Следует обратить внимание на очевидное знакомство С.Ф. Платонова с Н.Х. Весселем. Историк поддерживал многочисленные связи с яркими представителями педагогической науки, например, находился в эпизодической переписке с упомянутым выше М.И. Демковым [27], поэтому подобные связи были важны для организатора системы образования в России. Они явно встречались и обменивались мнениями по разным вопросам на заседаниях Ученого комитета[2], членами которого они были оба в одно время: С.Ф. Платонов с 19 декабря 1890 г. до сентября 1903 г., а Н.Х. Вессель с перерывом в 1867–1874 и 1884–1897 гг. Кроме того, они могли контактировать и в Соляном городке, где Н.Х. Вессель принимал активное участие в устройстве педагогического музея военно-учебных заведений. А 20 сентября 1891 г. А.А. Кратиров – хранитель этого музея – извещал С.Ф. Платонова, что его лекции в названном музее «разрешены» Министром народного просвещения по соглашению с МВД. Примечательна тема лекций: «Русское общество перед реформою Петра Великого». Вопрос о времени лекций должен был решиться на заседании научного отдела музея, и 3 октября С.Ф. Платонов получил официальное уведомление за № 601 с расписанием лекций, утвержденное директором музея. Лекции должны были начаться во второй половине октября. А через 2 дня лектора

приглашали на заседание научного отдела, а затем к директору для окончательного согласования вопроса о чтениях [28, л. 1–5]. К счастью, их программа, афиша[3] и, что особенно ценно, тезисы выступлений С.Ф. Платонова сохранились.

Еще в одном органе, хотя и в разное время, они работали – в Совете министра народного просвещения: Н.Х. Вессель состоял там на закате своей жизни в 1897–1900 г., а С.Ф. Платонов совсем немного с 7 марта 1911 г. и вскоре ушёл. Об этом свидетельствует он сам. Так, 21 апреля 1911 г. в письме одному из самых близких друзей И.А. Иванову (председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии) С.Ф. Платонов писал: «С горем увидел, что нельзя без сделки с совестью оставаться в Совете м[инистра] н[ародного] пр[освещения], – и ухожу. Нервы натянуты и хочется отдыха» [29, с. 147].

Заключение

Следовательно, проблема написания научной биографии известного российского педагога, редактора педагогических изданий, на которую указывалось видными советскими и современными учеными, не реализована и ждет своего заинтересованного исследователя.

Имя Н.Х. Весселя, его вклад в развитие теории педагогики, реформирование дореволюционной российской школы до сих пор в полной мере не оценён, нет и полной библиографии его работ и особенно публикаций в многочисленных периодических изданиях. Нет подробностей о характере и масштабах его деятельности в правительственных органах, например Ученом комитете МНП, как и о формах взаимодействия с крупнейшими авторитетами в области педагогики его времени.

Наша публикация касается вновь выявленного факта в столь богатой биографии замечательного историка отечественной педагогики. Судьба коллекции, которую он кропотливо собирал не один десяток лет, пока остается неизвестной, как и состоялось ли её подношение. Многолетнее же увлечение по формированию коллекции своих альбомов иллюстрирует культурологические устремления Н.Х. Весселя, которого следует считать кропотливым собирателем, что существенно расширяет наши представления о нём.

С.Ф. Платонов же предстает авторитетным рецензентом уже в свои молодые годы, о чём свидетельствует желание министра получить его оценку альбомов, собранных Н.Х. Весселем.

Примечания

1. Заметим, что М.В. Богуславский, делая ссылку на это исследование, допускает две неточности: одну в названии диссертации: «Гендерно ориентированный подход к обучению и воспитанию в российской педагогике XX века» [1, с. 20], вторую – когда пишет, что Н.Х. Весселю в исследовании отведена «глава» [1, с. 20], а на самом деле это параграф 2.3 с названием «Гендерно ориентированный подход к реформе школы в педагогике Н.Х. Весселя» [15, с. 103–114], который является составной частью второй главы «Гендерно ориентированный подход к обучению и воспитанию в трудах педагогов-демократов 60-х годов XIX века».

2. В.Я. Струминский допускает неточность в названии этого важного органа МНП, именуя его «учебный» [2, с. 7, 12, 13, 21].

3. «Педагогический музей военно – учебных заведений. Программа публичных лекций профессора Платонова «Русское общество пред реформою Петра Великого». 1) Взгляды на до – Петровскую Русь, выработанные в русской историографии в различные периоды ее развития. 2) Объединение великорусской народности в Московском государстве. Создание национального идеала в связи с этим объединением. Сущность идеальных воззрений («Москва – III Рим») и практические выводы из тех воззрений. 3) Основные черты государственного устройства (вотчинное начало) и общественный организации (начало крепости) Московской Руси; основание народно-хозяйственного быта. 4) События, давшие толчок к изменениям старых форм быта (эпоха Ивана Грозного и Смутное время). Положение московской Руси в первой четверти XVII столетия. 5) Перемены в сфере идеальных воззрений в XVII в. Внешнее и культурное влияние до Петра Великого. 6) Перемены в сфере государственного и общественного быта при первых государях династии Романовых. Отношение реформ Петра Великого к старому быту. Лекции по понедельникам 25 ноября, 2, 9, 16 декабря (от 8 до 9 вечера)». Эта программа напечатана, но сохранился и рукописный вариант, полностью идентичный напечатанному. Афиша. «В Педагогическом музее по понедельникам 25 ноября, 2, 9, 16, декабря (от 8 до 9 часов вечера) и по пятницам 15 и 20 декабря (от 9, 5 ч до 10, 5 вечера) состоятся публичные лекции (организуемые научным отделом) профессора Платонова: «Русское общество пред реформою Петра Великого». Билеты от 20 коп. до 2-х руб. продаются у швейцара музея. Печать 13 ноября. 1891. Санкт-Петербург» [30, л. 8–12].

Список литературы

1. Богуславский М.В. Николай Христианович фон Вессель – ведущий эксперт-аналитик российского образования второй половины XIX века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2. № 4. С. 9–24.

2. Струминский В.Я. Н.Х. Вессель как историк и теоретик «общественного училищеведения» // Вессель Н.Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М.: Гос. уч.-метод. Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 5–44.

3. Струминский В.Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К.Д. Ушинского: (Биография). М.: Учпедгиз, 1960. 347 с.

4. Некролог // Задушевное слово. 1906. № 35.

5. Некролог // Новое время. 1906. № 10857.

6. Вессель Н.Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М.: Гос. уч.-метод. Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. 320 с.

7. Демков М.И. История русской педагогии. Ч. III. Новая русская педагогия (XIX век). М.: тип. Императорского Московского университета, 1909. 532 с.

8. Никольская А.А. Психологические основы воспитания в трудах Н.Х. Весселя // Вопросы психологии. 1980. № 6. С. 139–147.

9. Педагогический словарь. В 2-х т. М.: Из-во Академии педагогических наук РСФСР. 1960. Т. 1. А–Н. 776 с.

10. Педагогическая энциклопедия: в 4-х т. / Ред. И.А. Каиров, Ф.Н. Петров. М.: Советская энциклопедия. 1964. Т. 1. А–Ефимов. 831 с.

11. Кондратьева Г. Николай Христианович Вессель: к 180-летию со дня рождения создателя журнала // Учитель. 2017. № 2. С. 3–8.

12. Помелов В.Б. Основоположник российской педагогической публицистики: К 180-летию Н.Х. Весселя // Педагогика. 2014. № 7. С. 92–99.

13. Помелов В. Б. Основоположник российской педагогической публицистики: к 180-летию Н.Х. Весселя. М.: Педагогика, 2014. 108 с.

14. Алексеева Т.А. Развитие общеобразовательной школы в Брянском крае (вторая половина XIX – начало XX века: Автореф. дис. … к.и.н. М., 2006. 32 с.

15. Белецкая Л.В. Гендерно ориентированный подход к обучению и воспитанию в российской педагогике 60-х годов XIX века: Дис. ... к.п.н. Пятигорск, 2005. 214 с.

16. Гаращенко Л.В. Организация учебного процесса в частных гимназиях Иркутска в начале XX века // Педагогический ИМИДЖ. 2018. № 1 (38). С. 7–16.

17. Сманцер А.П. Теория и практика реализации преемственности в обучении школьников и студентов. Минск: БГУ, 2011. 288 с.

18. Ратнер Ф.Л. Развитие идей самовоспитания и творческого саморазвития в трудах К.Д. Ушинского и его последователей // Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: Сб. ст. участников Всероссийской науч.-практич. конф. с международным участием. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2016. С. 234–238.

19. Балашова К.А. Н.Х. Вессель о народном образовании конца 1860-х годов на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. №1. С. 140–145.

20. Фёдорова Н.М. Общественная и педагогическая деятельность Николая Христиановича Весселя // Имя в истории Петербургской школы: материалы для самостоятельной работы студентов в курсах исторических и педагогических дисциплин. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2009. С. 20–25.

21. Паульсон И.И. Педагогический метаморфоз (По поводу брошюры Весселя «Учебный курс гимназий») // Учитель. 1866. № 19–21.

22. Гусельки [Ноты]: 128 колыбельных детских и народных песен и прибауток: с голосами и с аккомпанементом фортепиано / Собрали Н.Х. Вессель и Е.К. Альбрехт. Изд. 2-е, доп. СПб.: [б. и.], 1876. 96 с.

23. Школьные песни: 115 нар., лит., ист. и воен. песен, полож. для школ на 1, 2 и 3 голоса a capella: С предисл. / Собрали Н.Х. Вессель и Е.К. Альбрехт. СПб.: Юргенсон, 1896. 66 с.

24. Платонов С.Ф. Коллекция Весселя. 1891 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1400. Л. 1–6.

25. Переписка С.Ф. Платонова с департаментом народного просвещения МНП // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2623. Л. 3–4.

26. Мамонтова М.А. С.Ф. Платонов как рецензент // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 314–325.

27. Митрофанов В.В. Малоизвестные страницы административной деятельности и коммуникативных связей М.И. Демкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. №3 (55). С.169–174.

28. Письма А.А. Кратирова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3278. Л. 1–5.

29. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 388 с.

30. Планы лекций С.Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1516. Л. 8–12.

31. Хрущов И.П. Памяти графа И.Д. Делянова: (Очерк: С приложением 2-х речей Делянова). СПб.: тип. М. Акинфиева и И Леонтьева, 1898. 82 с.

Приложение

С.Ф. Платонов

Коллекция Весселя. 1891. [Отзыв].

Его С[иятельству] г. М[инистру] Н[ародного] Пр[освещения][1]

В июне месяце текущего года я имел честь получить *предложение*[2] (от 16 июня за №10813), возлагавшее на меня обязанность, совместно с пр[офессором][3] Н.П. Кондаковым[4] рассмотреть принадлежащую д[ействительному] с[татскому] с[оветнику]. Н.Х. Весселю коллекцию карт по вс[емирной] и р[усской] истории и дать[5] своё заключение по вопросу о том, может ли означенная коллекция быть поднесена на Высочайшее его И[мператорского] В[еличества] воззрение.

Лишь по истечении каникулярного времени узнал я *от администрации ист[орико]-ф[илологического] факультета И[мператорского] С-П[етер]б[ургского] ун[иверситета]*, что командированный для описания древностей Палестины проф. Кондаков с мая месяца и до конца сего года отсутствует в П[етер]б[урге][6]. Посему, получив осенью[7] возможность ознакомиться с составом коллекции г. Весселя, в[8] настоящее время[9] осмеливаюсь[10] высказать о ней вкратце[11] свое суждение, не ожидая возвращения в С-П[етер]б[ург] г. Кондакова.

Коллекция г. Весселя состоит из пяти альбомов, в формате, на чистые листы которых наклеены собранные г. В[есселем] картины.

I Указатель личных имён.

В трех альбомах заключаются картины по русской истории, в двух по всеобщей истории. Три альбома, посвящённые русской истории, содержат в себе (1000+1300+1400) всего 3700 карт и картин; в двух альбомах, посвяш[енных] вс[емирной] истории, находится 4500 картин и карт; вся же коллекция[12] состоит из 8000 с лишним рисунков.

Рисунки эти[13] не[14] все одинакового худож[ественного] достоинства. Рядом с хорошей гравюрой или *хорошим* литографическим рисунком наклеены так называемые лубочные картины (из лучшего их сорта) или простые вырезки из иллюстрированного журнала. Посему главное значение коллекции г. Весселя не в художеств[енном] достоинстве её, а в *богатстве* её исторического содержания.

Богатства эти бесспорно велики. В первых трёх альбомах[15] весь ход нашей истории весьма последовательно изображён в массе рисунков, подобранных в известной системе, обнаруживающей и исторические знания, и горячий патриотизм составителя. *Буквально* все сколько-нибудь важные события и сколько-нибудь заметные стороны быта освещены в рисунках, причём эти рисунки подобраны всегда так, что пробуждают в зрителе уважение к нашей старине, сознание того, что историческое величие нашего государства создалось величайшими усилиями великорусского племени, одушевлённого историей к нашему прошлому и с историческим деятелям русским[16]. Можно однако пожалеть о том, что[17] собиратель, стремясь к полноте своего собрания, включал в него снимки и картины[18], написанные художниками специалистами историч[еской] живописи и простые картинки, составленные для народных и детских изданий рисовальщиками[19], не подготовленным к точному воспроизведению исторической обстановки. Вследствие[20] этого коллекция г. Весселя во всём составе своём не может иметь значения[21] учено-исторического, хотя, несомненно, имеет значение педагогическое. Впрочем, необходимо заметить, что стремление г. Весселя собрать гравюры и снимки по возможности со всех историч[еских] картин наших русских художников, сообщает его[22] коллекции характер до некоторой степени систематического собрания.

Что касается двух остальных альбомов, посвященных истории всеобщей, то они охватывают свой предмет не в полном его объеме, а заключают в себе собрание рисунков собственно по истории культуры (Kultur geschihte) и общеизвестного быта преимущественно стран Западной Европы (и лишь отчасти национальностей[23] Азии и Америки). По моему мнению, не представляется в частностях ничего[24] такого, что могло бы вызвать замечаний неблагосклонных, эти оба тома коллекции г. В[есселя] в то же время[25] значительно уступают по полноте своим первым трём томам.

Итак, коллекция г. В[есселя], на мой взгляд, есть замечательное обширное собрание различных по достоинству исторических и историко-бытовых[26] рисунков, охватывающее собою довольно полно события русской истории и некоторых сторон истории западно-европейской. Собрание это, не имея в целом своем составе значение учёного[27], представляет однако же большой и серьёзный интерес своим обильнейшим содержанием[28] и производит сильное впечатление подбором сюжетов, свидетельствующих о горячих патриотических чувствах собирателя. Ввиду этого я полагаю, что коллекция г. В[есселя] вполне достойна высокой чести повергнуть поднести свою коллекцию на Высочайшее Е[го] И[мператорского] В[еличества].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1400. Л. 1–6.

Примечания к приложению

1. Помета, сделанная карандашом на полях справа от основного текста. Речь идёт о Делянове Иване Давыдовиче (1818–1897), бывшем министром в 1882–1897 гг. Подробнее о нём см. [31].
2. Здесь и далее курсивом выделен текст написанный сверху строки. Далее текст «предписание Вашего С[иятельства]» зачеркнут.
3. Сверху строки написано: «и. скл. у.».
4. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. Академик Петербургской АН (1898) и Императорской академии художеств (1893).
5. Далее зачеркнуто «о ней».
6. Далее зачеркнуто – «Равным образом, только осенью имел я».
7. Далее зачеркнуто «с возвращением и Весселя в Пб.».
8. Далее «по сему».
9. Далее зачеркнуто «имею смелость».
10. Слово вписано сверху строки карандашом.
11. Слово дописано карандашом.
12. Далее зачёркнуто «заключает».
13. Далее зачёркнуто «собирались».
14. Далее зачёркнуто «представляют».
15. Текст дописан на полях, справа.
16. Далее зачеркнуто «Рядом с изображением событий политических ~~вот~~ помещают изображение из жизни церкви, портрет Государя».
17. Далее зачеркнуто «автор».
18. Над этим словом зачеркнуто «гравюры с».
19. Далее зачеркнуто «мало».
20. Перед этим зачеркнуто слово «Поэтому».
21. Далее зачеркнуто слово «историко».
22. Далее зачеркнуто слово «собранию».
23. Далее зачеркнуто «латинских».
24. Далее зачеркнуто «примечательного».
25. Далее зачеркнуто «не могут быть рассматриваемы».
26. Далее зачеркнуто «рисунков художественного и научного, собрание».
27. Далее зачеркнуто «может иметь значение».
28. Далее зачеркнуто «Не говоря уже о том, как действу».

EVALUATIONS OF THE ACTIVITIES OF THE OUTSTANDING THEORETIC TEACHER N.Kh. VESSEL AND HIS CULTUROLOGICAL PASSION

V.V. Mitrofanov

University under the Interparliamentary Assembly of EURASEC, Saint-Petersburg

Based on the analysis of published sources, the article concludes that there is a need for a comprehensive study of the works, prepared projects for reforming the school, journalism, and the results of N.Kh. Wessel in order to write an objective biography of this prominent figure in Russian pedagogy in the second half of the 19th century.

An unknown archival document is introduced into scientific circulation - a review by S.F. Platonov on albums of paintings, which is a voluminous and interesting collection on the history of Russia and foreign countries. This is a new direction of creative activity of N.Kh. Wessel, which remains unknown. A draft review, which is a valuable historiographical source, allows us to expand our understanding of the subject matter of works that were reviewed by an outstanding Russian historian.

The main research methods are the analysis of articles devoted to the teacher-theorist, retrospective, chronological, systematic, comparative, which allowed the author to come to logically constructed conclusions.

Among the materials, the main place is given to an archival document, the introduction of which into scientific circulation is the main goal of the publication.

Keywords: N.Kh. Wessel, S. F. Platonov, scientific works, periodization, archival document, review, albums on art.

УДК [(378.011.3-051:35.08):005.59.6]:001.891.3
DOI 10.52452/18115942_2022_3_216

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2022 г.

Н.В. Провоторова

Провоторова Наталия Викторовна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии
Луганского государственного педагогического университета
provotorova.natalija@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2022
Статья принята к публикации 21.07.2022

Статья посвящена исследованию теоретических основ концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности. *Цель статьи*: рассмотреть сущность педагогической концепции формирования данного вида готовности, представленной системой ключевых дефиниций, основных идей, закономерностей, принципов, ведущих положений. В публикации рассмотрены существующие подходы к пониманию педагогической концепции, её структуры, даны основные определения, предложенные современными учеными, исследовавшими данное явление. Основное внимание уделено обоснованию разработанной концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности. Сформулированы идея, миссия, цель концепции. Акцентируется внимание на том, что предложенная концепция основывается на совокупности методологических подходов (акмеологическом, аксиологическом, системном, деятельностном, компетентностном), позволивших выделить ряд закономерностей формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности и соответствующих им принципов. Представлена понятийно-категориальная идентификация и структурно-содержательная разработка дефиниций, основывающихся на совокупности описанных в статье ведущих положений. В заключении подчеркивается, что представленная педагогическая концепция является основой модели формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Ключевые слова: будущие специалисты сферы государственного управления, профессиональная готовность к инновационной деятельности, педагогическая концепция, структура педагогической концепции, концепция формирования профессиональной готовности к инновационной деятельности, закономерности и принципы формирования профессиональной готовности к инновационной деятельности.

Введение

Внедрение в систему государственной власти инновационных форм и методов управления выдвигает соответствующие требования к профессиональному уровню специалистов, работающих в данной сфере. Современная система подготовки в недостаточной степени ориентирована на формирование готовности к деятельности будущих государственных гражданских служащих в условиях инновационного управления. В связи с этим возникает необходимость во внедрении новой системы подготовки специалистов, направленной на повышение их профессионализма и конкурентоспособности.

Значимость модернизации профессиональной подготовки специалистов сферы государственного управления актуализирует необходимость разработки и внедрения в учебный процесс в высшей школе педагогической концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Разработка авторской концепции является особой формой научного понимания исследуемой проблемы и выступает необходимым условием выполнения фундаментального научного исследования по педагогическим наукам.

Теоретические основы

В современной педагогической науке проблемой изучения методологии построения педагогических концепций занимались Е.В. Бережная, Т.А. Дмитриева, В.В. Краевский, Н.С. Пурышева, В.А. Рыжко, Л.Ф. Спирин, Р.В. Гурина, Е.В. Яковлев, Н.О. Яковлева, А.М. Новиков, В.Э. Штейнберг и другие. Опираясь на научные труды авторитетных ученых, приходим к пониманию разнообразных подходов к трактовке изучаемой дефиниции.

Концепцию как педагогический феномен исследователи рассматривают:

− как ведущую идею, способ интерпретации явления или процесса [1, с. 14];

− как систему принципов, раскрывающих смысл, содержание, организационные и методические основы учебного процесса, а также характерные признаки деятельности педагога и обучающихся в процессе его осуществления [2, с. 345];

− как способ познания явлений и процессов, основной замысел в структуре теории [3];

− как систему суждений, основополагающих идей об исследуемом явлении [4];

− как знание, представляющее собой синтез социологического, культурологического, познавательно-оценочного и практического аспектов [5];

− как целостную систему знания, имеющую внутреннюю дифференциацию, характеризующуюся многообразной структурой логически зависимых друг от друга элементов [1, с. 16].

В переводе с латинского conceptio трактуется как «понимание», «система». По мнению В.А. Рыжко, концепция создает смысловое содержание научной теории, является структурой научного познания, несет социокультурное значение, показывает не только субъект-объектные отношения, но и демонстрирует взаимосвязь между субъектами [5].

В свою очередь, Е.В. Яковлев и Н.О. Яковлева трактуют дефиницию «концепция» как целевую, динамичную систему основных знаний о конкретном педагогическом явлении или процессе, раскрывающую сущностные характеристики педагогических феноменов, содержание, специфику [6].

Отметим, что вышеизложенные подходы к пониманию педагогической концепции демонстрируют характерные свойства изучаемого феномена и дают основания для определения основных требований к ее разработке. К ним мы отнесли, во-первых, существование основополагающей научной идеи, во-вторых, системность изложения концептуальных положений, в-третьих, обоснованность и взаимообусловленность концептуальных положений развитием науки и социума, в-четвертых, взаимосвязь теоретических наработок и практической деятельности.

В рамках представленной научной работы интерес вызывают положения исследователей о структуре педагогических концепций, позиционирующих современные тенденции системы высшего образования.

Опираясь на исследования В.В. Краевского и Е.В. Бережной, Е.М. Харланова видит структуру педагогической концепции как совокупность ценностно-целевых ориентиров, теоретико-содержательного наполнения и нормативной модели реализации концепции, раскрывающей поэтапно три ее научные грани (социокультурную, логико-гносеологическую и практическую) [7, с. 107].

Исследователь приходит к заключению о том, что ценностно-целевые ориентиры как первый структурный компонент концепции раскрывают социокультурный аспект и включают основополагающие ценностные установки, обосновывающие главную идею, цель, разработку понятийного поля диссертационного исследования.

Теоретико-содержательное наполнение, являясь следующим структурным компонентом концепции, реализует логико-гносеологический аспект, включающий методологические подходы, важнейшие закономерности, основополагающие принципы, теоретические модели.

Нормативная модель является третьим компонентом и позиционирует практический аспект концепции. Как считает Е.М. Харланова, два первых компонента педагогической концепции выполняют научно-теоретическую функцию, третий компонент − конструктивно-технологическую, что, по мнению ученого, позволяет выделить в педагогической концепции научно-теоретический и практический блоки.

Обобщая приведенные выше научные наработки, исследователь понимает педагогическую концепцию как совокупность представлений о каком-либо педагогическом феномене, объединенную основополагающей идеей во взаимодействии социокультурного, логико-гносеологического и практического аспектов, осуществляющую научно-теоретическую и конструктивно-технологическую функции [7, с. 107].

Научный интерес в контексте нашего исследования вызывает структура педагогической концепции, предложенная Е.В. Яковлевым. Автор научных трудов по изучаемой проблематике выстраивает логику педагогической концепции и наполняет ее фундаментальными положениями, понятийным аппаратом, теоретическим и методологическим обоснованием, ядром концепции, содержательной и смысловой демонстрацией, педагогическими условиями продуктивной деятельности изучаемого явления [6, с. 91].

Некоторые исследователи представляют структуру педагогической концепции в виде совокупности методологического, теоретико-педагогического и технологического компонентов. В рамках первого компонента представлена общая методология, второй компонент подразумевает цель, основные задачи, совокупность принципов, векторы развития, прогнозируемые результаты. Технологический компонент представляет необходимые условия и технологию

реализации педагогической концепции в практической деятельности [8, с. 16].

По мнению Н.С. Пурышевой и Р.В. Гуриной, существует прямая зависимость выстраивания концепции от специфических особенностей изучаемого объекта. Исследователи в качестве основных блоков педагогической концепции выделяют: проблемный, включающий в себя миссию, цели, задачи, основные факторы, требования к изучаемому объекту; базисный, содержащий предпосылки, источники, совокупность норм и постулатов, моделей, характеризующих объект; содержательный, состоящий из основных идей, подходов, принципов, моделей, основных концептуальных позиций, научной новизны; практический, представленный методами и средствами построения процесса, механизмами его реализации, собственно диагностикой и диагностическим инструментарием [1, с. 18].

Результаты и их обсуждение

Нами была разработана авторская концепция формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Поскольку процесс формирования готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности является основой эффективности профессионального становления и самореализации личности, его теоретическое и технологическое обеспечение является основной идеей обозначенной концепции.

Миссия концепции заключается в модернизации системы профессиональной подготовки. С нашей точки зрения, это возможно в результате разработки и внедрения педагогической модели формирования готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности.

Целью разработанной концепции является научно-теоретическое, методологическое обоснование и методическое обеспечение процесса формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Разработанная в предложенном исследовании концепция представлена как единство цели, сущности, структуры, содержания и результата ее реализации и синтезирует научно-теоретические и практические достижения высшего образования в сфере государственного управления, позиционирует авторские изыскания в указанной сфере и выступает фундаментом принятия новых концептов в формировании профессиональной готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности.

Опираясь на представленные исследования, рассмотрим сущность педагогической концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

В нашем исследовании методологической основой процесса формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности являются следующие методологические подходы: акмеологический, аксиологический, системный, деятельностный, компетентностный.

Акмеологический подход позволяет рассматривать личность будущего специалиста сферы государственного управления как субъекта профессионального совершенствования для достижения вершин профессионального мастерства.

Аксиологический подход предполагает обеспечение процесса профессиональной подготовки будущих специалистов сферы государственного управления определенными условиями, способствующими становлению у будущих специалистов общечеловеческих, социальных, профессиональных и индивидуальных ценностей.

Системный подход обеспечивает или способствует организации формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности как целостного педагогического процесса, характеризующегося структурностью, иерархичностью и взаимозависимостью с образовательной и профессиональной средой, а также позволяет выделить компоненты профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления и их структурно-функциональные связи.

Деятельностный подход позволяет рассматривать деятельность как основополагающий источник формирования личности и важнейшее условие ее развития. Данный подход обеспечивает организацию деятельности преподавателей и будущих специалистов, способствует выявлению эффективных педагогических условий формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Компетентностный подход отражает требования как к содержанию образования, так и к поведенческой составляющей обучающихся, демонстрирует результат профессиональной подготовки будущих специалистов сферы государственного как комплекс показателей их профессиональной готовности к инновационной деятельности.

С учетом положений обозначенных подходов мы выявили следующие закономерности формирования профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности:

– закономерность общественной и личной обусловленности формирования профессиональной готовности у будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности;

– закономерность взаимосвязи степени мотивации будущих специалистов, их нравственно-ценностных ориентаций и способности осуществлять основные направления инновационной деятельности;

– закономерность целостности, системности и взаимосвязи мотивационно-ценностного, интеллектуально-информационного, процессуально-деятельностного, рефлексивно-аналитического компонентов;

– закономерность использования различных видов, форм и методов самостоятельной работы в учебной, квазипрофессиональной и профессиональной деятельности;

– закономерность эффективности.

Отметим, что под «закономерностями формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности» мы понимаем устойчивую и объективную взаимосвязь между компонентами готовности будущих специалистов к инновационной деятельности и внешними социальными и педагогическими системами, оказывающими влияние на степень эффективности процесса формирования изучаемой готовности.

Выявленные закономерности позволяют сформулировать принципы формирования профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления, соответствующие вышеперечисленным закономерностям.

К принципам формирования профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности мы отнесли:

− принцип актуальности и востребованности, характеризующий многовекторную востребованность специалистов системы государственного управления, способных к инновационной деятельности, и актуальность подготовки студентов к использованию инновационных подходов и технологий в своей профессии;

− принцип интеракции, демонстрирующий главенствующую роль взаимодействия и эффективной коммуникации участников образовательного процесса, их личностной и групповой совместной деятельности в формировании профессиональной готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности;

− принцип индивидуально-личностного развития, заключающийся в некой гармонизации процессов социального развития будущего специалиста системы государственного управления и его индивидуализации;

− принцип партнерства и сотрудничества, отражающийся в содержании работы педагога и обучающихся на всех ступенях и этапах формирования профессиональной готовности будущих специалистов государственного управления к инновационной деятельности;

− принцип структурной целостности, устанавливающий целостность изучаемого объекта, взаимосвязь и взаимообусловленность его структурных компонентов;

− принцип технологичности, выражающийся в том, что формирование профессиональной готовности будущих государственных служащих обеспечивается комплексом педагогических технологий;

– принцип проблемности и креативности формирования готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности, базирующийся на конструировании и решении проблемных заданий, нестандартных ситуаций, путем использования инновационных подходов, методик, инновационного инструментария;

– принцип индивидуализации и дифференциации обучения, характеризующийся широким спектром используемых методов и форм подготовки к инновационной деятельности;

– принцип обратной связи, направленный на создание постоянной и продуктивной обратной связи.

Вышеизложенные закономерности и принципы являются фундаментальной основой конструирования и содержательного наполнения авторской концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

На основе анализа научной литературы и результатов авторских научных исследований [9–11] представлена понятийно-категориальная идентификация и структурно-содержательная разработка дефиниций, а именно:

− уточнено понятие «готовность к профессиональной деятельности», которое мы понимаем как состояние личности, имеющее целостную структуру, характеризующееся определенными психологическими особенностями и сформированными качествами, выражающееся в способности выполнения человеком профессиональных функций;

− конкретизировано понятие «профессиональная деятельность будущего специалиста в

сфере ГМУ». Мы понимаем эту научную категорию как особый вид трудовой деятельности, имеющий строгую нормативную регламентацию, основной целью которой является выполнение служащим функций государства, путем принятия социально значимых решений и осознания высокой степени ответственности за результаты своей работы;

− определен термин «будущий специалист в сфере ГМУ» − это личность, обладающая системой компетенций и личностных качеств, выступающих индикаторами профессионализма в сфере государственного управления, которая способна к их успешному использованию для выполнения функций государства и организации эффективного взаимодействия между гражданами и государством;

− сформулировано понятие «инновационная деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ». Мы понимаем это как вид профессиональной деятельности, предполагающий наличие у специалистов высокого уровня профессиональной подготовки, интеллектуальной наполненности, креативного мышления, способности к использованию в своей работе принципиально новых подходов, методов и инструментов управления;

− дана авторская формулировка научной категории «профессиональная готовность будущего специалиста в сфере ГМУ к инновационной деятельности». Мы понимаем этот феномен как состояние личности, выражающееся в способности выполнения служащим функций государства, принятия социально значимых решений, характеризующееся целостной структурой, включающей мотивационно-ценностный, интеллектуально-информационный, процессуально-деятельностный, рефлексивно-аналитический компоненты, и предполагающее умение использовать принципиально новые подходы, методы и инструменты управления.

Также мы можем констатировать, что понятийное поле концепции формирования готовности будущего специалиста сферы государственного управления к инновационной деятельности определяет комплекс когнитивных (возможности системы профессиональной подготовки в отношении формирования компонентов готовности к инновационной деятельности), организационно-методических (педагогические условия обеспечения продуктивности изучаемого процесса) и социальных (взаимодействие субъектов систем образования, аппарата госуправления, определяющих решение поставленных задач) явлений, определяющих реализацию поставленной цели исследования.

Содержание понятийного поля авторской концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности основывается на совокупности ведущих нижеперечисленных положений.

1. Формирование профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности как совокупности знаний (общих и специальных), умений и навыков профессиональной деятельности, моделей поведения, социальных норм, ценностных установок, личностных качеств является целенаправленным и системным, соответствующим социальному заказу и потребностям будущего специалиста в сфере государственного управления.

2. Профессиональная готовность к инновационной деятельности, связанная со спецификой работы служащих сферы государственного управления, выступает результатом умственного, практического и личностного опыта образовательной и профессиональной деятельности, сложной комбинацией результатов освоения содержания профессионального обучения, процессов развития и самовыражения личности.

3. Ориентированность высшего образования на формирование профессиональной готовности к инновационной деятельности обеспечивает переход ее мотивационно-ценностного, интеллектуально-информационного, процессуально-деятельностного, рефлексивно-аналитического компонентов на новый уровень функционирования, в процессе которого изменяется степень выраженности каждого. Возникновение нового качественного уровня сформированности готовности к инновационной деятельности обеспечивается совокупностью взаимодействия субъектов образовательного процесса учреждений высшего образования, саморазвития личности и является стимулом профессионального роста специалистов сферы государственного управления.

4. Обеспечение эффективности формирования профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности основывается на внедрении в систему высшего образования концептуальной модели становления и развития изучаемого феномена. Реализация модели формирования профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности основана на интеграции акмеологического, аксиологического, системного, деятельностного, компетентностного подходов.

5. Образовательная деятельность университетов при соблюдении ряда педагогических условий (наполнение содержания предметов цикла профессиональной подготовки тематикой, направленной на повышение мотивации к

достижениям в профессии и подготовку специалистов к инновационной деятельности; расширение спектра возможностей студентов в отношении формирования их готовности к инновационной деятельности средствами контекстного обучения; разработка специального курса «Основы использования инноваций в сфере государственного управления», организация социального партнерства университета с учреждениями государственной власти) может представлять собой одну из эффективных возможностей практической реализации концепции.

Изложенные идеи о сущности, структуре и подходах к формированию готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности являются основанием для разработки педагогического сопровождения этого процесса, выраженного в концептуальной модели, научно-методическом обеспечении, диагностическом инструментарии оценки эффективности экспериментальной работы.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в статье сформулирована актуальность, цель, ведущая идея, назначение, закономерности, принципы концепции формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности.

Теоретическая и методологическая стратегия, составившая основу процесса формирования готовности будущего специалиста сферы государственного управления к инновационной деятельности, разработана на основе акмеологического, аксиологического, системного, деятельностного и компетентностного подходов.

С учетом положений вышеперечисленных методологических подходов нами выявлены закономерности и принципы формирования профессиональной готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности.

На основе анализа научной литературы и результатов авторских научных исследований сформулировано понятийное поле авторской концепции.

Разработанная концепция формирования готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности обусловила необходимость конструирования педагогической модели реализации этого процесса в условиях высшей школы, чему будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Пурышева Н.С., Гурина Р.В. Структура образовательной концепции в педагогических исследованиях // Образование и наука. 2006. № 4. С. 12–20.

2. Современный словарь по педагогике / Сост. Е.С. Рапацевич. Мн.: Современное слово, 2001. 928 с.

3. Спирин Л.Ф. Теория и технология решения педагогических задач (развивающееся профессионально-педагогическое обучение и самообразование). М.: Рос. пед. агентство, 1997. 173 с.

4. Аменд А.Ф. Теория и практика непрерывного эколого-экономического образования: Монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та «Факел», 1996. 152 с.

5. Рыжко В.А. Концепция как форма научного познания: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. Киев, 1989. 32 с.

6. Яковлев Е.В., Яковлева О.Н. Педагогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС, 2006. 239 с.

7. Харланова Е.М. Педагогическая концепция с позиций постнеклассической науки: структура, функции, методы // Вестник Челябинского педагогического университета. Педагогические науки. 2017. № 3. С. 107–112.

8. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. Изд. 4-е. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2017. 270 с.

9. Провоторова Н.В. Предикторы формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 3 (92). С. 277–281.

10. Провоторова Н.В. Анализ современной практики формирования готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. Т. 40. № 3. С. 347–357.

11. Провоторова Н.В. Критериальный аппарат готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. 2021. № 7 (160). С. 70–75.

THE CONCEPT OF FORMING THE READINESS OF FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF PUBLIC ADMINISTRATION FOR INNOVATION: THEORETICAL ASPECT

N.V. Provotorova

Lugansk State Pedagogical University

The article is devoted to the study of the theoretical foundations of the concept of formation of readiness of future specialists in the field of public administration for innovation. The purpose of the article: to consider the essence of the pedagogical concept of the formation of this type of readiness, represented by a system of key definitions, basic ideas, patterns,

principles, leading provisions. The publication examines the existing approaches to understanding the pedagogical concept, its structure, and gives the main definitions proposed by modern scientists who have studied this phenomenon. The main attention is paid to the substantiation of the developed concept of forming the readiness of future specialists in the field of public administration for innovation. The idea, mission, and purpose of the concept are formulated. Attention is focused on the fact that the proposed concept is based on a set of methodological approaches (acmeological, axiological, systemic, activity, competence), which allowed us to identify a number of patterns of formation of professional readiness of future specialists in the field of public administration for innovation and their corresponding principles. Conceptual and categorical identification and structural and substantive development of definitions based on the totality of the leading provisions described in the article are presented. In conclusion, it is emphasized that the pedagogical concept presented in the article is the basis of a conceptual model for the formation of the readiness of future specialists in the field of public administration for innovation.

Keywords: future specialists in the field of public administration, professional readiness for innovation, pedagogical concept, the structure of the pedagogical concept, the concept of formation of professional readiness for innovation, patterns and principles of formation of professional readiness for innovation.

УДК 372.6
DOI 10.52452/18115942_2022_3_223

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ДОО

© 2022 г.

И.А. Тавед, И.Е. Емельянова

Тавед Ирина Алексеевна, аспирант кафедры педагогики и психологии детства
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск
irisha-gu@mail.ru
Емельянова Ирина Евгеньевна, д.пед.н.; профессор кафедры педагогики и психологии детства
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск
yanova_77@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2021
Статья принята к публикации 19.07.2022

Рассматривается проблема развития социального интеллекта детей дошкольного возраста в дошкольной образовательной организации (ДОО). Отмечается взаимосвязь социального интеллекта и социализации детей дошкольного возраста. Представлено авторское понятие «социальный интеллект детей дошкольного возраста». Особое внимание уделяется средствам и методам развития социального интеллекта детей дошкольного возраста. Представлено авторское понятие «soft skills детей дошкольного возраста». Описаны основные soft skills, необходимые в развитии социального интеллекта детей в условиях ДОО. Рекомендованы средства обучения (интерактивное обучение, проблемные ситуации «Case-study», ролевые игры /моделирование, мозговой штурм, дискуссии, умное зеркало Artik Me, интерактивная песочница) и методы, обеспечивающие формирование soft skills для развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в ДОО. Описаны результаты исследования по данной проблеме. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что использование рекомендованных средств и методов обучения детей дошкольного возраста в ДОО обеспечивает повышение уровня социального интеллекта, развивает soft skills, необходимые для детей дошкольного возраста для их дальнейшей социализации.

Ключевые слова: слова: социальный интеллект, социализация, soft skills, дети дошкольного возраста.

Введение

Согласно утверждениям Л.С. Выготского, И.С. Кона, Д.Б. Эльконина, социализация детей дошкольного возраста занимает довольно важное место в образовательной среде дошкольной образовательной организации (ДОО). Социализация детей этого возраста направлена на развитие умения правильно ориентироваться в социальном окружении. Для того чтобы стать успешным в обществе, человеку необходимо соблюдать и принимать определённые в нем правила и нормы, а также уметь быстро решать нестандартные жизненные ситуации, для чего необходим определённый уровень социального интеллекта.

Именно дошкольный возраст, на наш взгляд, является наиболее важным периодом в развитии интеллекта, в том числе и социального [1]. В этот же период у ребенка происходит развитие навыков эффективного взаимодействия с окружающими его людьми, а именно умения выстраивать систему межличностных отношений, ориентировки в социальных ситуациях, правильного определения личностных особенностей и эмоционального состояния других людей, выбора адекватных способов общения с ними и реализации этих навыков в процессе взаимодействия с окружающими [2]. Таким образом, социальный интеллект детей дошкольного возраста мы понимаем как структурную систему умственных способностей, определяющих успешность межличностного взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками в различных видах деятельности и обеспечивающих понимание поступков и действий людей с целью позитивной социализации [3].

Развитие социального интеллекта требует создания оптимальных условий для развития личности дошкольника, а также поиска эффективных форм, методов и средств обучения в системе дошкольного образования (А.И. Савенков, Т.Д. Савенкова, П.В. Смирнова). На наш взгляд, в настоящее время необходимо применять современные информационные средства, методы, формы обучения ребенка дошкольного возраста, которые способствуют эффективному процессу социализации в целом и развитию его социального интеллекта в частности (готовность детей к обучению в школе, свободное

общение со сверстниками и взрослыми в различных ситуациях) [4].

Таким образом, целью нашего исследования является разработка комплекса современных средств и методов обучения детей дошкольного возраста по развитию социального интеллекта в условиях ДОО, развивающих определённые soft skills детей, для успешной их социализации.

Методы и материалы

В нашем исследовании использованы: анализ научной психолого-педагогической литературы по представленной проблеме, опыт работы автора на базе ДОО, педагогическое наблюдение, анализ полученных результатов. Для реализации поставленной цели была разработана авторская модульная программа «Социальный интеллект – мир успеха», в которой используется комплекс современных средств и методов для повышения уровня социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста. При реализации программы развиваются необходимые soft skills, обеспечивающие социализацию детей дошкольного возраста. Необходимо определить понятие soft skills детей дошкольного возраста, которые способствуют развитию социального интеллекта через современные средства, методы обучения в условиях ДОО. Изучив это понятие, мы понимаем soft skills детей дошкольного возраста как комплекс навыков, необходимых для эффективного общения в процессе решения проблемных ситуаций, выстраивания межличностных отношений в различных видах деятельности, обеспечивающих тем самым социализацию ребенка [5]. Представим 7 основных soft skills, на наш взгляд, необходимых дошкольнику, реализуемых в нашей модульной программе в условиях ДОО: уметь сотрудничать (брать на себя роль лидера, уметь работать в команде); коммуникатировать (уметь устно общаться, выражать свою мысль публично, внимательно слушать); усваивать информацию (получать и использовать новые знания, соединять теорию и практику); критически мыслить (решать проблемы, рассуждать, анализировать свои поступки, интерпретировать и обобщать информацию); проявлять креативность (артистизм, любопытство, воображение, самовыражение); проявлять инициативу (настойчивость, самостоятельность при выполнении работ, планировать свою деятельность, самообучение); проявлять ответственность (социальная грамотность, личная и социальная ответственность) [3].

В рамках разработанной нами модульной программы основной формой обучения мы определяем «интерактивное обучение» как специальную форму организации познавательной деятельности, в процессе которой осуществляется взаимодействие между ребенком и педагогом, между ребенком и его сверстниками. Преимущество данной формы мы видим в том, что ее использование значительно активизирует обучение ребенка умению выстраивать отношения на основе взаимодействия и совместного переживания различных эмоций в отношениях с окружающими людьми, умению выстраивать диалог между участниками образовательного процесса, а также активно способствует развитию коммуникативных навыков, усвоению правил поведения, нравственных норм в коллективе.

При определении и внедрении современных средств и соответствующих методов по развитию социального интеллекта детей дошкольного возраста в условиях дошкольной образовательной организации, способствующих развитию soft skills, мы опирались на современные тенденции в области педагогики и психологии. Так, на современном этапе развития общества требуется формирование новых навыков, использование современных средств в развитии и обучении детей дошкольного возраста [6]. Рассмотрим наиболее эффективные и интересные, на наш взгляд, средства и методы по развитию социального интеллекта в ДОО, используемые в нашем исследовании.

Умное зеркало Artik Me. Данное интерактивное средство обучения позволяет развивать у ребёнка такой навык, как инициативность. В процессе выполнения определённого задания ребёнок видит себя, а также необходимый для выполнения задания иллюстративный и другой дидактический материал. Выбирая самостоятельно определенный вид деятельности, ребёнок тем самым проявляет инициативу. Так, например, к любой предлагаемой теме он сам подбирает необходимые для себя игры: «Четвёртый лишний», «Обобщение» или «Запомни». Каждая из выбранных игр имеет соответствующие цель и задачи, решаемые на занятии. Применение метода моделирования различных ситуаций позволяет ребенку самому моделировать систему отношений. Так дети соотносили свои эмоции с их проявлением, тем самым развивая понимание и узнавание эмоций, умение моделировать ту или иную эмоцию по образцу, видя себя в зеркале. В режиме «реальности» ребёнок учился перевоплощаться в игре, примеряя различные эмоциональные маски, роли, а также анализировать их, развивая тем самым такие soft skills, как креативное мышление и усвоение информации.

Подвижный интерактивный комплекс «Играй и развивайся». Применение данного ком-

плекса будет эффективным при реализации метода проблемных ситуаций «Case-study», метода моделирования различных ситуаций, которые позволяют ребенку изучать, анализировать и принимать решения при возникших обстоятельствах. Так, например, подвижные игры-занятия «Съедобно или нет?», «Что не так?», «Опасно или нет?» позволяют ребенку проанализировать ситуацию и принять решения, в процессе которых и будут развиваться и закрепляться такие soft skills, как критическое мышление и получение новых знаний. На таких играх-занятиях, как «Переход дороги», «Сломанный светофор», «Регулировщики», дети моделировали свои действия, применяя знания о безопасном поведении как в быту, так и в общественных местах (на дороге, на улицах города), развивая такие soft skills, как усвоение информации, критическое мышление, социальная ответственность.

Интерактивная песочница. Использование данного интерактивного средства и метода моделирования различных ситуаций позволяет детям придумывать свои истории и моделировать их, рисуя ту или иную ситуацию с помощью песка. При моделировании ситуаций ребенок развивает такие soft skills, как креативность (умение использовать свое воображение), усвоение полученных знаний (применение знаний на практике). Например, в режиме «Времена года» дети разыгрывали различные театрализованные постановки с помощью фигурок людей, животных, растений, домов и т.д., моделировали соответствующее пространство, меняя декорации, рельеф, ландшафт и время года. В процессе рисования ребенок учился выражать свои мысли и эмоции с помощью песка, развивая при этом коммуникативные навыки и навыки сотрудничества. Например, режим «Вулкан», «Мультфильмы» – дети, объединившись в команду, создавали рельеф из песка, чтобы увидеть вулкан, «откопать» картинку из мультфильма и отгадывали этот мультфильм. Для этого они учились договариваться друг с другом, работать вместе, слышать друг друга как команда.

Применение метода «Мозговой штурм» (мозговая атака, braine storming) позволяет детям создать новые идеи, найти большее количество вариантов решения задач, в процессе которых выбираются наиболее логичные, удачные и могут быть реализованы на практике. Например, в режиме «Космос» дети выстраивали путь робота с учетом расхода топлива для достижения цели. Дошкольники предлагали варианты, как быстрее добраться до дома. В режиме «Черепашка» ребята помогали ей добраться до дома, анализируя ее путь и планируя свои действия. Так дети учились соотносить свои действия с планируемым результатом и контролировать свои действия, развивая такие soft skills, как критическое мышление, инициативность и получение новых знаний.

Использование метода проблемных ситуаций «Case-study» в процессе таких игр, как «Калейдоскоп» (создание из фигур определённых узоров по форме и цвету), «Домики» (дети на летней полянке строят домики из цветных геометрических фигур, и поляна оживает), способствует развитию таких soft skills, как креативность (развивается воображение, фантазия и творческое экспериментирование при подборе фигур для строительства домиков, оригинальных узоров), инициативность (улучшение социальной адаптации в групповых занятиях, умение спланировать и выполнить задание самостоятельно в процессе построек домиков и узоров). В процессе такой совместной работы дети учились договариваться, распределять между собой обязанности – кто что строит, из какой фигуры.

Результаты

В ходе нашего исследования главным результатом работы становится повышение уровня социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в условиях ДОО в процессе реализации модульной программы, с использованием вышеописанных средств и методов обучения.

Общее количество детей, принявших участие в исследовании, составило 115 человек, из них в экспериментальных группах – 90 детей, в контрольной группе – 25 детей.

Для определения уровня развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста был подобран диагностический инструментарий в соответствии с выделенными параметрами и их критериями, на основании которых мы определили высокий, средний, низкий уровни развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста (таблица 1).

Представим полученные результаты нашего исследования в экспериментальных группах (ЭГ) и контрольной группе (КГ) на рисунках 1 и 2.

На рисунке 1 графически представленный уровень социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в ЭГ-1, ЭГ-2, ЭГ-3, ЭГ-4 и КГ приблизительно одинаков. У всех представленных пяти групп преобладает средний и низкий уровень социального интеллекта.

На рисунке 2 показатели уровня социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в ЭГ-1, ЭГ-2, ЭГ-3, ЭГ-4 значительно выше, чем в КГ. У детей в ЭГ преобладает высокий и средний

Таблица 1

Характеристика критериев и уровней развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста

Параметр	Критерии	Уровни		
		высокий	средний	низкий
Когнитивный	Полнота	– определяет правильно последовательность событий, ситуаций и рассказывает о них; – владеет полными представлениями о правилах и нормах общества	– определяет правильно последовательность событий, ситуаций, но возникают сложности в рассказе – дает неточную оценку поступкам и действиям; – не всегда способен оценить ситуации, какие правила следует соблюдать в обществе	– может сильно искажать последовательность событий или не видит целостности сюжета; – владеет неполными представлениями о правилах, нормах общества
	Осознанность	– самостоятельно определяет отношения, действия людей, с учетом прошлого опыта	– восприятие отношений людей с незначительной помощью взрослого	– объясняет особенности отношений людей исключительно эмоциональными привязанностями, не учитывая прошлый опыт
	Аргументированность	– формулирует оценочные суждения о происходящем	– формулирование оценочных суждений (аргументов) о происходящем при незначительной помощи взрослого	– приводит неадекватные аргументы о происходящем, поступках и действиях людей
Эмоционально-ценностный	Ситуативность	– всегда проявляет эмоциональный отклик на чувства и переживания партнера по общению в различных ситуациях	– не всегда проявляет эмоциональный отклик на чувства и переживания партнера по общению	– не проявляет сопереживания и сочувствия
	Устойчивость	– способен распознавать эмоциональные состояния по мимическим проявлениям в предложенных ситуациях (радость, грусть, злость и др.); – проявляет интерес к эмоциональным состояниям, их изменениям в различных ситуациях; – способен дать оценку эмоциональному состоянию человека в конкретной ситуации	– возникают незначительные сложности в определении базовых эмоций, неточности, путает их название; – проявляет неустойчивый интерес к эмоциональным состояниям в различных ситуациях; – неточно дает оценку эмоциональным состоянием человека в различных ситуациях	– испытывает значительные сложности при определении базовых эмоций, не называет их; – не проявляет интереса к эмоциональному состоянию человека; – не способен дать соответствующую оценку
	Направленность	– адекватная оценка эмоционального состояния людей, своего настроения	– колебания в оценке эмоциональных состояний, в зависимости от ситуации	– неустойчивая оценка эмоциональных состояний, ребёнок не проявляет позитивного отношения
Поведенческий	Самостоятельность	– проявляет самостоятельность в принятии решений (лидерские качества)	– проявляет самостоятельность при направляющей помощи педагога	– занимает позицию ведомого
	Осознанность	– дает оценку поступкам и действиям человека, аргументирует действия героев в различных ситуациях	– дает оценку поступкам и действиям людей, героям, но теряется или не может аргументировать их действия	– возникают сложности в оценке действий людей в различных ситуациях, нет аргументированности
	Креативность	– умеет моделировать и прогнозировать в различных ситуациях; – предлагает новые способы решения задачи	– умеет моделировать и прогнозирует решение ситуаций бытового обихода; – использует известные способы решения задач (сложности в решении нестандартных ситуаций)	– возникают трудности в применении своих социальных знаний, моделировании и решении проблемной ситуации, или прогнозирование не соответствует сюжетной линии

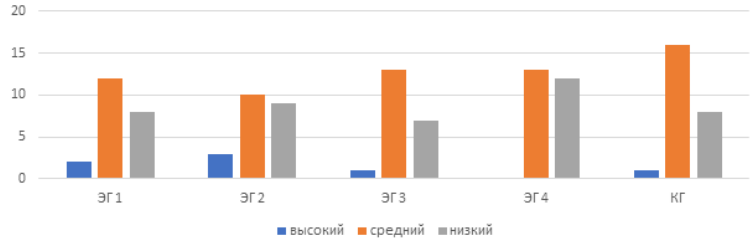


Рис. 1. Уровень развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста на констатирующем этапе экспериментальной работы

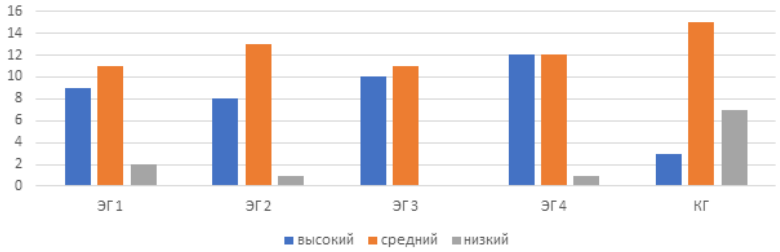


Рис. 2. Уровень развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста на контрольном этапе экспериментальной работы

Таблица 2

Эмпирические значения χ^2 на констатирующем этапе эксперимента

Сравниваемые группы	КГ и ЭГ-1	КГ и ЭГ-2	КГ и ЭГ-3	КГ и ЭГ-4	ЭГ-1 и ЭГ-2	ЭГ-1 и ЭГ-3	ЭГ-1 и ЭГ-4	ЭГ-2 и ЭГ-3	ЭГ-2 и ЭГ-4	ЭГ-3 и ЭГ-4
$\chi^2_{эмпир.}$	0.716	1.755	0.029	2.110	0.404	0.416	2.659	1.231	2.391	1.982
$\chi^2_{критич}$ (уровень значимости 0.05)	5.991									

Таблица 3

Эмпирические значения χ^2 на контрольном этапе эксперимента

Сравниваемые группы	КГ и ЭГ-1	КГ и ЭГ-2	КГ и ЭГ-3	КГ и ЭГ-4	ЭГ-1 и ЭГ-2	ЭГ-1 и ЭГ-3	ЭГ-1 и ЭГ-4	ЭГ-2 и ЭГ-3	ЭГ-2 и ЭГ-4	ЭГ-3 и ЭГ-4
$\chi^2_{эмпир.}$	6.227	6.751	11.120	10.233	0.558	2.030	0.616	1.366	0.651	0.884
$\chi^2_{критич}$ (уровень значимости 0.05)	5.991									

уровень социального интеллекта. В КГ преобладает средний и низкий уровень.

Для проверки достоверности полученных на констатирующем и контрольном этапе эксперимента данных мы использовали статистический критерий χ^2 (хи-квадрат). Используя данную методику расчетов, мы сравнивали результаты исходного состояния уровней развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в контрольной и экспериментальных группах.

Представим в таблице 2 данные по эмпирическому значению хи-квадрат в контрольной и экспериментальных группах на констатирующем этапе эксперимента.

Значение $\chi^2_{критич}$ на уровне значимости 0.05 составляет 5.991. Отсюда видно, что $\chi^2_{эмпир.}$ значительно меньше $\chi^2_{критич}$. Иными словами, уровни развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста контрольной и экспериментальной групп на уровне значимости 0.05 статистически значимо не отличаются между собой.

Представим в таблице 3 результаты статистического анализа в контрольной и экспериментальных группах на контрольном этапе эксперимента.

Из таблицы видно, что $\chi^2_{эмпир.}$ значительно больше $\chi^2_{крит.}$ при сравнении контрольной группы с экспериментальными, где были реализованы модульная программа, с использованием вышеописанных средств и методов обучения. На основании этого можно считать, что с достоверностью 95% изменения уровня развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в экспериментальной и контрольной группе обусловлены не случайными факторами, а влиянием целенаправленного педагогического воздействия, следовательно, мы отмечаем положительную динамику в раз-

витии социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста.

Мы отмечаем у детей ЭГ и положительную динамику в развитии таких soft skills, как умение решать проблемы, рассуждать, анализировать свои поступки, интерпретировать и обобщать полученную информацию, быть ответственным за свои поступки, уметь выстраивать взаимоотношения с другими людьми, тем самым обеспечивая социализацию. В процессе исследования для педагогов были разработаны методические рекомендации и инструкции по развитию социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста с использованием современных средств и методов обучения.

Заключение

Таким образом, в процессе развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста при реализации модульной программы, посредством используемых современных средств и методов обучения в ДОО, мы отмечаем у детей развитие творческого применения и овладения знаниями при решении различных по сложности задач, повышение активности и вовлеченности детей в решение проблемных ситуаций в процессе обучения, способности к установлению взаимоотношений друг с другом, умению договариваться, определять настроение собеседника. Эти процессы являются необходимым средством социализации детей дошкольного возраста, становления и совершенствования их социального интеллекта, развития soft skills в области накопления их жизненного опыта, осознания и принятия норм, правил общества. Представленный комплекс средств и методов обучения, рекомендованных в модульной программе, позволяет ребенку стать мотивированным, позитивно настроенным на образовательную деятельность в ДОО.

Список литературы

1. Кабанов А.Б. Мировая история и социальный интеллект // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 2013. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/6181

2. Савенков А.И. Концепция социального интеллекта // День за днем: Наука. Образование. Культура. URL: http://www.den-zadnem.ru/page.php?article=388

3. Тавед И.А., Емельянова И.Е. Soft skills как основа развития социального интеллекта детей дошкольного возраста // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 4 (53).

4. Рожков М.И. Концепция социализации ребенка в работе детских организаций. М.: Наука, 2012. 274 с.

5. Долгих В.В. «Мягкие навыки» и успешная самореализация // Психологическая газета. 2018. Июнь. URL: https://psy.su/feed/6861

6. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. М., 2018. 75 с.

DEVELOPMENT OF SOCIAL INTELLIGENCE OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

I.A. Taved, I.E. Emelyanova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

The article discusses the development of social intelligence of preschool children in a preschool educational organization (PEO). The interrelation of social intelligence and socialization of children of preschool age is noted. The author's concept of «social intelligence of preschool children» is presented. Particular attention is paid to the means and methods of developing the social intelligence of preschool children. The author's concept of «soft skills» of preschool children is presented. 7 basic soft skills necessary for the development of children's social intelligence in preschool conditions are described. Recommended teaching aids (interactive learning, case-study problem situations, role-playing / modeling, brainstorming, discussions, Artik Me smart mirror, interactive sandbox) and methods that provide the formation of soft skills for the development of social intelligence of older preschool children in preschool. The results of the study on this issue are described. The presented material allows us to conclude that the use of the recommended means and methods of teaching preschool children in preschool provides an increase in the level of social intelligence, develops soft skills necessary for preschool children for their further socialization.

Keywords: social intelligence, socialization, soft skills, preschool children.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2022_3_229

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИ РИСКОВАННЫХ СТУДЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ТЕМПЕРАМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ИМиКН В НИУ ВШЭ – НИЖНИЙ НОВГОРОД)

© 2022 г.

Е.В. Шадрина

Шадрина Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры прикладной математики и информатики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Н. Новгород
eshadrina@hse.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2022
Статья принята к публикации 26.07.2022

Рассматривается влияние темперамента на академическую успеваемость студентов первого курса в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород на примере факультета информатики, математики и компьютерных наук. Материалом для исследования послужила информация о темпераменте, степени экстраверсии, стабильности и других личностных чертах студентов, полученная путем проведения опроса. В исследовании принимали участие студенты первого и второго курса факультета ИМиКН 2017/18 учебного года. Определяются психологические факторы, влияющие на средний балл и вероятность пересдач для студентов с разными темпераментами. Обнаружена некоторая связь между темпераментом и академическим успехом, делающая возможным предсказание «рискованных» студентов. Для этого применяются различные методы машинного обучения: kNN-метод (k ближайших соседей) и дерево принятия решений. В результате проведенных вычислений наилучший результат показал метод дерева принятия решений. В итоге студенты первого года обучения классифицированы по трем группам (Good, Medium, Bad) по степени риска получить академическую задолженность. Практическим результатом исследования стали рекомендации учебному офису факультета ИМиКН обратить внимание на рискованных студентов и оказать им помощь в учебном процессе. После окончания летней сессии результаты классификации были проверены. В статье также представлен алгоритм поиска рискованных студентов с учетом темперамента.

Ключевые слова: психология в высшем образовании, академические достижения, темперамент, студенты, методы машинного обучения, дерево принятия решения, онлайн-анкетирование.

Введение

Академическая успеваемость или неуспеваемость студентов, а также отчисление из вузов стали в настоящее время важным явлением, которое требует всестороннего изучения [1]. Успеваемость студентов – основной параметр, по которому можно оценить, насколько доходчиво знания были переданы и усвоены. Имея возможность заранее предсказать результаты экзаменов, можно принять превентивные меры: провести факультативы, дополнительные консультации по предметам, чтобы уменьшить число студентов с неудовлетворительными результатами, академическими задолженностями или отчисление из вуза. И если в маленьких группах склонности студентов могут быть определены благодаря высокой контактности педагога с группой, то при увеличении их числа отслеживание тех из них, кто с большой вероятностью не сдаст экзамен или зачет, становится затруднительным.

Факультет информатики, математики и компьютерных наук (ИМиКН) в Нижегородском кампусе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) растет одновременно с увеличением набора первокурсников, каждый из которых обладает своим уровнем мотивации и настойчивости, природной одаренности, усидчивости и прочих личностных особенностей. Все эти качества могут давать им преимущество или, наоборот, создавать препятствия на пути к академическому успеху [2].

Несмотря на то что абитуриенты, поступающие на факультет, имеют высокий балл ЕГЭ (Единый государственной экзамен), процент отчисленных после первого года обучения очень высок – около 30%, что особенно свойственно высокоселективным вузам, где процент отчислений в случаях возникновения академической задолженности обычно выше, чем в неселективных [3].

Поскольку среди университетов существует высокая конкуренция за студентов, высшие учебные заведения вынуждены учитывать потребности студентов. Направление ИТ, напри-

мер, зачастую выбирают абитуриенты, склонные к замкнутости и интроверсии, что требует от преподавателей особенного подхода к данного типа аудитории. Вузы, учитывающие комплекс потребностей студентов (бытовые, личностные, академические) в большей степени, будут обладать несомненным конкурентным преимуществом. Не менее важно уметь понять, кто такие успешные студенты, что их интересует и каковы их намерения и амбиции. На факультете ИМиКН в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород студенты с сильной подготовкой по информатике имеют возможность заниматься спортивным (олимпиадным) программированием, успешно выступают на международных олимпиадах.

Исходя из вышесказанного, мы убеждены, что проблема прогнозирования успеваемости студентов на основе их личных особенностей становится все более острой в современном образовании.

За последние 20 лет разными авторами были проведены исследования, выявляющие признаки, больше всего влияющие на академическую успеваемость и «выбытия» студентов из вуза [4–6]. Социологические теории принимают во внимание университетскую и семейную среду студента, механизмы социализации, влияние ключевых людей [7].

Масштабное исследование, выявившее наиболее влиятельные факторы, было проведено, например, Д.Ф. Супербайем с соавторами в Бельгийском университете [8]. Более свежее исследование было проведено Ластом и соавторами в Бельгийском и Французском университетах с использованием продвинутых методов интеллектуального анализа данных и машинного обучения [9]. В НИУ ВШЭ – Нижний Новгород было проведено похожее исследование в 2014 году [10]. В целом, все эти исследования показали, что наибольший вес имеют факторы, связанные с академическим поведением (посещаемость лекций и семинаров, умение записывать лекции в аудитории, уверенность в выборе университета/факультета/направления подготовки, выполнение домашнего задания, посещение факультативов), а также факторы личной истории (образование родителей, внеучебные активности в школе, выпускные оценки в школе). Они также показали, что особенности характера тоже имеют вес, но не столь значительный по сравнению с описанными факторами. В свою очередь, О.В. Польдин с соавторами в своей статье объясняет, что общительные и активные студенты вследствие общения развиваются в личностном плане и, как следствие, становятся более успешными [11]. В работе [12] выявлена связь, показывающая, что с течением времени происходит социальная изоляция студентов с академическими задолженностями, создающая для них дополнительные риски исключения из вуза.

В упомянутых выше работах отмечается влияние дружеских связей на успеваемость студентов, и авторами данной работы было замечено: кто умеет дружить, тот умеет учиться. С другой стороны, авторами было замечено, что студенты выбирающие IT-направление, более других подвержены замкнутости и им тяжело раскрыться в новом коллективе как с одногруппниками, так и с преподавателями. Таким образом, исходя из личного опыта и опыта коллег, возникла идея более внимательно изучить психологические аспекты личности студентов.

В данной работе мы будем опираться на типологию четырех темпераментов Юнга [13]:

– холерик – характеризуется яркостью и силой протекания эмоциональных процессов. Холерики вспыльчивы, страстны, энергичны;

– сангвиник – индивид отличается сравнительно слабой интенсивностью процессов психики с быстрой сменой одних процессов другими. Сангвиники жизнерадостны, работоспособны, легко справляются с различными задачами;

– флегматик – отличается медлительностью, вялостью движений, неэнергичностью. Чувства флегматика ровны и спокойны;

– меланхолик – характеризуется глубиной эмоциональных проявлений, но медленностью протекания психических процессов. Такие люди болезненно реагируют на внешние обстоятельства, часто проявляют себя как пассивные и вялые.

Целью данной работы стало исследование влияния особенностей личности (то есть темперамента как основы личности) на академическую успеваемость и определение студентов с наибольшей вероятностью не сдать экзамены.

Наша главная гипотеза заключается в том, что существует некоторая зависимость между темпераментом и академической успеваемостью студента. Материалом для исследования послужила информация о темпераменте, степени экстраверсии, стабильности и других личностных чертах студентов, полученная путем проведения опроса. В исследовании принимали участие студенты первого и второго курса факультета ИМиКН 2017/18 учебного года.

Получение и обработка данных

Известный ученый Борис Миркин обращает внимание на важность классификации в задачах анализа данных. Классификация (Classification) – построение классификации, структурирующее

Рис. 1. Классификация темпераментов по экстраверсии и рациональности

Рис. 2. Распределение темпераментов в выборке студентов

рассматриваемое множество явлений в совокупность отдельных классов, отражающих важные свойства этих явлений. В настоящее время этот термин также применяется к задачам отнесения отдельных объектов к заранее заданным классам [14].

Главная задача нашего исследования – классифицировать студентов на три группы:

– Good – это «нерискованные» студенты, у них не будет академических задолженностей;

– Medium – студенты «со средней вероятностью не сдать экзамен», они могут успешно сдать сессию благодаря мерам поддержки, принятым в университете;

– Bad – это «студенты с высоким риском» не сдать экзамен, бросить учебу.

Таким образом, нам необходимо создать набор данных, в котором каждый студент описывается в соответствии с рядом личностных характеристик.

Для получения данных о темпераменте студентов и ряде других особенностей характера был проведен опрос во внутренней системе НИУ ВШЭ – Нижний Новгород LMS (Learning Management System). В нем приняли участие 90 студентов первого и 50 студентов второго курса факультета информатики, математики и компьютерных наук.

Опрос был составлен на основе теста-опросника Г. Айзенка [13] для определения типов темперамента каждого студента по показателям экстраверсия – интроверсия и нестабильность – стабильность. Были также включены вопросы об активности в школе, усидчивости, умении расставлять приоритеты – все это личные характеристики студента. Блок по выявлению темперамента состоял из 12 вопросов, каждый из которых описывал один из темпераментов: холерик, сангвиник, флегматик или меланхолик. Используя ответы студентов, мы рассчитали такие параметры, как экстраверсия и рациональность (рис. 1), затем определялся темперамент каждого студента. Всего в анкете студентам предстояло ответить на 17 личных вопросов. Данные о промежуточном и итоговом контроле (оценки за экзамены) после первой половины учебного года мы взяли из внутренней базы данных НИУ ВШЭ «АСАВ» (абитуриент – студент – аспирант – выпускник). Далее после объединения всей информации мы извлекли 13 двоичных переменных для каждого студента (переменные вида 0/1). Основная переменная для принятия решения, используемая для валидации нашей модели, представляет собой среднюю оценку по всем дисциплинам (средний балл) и информацию о сдаче/несдаче экзаменов из общего рейтинга студентов. На основе этой переменной и происходит классификация по группам Good, Medium, Bad.

Распределение темпераментов в выборке показано на рис. 2. Меланхолики (27%) и сангвиники (26%) составляют примерно одну четвертую опрошенных. Количество холериков (34%) в три раза превышает количество флегматиков (13%).

Поскольку число опрошенных первокурсников было в два раза больше, чем число второкурсников, мы решили составить тренировочную выборку из общего числа студентов второго курса и половины первокурсников, всего 100 человек. Выборка, на которой будет проверяться работа модели, состоит из 40 студентов первого курса.

Студенты из тренировочной выборки в зависимости от среднего балла и наличия пересдач

Рис. 3a. Распределение студентов по категориям

Рис. 3b. Распределение темпераментов по категориям

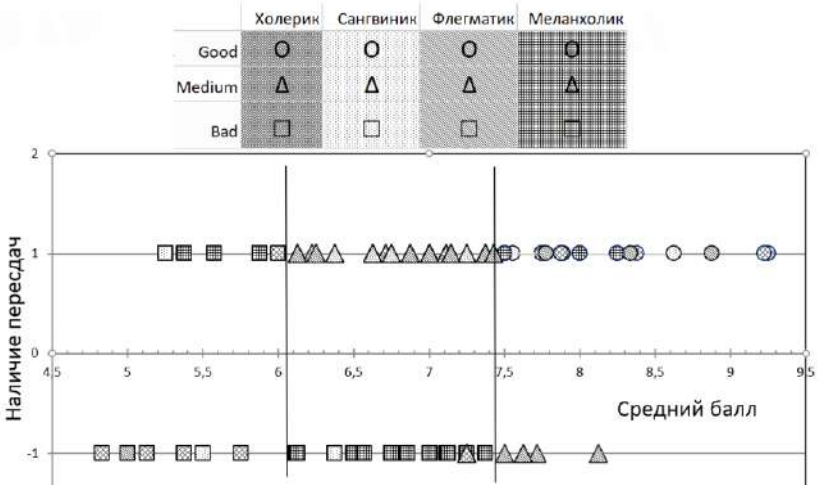


Рис. 3c. Распределение темпераментов по категориям (Good/Medium/Bad) в зависимости от среднего балла и наличия/отсутствия пересдач

были разделены на категории Good, Medium и Bad, соответственно с низкой, средней и высокой вероятностью не сдать какой-либо из экзаменов (рис. 3a). В категорию Good вошли студенты первой трети рейтинга без пересдач, в категорию Medium – второй трети рейтинга без пересдач, а в категорию Bad вошли все остальные студенты (рис. 3b, 3c).

На рисунке 3a видно, что половина студентов попала в категорию Bad. Такие результаты разбиения объясняются тем, что почти каждый второй из опрошенных имел пересдачу в семестре. Для факультета ИМиКН это характерная ситуация из-за ряда непростых дисциплин, изучаемых в начале первого и второго курса. Стоит отметить, что распределение в категорию Bad не означает, что студент все экзамены сдает неудовлетворительно и стоит на пороге отчисления. Многие из попавших в Bad имеют хороший средний балл, но долг по одной из дисциплин. Так как целью работы является выявление всех студентов, у которых ожидаются пересдачи, то даже студенты с хорошей успеваемостью, но наличием задолженностей должны быть определены в категорию Bad. На рис. 3b видны как общие тенденции, так и различия между темпераментами. Картина распределения по категориям у холериков и флегматиков похожая: наибольшее количество студентов попало в категорию Medium (44% холерики, 54% флег-

матики). Среди сангвиников 38% приходится на студентов из категории Good. Для меланхоликов наибольшее количество студентов (58%) попадает в категорию Bad.

Рассмотрим фактор наличия/отсутствия пересдачи более подробно. На рис. 3с показано распределение темпераментов по категориям (Good, Medium, Bad) в зависимости от среднего балла и наличия/отсутствия пересдачи. На рис. 3с явно видно:

– круглые отличники (Good, обозначены фигурой круг) имеют высокий средний балл и отсутствие пересдач;

– студенты категории Medium (обозначены фигурой треугольник) имеют средний балл от 6.3 до 7.4 и не имеют пересдач;

– студенты категории Bad (обозначены фигурой квадрат) имеют низкий средний балл (ниже 6) и/или пересдачи; большинство студентов категори Bad пересдачи имеют.

Методы

Задача распределения студентов на категории с высокой, средней и низкой вероятностью академических неудач является задачей классификации, основанной на обучении с учителем [15].

На первом этапе работы мы выбрали такие параметры, которые некоторым образом влияют на средний балл каждого студента и возможные пересдачи.

На втором этапе работы мы искали алгоритм, который оптимальным образом (с наибольшим количеством угаданных студентов из категории Bad) осуществляет классификацию студентов тренировочной выборки. Нам необходимо, чтобы алгоритм определял каждого студента в нужную категорию (Bad/Medium/Good) с учетом его (студента) формализованных признаков. Для этого были использованы такие методы машинного обучения, как kNN-алгоритм (k Nearest Neighbor, или k ближайших соседей) и дерево принятия решений (Decision tree) [8, 16]. Поскольку мы заранее не знали, какой метод даст наиболее точный результат, мы проверили оба и нашли такие параметры, при которых точность угадывания неуспешных студентов стала наилучшей.

На третьем этапе работы мы определили лучшую модель и использовали ее для предсказания успешности/неуспешности студентов-первокурсников.

Поиск значимых параметров

Коэффициент корреляции позволяет оценить зависимость между двумя или более параметрами и довольно успешно используется в социологии образования и интеллектуальном анализе данных [15]. Для анализа данных мы представили полученные данные опроса в удобном формате: ответы студентов преобразованы в вид булевых переменных: параметр равен 1, если студент обладает характеристикой, и 0 в противном случае. Используя коэффициент корреляции, мы выбрали из всех параметров те, которые оказывают наибольшее влияние на средний балл и пересдачи. Результаты расчетов приведены в таблице 1. Существенным для нашего исследования является значение коэффициента корреляции, превышающее 0.2 по абсолютному значению (в таблице выделено курсивом), и несущественным значение коэффициента корреляции, находящееся в пределах от 0 до 0.2.

Как видно из таблицы 1, параметр «Усидчивость» и «Умение расставлять приоритеты» в значительной степени зависят от успеваемости, что вполне объяснимо и понятно. При этом темперамент и вытекающие из него психологические характеристики менее коррелируют с успехами в учебе. Но поскольку мы исследуем влияние темпераментов (холерик/сангвиник/флегматик/меланхолик) на академический успех, то темпераменты выделены курсивом, так как их абсолютное значение корреляции хотя бы с одним из параметров превышает 0.1.

Таким образом, связь между академическими успехами и темпераментом существует и в некоторых случаях весьма значительна. Например, холерики имеют ниже средний балл (cor = = –0.1), в то время как усидчивость флегматиков позволяет иметь оценки выше (cor = 0.13). Сангвиники реже ходят на пересдачи (cor = = –0.16), в то время как шанс для меланхолика попасть на нее значителен (cor = 0.2).

Сравнение классификации с помощью kNN-метода и дерева принятия решений

Первым был протестирован kNN-метод:

– проведена серия вычислений используя все признаки с высокой корреляцией, а также средний балл. Наилучший результат был достигнут при восьми ближайших соседях (74%);

– проведена серия вычислений используя все признаки без среднего балла. Лучший результат при пяти ближайших соседях (60%). Это является хорошим показателем, потому что вероятность попадания в нужную категорию в два раза больше случайного угадывания категории (которая составляет 33%).

Следует отметить, что в методе kNN психологические признаки уменьшают точность вычислений, поэтому полученная классификация для наших целей не подходит.

Таблица 1

Зависимость между академическими успехами и темпераментом студентов

Параметр	Корреляция со средним баллом	Корреляция с наличием пересдачи
Активность в школе	0.06	0.09
Усидчивость	*0.19*	*–0.24*
Умение расставлять приоритеты	*0.29*	*–0.18*
Проживание в общежитии	0.06	–0.05
Проживание с друзьями	–0.01	0.01
Проживание с родителями	–0.01	0.02
Одиночное проживание	–0.04	0
Экстраверсия	*0.07*	*–0.18*
Рациональность	–0.004	–0.08
Холерик	*–0.1*	*0.044*
Сангвиник	*0.05*	*–0.16*
Флегматик	*0.13*	*0.017*
Меланхолик	*–0.04*	*0.2*

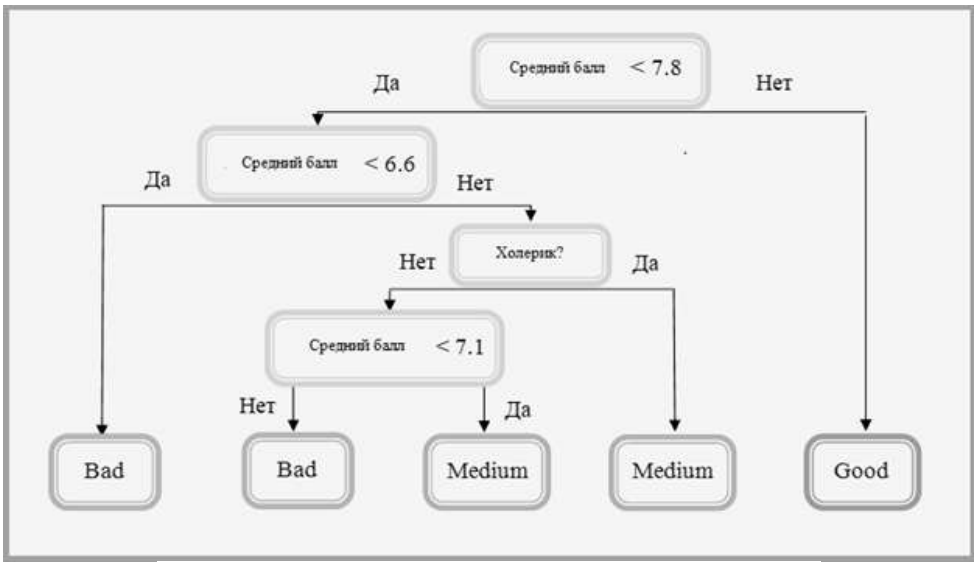


Рис. 4. Дерево принятия решений с параметрами классификации

Вторым был протестирован метод дерева принятия решений:

– при использовании всех признаков для построения точность достигала 74%;

– без учета среднего балла дерево строилось на признаках «Экстраверсия» и «Рациональность», и точность достигла 62%;

– на основе только среднего балла дерево дало точность 76%;

– наилучший результат был получен при построении дерева на признаках «Усидчивость», «Умение расставлять приоритеты», «Экстраверсия», «Рациональность» и тип темперамента, и точность достигла 84%.

Как можно заметить, разная комбинация параметров может дать прирост точности угадывания по сравнению с использованием всех признаков.

Точность ответов при использовании обоих методов колебалась около 75%, но лучший результат показало дерево принятия решений. Поэтому для анализа был выбран именно этот метод. Итоговое дерево принятия решения с параметрами представлено на рис. 4.

Результаты исследования

С помощью дерева принятия решений, полученного на предыдущем шаге, студенты первого курса были разделены на три группы: Bad, Medium и Good. В целях сокрытия личной информации о студентах фамилия каждого была заменена условным обозначением Студент1, Студент2, .., СтудентN. Мы получили, что в категорию Bad (категория рискованных студентов) попали 22 студента, в категорию Medium – 12 студентов, в категорию Good – 6 студентов.

Таблица 2

Обобщение данных

Предсказанная категория	Всего студентов	Студентов с пересдачами		Студентов отчислено или ИУП		Высокий средний балл (строго больше 7.5)	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
Bad	22	14	64	6	27	0	0
Medium	12	3	25	1	8	4	33
Good	6	0	0	0	0	6	100

После итоговой сессии в 4-м модуле и всех пересдач осенью появилась возможность проверить результаты исследования.

В таблице 2 представлены данные о реальном рейтинге и наличии пересдач студентов по итогам первого года обучения.

В категорию Bad попали 22 студента, 14 студентов (64%) имели пересдачи, по результатам всех осенних пересдач 6 студентов (27%) остались с академическими задолженностями или были отчислены. Следует обратить внимание, что у 4 из 6 студентов остался долг по одной дисциплине («Математический анализ» или «Линейная алгебра») и им был предложен ИУП (индивидуальный учебный план), но эти студенты потеряли бюджетное место.

В категорию Medium попали 12 студентов, 3 студента (25%) имели пересдачи, но успешно исправили долги и перешли на 2-й курс без академической задолженности. Одна студентка из категории Medium была отчислена по собственному желанию, а не за академическую задолженность, так как решила кардинально сменить сферу деятельности.

Среди студентов, попавших в категорию Good (6 человек), пересдач не было и никто не был отчислен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что результат распределения студентов по категориям хорошо согласовывается с реальной ситуацией. Следует также обратить внимание на средний балл студентов: студентов с высоким средним баллом (строго больше 7.5) больше в категории Good, меньше в категории Medium и нет в категории Bad.

В результате проведенного исследования были даны следующие рекомендации учебному офису факультета информатики, математики и компьютерных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород:

– обратить внимание на студентов из категории Bad (беседа со студентами и их законными представителями);

– предложить студентам категории Bad и Medium дополнительные занятия в виде факультатива;

– с помощью механизма учебных ассистентов разбирать и проверять домашние задания;

– уделить дополнительное внимание студентам из категории Medium с невысоким средним баллом после первого учебного модуля.

В заключение опишем алгоритм поиска рискованных студентов с учетом темперамента.

1. Проведение опроса студентов 1-го и 2-го курса (сентябрь–октябрь нового учебного года) с целью получить данные о психологических характеристиках.
2. Перевод результатов опроса в булевы переменные (в соответствии с параметрами в таблице 1).
3. Формирование тренировочной выборки из студентов 2-го курса.
4. Получение информации о рейтинге и наличии пересдач (для студентов из тренировочной выборки).
5. Вычисление корреляции психологических характеристик со средним баллом и наличием пересдач.
6. Выбор значимых для нашего исследования параметров.
7. Классификация студентов из тренировочной выборки по категориям Good, Medium, Bad в зависимости от рейтинга и наличия пересдач.
8. Построение дерева принятия решений по значимым параметрам в соответствии с полученной классификацией.
9. Формирование тестовой выборки из студентов 1-го курса.
10. Получение информации о рейтинге и наличии пересдач после 1-го модуля (ноябрь текущего учебного года).
11. Классификация студентов 1-го курса с помощью построенного дерева принятия решений.
12. Рекомендации учебному офису обратить внимание на успеваемость студентов, попавших в категорию Bad, а также в категорию Medium с невысоким средним баллом (не позже начала декабря текущего учебного года).

Заключение

Изучая влияние темперамента на успеваемость студентов в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород на факультете ИМиКН, мы определили наиболее важные психологические факторы.

Ими оказались «Усидчивость» и «Умение расставлять приоритеты» – наличие этих факторов резко увеличивало средний балл и уменьшало вероятность пересдач. Было замечено, что вспыльчивые холерики имеют более низкий средний балл, в то время как спокойствие и размеренность флегматиков помогают им учиться лучше. Сангвиники реже ходят на пересдачи, тогда как шанс меланхолика на повторную сдачу экзаменов значительно выше. Чем больше у студента выражена экстраверсия, тем выше его средний балл.

Мы убеждены в том, что наше исследование будет полезно другим университетам:

1) для выявления академически неуспешных студентов и фокусирования ресурсов факультета на «рискованных» студентах. Одна из важнейших целей факультета ИМиКН в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород – обучить и перевести без академических долгов на второй курс как можно больше принятых на программу студентов первого курса. Иначе ресурсы государства (в случае бюджетного обучения) или личные средства студента (в случае коммерческого обучения), затраченные на образование, будут использованы нерационально;

2) для формирования индивидуальной образовательной траектории. В НИУ ВШЭ – Нижний Новгород на сегодняшний день существуют гибкие возможности перехода с одной образовательной программы на другую, используя ИУП. Мы предполагаем, что формирование учебных групп с учетом личных характеристик студента повысит успеваемость каждого.

Мы понимаем, что в нашем исследовании есть некоторые ограничения. В данной работе был представлен небольшой пул исходных данных (140 ответов студентов). Но факультет ИМиКН в НИУ ВШЭ–НН не такой большой, чтобы мы могли говорить о «настоящей» Big Data и использовать все возможности алгоритмов машинного обучения.

В дальнейшем мы планируем использовать лонгитьюдные данные для проверки результатов исследования в НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Также нам было бы интересно использовать другие методы интеллектуального анализа данных для прогнозирования академически рискованных студентов.

Мы благодарим НИУ ВШЭ – Нижний Новгород за предоставленные данные для проведения исследования.

Список литературы

1. Горбунова Е.В., Груздев И.А., Фрумин И.Д. Студенческий отсев в российских вузах: к постановке проблемы // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2013. № 2. С. 67–81.

2. Кейек-Франсен Д. Практики успешности студентов: от очного обучения к масштабному и обратно // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 116–138.

3. Кочергина Е.В., Прахов И.А. Взаимосвязь между отношением к риску, успеваемостью студентов и вероятностью отчисления из вуза // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 206–228.

4. Arulselvan A., Boginski V., Mendoza P., Pardalos P. Predicting the nexus between post-secondary education affordability and student success: An application of network-based approaches // ASONAM'09. International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining. 2009. P. 149–154.

5. Campbell J.P. Utilizing student data within the course management system to determine undergraduate student academic success: An exploratory study. Purdue University, 2007.

6. Pal S. Mining educational data using classification to decrease dropout rate of students. arXiv preprint arXiv:1206.3078. 2012.

7. Горбунова Е.В. Выбытия студентов из вузов: исследования в России и США // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2018. № 1. С. 110–131.

8. Superby J.-F., Vandamme J., Meskens N. Determination of factors influencing the achievement of the first-year university students using data mining methods // Workshop on Educational Data Mining. 2006. Vol. 32. P. 234.

9. Lust T., Meskens N., Ahues M. Predicting academic success in Belgium and France Comparison and integration of variables related to student behavior. arXiv preprint arXiv:1408.4955. 2014.

10. Булычева П.А., Ошмарина О.Е., Шадрина Е.В. Выявление академически неуспешных студентов на первом году обучения в университете на примере НИУ ВШЭ – Нижний Новгород // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 136–143.

11. Poldin O., Valeeva D., Yudkevich M. How social ties affect peer group effects: Case of university students // SSRN Electronic Journal. January 2013. DOI: 10.2139/ssrn.2207666

12. Dokuka S.V., Valeeva D.R., Yudkevich M.M. How academic failures break up friendship ties: Social networks and retakes // Educational Studies Moscow. 2017. № 1. P. 8–21.

13. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность. М.: Когито-центр, 2000. С. 156–159.

14. Миркин Б.Г. Введение в анализ данных: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2014. 174 с.

15. Luan J. Data mining and its applications in higher education // New Directions for Institutional Research. 2002. № 113. P. 17–36.

16. Friedl M.A., Brodley C.E. Decision tree classification of land cover from remotely sensed data // Remote Sensing of Environment. 1997. **61 (3)**. P. 399–409.

USING THE METHOD OF DATA MINING TO PREDICT ACADEMICALLY RISKY STUDENTS DEPENDING ON THEIR TEMPERAMENT (USING THE EXAMPLE OF THE IM&CS FACULTY AT NRU HSE-NIZHNY NOVGOROD)

E.V. Shadrina

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

The article discusses the influence of temperament on the academic performance of the first-year students at HSE-Nizhny Novgorod on the example of the Faculty of Informatics, Mathematics and Computer Science. Analysis was held with the help of statistics methods and methods of data mining. The baseline data for the study is information about students, collected using the online support system for the educational process at HSE – LMS (Learning Management System). The material for the study was the information about temperament, degree of extroversion, stability, and other personality traits of students, obtained by conducting a survey. The study involved students of the first and second years of the faculty of the IM&CS 2017–2018 academic year. Further, the work identifies psychological factors affecting the average score and the probability of re-training for students with different temperaments. Some connection was found between temperament and academic success, which makes possible the prediction of "risky" students. For this, various machine learning methods are used: the kNN-method (n-nearest neighbors) and the decision tree. As a result of the calculations, the best result was shown by the decision tree method. As a result, first-year students are classified into three groups (Good, Medium, Bad) according to the degree of risk of getting academic debt. The practical result of the research was the recommendations to the educational office of the Faculty of IM&CS to pay attention to risky students and assist them in the educational process. After the end of the summer session, the classification results were checked. The article also presents an algorithm for finding risky students, taking temperament into account.

Keywords: psychology of higher education, academic achievements, human temperament, students, data mining, decision tree, on-line questionnaire.

УДК 378.4
DOI 10.52452/18115942_2022_3_238

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

© 2022 г.

М.Б. Видревич, И.В. Первухина

Видревич Марина Борисовна, к.х.н.; доц.; доцент кафедры государственного и муниципального управления
Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург
mbv@usue.ru
Первухина Ирина Витальевна, магистр гуманитарных наук; доц.;
ст. преподаватель кафедры делового иностранного языка
Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург
ivp@usue.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2022
Статья принята к публикации 29.07.2022

Статья посвящена анализу системы подготовки кадров в области государственного управления в России и за рубежом в условиях меняющихся потребностей государства и его граждан в качественной и прозрачной системе государственного управления. Рассмотрены новые проблемы, стоящие перед системой профессионального образования в сфере государственного и муниципального управления в связи с изменением социально-экономических и политических условий, вызовами многонационального общества, широким внедрением в государственное управление информационно-коммуникационных технологий. Все эти изменения обусловлены потребностью участия граждан в управлении государством, а также необходимостью владения навыками и приемами межкультурной коммуникации государственными служащими. Современные вызовы требуют создания новых моделей образования и программ подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Рассмотрен опыт разработки и реализации магистерских программ в ряде стран Европы и России. Проанализированы сильные и слабые стороны каждой системы. Показано, как можно наиболее целесообразно использовать существующий российский и международный опыт для изменения подходов к профессиональной подготовке и повышению квалификации специалистов в сфере государственного и муниципального управления. Предложена инновационная междисциплинарная модульная магистерская программа и программа повышения квалификации руководителей среднего и высшего звена, для подготовки специалистов, владеющих цифровыми и межкультурными мультимодальными коммуникационными компетенциями.

Ключевые слова: государственное управление, информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство, профессиональное образование в вузе, компетенции государственных служащих, межкультурная коммуникация.

Введение

В современной России практика функционирования системы государственного и муниципального управления (ГМУ) показывает, что имеет место кадровый парадокс – «кадровый голод» при отсутствии проблем укомплектования штатов. Весьма важными вызовами также являются внедрение цифровизации всех сфер жизни, в том числе государственного управления, а также необходимость работы в многонациональных социумах.

Причина – нехватка квалифицированных специалистов, обладающих способностью анализировать, прогнозировать, принимать решения, брать на себя ответственность и при этом обладающих высоким уровнем цифровых компетенций. К таким негативным факторам российской управленческой системы, как закрытость, чрезмерная вертикальность и авторитарность, недостатки кадровой политики, связанные с инбридингом, отсутствием у многих сотрудников управленческих структур профильного образования и цифровых компетенций, можно добавить далеко не соответствующую требованиям современного общества систему профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена использованием устаревших методик преподавания и обучения, основанных на традиционном подходе к организации образования. Основываясь в целом на неплохой теоретической базе, традиционная система образования оказы-

вается малоэффективной в процессе практической подготовки государственных и муниципальных служащих, стимулирования развития профессиональных компетенций, в наибольшей степени востребованных для работы в структурах государственной власти.

Подготовка в вузе современного специалиста (магистр) для сферы ГМУ заключается в первую очередь в формировании и развитии его гибкого интеллектуального потенциала, необходимого для успешной профессиональной деятельности в условиях динамично развивающегося российского общества. Содержание образования не соответствует новым вызовам: с одной стороны, недостаток теоретической информации в необходимых областях знаний, с другой – избыточность теории в других областях; неспособность выпускника сочетать теорию с практической деятельностью; отсутствие профессиональных компетенций, наиболее востребованных для работы в структурах государственной власти.

Существующие в России программы магистратуры в области ГМУ не в состоянии полностью удовлетворить существующий спрос, поскольку ни одна из них не является в необходимой степени междисциплинарной и не объединяет государственное управление, цифровое управление (включая науку о данных) и межкультурные коммуникации.

Целью настоящей работы является анализ системы подготовки кадров в области государственного управления в России и за рубежом в условиях меняющихся потребностей государства и его граждан в качественной и прозрачной системе государственного управления и попытка на основании проведенного исследования предложить новые подходы к подготовке кадров.

Информационная база исследования

Авторами был проведен анализ академических публикаций о системе профессионального образования в сфере ГМУ, развитии и становлении электронного правительства.

Глобальная конкурентоспособность государства является прямым следствием качества государственного управления. Под государственным управлением понимается структура, включающая институты государственной власти, государственных служащих, а также процессы, технологии и связи, возникающие при этой деятельности. Необходимые условия успешности государственного управления – это эффективность, экономичность, социальная ориентированность, демократичность, широкое участие общественности в выработке государственных решений. Характерные особенности государственного управления – неразделимость политики и администрирования [1], а также междисциплинарность, поскольку эта деятельность требует компетенций из многих областей науки (экономики, менеджмента, теории организации, социологии, психологии, права и т. д.), без которых невозможно найти оптимальные решения возникающих проблем. Приоритетными целями государственного управления является удовлетворение потребностей граждан в общественных благах и услугах, содействие финансовой устойчивости и эффективности государственного управления, повышение его социальной эффективности [2, 3], так как их достижение является обязательным условием улучшения управления, качества жизни и смягчения социальных конфликтов [4].

Подготовка кадров для органов государственного и муниципального управления различного уровня осуществляется в системе высшего образования по направлению «Государственное и муниципальное управление» (ФГОС 38.03.04 (Бакалавриат); ФГОС 38.04.04 (Магистратура)). Будущий чиновник или госслужащий обязательно должен обладать широкими знаниями в области права, законодательства, обществоведения и быть готовым каждый день совершенствовать свои навыки и знания. Он обязан следовать фундаментальным принципам госслужбы [5], среди которых:

– законность;

– приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты;

– равный доступ граждан к государственной службе;

– взаимосвязь государственной службы и муниципальной службы;

– открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих;

– профессионализм и компетентность государственных служащих.

В условиях современного общества и многонациональных социумов особую значимость для эффективного государственного управления приобретает необходимость учитывать различие культур и традиций (межкультурная коммуникация). Важность приобретения межкультурных и коммуникативных навыков для государственных служащих обусловлена тем, что органы власти должны уметь общаться с широкой общественностью, разрешать конфликты и учитывать потребности различных групп населения. Опрос, проведенный среди муниципаль-

ных служащих Свердловской области в 2022 году, показал, что важнейшими элементами коммуникативной культуры являются культурно-сознательные и экспрессивные компетенции (75% респондентов), предполагающие способность государственных служащих демонстрировать поведение, учитывать традиции и ценности, сложившиеся в той или иной социокультурной среде, и степень понимания специфики общения с представителями других культур и сообществ.

Электронное правительство: потребность дня

Изменения социально-экономических и политических условий стимулировали с начала 1990-х годов внедрение в систему государственного управления новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Перевод государственных услуг в цифровой формат, предоставление более качественных услуг и непосредственное взаимодействие с различными заинтересованными сторонами с использованием электронных средств – иными словами, внедрение электронного правительства [6–8], а также рост доступности современных технологических инструментов и методов, в частности подход к управлению, основанный на данных (Data Driven), делает решение этой задачи вполне реальным. Например, интеграция в электронное правительство и процессы принятия решений в государственном секторе модели многоканального предоставления услуг позволяет решить задачу предоставления услуг конечным пользователям, как имеющим доступ к электронным услугам, так и не пользующимся ими [9].

Согласно отчёту международной сети компаний Deloitte [10], ускоренное развитие электронного правительства является одной из девяти тенденций трансформации правительств. Переход к цифровым технологиям осуществляется по трем основным направлениям: масштабирование цифровой инфраструктуры, формирование человеческих ресурсов, обладающих навыками и компетенциями, которые отвечают потребностям новой экономический реальности, и инвестиции в технологическую инфраструктуру, обеспечивающие доступ граждан к услугам электронного правительства. Формат электронного правительства за последнее десятилетие был принят большинством стран, у которых уровень развития электронного правительства сильно различается [11]. В США, странах Западной Европы, Австралии и Сингапуре успешное развитие электронного правительства привело к сокращению бюрократизации и коррупции, улучшению качества предоставления государственных услуг. Развитие электронного правительства становится решающим фактором обмена передовым опытом и взаимного обучения, интернетизации практик государственного управления и глобализации в целом.

В Российской Федерации идеи внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы отражены в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации на 2018–2024 годы» [12] и концептуальном документе «Государство как платформа 2017–2035» [13]. Цифровизация российского госсектора также осуществляется в рамках указа Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [14] и разработанной Минобрнауки России Стратегии цифровой трансформации науки и высшего образования [15]. По данным ООН, в рейтинге электронных правительств 193 стран в 2020 году Россия занимала 36-е место [16]. К сожалению, уровень использования электронных государственных и муниципальных услуг в России ниже, чем в развитых странах. В значительной мере это обусловлено недостаточной компетентностью государственных и муниципальных служащих в области ИКТ.

Модели подготовки специалистов

Функционирование и развитие государства и его безопасность напрямую связаны с эффективностью системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов для органов государственной и муниципальной службы.

Государственное управление (англ. Public Administration) – это наука, которая отражает междисциплинарное знание, формируемое на пересечении нескольких исследовательских полей – политики, экономики, социологии, управления и др. Её отличительными особенностями являются многоуровневость, т.к. она включает абстрактную и прикладную теорию, методологические и прикладные исследования, поливариантность базовых принципов, учитывающих национальные, экономические, культурные особенности государств, а также роль и масштаб проводимых исследований [17]. Учитывая перечисленные принципы, рассмотрим структуру магистерских программ по направлению Public Administration, предлагаемых в некоторых европейских странах.

В Германии университеты предоставляют формальное образование в сфере государственного управления на федеральном уровне и

уровне земель и сосредоточены исключительно на подготовке государственных служащих на начальные невысокие должности в различных ведомствах. Большинство программ характеризуется двухвекторным подходом, предполагающим объединение академических дисциплин и практического обучения в организациях государственного и местного управления, а также в разных отраслях государственного сектора. В результате многие студенты получают серьезное практико-ориентированное юридическое образование, дополняемое изучением других социальных наук. Всего лишь несколько немецких университетов предлагают программы, ориентированные только на государственное управление. В большинстве примеров отдельные модули по Public Administration инкорпорированы в программы по политологии, юриспруденции или менеджменту. Таким образом, те, кого интересует углубленное изучение различных аспектов Public Administration, должны сделать определенные усилия и потратить время на поиск университета, предлагающего отдельную программу Public Administration, где рассматриваются специфические административные вопросы, как, например, магистратура в Потсдамском университете (Universität Potsdam); обширная учебная программа факультета политики и государственного управления Констанцского университета (Fachbereich Politik- und Verwaltungswissenschaft Universität Konstanz). Таким образом, нынешнее образование Германии в области государственного управления фрагментировано, выстроено по дисциплинарным границам и отодвинуто на второй план в рамках дисциплин, ориентированных на изучение правовых вопросов [18, 19].

Подобно Германии, программы по направлению Public Administration в Португалии базируется на преобладании правового подхода. Демократические реформы с последующей академической свободой и ростом количества и качества государственных университетов в Португалии позволили быстро адаптировать и интернационализировать преподавание и исследования в области административных наук. Некоторые университеты предлагают студентам возможность получения степени магистра и доктора наук в области государственного управления, а также программы повышения квалификации для государственных служащих, как, например, Школа экономики и менеджмента Университета Минью (Instituto Superior de Economia e Gestão da Universidade do Minho); Университет Авейру (Universidade de Aveiro), известный междисциплинарным подходом к изучению Public Administration; Институт социальных и политических наук Лиссабонского университета (Instituto Superior de Ciências Sociais e Políticas da Universidade de Lisboa), специализирующийся на подготовке топ-менеджеров для учреждений государственного управления; юридический факультет университета Коимбры (Faculdade de Direito da Universidade de Coimbra). Поскольку высшее образование в Португалии осуществляется на двух структурных уровнях – университеты и политехнические институты, то в последних также присутствуют несколько магистерских программ по Public Administration. Это Политехнический институт Лейрии (Politécnico de Leiria), а также консорциум, состоящий из четырех политехнических институтов, на севере Португалии: Политехнический институт Порту (Instituto Politécnico do Porto), Политехнический институт Браганса (Instituto Politécnico de Bragança), Политехнический институт Каваду и Аве (Instituto Politécnico do Cávado e do Ave) и Политехнический институт Виана-ду-Каштелу (Instituto Politécnico de Viana do Castelo). Однако в содержательном плане здесь преобладает также административно-правовой подход и ощущается недостаток программ, предлагающих конкретные технологии сотрудничества правительства с гражданами и бизнесом в контексте электронного правительства [20].

В Латвии государственное управление отражает влияние внешних факторов, развитие национальной экономики и социально-экономическую ситуацию в стране, что ведет к изменениям как в институциональной системе государственного управления, так и в процессе управления и формирования профессиональных компетенций государственных служащих. За последние 30 лет образовательная система в сфере Public Administration в Латвии претерпела существенные изменения, явившиеся результатом реформирования системы высшего образования в целом. После решения страны войти в состав Европейского союза и стать членом НАТО образовательные программы по направлению Public Administration приобрели междисциплинарный характер, объединяя политические науки, государственное управление и международные отношения. Главной задачей образования в сфере Public Administration стало формирование качественно новой образовательной модели, которая могла бы стимулировать экономический рост и социальное благополучие страны. Первая магистерская программа по направлению Public Administration появилась в 1994 году на факультете экономики и управления Латвийского университета. В настоящее время программы и модули по Public

Administration преподаются на факультете социальных наук Латвийского университета и в Рижском университете им. Страдыня. Латвийская школа государственного управления (LSPA) предлагает курсы повышения квалификации для государственных служащих. На 2022/23 учебный год единственным университетом, который предлагает программу «Магистр социологии организаций и государственного управления», является Латвийский сельскохозяйственный университет [21].

Таким образом, анализ некоторых европейских программ магистратуры по направлению Public Administration показывает, что они не в полной мере отвечают как потребностям учащихся, так и потребностям государственного и муниципального управления, в том числе таким, как междисциплинарное обучение, использование технологий формирования электронного правительства, межкультурная коммуникация и новые критерии оценки качества.

Профессиональная подготовка в сфере ГМУ в России

В современной России профессиональное образование в области государственного и муниципального управления (ГМУ) отличает высокий уровень конкуренции. Множество образовательных организаций высшего образования работают в этой области. Российские программы ГМУ имеют ярко выраженное «неюридическое» содержание, а существующие магистерские программы можно охарактеризовать как «классические», сочетающие изучение экономики и управления. Доля курсов, связанных с цифровым управлением и цифровой трансформацией общества, необходимой для эффективного внедрения электронного правительства, весьма незначительна. Так, один из ведущих вузов страны, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), предлагает в рамках магистерской программы ГМУ курс «Информационные технологии в государственном управлении» [22]. Курс знакомит студентов с ключевыми цифровыми технологиями и технологическими решениями, используемыми органами власти для осуществления государственных функций и предоставления государственных услуг. Студенты изучают нормативно-правовые, организационные и технологические аспекты внедрения цифровых технологий в систему государственного управления.

С другой стороны, стали появляться программы, объединяющие информационные технологии и их использование в формировании электронного правительства: «Цифровое государство (стратегическое развитие информационного общества)» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) [23]; «Цифровое государственное управление» в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) [24]; «Цифровое публичное управление» в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова) [25]. Географически большинство вузов, предлагающих подобные программы, расположены в Москве, что существенно влияет на стоимость обучения и ограничивает возможности обучения целевых групп из регионов, особенно из удаленных. Также в структуре этих программ отсутствуют дисциплины, направленные на развитие межкультурных коммуникаций.

Столкнувшись с существующим спросом на образование в области ГМУ на местах, региональные университеты пытаются найти выход. Например, в 2022 году Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) в рамках обучения по направлению ГМУ запускает магистерскую программу «Цифровое государство и управление».

Таким образом, анализ факторов спроса и предложения показывает, что существующие в России программы магистратуры в области ГМУ не в состоянии полностью удовлетворить существующий спрос, поскольку ни одна из них не является в необходимой степени междисциплинарной и не объединяет государственное управление, цифровое управление (включая науки о данных) и межкультурные коммуникации.

Основные направления модернизации

Одним из направлений модернизации образования может стать новая модель образования и программы обучения, позволяющие получить новые компетенции в области ГМУ. Одним из вариантов может стать инновационная междисциплинарная магистерская программа, направленная на подготовку специалистов в области государственного управления, и программа повышения квалификации руководителей среднего и высшего звена в местных и региональных органах власти с междисциплинарными цифровыми и мультимодальными коммуникационными компетенциями. Междисциплинарный подход позволит адресовать программу различным целевым группам с образованием и опытом работы в области экономики, юриспруденции, управления, информатики и коммуникации.

Целью предлагаемой программы будет подготовка выпускника к глобальным вызовам в обществе и управлении, сложности структуры

общества и, соответственно, к общим процессам цифровизации и способам и формам коммуникации. Для достижения этой цели необходимо сформировать компетенции в областях:

– электронного правительства, электронного документооборота, информационно-аналитического обеспечения государственного и муниципального управления;

– понимания основных парадигм и взглядов на электронное управление, политики и практики формирования электронного правительства, анализа процессов и результатов внедрения электронного правительства;

– понимания влияния цифровой среды на формирование государственной политики;

– установления отношений и взаимодействия между пользователями и заинтересованными сторонами: государства с гражданами; государства с частными организациями; государства с государственными организациями при использовании и реализации сетей взаимосвязи и веб-решений [26];

– теории и практики социальных конфликтов в поликультурной среде и технологий их предотвращения и разрешения;

– использования инструментов партисипативного государственного управления в цифровых медиа.

Программа может включать в себя следующие модули и курсы.

Модуль 1. Вводные курсы:

– «Государственное управление в Европе»;

– «Современное управление проектами для управления»;

– «Стратегическое и пространственное планирование»;

– «Управление с участием, голосование и демократия»;

– «Методология исследования».

Модуль 2. Электронное правительство и электронное управление:

– «Аналитика данных и культура данных»;

– «Цифровая безопасность в государственном управлении»;

– «Цифровые технологии для участия общественности в управлении»;

– «Умный регион и умный город»;

– «Цифровизация государственных услуг»;

– «Анализ и проектирование информационных систем».

Модуль 3. Профессиональная коммуникация в межкультурной и мультимодальной среде:

– «Коммуникация в общественных и бизнес-учреждениях»;

– «Межкультурная профессиональная и научная коммуникация»;

– «Миграция, конфликты, межкультурная коммуникация и государственное управление».

Особенностью программы будет возможность использования отдельных модулей в системе повышения квалификации государственных и муниципальных служащих и постепенного накопления академических кредитов для получения степени магистра.

Заключение

Таким образом, изменения социально-экономических и политических условий, вызовы многонационального общества, широкое внедрение в государственное управление информационно-коммуникационных технологий, обусловленное потребностью участия граждан в управлении государством, необходимость владения навыками и приемами межкультурной коммуникации требуют создания новых моделей образования и программ подготовки специалистов в сфере ГМУ. Эти специалисты должны оперативно адаптироваться к динамично изменяющимся требованиям к системе управления государством. Проблема подготовки кадров новой формации может быть решена путем разработки и внедрения инновационной междисциплинарной модульной магистерской программы и программы повышения квалификации руководителей среднего и высшего звена, для подготовки специалистов, владеющих цифровыми и межкультурными мультимодальными коммуникационными компетенциями.

Авторы выражают благодарность профессору кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург) Н.Ю. Власовой за предоставленную информацию.

Список литературы

1. Ивановский Б.Г. Особенности государственного управления в странах ЕС на современном этапе // Экономические и социальные проблемы России. 2015. №2. С. 76–106. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gosudarstvennogo-upravleniya-v-stranah-es-na-sovremennom-etape (дата обращения: 20.01.2022).

2. Bisogno M., Cuadrado-Ballesteros B. The role of public sector accounting on financial sustainability and governmental effectiveness // In: Financial Sustainability of Public Sector Entities. The Relevance of Accounting Frameworks. Palgrave Macmillan, 2019. P. 123–144.

3. Zaheer A.N., Rashid A. Analyzing the role of public sector marketing in improving social effectiveness: a case study from Anhui province, China // International Review on Public and Nonprofit Marketing. 2017. Vol. 14. P. 57–71.

4. Smoke P. Rethinking decentralization: Assessing challenges to a popular public sector reform // Public

Administration and Development. 2015. Vol. 35 (2). P. 97–112.

5. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации». Статья 3. Основные принципы построения и функционирования системы государственной службы.

6. Jayashree S., Marthandan G. Government to E-government to E-society // Journal of Applied Sciences. 2010. Vol. 10 (19). P. 2205–2210.

7. Никифорова С.А. Электронное правительство – новая концепция государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №2 (86). С. 40–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-novaya-kontseptsiya-gosudarstvennogo-upravleniya (дата обращения: 03.02.2022).

8. Власов М.В., Качан Я.В. Влияние электронного правительства на человеческий капитал: динамика взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 1 (65). С. 7–15.

9. Агбозо Э., Медведев А.Н. О многоканальной модели предоставления услуг в управляемом данными государственном секторе // Бизнес-информатика. 2020. № 1. С. 41–50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-mnogokanalnoy-modeli-predostavleniya-uslug-v-upravlyaemom-dannymi-gosudarstvennom-sektore (дата обращения: 03.02.2022).

10. Deloitte. Insights // Government Trends. 2022. URL: https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends.html (дата обращения: 28.01.2022).

11. E-government in support of sustainable development // UN e-government survey 2016. New York: United Nations, 2016. 217 p. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2016/08/reiting_oon.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

12. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Сайт Правительства России. URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения: 28.01.2022).

13. Шклярук М. Государство как платформа 2017–2035 // Информационный портал Минэкономразвития России. URL: https://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/366#:~:text=Государство%20как%20платформа–%20это%20больше,гос.%20функций%20и%20коммерческих%20услуг§ (дата обращения: 10.02.2022).

14. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Сайт официального интернет-представительства Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 15.01.2022).

15. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // Сайт Минобрнауки России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

16. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН // Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2020. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

17. Волчкова Л.Т., Меньшикова Г.А. Public Administration: становление и развитие как новой научной и учебной дисциплины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2013. № 1. С. 62–68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/public-administration-stanovlenie-i-razvitie-kak-novoy-nauchnoy-i-uchebnoy-distsipliny (дата обращения: 16.01.2022).

18. Reichard Ch., Schröter E. Civil service and public employment // In: S. Kuhlmann et al. (eds.) Public Administration in Germany, Governance and Public Management. 2021. P. 205–223.

19. Kuhlmann S., Proeller I., Schimanke D., Ziekow J. German public administration: Background and key issues // In: S. Kuhlmann et al. (eds.): Public Administration in Germany, Governance and Public Management. 2021. P. 1–13.

20. Teles F. Public Administration in Portugal // In: Bouckaert G., Jann W (eds.) European Perspectives for Public Administration. The Way Forward. Leuven University Press, 2020. P. 439–452. URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctvv417th.27 (дата обращения: 20.01.2022).

21. Reinholde I. Public administration education in Latvia (country report). The PAQUALITY project, Erasmus+ Strategic Partnership KA203, 2019. 18 p.

22. Информационные технологии в государственном управлении 2021 и 2022 учебного года // Сайт НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/ma/gmu/courses/476603341.html (дата обращения: 20.01.2022).

23. Цифровое государство (стратегическое развитие информационного общества) // Сайт РАНХиГС. URL: https://igsu.ranepa.ru/program/p83364/ (дата обращения: 20.01.2022).

24. Цифровое государственное управление // Сайт МГИМО. URL: https://sgp.mgimo.ru/bachelor/Cifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie (дата обращения: 20.01.2022).

25. Цифровое публичное управление // Сайт РЭУ им. Плеханова. URL: https://www.rea.ru/ru/org/faculties/Vysshaja-shkola-prava/Pages/Programms/mag-gosmunupr-digital.aspx (дата обращения: 20.01.2022).

26. Ndou V. E-government for developing countries: Opportunities and challenges // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2004. Vol. 18(1). P.1–24. URL: https://www.researchgate.net/publication/309428370_E_-_GOVERNMENT_FOR_DEVELOPING_COUNTRIESOPPORTUNITIES_AND_CHALLENGES (дата обращения: 12.01.2022).

CHALLENGES OF TRAINING PROFESSIONALS FOR RUSSIAN PUBLIC SECTOR

M.B. Vidrevich, I.V. Pervukhina

Ural State University of Economics

The article discusses the challenges that the system of higher education in the field of public and municipal administration is facing currently. These challenges result from the changes in the social, economic and political environment, the formation of multinational society, and enhanced adoption of digital technologies in the public sector. All these changes mirror citizens' need to be involved in governance, as well as the need for civil servants to possess the skills and techniques of cross-cultural communication. To meet the challenges new models of training professionals for public administration of different levels are required. The paper presents new approaches to design master-degree and professional development programmes based on the analysis of the existing systems in Russia and some European countries and considering the changing needs of the state and citizens in an efficient and transparent public sector. An innovative interdisciplinary modular master-level and professional development programmes for middle and senior managers are proposed focused on training civil servants with digital and cross-cultural multimodal communication competencies.

Keywords: public administration, information and communication technologies, e-government, higher education, civil servant competences, cross-cultural communication.

УДК 159.923+159.98+378
DOI 10.52452/18115942_2022_3_246

ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

© 2022 г.

А.И. Тащёва, С.В. Гриднева, М.Р. Арпентьева, Н.В. Киценко

Тащёва Анна Ивановна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии, научный руководитель психологической службы Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
annaivta@mail.ru
Гриднева Светлана Валерьевна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
gridneva-sveta@mail.ru
Арпентьева Мариям Равильевна, д.психол.н.; доц.; академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, заслуженный работник науки и образования Российской академии естествознания, психолог-исследователь Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Калуга
mariam_rav@mail.ru
Киценко Наталья Викторовна, бакалавр по кафедре психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
annaivta@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.10.2021
Статья принята к публикации 21.07.2022

Цель исследования – изучение социально-психологической адаптированности студентов с ограниченными возможностями здоровья. Метод исследования – эмпирическое изучение социально-психологической адаптированности студентов с ОВЗ, обучающихся в вузе. Адаптированность и ряд, предположительно, связанных с нею личностных особенностей студентов с ОВЗ и без ОВЗ (контрольной группы) рассматривались как критерии и условия успешности процессов адаптации студентов к обучению в вузе. Социально-психологическая адаптация студентов проявляется в их адаптированности к разным аспектам образовательного взаимодействия и тесно связана с рядом иных личностных черт, создающих условия для большей или меньшей ее успешности. Она проявляется в отношениях с собой и другими, ожиданиях от себя и других, в оценке себя и других и т.д., в готовности и способности к сотрудничеству и преодолению непонимания и конфликтов, к заботе о себе и других людях и уважительном отношении к ним, их нуждам, границам, ценностям, в стремлении к развитию готовности и способности принять помощь в развитии от других и т.д. Адаптивность человека в студенческом возрасте отражает взаимосвязанность личностного, межличностного и учебно-профессионального становления, поэтому различные процедуры и технологии психолого-педагогического сопровождения обучения студентов с ОВЗ в вузе должны быть нацелены на системную работу с этими чертами человека. Результаты исследования показали, что в то время как студенты с ОВЗ решают целый ряд задач, связанных с адаптацией, индивидуализацией и интеграцией в образовательное пространство вуза, стоящих перед ними уже в силу наличия ограниченных возможностей, студенты без ОВЗ «останавливаются» на стадии адаптации, поиска психологически безопасной позиции, не стремясь к развитию и т.д.

Ключевые слова: адаптивность; адаптация; инклюзия; сопровождение; инклюзивный коучинг; студент; развитие.

Введение

Успех инклюзии в образовании невозможен без социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ [1–3], которая в значительной степени зависит от особенностей самих студентов, их родительских семей, а также от особенностей образовательной среды, включая специфику вуза и его организационной культуры, своеобразия сопровождения развития обучающихся с ОВЗ [4, 5] и особенности преподавателей, однокурсников и иных специалистов, с которыми взаимодействуют студенты с ОВЗ [6, 7].

Одной из приоритетных целей инклюзивного образования выступает забота о становлении и реализации субъектности обучающегося как личности, партнера и профессионала в ходе приобщения к мировой культуре и ее ценностям, приоритетам, предписаниям и запретам, а также в ходе приобретения им избранной профессии, тех приоритетов и ценностей, которые связаны с профессией и специальностью [8–10].

Субъектность – состояние и ступень развития, которая возникает, когда школьник или студент – и, шире, человек – смог не просто «освоить» уже существующие нормы и ценности культуры, но и осознал себя включенным в нее, в ее творчество, то есть стал индивидуальностью. Очевидно, именно поэтому успешность адаптации отражается прежде всего в личностных особенностях человека. Социально-психологическая адаптация студентов проявляется в их адаптированности к разным аспектам образовательного взаимодействия и тесно связана с рядом иных личностных черт, создающих условия для большей или меньшей ее успешности. Она проявляется в отношениях с собой и другими, ожиданиях от себя и других, в оценке себя и других и т.д., в готовности и способности к сотрудничеству и преодолению непонимания и конфликтов, к заботе о себе и других людях и уважительном отношении к ним, их нуждам, границам, ценностям, в стремлении к развитию готовности и способности принять помощь в развитии от других и т.д. Она отражается в том, насколько человек стремится быть ответственным за себя, имеет интернальный локус контроля (ответственности), руководствуется интринсивной (внутренней) мотивацией, ориентирован на преодоление препятствий и совладание, на решение учебно-профессиональных и бытовых задач в противоположность их избеганию (эскапизму), изоляции, отчуждению. Поэтому в эмпирической части нашего исследования мы фокусируем свое внимание на проблемах, которые возникают у студентов с ОВЗ в процессе адаптации к новой (образовательной) среде вуза, в связи с личностными особенностями бывших абитуриентов и в контексте процессов психолого-педагогического сопровождения обучения студентов с ОВЗ, включая инклюзивный коучинг и иные процедуры коррекционно-реабилитационного и развивающего абилитационного типов. Эти проблемы выделяют в качестве ведущих многие исследователи [11, 12]. Мы полагаем, что адаптационный потенциал человека в студенческом возрасте отражает взаимосвязанность личностного, межличностного и учебно-профессионального становления [13, 14], а инклюзивный коучинг и иные процедуры и технологии психолого-педагогического сопровождения обучения студентов с ОВЗ в вузе должны быть нацелены на системную работу с этими чертами. Начинать, однако, нужно с индивидуальной работы со студентами в поле из личностных черт и свойств [15, 16], а также с диагностики и гармонизации межличностных отношений в академической группе и между обучающимися и преподавателями [17–19]. Кроме того, крайне важным фокусом естественным образом является работа, нацеленная на помощь студентам в формировании и совершенствовании их учебно-профессиональных компетенций, в том числе самостоятельности как стремления и умения учиться и т.д. [20, 21].

Цель исследования – изучение социально-психологической адаптированности или адаптивности студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Адаптивность, или социально-психологическая адаптированность, как черта человека отражает способность человека адаптироваться к изменчивым обстоятельствам. Она выражает качества, благодаря которым индивид способен менять направление деятельности согласно поставленным перед ним задачам и условиям их решения. Адаптивность, таким образом, во многом обеспечивает адаптацию, выступая как ее критерий и условие. Основным содержанием адаптивности часто признаются компетенции самоуправления и, благодаря им, компетенции управления ситуациями, в которых живет и действует человек.

Методические основы исследования

Метод исследования – эмпирическое изучение социально-психологической адаптированности студентов с ОВЗ, обучающихся в вузе. Адаптированность и ряд, предположительно, связанных с нею личностных особенностей студентов с ОВЗ и без ОВЗ (контрольной группы) рассматривались как критерии и условия успешности процессов адаптации студентов к обучению в вузе. Очевидно, что сам процесс социально-психологической адаптации не может быть изучен на уровне констатаций личностных черт его субъектов, однако некоторые предварительные выводы о сущности затруднений студентов с ОВЗ и студентов без ОВЗ в инклюзивном образовании сделать возможно.

Характеристика выборки пилотного исследования – 204 студента Южного федерального университета и Калужского государственного университета в возрасте 18–21 года, обучавшихся по разным психолого-педагогическим специальностям в 16 учебных группах на 1–4-м курсах (бакалавриат); в том числе 42 юноши и 162 девушки. Критерием разделения выборки на 2 группы стало наличие/отсутствие у студентов выраженных соматических ограничений по здоровью: в основную группу вошли 42 девушки и 12 юношей с ограниченными возможностями здоровья, в контрольную – 150 здоровых студентов, в том числе 30 юношей и 120 девушек.

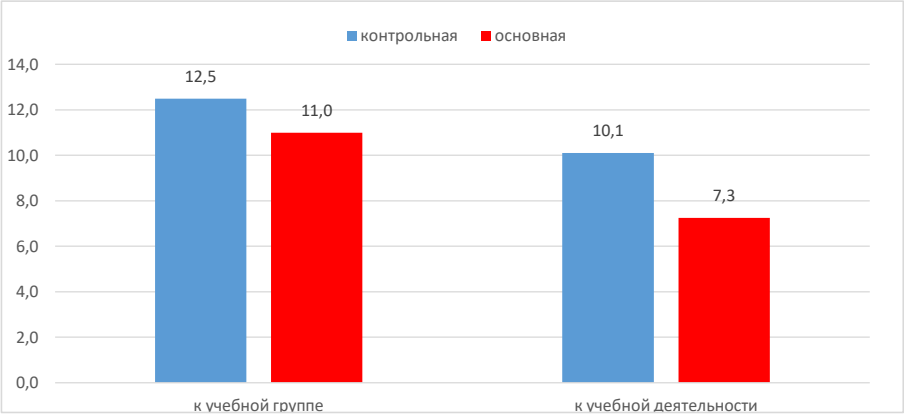


Рис. 1. Особенности адаптированности у респондентов

Таблица 1

Адаптированность респондентов основной и контрольной групп

Показатели адаптированности в группах	Контрольная	Основная
К академической группе	12.5	11.0
К учебной деятельности	10.1	7.3

Всем респондентам гарантировались тайна участия в исследовании и анонимность полученной от них информации.

Исследование носило разведывательный характер, его целью было установить наличие и характер взаимосвязи между адаптивностью и иными личностными особенностями студентов с ОВЗ и без ОВЗ. Ожидалось, что эта связь может быть неоднозначной. В результате предварительного анализа проблем студентов изучаемой выборки, в том числе студентов с ОВЗ, были выделены несколько черт, свидетельствующих о сниженной адаптивности студентов с ОВЗ в разных сферах (учебно-деятельностной и межличностной): тревожность и депрессивность, конфликтность и стремление к избеганию проблем и неудач, деформации самоотношения. Поэтому была сформулирована предварительная гипотеза исследования.

Гипотеза исследования предполагала, что студенты с ограниченными возможностями здоровья могут отличаться от студентов без ОВЗ по своей адаптивности (адаптированности) и ряду иных черт, потенциально способствующих или препятствующих ее формированию (особенности самоотношения, отношения к проблемным ситуациям и конфликтам, тревожности и депрессивности).

В связи с данными представлениями был сформирован *методический инструментарий* исследования. Он делился на диагностический и статистический. Батарею диагностических методик составили шкала социально-психологической адаптации К. Роджерса – Р. Даймонда, методика исследования адаптивности у студентов в вузе Т.Д. Дубовицкой, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, «Диагностика тревожности и депрессии» Ю.Л. Ханина, опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева, методика «Q-сортировка» В. Стефансона [10, 22]. Статистический методический инструментарий представлен методами дескриптивной статистики, критерием Колмогорова–Смирнова, U-критерием Манна–Уитни (сравнение распределений переменных у респондентов групп выборки).

Результаты исследования

Обратимся к анализу особенностей адаптированности респондентов основной и контрольной групп, полученных с помощью методики исследования адаптивности у студентов в вузе Т.Д. Дубовицкой [23] (рисунок 1, таблица 1).

Из рисунка 1 следует, что у респондентов контрольной группы наблюдается несколько более высокий уровень адаптированности к группе (12.5±2.5), а также средний уровень адаптированности к учебной деятельности (10.1±4.1): респонденты из контрольной группы чувствуют себя в группе более комфортно, легче находят общий язык с однокурсниками, что создает условия для понимания групповых правил и норм поведения, которым легче следовать. При необходимости они могут обратиться к однокурсникам за помощью, способны проявить активность и взять инициативу в групповой деятельности на себя. Они имеют и лучшие условия для обучения.

Таблица 2

Среднегрупповые показатели личностных особенностей респондентов выборки по тесту В.В. Столина и С.Р. Пантилеева

Переменные	Группа			
	Контрольная		Основная	
	Среднее	Статистическое отклонение	Среднее	Статистическое отклонение
Глобальное самоотношение	70.6	25.1	64.1	27.5
Самоуважение	57.0	30.5	42.9	16.7
Аутосимпатия	69.1	21.6	54.6	24.9
Ожидаемое отношение от других	46.5	27.5	67.8	26.1
Самоинтерес	76.9	25.4	56.9	12.5
Самоуверенность	50.1	26.4	36.1	11.7
Отношение к другим	42.1	23.4	60.9	16.6
Самопринятие	74.0	26.3	51.9	18.2
Саморуководство	70.6	25.5	61.7	31.2
Самообвинение	48.0	30.9	34.5	23.6
Самопонимание	65.2	27.0	49.4	31.6

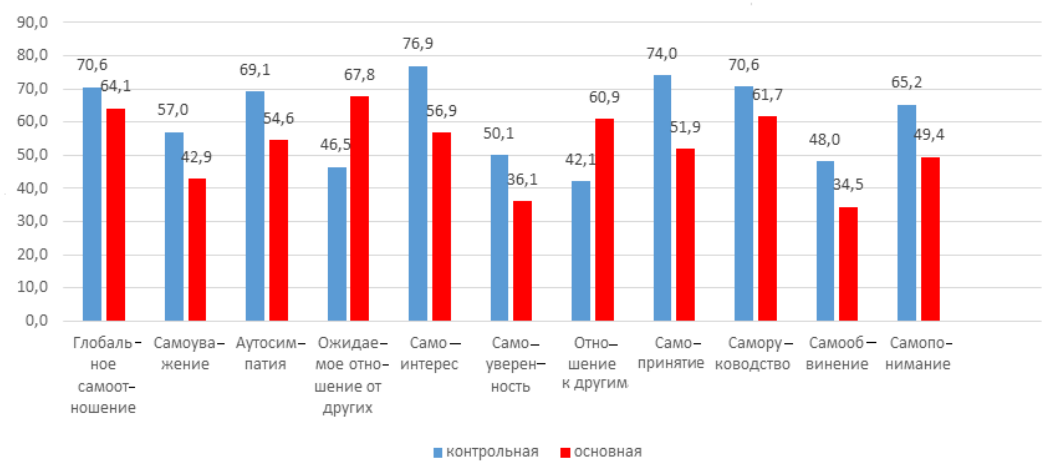


Рис. 2. Показатели личностных особенностей респондентов выборки по тесту В.В. Столина и С.Р. Пантилеева

У респондентов же с ОВЗ прослеживаются относительно более низкий уровень адаптированности к группе (11±2.9) и сниженный уровень адаптированности к учебной деятельности (7.3±4): в группе они чувствуют себя менее комфортно; им сложнее удается находить общий язык с однокурсниками и взаимодействовать с ними в соответствии с групповыми нормами. Это, вероятно, обусловлено недостаточным уровнем взаимодействия студентов с ОВЗ с однокурсниками, неполным их представлением о групповых нормах и правилах поведения. Основная проблема, однако, связана с адаптированностью в сфере учебной деятельности: вероятно, что периодическое отсутствие на занятиях по состоянию здоровья затрудняет усвоение ими содержания дисциплин, успешное и своевременное выполнение учебных заданий, что, кроме прочего, нередко усиливает своеобразный «комплекс неполноценности». Недостаточно часто общаясь с преподавателями, плохо зная их и их возможные реакции, они боятся проявлять собственную учебную активность, даже если в ней есть прямая учебная необходимость.

Рассмотрим личностные особенности респондентов выборки в отношении к себе по опроснику «Самоотношение» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [24] (таблица 2, рисунок 2).

У респондентов контрольной группы фиксируются выраженные признаки самоинтереса (76.9±25.4) и самопринятия (74.0±26.3). Недостаточно выраженными оказались показатели ожидаемого отношения от других (46.5±27.5), отношения к другим (42.1±23.4) и самообвинения (48.0±30.9). Полагаем, что этот факт свидетельствует о том, что физически здоровые студенты ощущают психологический дискомфорт, интуитивно чувствуя несогласованность их самоотношения к себе и ожидаемого отношения членов своих академических групп. У респондентов же основной группы наблюдаются высокие значения по шкалам «ожидаемое отношение других» (67.8±26.1) и «глобальное самоотношение» (64.1±27.5), «саморуководство»

(61.7±31.2), «отношение к другим» (60.9±16.6) и «самоинтерес» (56.9±12.5). Низкие показатели по шкалам самоуверенности (36.1±11.7) и самообвинения (34.5±23.6).

В целом, все показатели самоотношения у студентов с ОВЗ ниже, чем у студентов без ОВЗ. Наибольшие различия были выявлены по шкалам самопринятия, самоинтереса и самопонимания, однако в целом различия групп незначимы. Полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$=37 находится в зоне незначимости (критические значения $U_{Кр}$ = 25 при p≤0.01 и $U_{Кр}$ =34 при p≤0.05). То есть в целом отличия хотя и есть, но назвать их (по крайней мере на примере данной выборки) значимыми нельзя. Для этого нам нужно увеличить выборку и заново сопоставить результаты исследования.

Однако, поскольку полученный результат был все же близок к $U_{Кр}$ =34 при p≤0.05, мы провели расчет коэффициента Пирсона и критерия знаков G. В итоге был получен результат: $\chi^2_{эмп}$ = 19.261. Критические значения χ^2 при v=10 18.307 при P=0.05 и 23.209 при P=0.01, то есть различия между двумя распределениями могут считаться достоверными (гипотеза H_1). Интерпретация этого результата такова: группы студентов с ОВЗ и без ОВЗ отличаются по особенностям самоотношения: студенты с ОВЗ достоверно более негативно и неопределенно относятся к себе, чем студенты без ОВЗ. Они также ожидают от других более высокой оценки, чем студенты без ОВЗ: это в целом способствует меньшей напряженности их взаимоотношений и меньшему стремлению к «борьбе» с кем-либо или против кого-либо. Аналогичную картину дает и критерий знаков G=2 (при критических значениях $G_{N=11}$ разного уровня значимости от 1 до 3), который предназначен для исследования определения направления сдвига в значениях исследуемого признака в двух выборках. Ограничения применения этих двух критериев в случае нашего исследования, однако, связаны с тем, что мы можем использовать эти критерии лишь с содержательными оговорками, в том числе относительно их способности зафиксировать и сравнить как общий признак лишь «сформированность показателей». Есть и другие моменты: так, «сдвиг» показателей можно оценить лишь при условии того, что мы можем представить, что сравниваемые ряды данных принадлежат одной и той же группе людей («до и после» инвалидизации), на самом же деле у нас две разные группы респондентов. То, что и нами, и иными исследователями отличия студентов с ОВЗ от студентов без ОВЗ регистрируются как существующие априори, как доступные непосредственно, без специальных замеров, не мешает исследователям получать данные о том, что существующие отличия неоднозначны.

Как видно из таблицы 2, показатели по анализируемым личностным характеристикам значительно различаются у здоровых и физически больных опрошенных: самоинтерес в контрольной группе 76.9±25.4, а в основной группе 56.9±12.5; самопринятие в контрольной группе 74.0±26.3, а в основной 51.9±18.2; самопонимание в контрольной группе 65.2±27.0, а в основной 49.4±31.6; самоуважение в контрольной группе 57.0±30.5, а в основной 42.9±16.7; самоуверенность в контрольной группе 50.1±26.4, а в основной группе 36.1±11.7; самообвинение в контрольной группе 48.0±30.9, а в основной 34.5±23.6: максимальные значения приходятся на такие шкалы, как самоинтерес (Δ20), самопринятие (Δ22.1), самопонимание (Δ15.8) и самоуважение (Δ14.1). Студенты с ОВЗ в большей мере зависимы от поведения и мнения окружающих, они ожидают гораздо большего объема внимания, чем могут дать им здоровые одногруппники. Очевидным становится, что отмеченные различия могут быть одной из причин неудовлетворенности студентов с ОВЗ качеством взаимодействия с однокурсниками, что может создавать межличностные конфликты в группе, источником которых могут становиться именно неудовлетворенные вниманием к себе студенты-инвалиды. Полагаем, что обнаруженные низкие и статистически достоверные показатели самопонимания, самоинтереса, самоуважения и самоуверенности должны стать «мишенями» профессиональной психологической помощи этим студентам в случае их активного запроса о таковой.

Рассмотрим представления о себе, исследованные с помощью опросника В. Стефансона [25] (таблица 3, рисунок 3).

Из таблицы 3 следует, что у респондентов из контрольной группы наблюдаются средний уровень общительности (13.0±2.4), избегания «борьбы» с другими (12.6±2), зависимости (11.2±3.2), а также низкие показатели по шкалам «независимость» (8.6±2.9), «принятие «борьбы» с другими (7.4±2) и «необщительность» (7.0±2.4). У респондентов основной группы фиксируются средние показатели по шкалам «избегание борьбы» (16.7±2.1), «зависимость» (14.0±2.6) и «общительность» (12.7±2.5), а низкий уровень выявлен по шкалам «необщительность» (7.3±2.5), «независимость» (6.0±2.6) и «принятие «борьбы» (3.3±2.1).

Данные результаты можно расценивать как одно из доказательств сниженного уровня открытой агрессивности студентов с инвалидно-

Таблица 3

Среднегрупповые показатели представления о себе по методике В. Стефансона

Переменные	Группа			
	Контрольная		Основная	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Зависимость	11.2	3.2	14.0	2.6
Независимость	8.6	2.9	6.0	2.6
Общительность	13.0	2.4	12.7	2.5
Необщительность	7.0	2.4	7.3	2.5
Принятие «борьбы»	7.4	2.0	3.3	2.1
Избегание «борьбы»	12.6	2.0	16.7	2.1

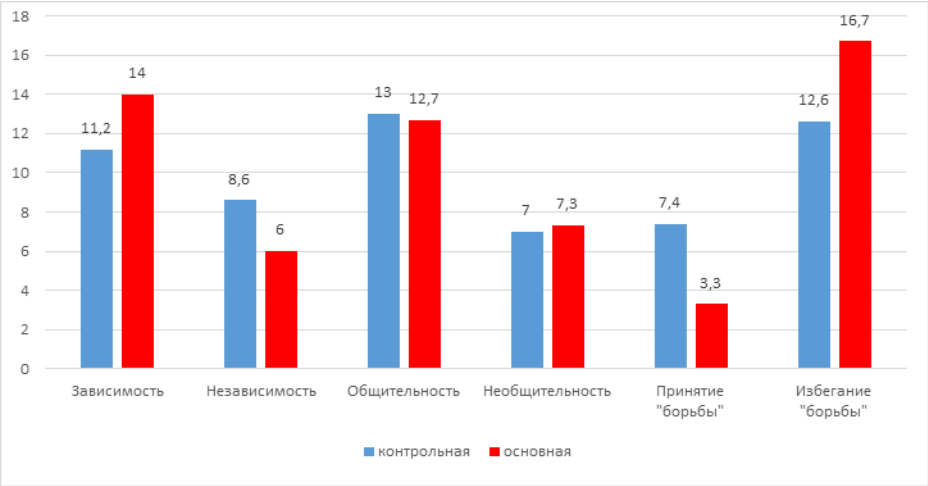


Рис. 3. Особенности представления о себе респондентов выборки по методике В. Стефансона

Таблица 4

Среднегрупповые показатели представления о себе

Переменные	Группа			
	Контрольная		Основная	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Достоверность	2.3	1.8	1.0	0.8
Поведенческая регуляция	3.4	2.2	2.5	1.3
Коммуникативный потенциал	3.8	0.9	4.3	2.1
Моральная нормативность	5.0	0.7	4.8	1.7
Личностный адаптационный потенциал	2.1	1.4	1.5	0.6

стью; они чаще демонстрируют принятие и избегание конфликтов, проявляя большую зависимость от окружающих и ситуации.

Результаты, полученные по многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина [10] отражены в таблице 4. Получены достоверные данные о том, что у респондентов основной группы фиксируются низкие уровни поведенческой регуляции (2.5±1.3) и личностного адаптационного потенциала (1.5±0.6); средние уровни коммуникативного потенциала (4.3±2.1), моральной нормативности (4.8±1.7). У респондентов контрольной группы наблюдаются ниже среднего уровни поведенческой регуляции (3.4±2.2) и коммуникативного потенциала (3.8±0.9); средний уровень моральной нормативности (5.0±0.7) и низкий уровень личностного адаптационного потенциала (2.1±1.4).

В целом, для всех студентов выборки типичны низкий уровень поведенческой регуляции, склонность к нервно-психическим срывам, отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности; относительно адекватная оценка своей роли в коллективе, ориентация на соблюдение общепринятых норм поведения, но низкий уровень коммуникативных способностей, затруднения в построении контактов с окружающими, проявления агрессивности и повышенная конфликтность; средний уровень социализации и сниженный уровень адаптации. У респондентов основной группы обнаружены признаки акцентуаций характера и психопатий, их психическое состоя-

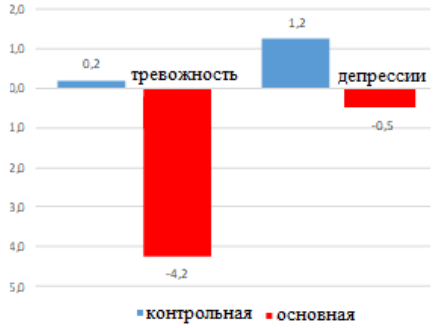


Рис. 4. Особенности тревожности и депрессии у респондентов выборки

Таблица 5

Среднегрупповые показатели социально-психологической адаптации

Переменные	Группа			
	Контрольная		Основная	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Адаптивность	128.2	17.6	125.0	26.1
Дезадаптивность	84.6	30.0	69.8	39.3
Лживость	28.1	5.3	20.5	4.9
Принятие себя	39.6	12.6	38.3	11.9
Непринятие себя	17.6	5.6	12.0	8.7
Принятие других	25.3	9.1	23.3	6.5
Непринятие других	19.0	5.9	15.3	10.8
Эмоциональный комфорт	23.5	5.2	14.8	2.6
Эмоциональный дискомфорт	16.8	6.6	14.5	11.1
Внутренний контроль	49.5	8.1	54.5	6.5
Внешний контроль	19.5	8.7	17.3	8.6
Доминирование	9.6	4.4	7.8	2.1
Ведомость	15.4	8.2	13.8	6.4
Эскапизм	14.6	4.6	8.5	3.7

ние может быть охарактеризовано как пограничное: процесс адаптации протекает более сложно, чем у респондентов контрольной группы; у них более вероятны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния. Лица этой группы обладают низкой нервно-психической устойчивостью, они повышенно конфликтны, могут допускать делинквентные поступки.

Результаты методики «Диагностика тревожности и депрессии» Ю.Л. Ханина [22] представлены на рисунке 4.

У респондентов контрольной группы наблюдаются неопределенные уровни тревожности (0.2±4.7) и депрессии (1.2±1.4); у опрошенных из основной группы фиксируются выраженный уровень тревожности (–4.2±0.8) и неопределенный уровень депрессии (–0.5±3.5). Это также говорит о менее благополучном в психологическом отношении состоянии (дезадаптации).

Рассмотрим результаты по методике диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса–Р. Даймонда [22] (таблица 5).

У респондентов контрольной группы среднегрупповое количество баллов по шкале адаптивности (128.2±17.6) и дезадаптивности (84.6±30) находится в пределах зоны неопределенности, это средний уровень приспособления респондентов с нормотипичным развитием к группе в соответствии с ее требованиями и с собственными потребностями респондентов, мотивами и интересами. Аналогично, результаты по шкалам «принятие себя» (39.6±12.6) и «непринятие себя» (17.6±5.6) показывают, что среднегрупповое количество баллов по этим шкалам находится в пределах зоны неопределенности – это средний уровень принятия и непринятия себя и удовлетворенности/неудовлетворенности своими личностными чертами.

Анализ баллов по шкалам «принятие» (25.3±9.1) и «непринятие других» (19.0±5.9) показал, что среднегрупповое количество баллов по этим шкалам находится в пределах зоны неопределенности, то есть у респондентов данной группы имеет место среднеразвитая потребность в общении и взаимодействии, в том числе в совместной деятельности. Распределение баллов по шкалам «эмоциональный комфорт» и «дискомфорт» показало, что среднегрупповое количество баллов по этим шкалам

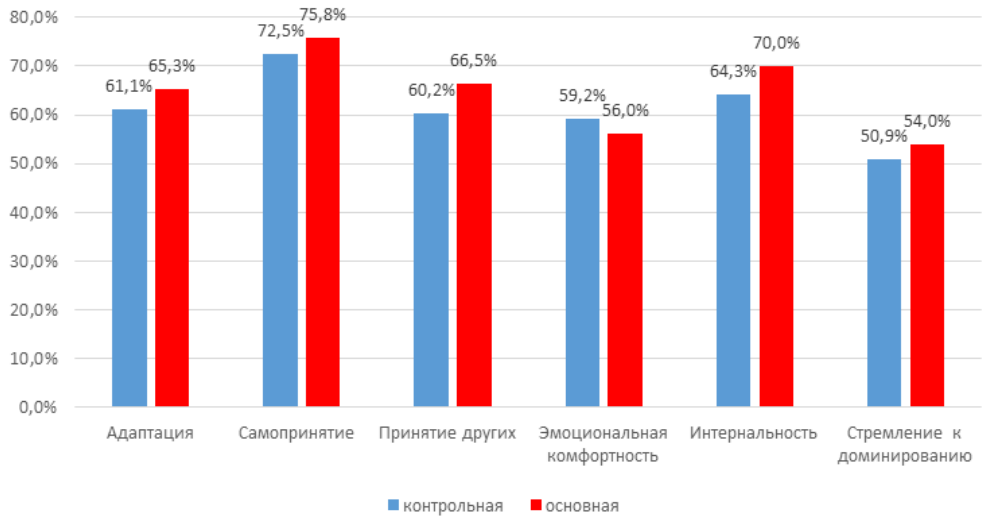


Рис. 5. Особенности интегральных показателей социально-психологической адаптации у респондентов выборки

находится в пределах зоны неопределенности в отношении к происходящей действительности, к окружающим, к предметам и явлениям (23.5±5.2 и 16.8±6.6). Аналогично данные по шкалам «внутренний» (49.5±8.1) и «внешний» (19.5±8.7), «доминирование» и «ведомость» (9.6±4.4 и 15.4±8.2) говорят о срединном положении локуса контроля (интернальность и экстернальность) и стремлении студентов к лидерству, руководству в решении совместных задач, часто за счет окружающих, при средней тенденции к «эскапизму» (14.6±4.6), склонности к избеганию проблемных ситуаций и уходу от них. Данная ситуация хорошо описывается понятием «макиавеллизма», и в будущем представляется интересным сопоставить этот показатель у студентов с ОВЗ и без ОВЗ, в том числе в контексте факторов и условий, способствующих или препятствующих успешности образования.

У респондентов основной группы сходные показатели по многим шкалам, но зафиксирован более низкий уровень предрасположенности к экстернальности (17.3±8.6) и «непринятию себя», а также более низкий уровень «эскапизма» (8.5±3.7), свидетельствующий об умеренной тенденции избегания этими студентами проблемных ситуаций, ухода от них. При этом важно отметить, что студенты с ОВЗ имеют более благополучное состояние по показателям «лживости», «дезадаптивности», «непринятию себя», «эмоционального дискофморта». Таким образом, можно говорить о том, что по целому ряду показателей студенты с ОВЗ демонстрируют большую адаптированность, чем студенты без ОВЗ: большую готовность решать проблемы, большее принятие себя и своих ограничений.

В целом, максимально выраженными у респондентов основной группы оказались показатели по шкалам «интернальность», «принятие других», «стремление к доминированию», «адаптация» и «самопринятие». У респондентов из контрольной группы более высокие показатели зафиксированы по шкале «эмоциональная комфортность». Можно предположить в связи с этим, что в то время как студенты с ОВЗ решают целый ряд задач, связанных с адаптацией, индивидуализацией и интеграцией в образовательное пространство вуза, стоящих перед ними уже в силу наличия ограниченных возможностей, студенты без ОВЗ «останавливаются» на стадии адаптации, поиска психологически безопасной позиции, не стремясь к развитию и т.д. Это отчасти подтверждается данными исследований самореализации студентов [26].

Однако полученные в рамках этой методики результаты вступают в противоречие с данными по шкале «самопринятие», полученной с помощью методики «Самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева. Возможно, у респондентов эти характеристики оказываются неустойчивыми, флуктуирующими, непостоянными.

Значимые и достоверные различия были выявлены при использовании ряда процедур статистического анализа. Для выявления наличия и оценки достоверности различий между респондентами основной и контрольной групп было проведено сравнение результатов с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни, так как предварительно проведенный одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова показал, что в выборке присутствуют переменные, которые не подчиняются закону нормального распределения.

В результате проведенного сравнительного анализа было выявлено, что респонденты с ОВЗ и из контрольной группы различаются по особенностям восприятия себя, а именно по своеобразию принятия «борьбы» с другими (U=2

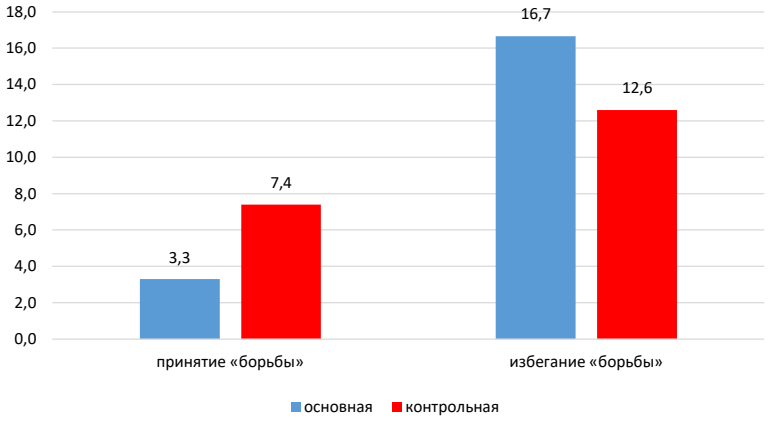


Рис. 6. Сравнение респондентов основной и контрольных групп

при p=0.028) и избегания «борьбы» с другими (U=2 при p=0.028). Таким образом, студенты с ОВЗ менее склонны избегать проблемы и трудности образовательной деятельности, но более склонны избегать «борьбу» с другими обучающимися. Это говорит в пользу их большей адаптированности (в контексте их стремления к реализации задач образования), но и о потенциальных трудностях инклюзии, связанных с отношением и поведением нормотипичных студентов.

Данные этой части исследования представлены на рисунке 6.

Таким образом, *выдвинутая нами гипотеза* требует существенного уточнения: современные студенты с ОВЗ, впрочем, как и студенты без ОВЗ, демонстрируют различные признаки дезадаптированности, при этом наибольшие сложности и несоответствия отмечаются в сфере межличностных отношений студентов, особенно студентов без ОВЗ. Нормотипичные студенты стремятся избегать проблемных ситуаций и их решения, довольствуются достижением состояния комфорта и защищенности, предъявляя требования не столько к себе и стремясь не столько к развитию, сколько к другим и упрочению своего положения за счет других. Студенты с ОВЗ демонстрируют стремление решать проблемы, адаптироваться, индивидуализироваться и интегрироваться в образовательную среду, но испытывают трудности в сфере построения отношений с другими студентами и преподавателями. Так, принятие «борьбы», включая борьбу за социальный статус и т.д., более выражено у респондентов без ОВЗ, а избегание «борьбы» – у респондентов с ОВЗ. Соматически здоровые респонденты склонны к активному стремлению участвовать в групповой жизни, добиваться более высокого статуса в системе межличностных взаимоотношений, а у респондентов с ОВЗ преобладают стремление уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонность к компромиссным решениям. При этом респонденты с ОВЗ отличаются от студентов без ОВЗ в сфере адаптации, в том числе состоянием эмоционального/психологического комфорта (U=3.5 при p=0.019) и эскапизма (U=4.5 при p=0.028). У нормотипичных респондентов наблюдается более высокий уровень степени определенности в своем эмоциональном отношении к происходящей действительности, окружающим предметам и явлениям. Однако здоровые респонденты имеют и более высокий уровень избегания проблемных ситуаций, ухода от них, чем респонденты с ОВЗ.

Обсуждение результатов исследования

В целом, представляется важным сделать следующие выводы:

1) для более однозначных и достоверных выводов необходимо изменение методического аппарата исследования, увеличение выборки исследования и насыщение исследования методиками, позволяющими оценить особенности состояний и личностных свойств обучающихся более развернуто, качественно:

а) отобранные методики позволили получить интересные результаты, часть из которых требует более подробного рассмотрения и анализа выявленных противоречий и проблем, в том числе в отношении явно выраженных признаков дезадаптированности у нормотипичных студентов и более отчетливо, чем у нормотипичных студентов, сформированные копинговые и в целом адаптивные стратегии и модели поведения и интеракций;

б) целый ряд феноменов, доступных при наблюдении и свободном опросе или интервью,

к сожалению, с помощью использованных нами методик не фиксируется и не выявляется: использованный методический инструментарий позволяет лишь выявить некоторые «зоны напряжений», включая несоответствие ожиданий и реальности студентов с ОВЗ в сфере взаимоотношений с однокурсниками, а также неполноту представлений исследователей о личностных особенностях современных студентов и т.д. (включая такие аспекты, как макиавеллизм и иные проявления «темной тетрады», часто ведущие к феноменам социальной изоляции и буллинга в отношении иных студентов);

2) необходимо уточнение гипотезы исследования, включая осмысление соотношения черт студентов с ОВЗ и без ОВЗ, характеризующих их как личности, как партнеров (членов социума), как учеников и профессионалов. Использованные гипотезы реализуют эту задачу лишь отчасти, но и они демонстрируют важность такого различения: показатели адаптированности и ряда иных смежных с нею черт у студентов в контексте разных сфер их жизнедеятельности, отношений к себе и к миру отличаются.

В большинстве имеющихся исследований социологического и социально-психологического характера [27, 28] отмечается влияние внешних условий на адаптацию и адаптированность студентов с ОВЗ (начиная от характера ограничения возможностей и заканчивая факторами социальной обеспеченности и т.п.). Однако внутренние, собственно психологические аспекты и факторы адаптированности студентов с ОВЗ, проходящих профессиональную подготовку в вузе, остаются недостаточно изученными [6, 7]. Поэтому выбранное нами направление исследований нужно признать значимым и продуктивным. Здесь мы можем еще раз отметить продуктивность исследований процессов и результатов адаптации в контексте целостного представления о социализации, в которой человек не только адаптируется, но и индивидуализируется, и интегрируется в сообщество (вуз – пространство и время личностной, межличностной и учебно-профессиональной самоактуализации и самореализации) [26]. При этом не только педагоги, психологи, администрация, родители, но и сам студент является субъектом образования, субъектом адаптации: он управляет собой и своим развитием [5; 12; 13]. Инклюзивный коучинг и иные практики социально-психологической помощи студентам в этом контексте должны поэтому быть обращены на исследование личностных, межличностных и образовательных возможностей и ограничений обучающихся, а также на коррекцию и развитие наиболее значимых черт, позволяющих студентам использовать образовательную ситуацию с максимальной для себя как личности, как партнера и как ученика результативностью [14, 16].

Заключение

Студенчество как возрастной период чаще всего определяется развитием познавательной самостоятельности, иерархическим структурированием системы ценностных ориентаций, профессиональным самоопределением, построением жизненных планов и поиском смысла жизни. Студенты с ОВЗ и их соматически здоровые сверстники хотя и стоят перед сходными задачами, но часто отличаются своими психологическими характеристиками и приходят подчас к разным результатам адаптации и социализации.

Многим студентам с ОВЗ присущи искусственная отгороженность от внешнего мира, избирательность в контактах, неудовлетворенность собственной жизнью, высокая тревожность и пессимизм, жалость к себе, ожидание гиперопеки, стремление к изоляции, склонность к обвинению других людей в своем заболевании, проблемы коммуникации с окружающими и так далее. В целом, данные особенности студентов с ОВЗ свидетельствуют о том, что такие студенты имеют повышенные образовательные потребности.

По нашим данным, студенты с ОВЗ часто отличаются от соматически здоровых студентов по следующим показателям: у них преобладает стремление уйти от (конфликтного) взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, выражена склонность к компромиссным решениям и избеганию соревнования как такового, они ожидают от других принятия. Физически здоровые студенты, напротив, склонны к активному участию в групповой жизни, к достижению более высокого статуса в системе межличностных взаимоотношений. Студенты с ограниченными возможностями здоровья, по сравнению со здоровыми студентами, в целом имеют более низкий уровень эскапизма и психологического комфорта в отношениях по сравнению со здоровыми сверстниками. Они меньше понимают свои потребности в отношениях со сверстниками и поэтому труднее ориентируются в реальности своих отношений к людям и предметам. Но в целом они ориентированы на решение возникающих проблем, достижение задач учебно-профессиональной деятельности. При этом студенты с ОВЗ в меньшей степени понимают и ориентируются на свои собственные потребности в учебно-профессиональных отношениях, поэтому они более пассивны и хуже ориентируются в реальности. «Щадящий режим» обучения без коррекции и развития отношений в группе лишь

усиливает эти тенденции, ведет к появлению существенных пробелов в образовании и недостижению целей «включенности» в социальные отношения и жизнь в целом, что усложняет дальнейшее их обучение в вузе. Напротив, гармоничный и насыщенный режим активности в вузе и вне него, предполагающий работу в сфере гармонизации отношений, может создавать условия развития личностных, межличностных и профессиональных связей, потребностей и возможностей обучающихся с ОВЗ.

Практическая значимость работы очевидна: результаты данного исследования могут быть полезны в оказании профессиональной психологической помощи студентам, имеющим трудности в обучении; преподавателям и руководству вузов в организации психологического обеспечения образовательного процесса для данной группы обучающихся; родителям студентов в помощи более полного понимания и принятия своих детей.

Представленные в данной работе сведения могут быть использованы психологами психологических служб вузов, психологами иных образовательных учреждений, психологами в специализированных психологических центрах разных форм собственности, оказывающих профессиональную психологическую помощь студентам; а также полезны самим студентам для лучшего понимания себя и сверстников, для налаживания взаимоотношений в академических и иных группах обучающихся в целом, для оптимизации психологического комфорта за счет лучшего знания и понимания студентами сверстников; родителям студентов для минимизации конфликтов со своими детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы

1. Арпентьева М.Р. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей. СПб.: Лань, 2021. 252 с.

2. Арпентьева М.Р., Богомолова Е.А. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей: монография в форме эссе // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2016. № 12. 256 с.

3. Тащёва А.И., Воронцов Д.В., Гриднева С.В. Консультативная психология: базовые методические проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 342 с.

4. Тащёва А.И., Гриднева С.В., Киценко Н.В. и др. Социально-психологическая адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к образовательному процессу в вузе // Психолого-педагогическое сопровождение развития детей с ОВЗ и их семей. Серия « Актуальные проблемы практической психологии». Торонто: Альтаспера пабл., 2019. С. 220–229.

5. Арпентьева М.Р., Степанова Г.А., Демчук А.В. и др. Актуальные проблемы психосоциального сопровождения инвалидов в образовательной среде // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 195–202.

6. Голубева Н.М., Голованова А.А. Факторы адаптации студентов к образовательной среде вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 2 (10). С. 125–130.

7. Гусева В.Ю., Тихонова А.О. Социально-психологическая адаптация студентов с ограниченными возможностями // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. Т. 2. № 1 (12). С. 26–28.

8. Маклаков А.Г., Чермянин С.В. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) // Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. С. 549–672.

9. Минигалиева М.Р. Проблема ответственности психолога-консультанта // Мир психологии. 2001. № 2. С. 253–262.

10. Смирнов А.А., Живаев Н.Г. Психология вузовской адаптации. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2009. 115 с.

11. Тащёва А.И. Энциклопедия психологической помощи. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2000. 544 с.

12. Трофимова Н.С. Развитие субъектности личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа к новым условиям обучения: Дис. … кандидата психологических наук. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 202 с.

13. Adams K.S., Proctor B. E. Adaptation to college for students with and without disabilities: Group differences and predictors // Journal of Postsecondary Education and Disability. 2010. Vol. 22. № 3. P. 166–184.

14. Franklin M. The HeART of laser-focused coaching: A revolutionary approach to masterful coaching. London: Thomas Noble Books, 2019. 294 p.

15. Gridneva S.V., Bubnov Y.A., Dronova T.A. et al. Psychological and pedagogical support of parents in developing social adaptation resources in inclusive education participant // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. Issue 2. P. 201–208.

16. Reynolds M. Coach the person, not the problem: A guide to using reflective inquiry. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2020. 192 p.

17. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A. et al. Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information Technologies. 2019. Vol. 13. P. 41–48.

18. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A. et al. Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social // International Journal of Education and Information Technologies. 2019. Vol. 13. P. 65–72.

19. Tashcheva A.I., Tikhomandritskaya O.A., Lvova E.N. et al. Psychological support for foster families undertaken to bring up children with limited abilities // Man In India. 2017. Vol. 97. № 9. P. 163–169.

20. Tashcheva A.I., Gaidar K.M., Berezhnaya I.F. et al. Social adaptation and a person's ego-identity // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. Iss. 1. P. 188–194.

21. Winters M.-F. Inclusive conversations: Fostering equity, empathy, and belonging across differences. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2020. 192 p.

22. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин (сост.). М.: Эксмо, 2006. 416 с.

23. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2010. № 2. С. 1. URL: www.psyedu.ru (дата обращения: 21.03.2021).

24. Стефансон В. Методика «Q-сортировка» // Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 65–69.

25. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. Практикум по психодиагностике. М.: Изд-во Московского университета, 1988. С. 123–130.

26. Арпентьева М.Р., Чурина А.В. Стили обучения и самореализация студентов // Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Современная педагогика и психология: проблемы и перспективы». Тверь, 28 февраля – 1 марта 2018 г. / Под ред. И.Д. Лельчицкого, О.О. Гониной. В 2 т. Тверь: Тверской государственный ун-т, 2018. Т. 1. С. 26–32.

27. Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Социальная и психологическая адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к системе профессионального образования: опыт социологических исследований // Вестник науки Сибири. 2018. № 4 (31). С. 25–43.

28. Шувалова И.Н., Богинская Ю.В. Адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к обучению в вузе // Гуманитарные науки. 2015. № 4 (32). С. 73–78.

.

FEATURES OF ADAPTABILITY OF STUDENTS WITH DISABILITIES

A.I. Tashcheva[1], S.V. Gridneva[1], M.R. Arpentieva[2], N.V. Kitsenko[1]

[1]Academy of psychology and pedagogy South Federal University
[2]Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance «Assistance»

The aim of the research is to study the social and psychological adaptation of students with disabilities. The research method is an empirical study of the social and psychological adaptation of students with disabilities studying at a university. Adaptability and a number of supposedly related personal characteristics of students with disabilities and without disabilities (control group) were considered as criteria and conditions for the successful adaptation of students to university studies. The socio-psychological adaptation of students is manifested in their adaptation to various aspects of educational interaction and is closely related to a number of other individual traits that create conditions for its greater or lesser success. It manifests itself in his relationship with himself and others, expectations of himself / herself and others, in the assessment of himself and others, etc., in the willingness and ability to cooperate and overcome misunderstandings and conflicts, to take care of himself / herself and other people and respect them, their needs, boundaries, values, in striving for the development of readiness and ability to accept development assistance from others, etc. The adaptability of an individual at the student age reflects the interconnectedness of personal, interpersonal and educational-professional development, therefore, various procedures and technologies of psychological and pedagogical support for teaching students with disabilities at a university should be aimed at systematic work with these human traits. The results of the study showed that while students with disabilities solve a number of problems related to adaptation, individualization and integration into the educational space of the university, facing them already due to their disabilities, students without disabilities "stop" at the stage of adaptation, search for a psychologically safe position without striving for development, etc.

Keywords: adaptability; adaptation; inclusion; accompaniment; inclusive coaching; student; development.

ИЗ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 796.011.3
DOI 10.52452/18115942_2022_3_258

20-ЛЕТИЕ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ННГУ: ИСТОРИЯ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

© 2022 г. ***В.Г. Кузьмин, Е.А. Орлова, Е.Н. Летягина, А.В. Гутко, Л.Б. Андрющенко***

Кузьмин Вадим Геннадьевич, к.ф.-м.н.; профессор кафедры теории и методики спортивной подготовки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ua3tl@mail.ru
Орлова Елена Аркадьевна, к.э.н.; декан факультета физической культуры и спорта Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
orlova@unn.ru
Летягина Елена Николаевна, к.э.н.; доц.; заведующая кафедрой управления в спорте Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
helen@yandex.ru
Гутко Александр Владимирович, к.психол.н.; доц.; заведующий кафедрой теории и методики спортивной подготовки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
gutko@fks.unn.ru
Андрющенко Лилия Борисовна, д.пед.н.; проф.; заведующая кафедрой физического воспитания Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва
andryushenko-lil@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.05.2022
Статья принята к публикации 19.07.2022

Статья посвящена 20-летию факультета физической культуры и спорта (ФКС) Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ). *Цель исследования*: анализ деятельности факультета ФКС ННГУ в условиях сотрудничества с российскими и зарубежными научно-образовательными организациями, а также общественными структурами сферы физической культуры и спорта за последние десять лет. *Методы исследования*: анализ документальных и архивных материалов, образовательной, научно-исследовательской, воспитательной, спортивной и физкультурно-массовой работы, а также международного сотрудничества факультета ФКС ННГУ. Подробно проанализированы образовательная, научная, воспитательная, спортивная и физкультурно-массовая деятельность факультета ФКС, международное сотрудничество, особенности приема абитуриентов и взаимодействие с работодателями. Приводится история побед студентов факультета на спортивных соревнованиях, включая Олимпийские игры, чемпионаты мира, Европы и всемирные Универсиады. Рассказывается о встречах с известными спортсменами мирового уровня. В заключение говорится об эффективности работы и перспективах дальнейшего развития.

Ключевые слова: факультет физической культуры и спорта, научные направления, международное сотрудничество, воспитательная, спортивная и физкультурно-массовая работа, рынок труда.

«Лихие 90-е» провели черту, за которой остались достижения советского спорта. Его инфраструктура либо тихо умирала, либо заполнялась продуктовыми ярмарками и вещевыми рынками. Лишь в 1999 году был принят федеральный закон о физической культуре и спорте. С него началось медленное оздоровление отечественной физической культуры. Однако и здесь не были учтены все реалии новой формации, новой страны. Так, управление спортом высших достижений было отдано общественным организациям – Олимпийскому комитету России и федерациям по различным видам спорта. Между тем ещё до 1991 г. государственная политика в области физкультуры и спорта осуществлялась силами подготовленных, образованных управленцев-профессионалов.

Руководство и коллектив ННГУ сконцентрировали свое внимание на потребности в подготовке опытных администраторов в такой специфической сфере, как физическая культура и спорт. Была сделана ставка на фундаментальное университетское обучение менеджеров в области физической культуры. Под управлением

Баннер ФКС

государства они могли переломить ситуацию в лучшую сторону спортивной составляющей нашей жизни.

3 июля 2001 года решением Учёного совета ННГУ было принято решение о создании факультета ФКС на базе кафедры физического воспитания. Он первым в регионе набирал опыт кузницы управленческих кадров в области спорта и физической культуры, которые имели в своём активе многие годы спортивных тренировок и соревнований. О становлении факультета в первом своем десятилетии уже рассказывалось на страницах журнала «Теория и практика физической культуры» [1] и в сборнике статей «На пути к глобальному университету, 100 лет ННГУ» [2].

ННГУ в своей инновационной для традиционного университета инициативе поддержал тенденции, которые были прописаны в новом федеральном законе о физической культуре и спорте в Российской Федерации. Этот важный законодательный акт № 329 от 04 декабря 2007 года коренным образом изменил ситуацию. Управление спортом высших достижений стало целым и цельным направлением государственной политики. А раз так, то демонстрацией спортивной мощи России, возвращающейся в сферу полноправных субъектов мировой политики, стали заниматься профессионалы. Их подготовка сконцентрировалась в вузах. Полигоном для реализации их навыков и интересов стали государственные и коммерческие предприятия, армия, спецслужбы и другие заинтересованные организации.

Поскольку на факультете ФКС ННГУ значительная часть задач, прописанных в ФЗ «О физической культуре и спорте» № 329, уже была решена, то намечались новые горизонты движения университета в образовательной и научно-исследовательской областях. В свое второе десятилетие факультет ФКС входил с новыми задачами:

– продолжение подготовки специалистов-управленцев и бакалавров в сфере физической культуры и спорта путём открытия магистерских программ;

– открытие магистратуры и новых направлений подготовки;

– обеспечение высокого международного качества физкультурного и спортивного образования;

– повышение уровня фундаментальных и прикладных научных исследований в областях физической культуры и спорта;

– оптимизация факультетской инфраструктуры.

Новые образовательные технологии позволяли активнее внедрять различные форматы обучения. Проекты, разрабатываемые студентами, стали более разноплановыми и ориентированными на практическую реализацию в жизни города, области: оздоровление населения через массовый спорт, привлечение к занятиям спортом лиц с ограниченными возможностями здоровья, бизнес-проекты.

С целью дальнейшего повышения качества образования в 2014 году был осуществлен первый прием в магистратуру факультета по новому направлению подготовки 49.04.01 и программе «Менеджмент и экономика в сфере физической культуры и спорта». Находясь в стадии «обкатки» в учебном процессе, эта образовательная программа участвовала в международном конкурсе «Educational Leader – 2018» и была признана лучшей.

Эта образовательная инновация получила продолжение и выход на более высокий уровень. В настоящее время формируется архитектура совместной российско-французской магистратуры «Экономические стратегии спорта и туризма». Её базовые материалы были представлены на конкурс, организованный Благотворительным фондом В. Потанина, и уже традиционно сотрудники ФКС ННГУ стали победителями.

Вообще, методический поиск является фирменным знаком факультета ФКС ННГУ. В 2012 г. преподаватели факультета ФКС участвовали в

подготовке большого межфакультетского проекта «Методическое обеспечение реализации образовательных стандартов нового поколения в школе и вузе», получившего грант в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Сотрудники факультета эффективно сочетают инновационные методики педагогических, психологических, естественных наук. Это позволяет факультету активно участвовать в реализации различных проектов.

В условиях пандемии факультет ФКС выступил пионером в вузе и в регионе по внедрению дистанционных курсов обучения в такой контактной сфере, как физическая культура. Важная роль здесь принадлежит разработкам спортивной педагогики и психологии по мотивации и стимулированию обучаемых к практическим занятиям и тренировкам во внеучебное время.

Эти образовательные достижения базируются на солидной научно-исследовательской основе.

Основными научными направлениями на факультете ФКС являются: проблемы тренировочного процесса, оптимизация тренировочной нагрузки, психологические аспекты соревновательной и тренировочной деятельности, профессиональная готовность менеджера в сфере физической культуры и спорта. Междисциплинарный характер является отличительной чертой практикуемой на факультете ФКС научной методологии. Технология развития психофизиологического потенциала человека, повышения качества и продолжительности жизни на основе междисциплинарной многофакторной модели нашла отражение в заявке на конкурс мегагрантов 2016 года «Государственная поддержка научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования, научных учреждениях государственных академий наук и государственных научных центрах Российской Федерации». Для руководства данным научным направлением приглашался доктор медицинских наук, профессор Университета г. Падуя (Италия) Антонио Паоли.

Избранные приоритетные направления исследований показали свою эффективность, имели четко выраженный практико-ориентированный характер и перспективу дальнейшего развития.

Ряд научных проектов реализуется в сотрудничестве общественных структур, вовлеченных в непосредственное формирование политики региона в области физической культуры и спорта. Активное участие в научно-исследовательской работе вместе с преподавателями принимают и студенты. Во всесоюзных, региональных и других конкурсах более 100 научных работ наших студентов отмечены дипломами и благодарственными письмами.

Ежегодно, начиная с 2003 года, факультет традиционно проводит научно-практическую конференцию «Оптимизация учебно-тренировочного процесса». В 2009 году она вышла на международный уровень. С 2018 года она проходит под новым названием «Современные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры» [3]. С 2020 года проводится и другая научно-практическая конференция «Приоритетные направления развития спорта, туризма, образования и науки» [4]. Эти конференции стали визитной карточкой факультета ФКС и ННГУ среди профильных учёных и специалистов из стран Азии, Европы, представителей ведущих научных школ России.

Факультет также проводит Всероссийскую научно-практическую конференцию «Физическая культура и спорт» для учащихся средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ. Победители и призеры получают дополнительные баллы при поступлении на факультет ФКС. Движение в области научно-исследовательских разработок способствует повышению публикационной активности преподавателей. О перспективных научных направлениях факультета ФКС известно из научных журналов [5, 6].

Активно развивается международное сотрудничество факультета как в сфере спорта (Болгария, Дания, Латвия, Япония и др.), так и в научной деятельности (с университетом Палермо, Италия), а также образовательной (с университетом Пьера Мендеса г. Гренобля, Франция).

В организации практик факультет осуществляет тесную взаимосвязь с работодателями, как коммерческими организациями, так и бюджетными. Активно осуществляется сотрудничество с Министерством образования, Министерством спорта региона, профессиональными спортивными клубами, физкультурно-оздоровительными комплексами, коммерческими фитнес-организациями.

Одним из важных направлений в работе факультета считается организация спортивной и физкультурно-массовой работы. Гордостью факультета являются известные всему миру выпускницы, звезды художественной гимнастики заслуженные мастера спорта, двукратная олимпийская чемпионка Елена Посевина, олимпийские чемпионки Дарья Шкурихина, Анастасия Максимова и многократная чемпионка мира и Европы Наталья Пичужкина. Свою вторую медаль на Олимпиаде в Токио-2020, на этот раз

серебряную, завоевала Анастасия Максимова. В этой Олимпиаде участвовала и другая студентка нашего факультета, волейболистка Ксения Смирнова. На Паралимпиаде в Токио магистрант, знаменосец сборной России на церемонии открытия игр, десятикратный чемпион мира, обладатель трех мировых рекордов Андрей Вдовин завоевал золотую и две серебряные медали. Успешно выступали наши студенты и на Всемирных Универсиадах. Наряду с чемпионкой Универсиады Анастасией Максимовой, следует отметить и золотую медаль Анастасии Корабельщиковой, финишировавшей первой в соревнованиях по академической гребле, победную шайбу Даниила Ильина в ворота сборной Казахстана, а в хоккее с мячом золото Юрия Иванчикова и Михаила Сергеева, игроков нижегородского «Старта». Бакалавриат и магистратуру с отличием окончила мастер спорта международного класса по спортивной акробатике, победительница конкурса на получение именной стипендии Владимира Потанина Ольга Бастрыгина.

Славу Alma Mater приносили и другие известные спортсмены, такие как мастер спорта международного класса, студентка очного отделения Анастасия Червякова, признанная в 2014 году лучшей бадминтонисткой России, а в 2015 и 2021 годах ставшая призером чемпионатов Европы.

С открытием на факультете в 2015 году направления «Адаптивная физическая культура» ряды студентов пополнились знаменитыми спортсменами с нарушением функций опорно-двигательного аппарата, такими как заслуженные мастера спорта – футболист Виктор Грибачев и легкоатлет Владислав Князев, мастера спорта международного класса – чемпион Европы по плаванию Олег Костин, чемпионка мира и Европы по борьбе сумо Екатерина Гордеева, призер Чемпионата мира по фехтованию Ростислав Красильников, призер чемпионата Европы по плаванию среди спортсменов с нарушением функций опорно-двигательного аппарата Валерия Куканова и многие другие.

В разные годы на факультете ФКС обучались игроки хоккейного клуба «Торпедо», успешно выступающего в Континентальной хоккейной лиге. В 2014 г. закончил обучение привлекавшийся в сборную страны Владимир Галузин (один из лучших игроков «Торпедо»), а с ним и еще ряд коллег по команде. В 2019 и 2020 годах соответственно окончили магистратуру с отличием вратари Николай Мольков и Андрей Тихомиров, выступавший за национальную олимпийскую сборную команду на различных турнирах.

Регулярно факультет ФКС при поддержке ННГУ организует встречи студентов с известными в спорте людьми, такими как заместитель председателя Правительства Российской Федерации, в 2007—2014 годах президент Организационного комитета XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Паралимпийских игр 2014 года в Сочи Дмитрий Чернышенко, министр спорта РФ, президент Международного студенческого союза FISU Олег Матыцин. «Звезды мирового спорта» также жалуют нас своим вниманием: олимпийский чемпион, легенда мирового баскетбола Сергей Белов; олимпийские чемпионки по художественной гимнастике Елена Посевина и Дарья Шкурихина; сильнейшая дискоболка Наталья Садова; серебряный призер Олимпийских игр в легкой атлетике Юлия Сотникова; двукратный чемпион мира по хоккею с шайбой, вратарь сборной команды Чехии Душан Салфицки и другие известные в нашей стране и за рубежом спортсмены. Эти встречи, безусловно, вдохновляют наших студентов на победы в спорте и учебе.

Факультет физической культуры и спорта придаёт большое значение работе со школьниками. Систематически на сайте ННГУ, на странице факультета ФКС [7] и в социальных сетях публикуется информация о профориентационных мероприятиях для руководителей СДЮШОР, ДЮСШ, физкультурно-оздоровительных комплексов, средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ города и области. Регулярно публикуются новости о факультете, спортивных победах, научных достижениях.

Факультет ФКС взаимодействует со школами олимпийского резерва по различным видам спорта, активно работает с потенциальными «потребителями» выпускников. Основными «потребителями» выпускников факультета выступают магистратура, министерство спорта Нижегородской области, физкультурно-оздоровительные комплексы города Нижнего Новгорода и Нижегородской области, учебные заведения, спортивные школы по разным видам спорта.

С целью привлечения в университет талантливых студентов в университете был реализован проект «Кубок абитуриента ННГУ». В рамках этого спортивного фестиваля на факультете физической культуры и спорта с октября 2014 года было проведено большое количество соревнований по стритболу, волейболу, бадминтону, настольному теннису, спортивной борьбе, шашкам и лыжным гонкам. Всего в «Кубке абитуриента ННГУ» приняло участие более 3000 школьников из 150 школ города Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Победители и призеры награждены медалями, грамотами и кубками ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Работники школ – партнеров проекта отмечены благодарственными письмами. Ежегодно участники, победители и

призеры получали дополнительные баллы к результатам ЕГЭ при поступлении в ННГУ им. Н.И. Лобачевского на любой факультет.

Важным элементом воспитательной работы является вовлечение студентов в деятельность, направленную на развитие социальной сферы города Нижнего Новгорода и Нижегородской области, участие в благотворительных акциях и в волонтерской деятельности. Студенты и выпускники данного направления являлись волонтерами на крупнейших спортивных мероприятиях последних лет.

Стало традицией проведение ежегодных физкультурно-спортивных праздников для лиц с ограниченными возможностями здоровья, таких как «Спорт, движение, жизнь», «Малые зимние Паралимпийские игры», в которых участвуют инвалиды различных нозологий и возрастных групп.

За двадцать лет факультет физической культуры и спорта выпустил более 2000 студентов и продолжает развиваться.

Приоритетные направления, реализуемые факультетом ФКС ННГУ, показали свою эффективность и перспективу дальнейшего развития, что находит отражение в успешном сотрудничестве с научно-образовательными и общественными структурами, вовлеченными в формирование политики региона в области физической культуры и спорта.

Список литературы

1. Кузьмин В.Г., Гутко А.В., Мухина М.Ю. Факультету физической культуры и спорта Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) – 10 лет // Теория и практика физической культуры. 2011. № 10. С. 3–7.

2. Кузьмин В.Г., Кузьмина С.В. Мы учим чемпионов // На пути к глобальному университету, 100 лет ННГУ: Сборник статей. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2016. С. 412–421.

3. Современные проблемы физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры: Материалы Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 29 ноября 2018 г. / Отв. ред. В.Г. Кузьмин. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018.

4. Приоритетные направления развития спорта, туризма, образования и науки: Материалы Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 18 ноября 2021 г. / Отв. ред. Е.Н. Летягина. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2021.

5. Лубышева Л.И. Инновационные научно-спортивные проекты российских вузов // Теория и практика физической культуры. 2021. № 9. С. 99.

6. Овчинников А.Н., Кузьмин В.Г., Орлова Е.А. Развитие научно-исследовательской деятельности в условиях спортивной образовательной среды современного вуза // Теория и практика физической культуры. 2021. № 9. С. 100–101.

7. URL: http://www.fks.unn.ru/ (дата обращения: 11.05.2022).

HISTORY AND DEVELOPMENT STRATEGY OF THE FACULTY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS OF THE NATIONAL RESEARCH LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

***V.G. Kuzmin*[1], *E.A. Orlova*[1], *E.N. Letyagina*[1], *A.V. Gutko*[1], *L.B. Andryushenko*[2]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

The article is devoted to the 20th anniversary of the Faculty of Physical Culture and Sports (FCS) of the N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University (UNN). The purpose of the study: to analyze the activities of the Faculty of the Faculty of Physical Education of the UNN in terms of cooperation with Russian and foreign scientific and educational organizations, as well as public structures in the field of physical culture and sports over the past ten years. Research methods: analysis of documentary and archival materials. educational, research, educational, sports and physical culture-mass work, as well as international cooperation of the Faculty of FCS of UNN. The paper analyzes in detail: educational, scientific, educational, sports and physical culture-mass activities of the Faculty of FCS, international cooperation, features of admission of applicants and interaction with employers. The history of the victories of students of the faculty at sports competitions, including the Olympic Games, World Championships, European and World University Games, is given. It tells about meetings with famous world-class athletes. In conclusion, it is said about the efficiency of work and the prospects for its further development.

Keywords: faculty of Physical Culture and Sports, scientific directions, international cooperation, educational, sports and physical culture-mass work, labor market.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (67)

2022

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 35,1. Усл. печ. л. 30,5. Тираж 100 экз. Заказ № 92.
Дата выхода в свет: 30.09.2022
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет